

ГУСТАВ ИЕКК

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Перевод с немецкого И. БРОНШТЕЙНА

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ • МОСКВА
1923

ТИПОГРАФИЯ
„КРАСНЫЙ
ПЕЧАТНИК“
ПЕТРОГРАД
Междунаро́дн., 75

10.000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

I. Основание Интернационала.

От St-Martins Hall до Женевы (1864—1866 гг.) 1
Основание Интернационала в St.-Martins Hall 5
Интернационал и тред-юнионы 9
Манифест и устав Интернационала 11
Первые успехи Интернационала 12
Лондонская конференция 18
Успехи в области организации 24
Манифест Интернационала 31
Конгресс в Женеве 36

II. Годы борьбы и побед.

От Женевы до Базеля (1866—1869 гг.) 55
Интернационал и немецкая война 56
Случайные обстоятельства 58
Движение в пользу избирательной реформы в Англии 60
Первые столкновения труда с капиталом. 65
Лозаннский конгресс 67
„Капитал“ Маркса 76
Идея рабочих товариществ в Англии 77
Генеральный совет и фении 81
Наполеоновское правосудие 82
Интернационал и стачки 83
Стачка женевских строительных рабочих 86
Кровавая расправа в Бельгии 87
Пустые угрозы бельгийского правительства 90
Интернационал в Германии и Австрии 91
Конгресс в Брюсселе 92
Интернационал и выборы в парламент 100
Год наиболее трудной борьбы труда с капиталом 109
Кризис в Англии 111
Базельский конгресс 112
Влияние базельских постановлений 118

стр.

III. Период высшего расцвета.

От базельского конгресса до падения Коммуны (1869—1871 г.г.) . 121
Интернационал на высшем пункте своего развития 124
Отсрочка конгресса 125
Франко-прусская война и рабочий класс. 126
Юрские организации и Бакунин 132
Парижская Коммуна 148

IV Распадение Интернационала и Новый Интернационал.

От падения Коммуны до второго женевского конгресса (1871—1873 г.г.) 179
После падения Коммуны 182
Тред-юнионы и Коммуна 186
Лондонская конференция 195
Социал-демократическая партия в немецкой Щвейцарии . . . 203
Юрская федерация 205
Алльянс в Испании 210
Алльянс в Италии 219
Интернационал в Дании 223
Английский федеральный совет 226
Конгресс в Гааге 240
Перенесение генерального совета в Нью-Иорк 248
Раскол 257
Тайная организация Бакунина 261
Конец Интернационала в Англии 262
Новый Интернационал 271

Приложения.

Членский билет Интернационала 285
4 письма Беккера, относящиеся ко времени женевского конгресса в 1866 году 287
Письмо Маркса по делу Эккариуса 294
К отсрочке конгресса 1870 г. 295
Письмо Петерсена о положении дел в Дании . . . . —
Два письма Беккера о шовинизме 1870 г 297
Два письма Беккера о женевском Алльянсе 298
Два письма Маркса об Алльянсе 303
Письмо Маркса о „Felleisen“ 304
Ответ Беккера по поводу „Felleisen“ 305
Проект постановления генерального совета об Алльянсе, писанный рукой Маркса 306
Членский билет Лиги земли и труда 308
Членский билет Лиги реформы 309

I.

ОСНОВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

От St. Martins Hall до Женевы.

1864—1866 г.г.

28 сентября 1864 г. в Лондоне, в St. Martins Hall была основана Международная Ассоциация рабочих.

Что представлял из себя Интернационал? Откуда он возник, и чего он хотел? Что из него стало? Уже одно его внезапное появление казалось покрытым тайной; его первое выступление являлось чем-то безмерным, гигантским и не укладывалось в нормальные рамки буржуазного понимания. Этим объясняется та безумная паника, которую он вызвал в буржуазном мире и которая еще и теперь охватывает буржуазных историков всякий раз, когда заходит речь об Интернационале. Чем же был Интернационал? *Он был первой исторической формой европейского рабочего движения.* Уже при самом своем рождении он обнаружил исполинские размеры пролетариата, при чем за короткий промежуток, в шесть, семь лет, он так сильно вырос, что оболочка его лопнула, и из каждого его члена развился новый гигантский организм. То, чем теперь является мировое рабочее движение, то и есть старый Интернационал, распавшийся теперь на такое большое число национальных интернационалов.

Но и для социалистических историков Интернационал является историческим орехом, который не так-то легко раскусить.

Европейское рабочее движение началось к тому времени, когда налицо были лишь экономические условия для пролетарской борьбы, политические же предпосылки последней отсутствовали почти на всем европейском континенте. Полтора десятилетия, протекших со времени кровавого подавления революции 1848 года, ознаменовались развитием капитализма во всей Западной Европе.

Даже в Германии и Австрии, этих двух странах, которые еще основательнейшим образом застряли в тине средневековья, капиталистический ледоход начал взламывать и сносить плотину за плотиной, а промышленная свобода и свобода передвижения стали прокладывать себе путь, несмотря на сопротивление со стороны полицейских государств. Во всяком случае стоящему вдали наблюдателю должно было казаться, будто стоит только этим хозяйственным силам получить свободу, и уже они в короткий срок создадут условия не только для буржуазной, но и для пролетарской революции, сменив 15-летний сон немцев мощным пробуждением. Еще больше оснований, казалось, имели виды на пролетарскую революцию во Франции, где цезаризм, как последний оплот буржуазии, окончательно сыграл свою роль, и пролетариат думал, что наступает время расплаты за июньскую резню. Когда же после десятилетнего затишья в Европе, прерванного лишь далекой крымской войной, раздавшийся сначала в Италии клич разбудил европейскую революцию, то весь цивилизованный мир почувствовал как бы освобождение от кошмара контр-революции. Даже в глубоко реакционной Германии буржуазия поняла, что там, на берегах По, происходит борьба за ее собственное политическое будущее, и в Германии выступило в поход смехотворное ополчение буржуазной революции, национальный ферейн. Но в Англии, которая была далека от германского убожества, Маркс и Энгельс, в виду сильного развития капитализма за последние полтора десятилетия, смотрели на эту буржуазную революцию, начавшуюся итальянской войной в Европе и закончившуюся франкфуртским миром 1871 г., как на предшественницу социальной, международной революции, и поэтому-то они ухватились за первый представившийся удобный случай для того, чтобы организовать этот международный переворот.

То, что совершилось там, на материке Европы, и было, правда, европейским переворотом, но это было не столько первой фазой пролетарской революции, сколько последним актом буржуазной революции, которая в течение этих 12 лет завершилась во всей Западной Европе, утвердив здесь на многие десятилетия царство буржуазии. Да и сама эта буржуазия стала резко отличаться от того буржуазного поколения, которое Маркс и Энгельс раньше знали на континенте. Эта буржуазия давно утеряла всю свою революционную энергию, которую она растратила еще в 1848 году во время февральской и мартовской революций, она стала консервативной, рассчитывая впредь не на собственные силы, не на слепое

социальное развитие, которого она сама не понимала, а на какую-нибудь историческую случайность, на личную ловкость великих государственных мужей или коронованных героев или же на военные осложнения за-границей. И этот путь прошла также и последняя фаза буржуазной революции в Европе: как некогда начало первого буржуазного переворота на континенте было положено Аустерлицем и Иеной, так и окончание этого переворота совершилось не на баррикадах и не в кровавых уличных сражениях, а в сражениях при Мадженте и Сольферино, Кенигтретце и Седане. Там, где буржуазия заключила союз с отточенным мечем старых властителей, там ликвидация отсталых государственных форм совершалась при помощи войны, и после франкфуртского мира как у победителей, так и у побежденных буржуазия справляла триумф в Берлине и Париже, Вене и Риме.

Европейский переворот, начавшийся в 1859 году, видел и пролетарскую революцию (парижскую коммуну), но он не привел ее к победе. Свержением коммуны французская буржуазная республика старалась доказать реакционной, мелкобуржуазной и мелкокрестьянской Франции и всей европейской буржуазии свою жизнеспособность и силу своей власти. Она доказала, что для подавления восстаний пролетариата она сама может ввести режим сабли и что она для этого не нуждается больше в Бонапартах. Кровавая майская баня узаконила власть Тьера, Жюля Фавра, Гамбетты. Зато победоносная немецкая буржуазия ввела в своей новой германской империи бонапартистский режим. И если Маркс и Энгельс раньше переоценивали революционный характер буржуазии и пролетарский характер последнего европейского переворота, то тем больше они должны были теперь считаться с этим. Правда, этот переворот в своих существенных чертах явился буржуазной революцией, но вслед за нею двигалась пролетарская революция, составляя арьергард буржуазной революции, и этот арьергард был только отброшен назад в тот самый момент, когда он устремился в цитадель политической власти. И одновременно с этим окончанием буржуазного переворота в старой Европе, вместе с основанием буржуазных национальных государств был проложен исторический путь, по которому теперь должна была проходить ближайшая фаза пролетарской борьбы за эмансипацию; борьба в национальных границах, в политических формах. Не внутренние распри и раздоры прорвали внешние рамки Интернационала, как цельной организованной единицы, а этот прорыв

явился главным образом результатом государственного укрепления буржуазного объединительного движения в национальных государствах. Территориальные организации, основывавшиеся раньше на общности языка, уступили место национальным организациям; вместо бесправного пролетариата германского и романского языков образовался германский, швейцарский, французский, итальянский, испанский пролетариат с совершенно определенными политическими правами; экономическая борьба стушевалась перед борьбой политической, а эта последняя является борьбой внутри национальных рамок. Международное учреждение для высшего руководства, каким являлся генеральный совет Интернационала, не могло уже на продолжительное время давать здесь тактические директивы.

**
*

Легендарная история относит возникновение Интернационала отчасти ко времени Лондонской всемирной выставки, отчасти к моменту подавления восстания в Польше. Не подлежит сомнению, что оба эти события в деле основания Интернационала сыграли роль случайных толчков, но ни одно из них не было причиной, приведшей к основанию этой могучей организации. Идея Интернационала вообще существовала гораздо раньше: эта идея выступила уже в Союзе Справедливых и позже в Союзе Коммунистов, и первой прокламацией Интернационала был не Манифест Интернационала (Inauguraladresse), а Коммунистический Манифест. Уже тогда в 1847 году раздался клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и, если рассматривать вопрос с чисто внешней стороны, то в то время дело обстояло так же, как и позже, в 1864 году. Тогда, как и позже, революция приближалась, когда был дан международный лозунг. В обоих случаях чисто внешние толчки побудили Маркса и Энгельса взяться за это дело; в обоих случаях они указали движению то духовное направление, которое они удержали, несмотря на все препятствия, в пролетарском русле; в обоих случаях переоценка революционности буржуазии и пролетарского характера движения обманула наших первых духовных борцов. Но на удачный или неудачный исход движения этот зрительный обман не оказал существенного влияния. Вопрос об удачном исходе подчинялся высшим законам, а эти законы в своей тенденции были безусловно верно указаны Марксом и Энгельсом.

Основание Интернационала в St. Martins Hall.

Лондонская всемирная выставка 1862 года имела для буржуазного мира значение международного свидания; она в известной мере была интернационалом буржуазии. Случайно она сблизила также рабочих; немецкой буржуазии пришла в голову та же чрезвычайно умная мысль, что и Наполеону, на которого она смотрела с удивлением, а именно—послать в английскую столицу делегатов от рабочих. Немецкие и французские рабочие вернулись на родину с совершенно новыми впечатлениями: они познакомились с английскими профессиональными союзами и убедились в их экономическом и политическом могуществе. Таким образом, немецкое рабочее движение связано с Лондонской выставкой теми же нитями, что и французское рабочее движение, и, следовательно, в силу их взаимодействия, и Интернационал. Ведь толчок, полученный английскими рабочими из Парижа, впервые навел англичан на мысль о международной ассоциации рабочих. Мысль о том, чтобы при помощи международного объединения рабочего класса вмешаться в исторический процесс, получила свое жизненное выражение, лишь благодаря повторному обмену французских и английских идей о необходимом воздействии интересов рабочего класса на экономические и политические силы.

Английская ежедневная пресса богата весьма поучительными сведениями о подробностях митингов и комитетских заседаний, которыми сопровождалось основание Интернационала. С 1861 года главным органом английского рабочего класса был «Beehive» («Улей»); редактором его был известный Поттер, выдававший себя президентом «рабочей ассоциации» и охотно игравший также роль тред-юнионистского вождя, хотя наиболее влиятельные вожаки английских и особенно лондонских профессиональных союзов, как, напр., Эппльгарт, Аллэн, Гоуэл, Оджер и др., не вполне признавали его тред-юнионистом. Но его газета составлялась умело (одно время она была даже лучшей рабочей газетой), и вскоре после основания Интернационала она была объявлена официальным органом для публикаций Интернационала по постановлению генерального комитета, занимавшегося выработкой статутов и т. п.; в этой газете часто стали также появляться статьи, вышедшие из-под пера Карла Маркса, и только в 1870 году, вследствие разногласий с генеральным советом, газета Поттера была вычеркнута из списка

органов Интернационала. Газета «Улей» стояла не на социалистической, а на радикально-демократической точке зрения. В одной статье, посвященной митингу в St. Martins Hall, эта газета делала остроумное предложение о созыве промышленного конгресса, который установил бы гармонию между правами рабочих и «законными правами капитала». Тем не менее отчеты этой газеты о том, что делалось в рабочем классе, составлялись подробно и добросовестно. Кроме «Улья», Интернационал пользовался для своих публичных заявлений еще еженедельной газетой «Miner and Workmans Advokate». Газета эта была приобретена Интернационалом и близко к нему стоявшими лицами в конце 1865 года и сначала носила заглавие: «The Workmans Advokate» («Защитник рабочих»), но потом, когда она была значительно расширена, она стала называться «The Commonwealth». Редактором ее был Эккариус, помещавший там серию своих статей, позже появившуюся под общим заглавием: «Возражения рабочего против национально-экономического учения Джона Стюарта Милля». Энгельс также часто посылал в «Workmans Advokate» свои статьи о польском вопросе.

Мы считаем уместным привести здесь вкратце отчет газеты «Улей» о митинге в St. Martins Hall, с одной стороны, для того, чтобы положить конец всяким легендам *), а с другой стороны, для того, чтобы в этом сухом отчете о собрании отразить духовный облик рабочего класса, который был там представлен своими лучшими представителями из всех стран. Необходимо помнить, что английское тред-юнионистское движение с 1860 года вступило в новую фазу, которая своим подъемом обязана главным образом личным организаторским талантам некоторых вождей. В эту небольшую группу вождей профессионального движения входили: Вильям Аллэн, генеральный секретарь объединенных союзов машиностроительных рабочих, Роберт Эппльгарт, организовавший по примеру машиностроительных рабочих объединенный союз плотников, сапожник Джордж Оджер, секретарь основанного в 1860 году лондонского Trades Council, который в эту эпоху тред-юнионизма

*) Как при всех исторических событиях, так и здесь легенда начинает украшать своим узором и собрание в St. Martins Hall. Даже такая добросовестная в научном отношении книга, как переведенная Бернштейном «История тред-юнионизма» супругов Вебб, заставляет Карла Маркса произнести речь на этом митинге (стр. 190). Конечно, Карл Маркс был выбран на этом митинге во временный комитет, но речей он не произносил.

играл роль руководящего учреждения, и портной Эккариус, родом из Тюрингии, член Вейтлинговского Союза Справедливых, а позже член Лондонского Союза Коммунистов. Они-то и составляли центр движения, направленного к тому, чтобы расширить узкий горизонт тред-юнионизма и, столкнув его с лондонской платформы, вызвать к жизни универсальное рабочее движение в крупных размерах. Уже в начале 60-х годов эти вожди профессионального движения объединились для энергичной агитации за политические реформы и постарались преодолеть отвращение тред-юнионов, особенно провинциальных, ко всякого рода политике и, главным образом, к парламентской агитации, при чем им действительно удалось сделать лондонский Trades Council операционным базисом этой новой идеи. Trades Council под влиянием Оджера принимал также участие в решении вопросов общей политики. Он играл выдающуюся роль в демонстрации, устроенной в честь Гарибальди. В 1862 году он созвал огромный митинг протеста против английской буржуазии и ее позорного пристрастия к рабовладельцам южных штатов Америки, и уже тогда он пытался развить широкую агитацию за избирательную реформу. Прибытие делегатов от французских рабочих на Лондонскую всемирную выставку 1862 года дало возможность завязать с ними более тесные сношения для того, чтобы сообща устраивать демонстрации по поводу международных вопросов, волновавших тогда весь образованный мир. Одна такая демонстрация с целью протеста была вызвана кровавым подавлением польского восстания в 1863 году: английские рабочие послали своим французским коллегам пламенный протест, а те ответили на это вторичной присылкой делегации в Лондон, где прием этой депутации и привел к основанию Международной Ассоциации рабочих. Постольку и верно мнение, что польские дела дали толчок к созданию Интернационала, но не более, как толчок. Поводом к общему митингу протеста представителей рабочих обоих больших государств мог явиться и ирландский вопрос или американская война, если бы того захотел исторический случай. Характер и цель митинга показали, что польский вопрос явился лишь искрой, а тот огромный горючий материал, который пожирался сокрушительным пламенем движения, носил международный социальный характер.

Исторический митинг 28-го сентября в St. Martins Hall привлек очень большое число представителей всех национальностей, при чем, кроме англичан, было особенно много немцев, французов, итальянцев, поляков. Председателем митинга был профессор

Бисли (Beesly), радикальный лондонский филантроп, который уже много раз, между прочим во время огромной стачки строительных рабочих в 1861 году, в блестяще написанных открытых письмах и статьях удачно выступал в защиту требований рабочих против погрязшей в манчестерстве английской буржуазии и много лет оказывал услуги делу рабочих своими содержательными статьями в «Fortnigthly Rewiew», а также и в«Улье». Председатель напомнил сначала о депутации, которую парижские рабочие в апреле этого года послали на польский митинг в St. James, после чего английскими рабочими был образован комитет, который должен был послать братский адрес своим парижским братьям. Ответом на этот братский адрес и явилась депутация, которую приветствовал настоящий митинг. Председатель выразил полную уверенность в том, что результатом собрания будет общая работа и братское чувство *к рабочим всех других стран*, и эти слова председателя встретили, повидимому, в собрании полное сочувствие. Затем он подробно говорил о настоятельной необходимости тесного союза между Англией и Францией для того, чтобы обеспечить миру свободу и стоять на страже этой свободы. Далее, он заговорил о насилиях правительств, о нарушении ими международного права и открыто заявил, что английское правительство такое же плохое, если еще не хуже многих континентальных правительств. Он напомнил о несправедливом захвате Гибралтара, о трусливом и беспринципном поведении английского правительства в Китае, Японии, Индии и других местах. Оратор призывал всех присутствующих отказаться от тех эгоистических чувств, которые драпируются в тогу патриотизма, и руководствоваться только теми принципами, истинность и справедливость которых подтверждается их совестью. Затем он противопоставил различные методы, с помощью которых французские и английские рабочие разрешают свои правовые рабочие вопросы, и закончил свою сильную речь при живейшем сочувствии собрания.

Когда пропел хор немецких рабочих, Оджер прочитал при громких криках одобрения текст адреса, посланного парижским рабочим от имени английского комитета. Затем при большом воодушевлении собрания взял слово Толен, входивший вместе с Лимузеном и Перрашоном в делегацию, посланную парижскими рабочими в Лондон; он прочитал французский ответный адрес, который представляет интерес во многих отношениях. Этот адрес все еще вращается в кругу буржуазных идей, говорит

о прогрессе и свободе и живет традициями французской революции, результатам которой, по его мнению, грозит опасность со стороны капитализма. Капитализм уничтожает гражданскую свободу и равенство, заменяя их экономическим рабством. Вследствие финансовой и промышленной концентрации и подвижности капитала, благодаря свободе торговли, капитализм с 1789 года стал международной опасностью для мира, и эта опасность может быть предотвращена только международным объединением всех работников. Это объединение должно восстановить нарушенное экономическое и политическое равновесие между капиталом и трудом, каковой цели и должен служить Интернационал. Ле-Любэ (Le Lubez) развил основные черты проектируемой организации, центральное учреждение которой должно находиться в Лондоне и сноситься со всеми подчиненными ему организациями во всех столицах Европы. В ближайшем году должен также собраться конгресс в Бельгии для выработки окончательных норм деятельности нового союза.

Наконец, тред-юнионист Уилер (Wheeler) предложил собранию следующую резолюцию:

«Собрание выслушало ответ наших французских братьев на наш адрес. Мы снова приветствуем их, и так как их программа должна способствовать единению рабочих, то мы принимаем ее, как основу международного *объединения*. В то же время мы назначаем комитет, которому *даем полномочие увеличивать число своих членов и выработать статуты для такого объединения*.

Эта резолюция была подробно обоснована и усердно защищаема между прочим, Эккариусом, Вольфом, генеральным секретарем Мадзини, французом Боскэ и ирландцем Форбом. Резолюция была принята собранием единогласно, и тут же был выбран комитет. В этом комитете, кроме большого числа тред-юнионистов, как, напр., Оджер, Гоуэл, Эккариус, Осборн, Люкрафт, находились большею частью заграничные представители, как, напр., Боскэ, Вольф и,—«Улей» называет его в конце, — «доктор Маркс». Это был исторический день основания Интернационала.

Интернационал и тред-юнионы.

Характер собрания и состав комитета заставляют прежде всего признать факт известного преобладания английских рабочих. Объясняется это не только местом собрания, Лондоном, но и тем обстоятельством, что английские рабочие располагали штабом прак-

тически обученных вождей, и что рабочее движение в Англии было единственным в свете рабочим движением, которое уже имело за собой историю. Таким образом, вполне естественно, что руководящая роль в новом союзе досталась главным образом англичанам. Но английские рабочие имели также и важные экономические мотивы для того, чтобы уделять свое живейшее внимание не только политическим, но и экономическим явлениям, происходящим заграницей. На европейском континенте капиталистическое развитие открыло себе совершенно новые области, и первое разрушительное действие происшедшего переворота проявилось в гибели многих людей, массовой безработице и массовой нищете. Идеи свободы торговли, победоносно пронесшиеся с 1846 года над Европой, создали на континенте чувствительную для английской буржуазии конкуренцию, при чем буржуазия, как хороший делец, постаралась использовать оборотную сторону этого явления для того, чтобы систематическим привозом заграничных рабочих сломить силу тред-юнионов, которые в то время не признавались ни юридически, ни фактически. В дальнейшем изложении истории Интернацонала мы еще не раз встретимся с этим явлением; здесь же мы отмечаем его только для характеристики точки зрения дальновидных вождей профессионального движения, для которых идея международного объединения рабочих могла быть использована в интересах специально английских союзов. И так как за дело Интернационала взялись как раз наиболее деятельные вожди профессионального движения, представители нового политического направления в тред-юнионизме, то вначале между Интернационалом и профессиональным движением, по крайней мере с его наиболее прогрессивными группами, установилась своего рода личная связь. Так, напр., в списке членов временного генерального совета мы находим, кроме уже упомянутых лиц, преимущественно тред-юнионистов, и в первые годы Интернационалу казалось, что эта личная связь должна привести к фактическому союзу между обеими большими организациями *).

*) В одном письме к Кугельману Маркс писал буквально следующее (письмо это появилось в «Neue Zeit» XX², стр. 31): «Ассоциация или скорее ее комитет *важен тем, что в нем находятся вожди лондонских тред-юнионов*, те самые люди, которые оказали радушный прием Гарибальди и громадным митингом в St. Iames Hall расстроили планы Пальмерстона о войне с Соединенными Штатами». Итак, участию вождей тред-юнионистского движения в Интернационале Маркс придавал чрезвычайно большое значение.

Лучшей опорой Интернационала в Англии еще долгое время оставался лондонский рабочий совет Trades Council, где влиянием пользовались вожди нового тред-юнионизма — Аллэн, Эппльгарт, Кульсон, Гоуэл, Оджер. Через два года после основания Интернационала лондонский Trades Council принял резолюцию, в которой совершенно чистосердечно признается факт заинтересованности англичан в Интернационале. Резолюция признает, что положение рабочего не может быть улучшено, и ему постоянно грозит опасность стать еще значительно хуже до тех пор, пока рабочие различных стран не установят прочных связей друг с другом для того, чтобы регулировать вопрос о величине рабочего дня и заработной платы. Так как Интернационал лучше всего приводит к данной цели, то решено было снестись с ассоциацией по поводу разработки всех вопросов, затрагивающих интересы труда, при чем, конечно, Лондонский Trades Council должен был, как и до сих пор, сохранить свою самостоятельность. Когда в том же году либеральное правительство внесло проект избирательной реформы, то Council первый стал агитировать за билль о реформе и тут же постановил примкнуть к выставленному Интернационалом требованию демократических реформ, требованию, которое должно было быть предъявлено всем европейским правительствам.

Манифест и устав Интернационала.

Необходимые предварительные работы для окончательного образования временного генерального совета, а также приготовления для обсуждения и принятия генерального адреса и временных статутов и правил были закончены быстро и основательно. Избранный 28 сентября комитет собрался уже в начале октября, увеличив свой состав кооптацией представителей других национальностей, избрал свой комитет и открыл подписку для покрытия текущих расходов. Размер взноса определен был в три гинеи *). В следующую неделю генеральный комитет устроил еще одно заседание, на котором был выбран подкомитет уже собственно для выработки проекта адреса и статутов. После этого встал майор Вольф, генеральный секретарь Мадзини, и перевел на немецкий

*) В генеральный совет входило тогда около 50 членов; из них половину составляли англичане, немцев было 10, французов 9, итальянцев 6, поляков 2, швейцарцев 2.

язык статуты итальянской рабочей ассоциации. Он не нашел никаких оснований, которые помешали бы распространить и на другие страны принципы итальянских рабочих союзов, число которых уже достигало 400, и которые через несколько недель соберутся на конгресс в Неаполь. И в самом собрании, где было много иностранцев, нашлись такие члены, которые хотели положить в основу статутов Интернационала эту мадзинистскую организацию, фактически являвшуюся тайным союзом. Большинство же собрания оказалось более рассудительным, и это предложение Вольфа было передано, как материал, в ревизионный комитет, который и должен был разработать его для генерального комитета. Майор Вольф был послан на итальянский рабочий конгресс в Неаполь в качестве представителя Интернационала. На этом же заседании было окончательно установлено название Интернационала: The Working Mens International Assotiation — Международная Ассоциация Рабочих.

Оба следующих заседания были посвящены обсуждению и принятию генерального адреса и временных статутов. Маркс предложил от имени подкомитета генеральный адрес, снабдив его предисловием и временными статутами. После продолжительной, отчасти страстной дискуссии был принят проект Маркса. В то же время была принята резолюция о необходимости созыва в следующем (1865) году в Брюсселе всеобщего конгресса рабочих делегатов со всей Европы, при чем этот конгресс должен будет утвердить статуты во всем их объеме и выбрать генеральный совет с постоянным местопребыванием в Лондоне. Таким образом был отвергнут адрес Мадзини, повторявший политическую программу последнего со всей ее социалистической фразеологией, но отвергавший классовую борьбу. Комитет объявил себя временным генеральным советом; его постоянным местопребыванием должен был быть Лондон; Оджер стал его первым председателем, а Эккариус вторым.

Первые успехи Интернационала.

С течением времени связь между Ассоциацией и английским рабочим движением становилась все более тесной. Ассоциация на одном заседании постановила, что каждое лицо, живущее в Англии, может примкнуть к Интернационалу, но что членом генерального комитета может быть выбран лишь тот, кто может посещать

его заседания и принимать участие в его решениях. Этим самым выборы в генеральный совет стали почти английской привилегией: иностранцы также могли быть выбраны в генеральный совет, но только в том случае, если их местопребывание находилось в Лондоне или недалеко от Лондона. Далее было постановлено, что годовой взнос в Интернационал в Англии должен равняться 1 фунту стерлингов. В одном из следующих заседаний обсуждались уже условия, на каких целые рабочие союзы (тред-юнионы и т. д.) могут примыкать к Интернационалу, а через некоторое время решено было обратиться *ко всем* рабочим союзам с предложением решительно примыкать к Интернационалу, при чем размер взносов могли установить сами союзы, сообразуясь с имеющимися у них средствами. Наконец, было постановлено, что лондонским профессиональным союзам, примыкающим к Интернационалу, должно быть предоставлено право посылать своего представителя в генеральный совет, при чем последний оставляет за собой право принять или не принять данного представителя в свою среду *). Профессиональные же союзы в провинции должны были назначить особого члена-корреспондента для сношений с Интернационалом. Этим самым Лондон был объявлен столицей Интернационала и резиденцией генерального совета.

Несмотря на такую вербовку членов и на благоприятные условия, предлагавшиеся этими постановлениями английским профессиональным союзам, последние примыкали к Интернационалу лишь

*) С течением времени эта практика генерального совета изменилась в том смысле, что генеральный совет предложил не только тред-юнионам, но и лондонским секциям немецких, французских и т. д. рабочих посылать своих представителей в генеральный совет. Во избежание нарушения статутов дело при этом обставлялось так, что сначала устанавливалось определенное число представителей от каждой секции, при чем генеральный совет сохранял за собой право принимать или отвергать предложенных секциями и тред-юнионами представителей в зависимости от того, признает ли он их пригодными или непригодными для столь сложного дела. *Эти представители становились членами генерального совета не в силу того, что их послали секции, а в силу установленного статутами права генерального совета пополнять себя новыми членами.* Только после лондонской конференции 1871 года генеральный совет, как генеральный совет Интернационала и как центральный совет для Англии, нашел возможным кроме уже привлеченных новых членов, допускать в свою среду в качестве полноправных членов и представителей отдельных секций. Подробнее об этом см. Les prétendues scissions dans l'Internationale, Genève 1872, стр. 18.

крайне медленно и притом порознь. В феврале 1865 года лондонскому генеральному совету было сообщено, что профессиональный союз каменщиков, согласившись с принципами Ассоциации, постановил присоединиться к ней на правах члена. В марте 1865 года генеральным советом была послана депутация на конференцию английских сапожников, где единогласно была принята предложенная делегатами от Бирмингама и Гулля резолюция, после чего конференция, соглашаясь с принципами Интернационала, заявляет о своем присоединении к нему и предлагает всем присутствующим представителям пропагандировать идею Интернационала среди сапожников. Долгое время этим и ограничивались успехи Интернационала: во многих профессиональных союзах дело ограничилось обещанием, что они позже примкнут к Интернационалу. Более благоприятный оборот дело приняло лишь тогда, когда на политический горизонт выплыл проект избирательной реформы, которая должна была предоставить и части рабочего класса право участия в выборах депутатов парламента. Пропаганда за этот билль о реформе стала еще более энергичной тогда, когда после падения либерального кабинета Гладстона, торийское министерство Дизраели уже думало, что оно сможет положить этот билль о реформе под сукно; она совпала с агитацией тред-юнионов против многочисленных насилий юстиции и организованных предпринимателей и указала шеффильдской конференции тред-юнионов на необходимость политического тред-юнионизма и международного объединения рабочих. Этим также объясняется то, что эта конференция, на которой были представлены делегаты всех профессиональных союзов Англии, единогласно приняла знаменитую резолюцию, выражающую «полную признательность Интернационалу за его стремление связать рабочих всех стран общими узами братства и усиленно рекомендующую всем представленным на конференции профессиональным союзам примыкать к Интернационалу, в убеждении, что это имеет чрезвычайно важное значение для прогресса и преуспевания всего рабочего класса». В эти дни профессиональные союзы впервые начали решительно примыкать к Интернационалу. «The Commonwealth» в последнем номере, где приводится шеффильдская резолюция, называет не меньше двенадцати профессиональных союзов, которые присоединились к Интернационалу в течение последних трех недель, и много других союзов, которые выразили намерение присоединиться на следующем собрании; лондонский союз наборщиков и объединенный союз портных уже выбрали своих

делегатов на женевский конгресс. Издававшийся Жаном Филиппом Беккером журнал «Vnrbote» приводит совершенно определенные данные относительно роста влияния Интернационала на тред-юнионистское движение. В майской книжке 1866 года говорится о пяти крупных союзах, целиком примкнувших к Интернационалу (до того лишь отдельные члены профессионального союза присоединялись к Интернационалу), а именно, о союзе ткачей шелковых лент с 1000 членов, союзе портных (8000 членов), сапожников (9000 членов), далее, о союзе механиков и рабочих, изготовляющих решетки.

В июльской книжке того же журнала сообщается, что делегатское собрание объединенных плотников Англии в Манчестере (председателем собрания был Эппльгарт) единогласно постановило предложить всем своим местным союзам вступать в Интернационал.

Точно так же к Интернационалу примкнули союзы каменщиков в Лондоне и Стратфорде, много мелких обществ и, наконец, объединенный союз английских механиков, насчитывавший 33.000 членов. Ноябрьская книжка «Vnrbote» сообщает о присоединении к Интернационалу английского союза корзинщиков (300 членов) и союза землекопов (28.000 человек).

Прочитанный на конгрессе в Лозанне (1867 г.) от имени английской секции доклад генерального совета, вполне оценивая трудности, вытекающие из демократической организации тред-юнионов и мешающие целым профессиональным союзам присоединяться к Интернационалу, насчитывает 15 союзов, присоединившихся к Интернационалу до женевского конгресса, и 13 союзов, примкнувших после конгресса. Все эти союзы обязались вносить ежегодно определенную сумму независимо от числа членов, так как взнос за каждого члена был бы сопряжен с непреодолимыми трудностями. Вышеупомянутый отчет английской секции, о котором мы будем подробнее говорить в связи с конгрессом в Лозанне, дает обзор сделанных тред-юнионами денежных взносов *).

Мы немного опередили события для того, чтобы обрисовать связь между Интернационалом и английским тред-юнионизмом,

*) Непонятно, каким образом супруги Вебб на основании этих фактов, которые были известны и им, могут утверждать, что «только немногие» профессиональные союзы, в том числе союзы сапожников и кожевников, примкнули к Интернационалу, как корпорации.

которая, без сомнения, имела решающее влияние на первоначальный характер и на первые открытые выступления Интернационала. В проекте организации Интернационала, а также в Манифесте не трудно проследить влияние английской практики и английской среды, и так как этот проект с незначительными лишь изменениями был принят позже на женевском конгрессе, то организаторский опыт английских рабочих нашел очень важное применение в деле создания Интернационала. Мы еще после увидим, что связь между Интернационалом и тред-юнионизмом стала еще более близкой, и что эта связь принесла пользу как делу организации Интернационала, так и тред-юнионизму, в котором стало преобладать политическое направление как раз в то десятилетие, когда английским профессиональным союзам необходимо было разрешать политические вопросы, раз они хотели обеспечить себе законное существование.

Успех, которого достиг генеральный совет в Англии, достался ему не без труда. Этот успех явился поздно зреющим плодом обширной пропаганды, которую развернули как в самом Лондоне, так и предместьях последнего и в многочисленных профессиональных союзах лучшие ораторские силы генерального совета, а именно, Оджер, Эккариус, Кремер, Уилер. В Гринвиче (Greenwich) была основана секция; о присоединении союза каменщиков и сапожников мы уже упоминали раньше. Генеральный совет постановил зорко следить за движением в защиту избирательных прав, начавшимся в начале 1865 года; единогласно было решено, что генеральный совет осудит и будет бороться против всякого покушения на всеобщее избирательное право, и что прежде всего необходимо хорошенько приглядеться к тем, которые стоят в первых рядах движения. После стольких обманов рабочий класс должен особенно бдительно стоять настраже своих прав. Первым союзом иностранцев, примкнувшим к генеральному совету, была итальянская рабочая ассоциация в Лондоне, насчитывавшая 350 человек; но через некоторое время эта ассоциация снова отпала от генерального совета, вероятно, под влиянием Мадзини. Затем присоединились три немецких союза — Тевтония, Согласие и Немецкий образовательный ферейн, давнишний центр коммунизма, существовавший уже с 1840 года. Вновь основанный рабочий ферейн для поддержки польских эмигрантов также примкнул к Интернационалу. С течением времени стали получаться хорошие вести и с континента. Карл Маркс, секретарь для всей Германии, мог сообщить, что среди

немцев успели распространить 50.000 экземпляров адреса и устава и что в Швейцарии образовалась собственная секция. Из Швейцарии скоро стали получаться еще более благоприятные вести. Секретарь для Швейцарии, часовщик Юнг, член генерального совета, сообщил об основании в Женеве пяти рабочих союзов, телом и душой преданных новому движению. Устав генерального совета обсуждался там пункт за пунктом и был принят на публичном собрании. Из Бельгии Фонтэн сообщал, что комитет секции всеобщего федеративного союза уведомил его о том, что комитет одобряет временные статуты генерального совета и хочет предложить их общему генеральному собранию для того, чтобы привлечь к Интернационалу всю бельгийскую секцию. Вскоре после этого секретарем-корреспондентом для Бельгии был назначен Девастер. Что касается Франции, для которой обязанности секретаря-корреспондента стал исполнять Дюпон вместо ушедшего Ле-Любэ, то огромная стачка тюлевых ткачей в Лионе способствовала вербовке членов для Интернационала.

Стачечники обратились к генеральному совету за сведениями по поводу утверждения фабрикантов, которые объяснили понижение ими заработной платы рабочих мнимой конкуренцией английских предпринимателей. Генеральный совет дал им требуемые сведения относительно Ноттингама и послал по их просьбе в Лион 500 членских билетов. Точно так же и немецкие наборщики, устроившие в Лейпциге весною 1865 года свою первую большую стачку, обратились через председателя союза наборщиков к генеральному совету с письмом, в котором указывали, что Интернационал, и в особенности союз книгопечатников, должен быть заинтересован в стачке их лейпцигских братьев, которые борются там за интересы всего класса. Наконец, в генеральный совет были избраны также представители от Испании и Соединенных Штатов.

Эта организаторская деятельность не мешала в то же время генеральному совету использовать иностранную политику для демонстраций в защиту идей Интернационала. После вторичного избрания Авраама Линкольна президентом Северо-Американских Соединенных Штатов генеральный совет обнародовал горячо написанный приветственный адрес американскому народу, призвавшему на высший пост в государстве заклятого врага южно-американских рабовладельцев, а после убийства Линкольна генеральный совет послал сочувственный адрес его преемнику Джонсону. Польские митинги, время от времени созывавшиеся генеральным советом,

превращались в огромные демонстрации в защиту идей Интернационала; генеральному же совету обязаны своим возникновением и поминальные торжества в память убитых в Париже во время июньской резни.

Но всей этой лихорадочной деятельности и всех этих крупных успехов было недостаточно для того, чтобы создать в течение одного года международную рабочую организацию, представители которой могли бы съехаться на конгресс в Брюссель, как это первоначально предполагалось. Поэтому генеральный совет постановил отменить проектированный в Брюсселе всеобщий рабочий конгресс, указав при этом на следующие три причины такой отмены: во-первых, на бесспорную необходимость предварительного обсуждения в небольших руководящих кругах делегатов Англии и континента программы, которая должна быть предложена конгрессу; во-вторых, на реформаторское движение в Англии в пользу всеобщего избирательного права и на стачки во Франции, которые настолько поглотили всю энергию и внимание рабочего класса, что при таких условиях Ассоциация не успела окрепнуть; и, наконец, на то, что бельгийское правительство в этом году издало новый закон об иностранцах, который отнимает всякую надежду на возможность созыва конгресса в столице Бельгии. Зато 25 сентября должна была собраться в Лондоне конференция, обсуждению которой подлежали следующие вопросы: выработка программы конгресса; вопросы организации Интернационала; определение Ассоциацией сил рабочих при национальных столкновениях между капиталом и трудом; тред-юнионы, их прошлое, настоящее и будущее; товарищества; прямые и косвенные налоги; женский и детский труд; нашествие русских на Европу и восстановление в полном объеме независимой Польши; постоянные армии и их значение для интересов производительных классов. 28 сентября должен был состояться вечер для празднования основания Интернационала, для чествования континентальных делегатов и торжественного празднования триумфа федерализма и свободного труда в Америке.

Лондонская конференция.

Первая конференция Интернационала, заседания которой происходили в Лондоне с 25 до 29-го сентября 1865 года, представляла чрезвычайно пеструю картину. Здесь прежде всего было много английских делегатов, как, наприм., Оджер, Кремер, Гоуэл, Уилер,

Шоу, Делль, Вестон и т. д., являвшихся представителями различных центральных союзов и их отделений (тред-юнионов). Рядом с этими деловыми, хладнокровными англичанами, которые горячились только во время дебатов, заседали подвижные, страстные французы (Толен, Лимузен, Варлен, Фрибур, Кларион), которые охотно опьянялись собственными речами, которые, не имея за собой почти никакого опыта в обсуждении организационных вопросов, именно поэтому так смело и выражали свои мнения. Из Швейцарии приехали на конференцию представитель французской секции Дюплэ и представитель немецкой секции старый Жан Филипп Беккер, родом из Пфальца, по профессии щеточник, который во время баденско-пфальцского похода 1849 года проявил огромный военный талант, а в настоящее время оказался столь же ловким организатором, как и умелым и страстным агитатором, и вскоре в качестве издателя «Vorbote» объединил молодую немецкую секцию. Из Бельгии явился de-Paepe, врач, ставший наборщиком из любви к этой профессии, интеллигентный, энергичный и человек безусловно надежный. Помимо этих делегатов иностранные рабочие союзы были представлены на конференции делегатами от своих лондонских национальных ферейнов (так, наприм., немецкие рабочие союзы были представлены Лесснером и Шаппером, двумя ветеранами из союза коммунистов, поляки были представлены Бобржинским, итальянцы майором Вольфом), а также членами-корреспондентами генерального совета: Германия—Марксом, Швейцария—Юнгом, Франция—Дюпоном; второй председатель генерального совета Эккариус также был представителем немецкого элемента. Таков был генеральный штаб огромной международной армии, выступившей в поход год тому назад; лондонская конференция была ее первым этапом.

Не менее пестрый и разнообразный характер носили и прения. Оджер, председатель генерального совета, очень умело руководил прениями в течение всех трех дней. Сначала англичане через своего генерального секретаря прочитали доклад об общем положении дел и развили при этом свою международную программу. Кремер указал на колоссальную перемену, происшедшую в рабочем классе в пользу активного участия в политике, и на то, что этим выступлением из узкой области вопросов о заработной плате и рабочем дне в широкую область политики тред-юнионистский мир обязан своим английским руководителям, которые отождествили себя с этим новым направлением и увлекли за собой громад-

ные массы товарищей. Из французов Фрибур и Толен сделали доклад о положении дел в Париже и во всей Франции, а Дюпон о положении в Лионе. Они жаловались на то, что французские рабочие не имеют права свободно собираться, что они не могут образовывать союзов более, чем с 20-ю членами, и что этот ограничительный закон убивает всякую организацию. Эта жалоба была только наполовину основательна; как известно, Наполеон III уже за год до того отменил закон, воспрещавший образование профессиональных союзов, и политическая организация прекрасно могла бы по французской традиции формироваться в клубах, если бы и тут не нашла себе новую лазейку старая привычка к образованию тайных союзов. Из Лиона было сообщено о том, что члены секции вполне удовлетворены решением отложить конгресс до следующего года; как на средство освобождения рабочего класса, представитель этой секции указал на «моральную силу, справедливость и истину». Более благоприятным оказался отчет о положении дел в Швейцарии. Дюпле, делегат французской секции, представил конференции пять крупных рабочих союзов в Женеве, Невшателе, Монтре, Вевей и Лозанне, а старый Беккер, представитель немцкой секции, мог сообщить о таком же успехе. Уже в Лондоне он ухватился за свою любимую социальную идею, товарищества и кассы вспомоществования и при поддержке Кремера добился принятия предложения, рекомендующего основание всеобщей кассы на случай болезни и смерти. Де-Раере из Бельгии мог сообщить только о шестинедельной деятельности, увенчавшейся, однако, значительным успехом. Бельгийские рабочие, сказал он, не думают, что кооперация возродит человечество, но они охотно признают значение кооперации, как вспомогательного средства для поднятия своего благосостояния. Они не стоят за моральную поддержку поляков, в общем же они благоприятно настроены по отношению к Интернационалу. Так как многие иностранные делегаты высказали пожелание, чтобы был создан международный орган, то Карлу Марксу и некоторым другим членам, знакомым с газетным делом, поручено было осуществить это желание. Таким официальным органом Интернационала была объявлена, по предложению Беккера, газета «Workmans Advokate».

На следующий день было решено перенести международный конгресс из Брюсселя в Женеву, назначив его в мае следующего года. Против предложения отсрочить конгресс до сентября энергично выступили французские делегаты, выставив при этом тот маловероятный довод, будто ускорение созыва конгресса является

для их организации вопросом жизни. Их недостаточная организаторская и парламентская выучка обнаружилась при обсуждении предложения Кремер-Эккариуса о желательности предоставления права активно участвовать в трудах конгресса только тем делегатам, которые могут доказать свое право на делегатство,—постановив в то же время, что каждый делегат должен явиться представителем не менее 30 организованных членов, числящихся в Ассоциации по крайней мере 3 последних месяца. Французы горячо оспаривали это предложение: почти все они выступали в защиту «полного равенства всех членов как в смысле права участия в конгрессе, так и права голосования». Напрасно им указывали на всю нелепость такого способа голосования, на то, что, благодаря этому, уничтожается представительный характер конгресса, и что последний превратится тогда в фарс, который может длиться шесть месяцев,—предложение Кремер-Эккариуса пришлось смягчить по крайне мере в том смысле, что была вычеркнута оговорка относительно 30 членов. И лишь после этого французы голосовали за то, чтобы одни лишь делегаты имели право активно участвовать и подавать свой голос на конгрессе. Отношение к польскому вопросу, обсуждавшееся на третий день, также вызвало горячие дебаты. De-Раере и другие делегаты спрашивали, почему в сущности польский вопрос имеет особую честь привлекать к себе внимание Интернационала; ведь другие народы, напр., ирландцы, находятся в таком же тяжелом положении, как и поляки, и другие проявления режима сабли, напр., французский цезаризм, представляют не меньшую опасность для мира, чем русский режим. В конце концов, в виду настойчивого требования англичан, была принята огромным большинством резолюция относительно восстановления независимой Польши на демократических основах. Большинством голосов было принято также предложение о том, чтобы в порядок дня был включен вопрос об отношении религиозных идей к социальному, политическому и интеллектуальному развитию *). Публичная часть

*) В одной статье, появившейся в 1878 году и полемизирующей с Гоуэлем, который ложно описал историю Интернационала, Маркс совершенно определенно возражает на заявление Гоуэля, будто пункт о религиозных идеях первоначально существовал в программе генерального совета и даже больше того, будто сам Маркс включил этот пункт. Вероятнее всего, что этот пункт был внесен в порядок дня конгресса лишь по настоянию французов. «Workmans Advocate» говорит, что предложение обсуждать вопрос о религиозных идеях внес Маркс и что его горячо поддерживали

конференции закончилась вечерним заседанием 28 сентября, на котором в то же время праздновался день основания Интернационала.

Нужно еще прибавить, что перед первым и вторым публичными заседаниями происходили негласные совещания генерального совета с континентальными делегатами, и такое же интимное совещание имело место после третьего заседания 29 сентября. На всех этих совещаниях обсуждались неподлежащие огласке вопросы, напр., вопрос о финансовом положении Ассоциации, изыскании необходимых средств для конгресса и доходах и расходах отдельных национальных организаций. На этих совещаниях председательствовал Юнг, обративший на себя общее внимание поразительным знанием трех языков: французского, немецкого и английского, почему его и решили выбрать председателем женевского конгресса. Доходы Интернационала определились в 32—33 фунта стерлингов. Французский делегат Толен сообщил, что весь доход от членских взносов был поглощен необходимостью содержать центральное бюро и путевыми издержками делегатов; напротив, выручка от продажи дальнейших членских билетов составит уже чистую прибыль генерального совета. В Швейцарии, по отчету Дюпле, месячный взнос равнялся ½ франка, но в случае необходимости члены могли бы

французы Ле-Любэ, Фрибур, Толен. Здесь, повидимому, есть противоречие: возможно, что сообщение «Workmans Advocate» ошибочно, но возможно также, что через 13 лет память могла несколько изменить Марксу. Первая возможность подтверждается тем, что в числе поставленных и внесенных генеральным советом десяти программных пунктов не имеется пункта о религиозных идеях. Нельзя, далее, отрицать того, что английская памятная записка не разработала религиозного вопроса для женевского конгресса, тогда как разработке других вопросов она уделила много внимания («Vorbote» 1866, стр. 169). Напротив, французская записка предложила по этому вопросу несколько конфузную резолюцию, — конгресс совершенно исключил этот вопрос и перешел к очередным своим занятиям. Таким образом, подтверждается то, что говорил Маркс в этой статье, направленной против Howell'я: «Эта тема, внесенная французскими делегатами, была предоставлена их усмотрению. Фактически же они отказались от нее на женевском конгрессе, и никто уже больше не поднимал этого вопроса» (см. «Neue Zeit», XX[1], стр. 587). Нельзя вообще допустить, чтобы Маркс, который должен был представлять на конференции программу генерального совета, самовластно делал скачки в сторону религии. Вероятнее всего, что весь этот пункт был внесен французами, единодушно защищавшими его на конференции.

платить 1 шиллинг (1 марка). Там все признают необходимым отчислять часть средств генеральному совету и даже распустить все свои прежние организации в интересах Интернационала. Бельгийский делегат de-Paepe сообщил, что тамошние члены обязались уплачивать ежегодно по крайней мере 3 франка, из которых 1 шиллинг должен поступать в кассу генерального совета. На замечание Фрибура, что это слишком много, Маркс возразил, что конгресс будет ежегодно решать вопрос о том, как расходовать поступающие суммы. Но как достать средства для генерального совета? Беккер предложил выбить в память конференции медаль стоимостью в 1 пенни, продавать эту медаль за 6 пенсов, а излишек передать генеральному совету. Были сделаны и другие предложения. В конце концов, по совету Маркса и Дюпона, было решено принять предложение бельгийских, швейцарских и французских делегатов и прекратить дальнейшее обсуждение. Маркс высказался против установления однообразного, определенного размера взносов. На втором частном совещании решено было предложить конференции взять на себя обязательство достать 150 фунтов стерлингов для целей пропаганды, предоставив при этом постоянной комиссии, т.-е. генеральному совету, право распределить эту сумму между отдельными нациями. Вся дальнейшая часть этого частного заседания была посвящена выработке порядка дня для второго публичного заседания. После того, как конференция единогласно приняла предложение относительно 150 фунтов стерлингов, было постановлено на совещании 29 сентября, что из этих 150 фунтов 80 должны быть внесены Англией, 40—Францией, а Германия, Бельгия и Швейцария должны уплатить по 10 фунтов каждая.

Ближайшая цель конференции, заключавшаяся в том, чтобы поделиться мыслями относительно положения рабочего класса и рабочего движения в различных странах и закончить подготовительные работы для первого большого международного конгресса, была достигнута без больших трений, а что касается морального успеха, то его нельзя было умалить. В то время, как английская ежедневная пресса вероломно и умышленно замалчивала конференцию, республиканские и либеральные газеты Франции помещали длиннейшие отчеты о конференции, чтобы досадить империи, а знаменитый историк Генри Мартен, старый республиканец, примкнувший к Интернационалу, поместил в газете «Siècle» блестящую статью, посвященную Лондонской конференции. Из Парижа была внезапно затребована тысяча новых членских билетов, при чем про-

сили прислать их немедленно; парижане предполагали также вступить в тесные сношения с испанскими демократами. Даже в нормандском департаменте Кальвадос был назначен корреспондент Интернационала. Из Швейцарии также пришла весть о новых успехах: рабочие союзы в Базеле и Цюрихе примкнули к Интернационалу; корреспондентом в Шо-де-Фон был назначен Кулеви, имя которого нам встретится еще много раз. Немецкая секция швейцарского центрального комитета в виду предполагавшегося выхода с 1 января 1866 года журнала «Vorbote» распространила в своем районе классический циркуляр, и 1-го января вышла первая книга редактированного Беккером «Vorbote», который до конца 1871 года преданно стоял настраже международного рабочего движения в Интернациональном городе на берегу Роны.

Успехи в области организации.

Вообще теперь Швейцария, наряду с Англией, стала образцовой страной в смысле организации Интернационала. Но в то время, как по ту сторону канала Интернационал застал старинную монополию тред-юнионов, с которыми он в лучшем случае мог заключить своего рода личный союз (при чем вся связь между Интернационалом и тред-юнионами постоянно покоилась на немногих лицах), в Швейцарии он придал рабочему движению, примитивные организационные формы которого там уже имелись, совершенно новый характер, став таким образом настоящей формой пролетарского рабочего движения вообще. Центральное положение и многоязычное население Швейцарии оказались при этом чрезвычайно благоприятствующим моментом: большие швейцарские промышленные города, особенно же многоязычная Женева, благодаря существовавшему в Швейцарии праву свободно образовывать союзы, стали организационными центрами для значительной части Европы. В начале 1866 года немецкий отдел женевского центрального комитета с разрешения лондонского генерального совета временно взял на себя также представительство по делам Ассоциации для Германии; с этих пор германские и австрийские рабочие союзы, а равно отдельные лица, желавшие завязать сношения с Интернационалом, должны были примыкать к женевскому центральному комитету. Точно так же и французская секция в Женеве долгое время была организационным и агитационным центром для французской Юры, и ее влияние простиралось до Лиона и Марселя. Оба

вождя женевского Интернационала—старый Ж. Ф. Беккер и Дюпле развили энергичную работу в своих различных по языку районах деятельности и достигли при этом крупных результатов; выдающемуся организатору Беккеру удалось привлечь к Интернационалу все рабочие образовательные ферейны и другие рабочие организации, какие только имелись в немецкой Швейцарии, Германии и Австрии, а немецкая местная секция в самой Женеве широко раскрывала свои двери венграм, датчанам, шведам, эльзасцам, немцам и немецким швейцарцам.

Беккер и Дюпле довольно оригинально строили свою организацию и вели пропаганду. Сначала женевский центральный комитет устанавливал связь с какой-нибудь уже существующей местной огранизацией, напр., местным рабочим образовательным ферейном или профессиональным союзом для того, чтобы таким путем возможно было созвать рабочих на общее собрание. Так как эти местные организации довольно часто влачили жалкое существование, то они с радостью ухватывались за возможность воспользоваться новым агитационным материалом, брали на себя созыв собрания и тем помогали делу Интернационала. После собрания обыкновенно основывалась местная секция, ядро которой составлял тот местный ферейн, который созвал собрание. Затем комитет секции приглашал все существующие в данном месте и в окрестностях рабочие общества, говорящие на одном языке, примкнуть к секции на правах кооперирующих, т.-е. совместно действующих корпораций, притом так, что каждая из этих корпораций, согласно примерному местному женевскому уставу, посылает в комитет секции своего делегата, который пользуется всеми правами члена комитета, и ежемесячно уплачивает в центральную кассу сумму, размер которой каждая корпорация определяет сама. На генеральных собраниях правом голоса и правом участия в выборах пользуются не отдельные члены этих рабочих обществ, а только их делегаты. Это постановление должно было постепенно содействовать прямому вступлению членов кооперирующих обществ в секцию, и, таким образом, для Интернационала должен был постоянно открываться все более широкий круг действия. В Женеве и Лозанне этот метод увенчался столь блестящими результатами, что «Vorbote» рекомендовал всем взять его за образец для своей пропаганды.

И действительно, этот прием оказался весьма удачным. Беккер мог ежемесячно украшать свои отчеты в только что основанном им журнале сообщениями о создании новых секций, о присоеди-

нении многих новых членов к местным секциям и примыкании новых кооперирующих рабочих обществ. При этом старый практик одновременно стремился дать рабочим нечто осязательное. Воодушевление новым делом не должно уподобляться быстро потухающему огню от зажженной соломы; поэтому он старался при помощи всякого рода учреждений для вспомоществования прочно связать материальные интересы членов с Интернационалом *). Он учредил кассы вспомоществования на случай болезни, при чем членами этих страховых касс могли быть также женщины и дети, начиная с 10-летнего возраста. Нормальный взнос мужчины равнялся 1 франку, взнос женщины равнялся 75 сантимам, а ребенка—25 сант.; в случае болезни мужчине ежедневно выдавалось 1½ фран., женщине 1 фр. и сверх того они, а равно застрахованные дети, имели право пользоваться бесплатной врачебной помощью с бесплатной выдачей лекарств. Конечно, подобные кассы на случай болезни уже давно существовали у рабочих, но интернациональность проявлялась в этих новых кассах в том, что они должны были быть введены во всех секциях различных стран, и что ни один участник не терял права на вспомоществование с переменой места жительства. Как помнит читатель, лондонская конференция по предложению Беккера и приняла резолюцию в этом духе. Кроме того, немецкая и французская секции в Женеве устроили сберегательные, потребительные, производственные и ссудные кассы, стремясь прежде всего централизировать эти учреждения. Молодые товарищества обнаружили при этом чрезвычайную предприимчивость. Романская секция в Лозанне постановила на будущее время брать на себя исполнение обширных работ, и если для этого пона-

*) Эту мысль Беккер выражал в «Vorbote'е» следующим образом: «Задача Интернационала всегда должна заключаться в том, чтобы удовлетворять, приводить в гармонию и укреплять умственные, нравственные и телесные запросы народов. Для выполнения этой задачи Интернационал постоянно должен давать рабочим практически связывающее дело; он должен прежде всего иметь в виду необходимость установить взаимную связь между всеми рабочими союзами, обществами, кассами вспомоществования, ссудными кассами и т. д. и путем такого связывания разнообразнейших интересов мало-по-малу преодолеть всякий расовый антагонизм и практически проложить дорогу осуществлению идеи политического и экономического единства». Мы видим отсюда, что Беккер хотел покрыть весь рабочий мир сетью местных секций, которые в то же время должны были быть союзами и обществами вспомоществования.

добится более значительное число рабочих, то приглашать их преимущественно из других секций. Во исполнение этого постановления лозанская секция заключила с городом контракт на производство земляных работ на сумму в 24.000 франков, и в то же время она учредила народный банк, чтобы в общих интересах вносить туда деньги, полученные за работу.

Этот банк был основан, как касса взаимного кредита (caisse de credit mutuel) с 4000 акций по 5 франков каждая акция, и должен был одновременно служить рабочей ссудной кассой при проектированной постройке рабочих жилищ. Наконец, эта энергичная секция устроила собственный локал для ежедневных вечерних занятий, лекций и бесед. Секция в Шо-де-Фон, состоявшая из германских и романских элементов, устроила ссудную кассу для рабочих и приступила к постройке настоящего рабочего дворца, с предварительной сметой в 400.000 франков; это грандиозное здание должно было иметь 300 жилых комнат, большие помещения для общей кухни, общественных мастерских, продажи предметов потребления, для мясной лавки и булочной; в нем должны были быть залы для бесед, отдыха, лекций, занятий, для детских школ, бани и прачечная; на дворе должны были быть устроены игры для детей, там же должны были происходить гимнастические, певческие и музыкальные празднества и народные представления. Издержки должны были быть покрыты продажей акций, при чем к участию в этом деле предполагалось привлечь секции. В Ветциконе, кроме кассы, на случай болезни было устроено потребительное общество, доходы которого опять-таки должны были употребляться для покрытия нужд товарищества. Наконец, центральным комитетом в Женеве был выработан проект централизации всех касс вспомоществования и всех товариществ, отчасти осуществившийся позже в связи с деятельностью профессиональных союзов.

Помимо рабочих образовательных ферейнов и тому подобных рабочих обществ, существовавших уже до Интернационала, к последнему примкнуло также большинство профессиональных союзов, отчасти на правах местных кооперирующих рабочих ферейнов, отчасти же Интернационал явился для них толчком к более централизованной организации, которая затем вступила в непосредственные сношения с центральным комитетом в Женеве. Таким образом с течением времени в Швейцарии образовалась довольно пестрая сеть организаций.

Мы находим там местные секции немецкого, романского или даже смешанного языка, непосредственно связанные с центральным комитетом в Женеве; далее, мы находим там местные рабочие общества, как, напр., рабочие образовательные ферейны, профессиональные союзы и т. д., которые, корпоративно примыкая к местной секции, участвовали и голосовали на генеральных собраниях секции лишь через посредство своих представителей; мы видим, наконец, что многие из этих секций имеют кассы вспомоществования и общие предприятия, стремящиеся к централизации и по характеру своей деятельности выходящие из узкого круга чисто местных нужд.

Случалось, что организации, выросшие органически из существующих рабочих союзов и новых потребностей, взаимно перекрещивались и иногда даже мешали друг другу в виду узости круга действия.

Наконец, уже тогда рабочий класс свободной Швейцарии начал принимать участие в политической жизни страны. В необходимости такого участия, где только оно возможно и удобно, в то время не сомневалась ни одна организация Интернационала: ни в Англии, где рабочие вели усиленную пропаганду в пользу избирательной реформы, ни в Бельгии, где Раере распространял среди рабочих горячее воззвание о необходимости завоевать всеобщее избирательное право и созывал для этого многочисленные народные собрания, ни в Швейцарии, где немецкие и романские швейцарцы уже весною 1866 года сошлись для обсуждения вопроса о том, как лучше всего оградить интересы рабочего класса при предстоящей реформе союзной конституции. Что такое ограждение интересов рабочего класса не достигается устройством профессиональных союзов и товариществ, что для рабочего класса чрезвычайно важно, чтобы он завоевал политическую власть, как политически организованная партия, эта мысль уже тогда проводилась почти на каждой странице «Vorbote'a» и ясно выражена в памятной записке немецкого отдела в Женеве. Все инстинктивно и справедливо относились недоверчиво только к чисто политическому, буржуазно-демократическому направлению партии, не имеющему под собой социалистической основы.

Что касается развития Интернационала в романских государствах, то в первое время деятельности Ассоциации его трудно проследить в виду того, что французские секции вели очень жалкое существование. В Париже существовал центральный комитет для

всей Франции, издававший рабочую газету «La Fourmi» («Муравей») *). Там же возникли газеты «La mutualité» («Взаимность») и «L'assotiation» («Ассоциация»), которым, однако, еще оставалось приобрести социалистический характер; кроме того, о секциях Интернационала сообщали из Парижа, Лиона, Марселя, Руана, Сент-Этиенна, Кана, Эльбефа, Бордо и Лиможа **). На французском языке появились еще газеты: «Liberté» («Свобода») и «Tribune du peuple» («Народная трибуна») в Брюсселе и, наконец, «Voix de l'Avenir» («Голос Будущего») в Шо-де-Фон; последнюю газету издавал Куллери ***). Куллери был врачом из Бернской Юры, жил он в Шо-де-Фон и уже с 1848 года пользовался известностью за свою демократическую и гуманитарную программу. Когда возник Интернационал, Куллери завязал сношения с генеральным советом и основал в Шо-де-Фон секцию, которая вскоре насчитывала 500 членов. Под его влиянием вскоре образо-

---

*) Этот центральный комитет не избирался и не утверждался французским национальным конгрессом. Генеральный совет большею частью сносился непосредственно с французскими секциями (см. Les prétendues scissions, стр. 18).

**) «Vorbote», 1866 г., стр. 26. Тестю, не всегда, правда, вполне осведомленный, особенно относительно внутренних дел Интернационала, но зато обработавший большое количество материала, говорит о парижской секции, основанной в 1865 году и насчитывавшей в 1866 году 600 членов. Во главе этой секции стояли Мюра, Варлен, Толен и Шемале, парижские делегаты на женевском конгрессе. Далее, Тестю сообщает о секции в Лионе, которая, как промышленное и торговое общество, привлекла к себе тех лионских рабочих, которые принадлежали к Интернационалу. Секция в Руане, позже ставшая одной из самых могущественных секций во Франции, удачно проведшая множество стачек и пережившая даже коммуну, была основана Обри, издателем «Réforme Sociale». Остальные названные здесь секции возникли, по Тестю, лишь в 1867 году и даже позже. Впрочем, большинство этих секций уже на лондонской конференции считались действительно существующими. Отчет о конгрессе в Лозанне сообщает, что ко времени женевского конгресса секции существовали не только в крупных городах — Париже, Лионе, Бордо, Руане, Кане, но и в других 12 городах, которые называются там поименно; что же касается Марселя, Сент-Этьенна, Эльбефа и Лиможа, то отчет не упоминает о них.

***) В одном письме к Кугельману от 15 января 1866 года (см. «Neue Zeit» XX², стр. 32) Маркс признает оффициальными органами Интернационала лишь «The Workmans Advocate» в Лондоне, «La Tribune du peuple» в Брюсселе, «Journal de l'Association Internationale des Travialleurs», орган романской секции в Швейцарии и «Vorbote».

вались и другие секции в Юре, а именно, в Бонкуре, Биене, Сонвиллье, С.-Имье, Поррантрue, Невшателе. Секция Ле-Локль основана одним старым ссыльным 1831 года и Джемсом Гильомом. В Женеве, Лозанне, Вевей и Монтрё, как было установлено уже на лондонской конференции, секции были основаны уже в 1865 году Беккером и Дюпле. Важно помнить это обстоятельство, так как оно будет играть известную роль в споре юрских секций.

В Испании, в центре промышленности, в Барцелоне также появился орган Интернационала «El Obrero» («Рабочий»). Движение в Испании преимущественно направлялось в сторону рабочих производительных ассоциаций для взаимной поддержки и помощи. Движение в Италии было, несмотря на неоднократные выражения симпатии Интернационалу, почти всецело поглощено «национальным вопросом»—завоеванием Рима. В Соединенных Штатах Северной Америки федеральный рабочий конгресс в Чикаго 20 августа 1866 года, следовательно, за несколько дней до женевского конгресса, постановил присоединиться к Интернационалу для общих действий.

Таковы были главнейшие успехи пропаганды Интернационала, когда стал приближаться май, и, следовательно, должен был собраться первый конгресс Интернационала. Было очевидно, что в такой ранний срок, на чем так настаивали нетерпеливые французы, конгресс не может быть созван, если только заранее не будет решено, что многие вновь образованные и только что образующиеся секции на континенте не будут иметь своих представителей на конгрессе. Когда наступила весна, а генеральный совет даже и не думал приступать к подготовке съезда, то и старый Беккер начал было проявлять признаки нетерпения; в этом смысле он написал даже несколько писем генеральному секретарю для всей Швейцарии, Юнгу, которые мы приводим в приложении *). Но, в конце концов, он должен был убедиться, что он сам еще недостаточно подготовлен к конгрессу, и поэтому он внес от имени центрального комитета в Женеве формальное предложение отложить конгресс. Опрос, произведенный генеральным советом, показал, что это предложение принято всеми организациями за исключением Парижа; после этого генеральный совет единогласно постановил созвать конгресс 3-го сентября. Заседания конгресса должны были продолжаться 5 дней, при чем он должен был выполнить про-

*) См. приложение, письма Беккера от 1866 г.

грамму лондонской конференции, состоявшую из двух частей: во-первых, окончательное конституирование Интернационала и установление его новейшей организации, а во-вторых, выяснение путей и целей рабочего движения и истинного соотношения между отдельными средствами борьбы. Первая цель достигалась выработкой статутов и уставов, а второй цели должны были служить резолюции относительно ассоциаций, уменьшения рабочего дня, женского и детского труда, коопераций, профессиональных союзов, прямых и косвенных налогов, международных кредитных учреждений, постоянных армий, религиозных идей и т. д. Резолюция о польском вопросе имела при этом скорее демонстративный характер *).

Манифест Интернационала.

И действительно, необходимость такого самоуяснения стала чувствоваться всеми довольно остро. Достаточно было бросить взгляд на прессу, которая претендовала на представительство идей Интернационала, чтобы воочию убедиться в неизбежной обязанности столковаться относительно средств и путей освобождения рабочего класса. В то время, как Куллери в своем «Голосе Будущего», имевшем много читателей в Бернской Юре, выступал в защиту расплывчатого гуманитарного радикализма, горячо и умело пользуясь также известной социалистической фразеологией, в это самое

*) В одной записке, адресованной Юнгу 20 ноября 1865 г., Карл Маркс набрасывает следующий порядок дня: I. *Вопросы, относящиеся к Интернационалу,* а именно: 1. Организационные вопросы. 2. Взаимно-вспомогательные учреждения для членов Ассоциации. Моральная и материальная помощь сиротам Ассоциации. II. *Социальные вопросы:* 1. Кооперативный труд, 2. Уменьшение рабочего дня, 3. Женский и детский труд, 4. Ремесленные союзы, их история, современное положение и будущее, 5. Комбинированные действия через посредство Интернационала в борьбе между капиталом и трудом, 6. Интернациональный кредит. Основание международных кредитных учреждений, их форма и способ действия, 7. Прямые и косвенные налоги, 8. Постоянные армии в их связи с производством. III. *Международная политика.* Необходимость сломить русское влияние в Европе путем признания за народами права на самоопределение и восстановить Польшу на демократических и социалистических основаниях. IV. *Философские вопросы:* Об отношении религиозной идеи к социальному, умственному и политическому развитию. «Остальные вопросы», прибавляет Маркс, «Юнг найдет в сообщении «Workmans Advocate» о лондонской конференции».

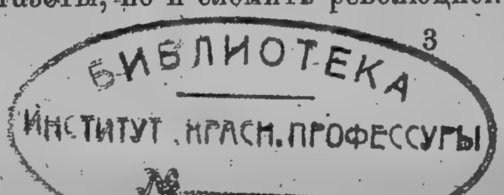
время парижская «Ассоциация» и газета «Mutualité» проповедывали выветрившийся прудонизм, а многочисленные радикально-буржуазные органы старались вести выгодную посредническую торговлю между буржуазным и пролетарским лагерями, и на их удочку рабочие попадались слишком часто. Итак, необходимо было, не употребляя теоретического насилия над какой-либо группой рабочего движения, яснее и резче отграничиться от буржуазного лагеря, углубить идею классовой борьбы, эту основную мысль Манифеста, и в то же время достигнуть полного соглашения между призванными представителями рабочего класса по вопросу об общем направлении классовой борьбы, об экономической и политической борьбе, о формах и значении различных боевых средств, об Ассоциации, профессиональных союзах и т. д.

Это и дает нам основание лишь теперь перейти к рассмотрению Манифеста, который был принят и обнародован временным генеральным советом почти двумя годами раньше. Этот адрес, как и статуты и уставы, до этого момента носил чисто временный характер, и лишь на конгрессе в Женеве он стал признанным официальным актом.

Семнадцать лет тому назад, когда Союзу Коммунистов пришлось обсуждать представленный Марксом и Энгельсом Коммунистический Манифест, такое обсуждение отняло много времени. В то время второй конгресс, созванный Союзом Коммунистов с целью реорганизации Союза и соглашения относительно общего содержания пропаганды, десять дней занимался обсуждением основных воззрений Манифеста, и новая программа была, наконец, единогласно принята, после упорных возражений и сомнений. Конечно, и в то время Марксу приходилось иметь дело с умственной аристократией рабочего класса, с людьми, теоретическое развитие которых заставило его уже в 1844 году по поводу книги Вейтлинга о «Гарантиях гармонии свободы» написать следующие горячие строки: «Если сравнить трезвую, трусливую умеренность немецкой политической литературы с этим беспримерным блестящим дебютом немецких рабочих; если сравнить исполинские сапожки пролетариата с карликовыми и истоптанными башмачками буржуазии, то мы должны заключить, что этот замарашка имеет атлетическое будущее». Семнадцать лет спустя, дело шло не об основании отборного пропагандистского общества, которое должно было схватить надвигающуюся революцию за чуб и сознательно толкать ее вперед к ее пролетарскому концу, а о создании *массового движения*, которое

велось бы не небольшой кучкой людей, которое должно было выступать самостоятельно и уяснить самому себе пути и цели. Поэтому в Манифесте не зачем было раскрывать поразительно новые перспективы универсального взгляда на историю и рассматривать политическое и экономическое положение рабочего класса со всемирно-исторической точки зрения противоречия между производительными силами и производственными отношениями (отношениями собственности), как это сделано в Коммунистическом Манифесте. Здесь достаточно было привести голые факты, выставить всю их официально установленную мерзость и показать всему капиталистическому миру в зеркале далеко зашедшего развития Англии его собственное страшное будущее. Ужасная нищета рабочих масс, которые еле-еле в состоянии поддерживать свою жизнь, существование которых в большинстве случаев является медленной голодной смертью, и рядом с этой нищетой безумное богатство имущих классов — такова была картина, которую представляла Англия, таков был «английский образец». Ведь «английские условия распространяются и на все промышленно развивающиеся континентальные государства, принимая только иную местную окраску и несколько меньший масштаб. Во всех этих государствах, начиная с 1848 года, наблюдается неслыханное развитие промышленности и чрезвычайное расширение ввоза и вывоза. Во всех этих странах наблюдается также поистине опьяняющее увеличение богатств и могущества, но все эти богатства достались исключительно имущим классам. Всюду огромные массы трудящихся классов впадали во все большую нищету, по крайней мере, с такой же быстротой, с какой высшие классы поднимались по социальной лестнице... Голодная смерть в столице британской империи в эту опьяняющую эпоху экономического прогресса возведена почти в ранг социального учреждения». В Коммунистическом Манифесте Карл Маркс рассмотрел всю историю человечества для того, чтобы развить исторический смысл революции; в Манифесте же Интернационала он ограничивается событиями последних двадцати лет, история которых известна всякому взрослому человеку, и при этом он апеллирует не к теоретическому разуму умственно развитых личностей, а к примитивному опыту последнего рабочего.

Затем Маркс переходит к обсуждению политического положения. Гневно отмечает он моральные результаты контр-революции, которой после 1848 года не только удалось железной рукой истребить все партийные организации газеты, но и сломить революцион-

ную энергию рабочего класса в эпоху лихорадочной промышленной деятельности, нравственного одичания и политической реакции. Поражение рабочих на континенте передалось по ту сторону канала; это поражение вернуло лэндлордам и фабричным магнатам их прежнюю смелость, и лучшие силы английского пролетариата, подкупленные временным улучшением условий труда и повышением заработной платы, благодаря открытию Калифорнии, примирились со своим политическим бесправием.

Только два крупных факта являются светлыми точками на фоне этой мрачной эпохи, и их-то Маркс особенно подчеркивает, очевидно, для того, чтобы на их примере показать всему пролетариату направление будущего пролетарского движения; такими светлыми точками являются билль о десятичасовом рабочем дне и удавшийся социальный опыт кооперативного движения, произведенный рочдэльскими пионерами. Десятичасовой билль он вполне основательно называет «победой принципа», так как этим положено начало вмешательству государства в великую борьбу между слепыми силами законов спроса и предложения, составляющих сущность буржуазной политической экономии, и сознательно регулируемым общественным производством, составляющим содержание политической экономии рабочего класса. «И поэтому-то билль о десятичасовом рабочем дне был не только огромной практической победой, но и победой принципа: впервые при ясном свете дня политическая экономия буржуазии была побеждена политической экономией рабочего класса».

Но еще большей победой рабочего класса был опыт рочдэльских пионеров, так как в отличие от билля о десятичасовом рабочем дне своим существованием он не был обязан скоропреходящему соотношению парламентских сил, а произведен был исключительно собственными силами группы рабочих, вполне сознававших всю трудность задуманного ими дела. Этот эксперимент явился фактическим опровержением утверждения буржуазной политической экономии относительно необходимости капиталистической эксплоатации, которая делит человечество на класс работодателей и наемных рабочих, и послужил доказательством превосходства ассоциированного труда, кооперативной работы. Конечно, «для того, чтобы спасти занятые в промышленности массы, кооперативный труд должен принять большой, национальный масштаб и последовательно поддерживаться средствами государства». Но это невозможно до тех пор, пока земельные и фабричные лорды монопольно

владеют своими политическими привилегиями. «В виду этого главной обязанностью рабочего класса является завоевание им политической власти». Поэтому-то в настоящее время всюду заметно стремление реорганизовать рабочую партию. Наличность масс является только одним из элементов успеха, но это еще не самый успех. Эти массы должны еще объединиться общей волей и сознательно стремиться к определенной цели *). Этой цели и служит Международная Ассоциация Рабочих.

В заключение адрес останавливается на внешнем толчке, приведшем к основанию Интернационала, на международной политике правительств, на польском вопросе. На примере войны с рабовладельческими южными штатами, на примере подавления Польши и Кавказа, следовательно, опять-таки на примерах из новейшей истории, Манифест указывает на обязанность рабочего класса «овладеть тайнами международного государственного искусства, зорко следить за дипломатическими шагами правительств, в случае

*) Здесь нельзя не признать отголоска лассальянской агитации. Тем не менее разница сразу бросается в глаза. Манифест предполагает инициативу рабочих в деле создания кооперативных предприятий и говорит лишь о том, чтобы *уже существующий* кооперативный труд «при поддержке государства принял национальный масштаб», тогда как Лассаль центром своего боевого плана сделал завоевание политической власти и всеобщее равное избирательное право, как предварительное условие такого завоевания, и *уже после этого* он думал создать производительные ассоциации с государственным кредитом. Для Лассаля завоевание политической власти являлось началом социальной революции, которая экономически совершится благодаря искусственному соединению ассоциаций с государственным кредитом. Для Маркса же такое завоевание являлось заключительным актом долгого революционного развития, в течение которого пролетариат развернет свою организацию в форме хозяйственной кооперации и концентрированных политических действий для того, чтобы в момент крушения буржуазного общества захватить государственную власть и с ее помощью произвести «деспотическое вмешательство в право частной собственности и буржуазные производственные отношения»: уже в Коммунистическом Манифесте он говорил об основании национального банка, национализации земли и недр и транспортного дела и об основании национальных фабрик. Ср. также женевскую резолюцию о кооперативных ассоциациях, стр. 45. Стоит отметить также, что редактированный Швейцером «Берлинский Социал-демократ», орган лассальянцев, напечатал Манифест в первом своем нумере, появившемся в конце 1864 года, и вообще занял дружественную по отношению к Интернационалу позицию. Подроб. см. **Mehring, «Geschichte der Deutschen Social-democratie», III, стр. 189.**

необходимости противодействовать им всеми имеющимися в распоряжении средствами, а если рабочий класс не в состоянии отразить удар, то он должен объединиться для своевременного протеста и провозгласить элементарные законы морали и справедливости, которые должны регулировать отношения между отдельными лицами и быть в равной мере высшими законами, регулирующими сношения между народами».

Манифест заканчивается следующими словами: «Борьба за такую внешнюю политику составляет часть всеобщей борьбы за освобождение рабочего класса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Трудно смотреть на этот Манифест, получивший молчаливое одобрение учредительного конгресса Интернационала в Женеве, как на «неполитическую» манифестацию. О неизбежной необходимости участия рабочего класса в политической жизни Манифест говорит не меньше трех раз, а именно: первый раз—при упоминании о десятичасовом билле, второй раз—при обсуждении возможности при помощи средств государства придать кооперативному труду национальный масштаб. В обоих случаях такое участие рабочего класса в политической жизни демонстрируется, как *средство* усилить всю экономическую борьбу рабочего класса. Впрочем, оба эти случая являются классическими примерами тесной связи, существующей между организаторской самодеятельностью и политическими действиями рабочего класса. Наконец, в третий раз, Манифест убедительно советует рабочему классу оказывать давление на внешнюю политику правительств, применяя при этом силу или пользуясь моральным воздействием общественного мнения. Таким образом, Манифест как раз и приходит к политическим выводам, к необходимости участия пролетариата во внутренней, национальной и внешней, международной политике.

Конгресс в Женеве.

На женевском конгрессе, длившемся с 3 до 8 сентября, было 45 делегатов от 25 секций Интернационала и 15 делегатов от 11 кооперирующих обществ; таким образом, на конгрессе присутствовало 60 делегатов, в том числе Дюпле и Беккер, представители французской и немецкой секций в Женеве, Куллери, представитель секции в Шо-де-Фон; Кремер, Дюпон, Эккариус, Оджер от генерального совета в Лондоне; Бюркли, делегат от Цюриха и

Ветцикона, Мюра, Варлен, Толен, Малон, Перрашон, Бурдон, Шемале и Фрибур от Парижа, Обри из Руана, Ришар от Лиона и мн. др. Англичане послали на конгресс 7 представителей, Париж—12, Лион—5; кроме того, были делегаты от Виенна, Руана, Кана, Бордо и некоторых других меньших городов. Английские делегаты имели точные инструкции относительно того, чтобы обратить внимание конгресса на пользу общего исследования положения трудящихся классов по плану, выработанному генеральным советом. Английские делегаты еще потому чувствовали свою силу на конгрессе, что все вопросы, относящиеся к порядку дня, предварительно обсуждались в генеральном совете, при чем они имели не только инструкции, но и важные разъяснения по этим вопросам. Среди представленных на конгрессе секций и кооперирующих обществ находились также и профессиональные союзы. Карл Маркс на конгресс не явился *).

Делегаты торжественной процессией в сопровождении женевской секции, при чем 11 профессиональных союзов несли свои знамена, направились к залу для заседаний конгресса, где собравшихся приветствовали Дюпле, Беккер и Куллери. Затем приступили к проверке мандатов, при чем обнаружились неправильности. Вопреки постановлению лондонской конференции о том, что право участия в работах конгресса и право голоса должны иметь лишь делегаты с мандатами, на конгресс явились некоторые отдельные члены Ассоциации из Франции, главным образом, из Парижа, требовавшие, чтобы их, просто как членов, допустили к участию в работах конгресса с правом голоса. Только благодаря энергичному протесту английских представителей, этим странным господам было указано на дверь, и по поводу права участия и права голоса конгресс сделал постановление совершенно в духе лондонской конференции. После этого было образовано бюро; первым председателем конгресса был выбран Юнг, генеральный секретарь для Швейцарии, вице-президентами были выбраны Дюпле и Беккер, а секретарями

---

*) В одном письме к Кугельману (см. «Neue Zeit» XX², стр. 61 f.) Маркс пишет перед женевским конгрессом следующее: «Хотя я и посвятил много времени подготовительным работам для женевского конгресса, однако я не могу, да и не хочу поехать туда, так как дальнейший перерыв моего труда невозможен. То, что я делаю своим трудом, я считаю гораздо более важным для рабочего класса, чем все то, что я мог бы quelconque сделать своим личным присутствием на конгрессе». Под своим трудом Маркс понимал здесь «Капитал», законченный через несколько месяцев.

Куллери, Кар (Женева), Молль (Золинген) и Бурдон. Руководить занятиями конгресса было нелегко, потому что французы неохотно подчинялись установелнному порядку дня, но, в конце концов, победа осталась за хладнокровием и тактом изъяснявшегося на трех языках председателя, который встретил сильную поддержку в настойчивом и разумном поведении английских и немецких делегатов.

Обсуждение того огромного материала, который был представлен конгрессу лондонской конференцией, тормозилось еще и тем, что англичане, французы и немцы ко всем намеченным лондонской конференцией вопросам порядка дня выработали толстые памятные записки, которые они по возможности хотели читать вслух. Хотя «Vorbote» и не может достаточно нахвалиться единством идей и поразительным согласием этих записок по основным пунктам, однако проявившиеся вскоре особенности и новые предложения, касавшиеся выработанного в Лондоне прядка дня, грозили внести беспорядочность в занятия конгресса, так что немецкая и немецко-швейцарская делегации сделали вполне понятное постановление читать отдельные выдержки из их записок лишь тогда, когда это окажется полезным для дела, во всех же остальных случаях присоединяться к тем объяснениям, которые заключаются в английской записке.

Для дальнейшего успеха Интернационала решающим вопросом являлся вопрос организационный, так как значение Интернационала именно и заключалось в его организации. Последняя должна была быть по возможности рассчитана на продолжительное время и отличаться прочностью, и поэтому в основу ее должна была быть положена известная централизация, которая предоставляла бы широкий простор энергии и инициативе генерального совета. Но в то же время организация должна была быть достаточно эластичной для того, чтобы рабочее движение в известной мере могло свободно развиваться при наличности различных национальных особенностей. Безусловно обязательный характер должны были, конечно, иметь генеральные статуты; эти статуты в то же время содержали теоретические основы классовой борьбы, которую пролетариат должен вести собственными силами, теоретические основы первичной экономической и затем уже вторичной политической зависимости рабочего и поэтому подчинения политической борьбы, как одного из средств борьбы, всеобщей экономической борьбе, которая, представляя не местную, не национальную, а международную социаль-

ную проблему, и должна вестись на интернациональной основе. Такой же обязательный характер должны были носить и организационные постановления о правах и обязанностях генерального совета, об отношении центральных комитетов национальных групп (позже называвшихся также федеральными советами) к генеральному совету и местным секциям, а равно те пункты устава, которые в том изложении, какое конгресс придал статутам, до мелочей регулировали все здание организации. На основании всей внутренней структуры Ассоциации мы можем усомниться в том, могли ли также претендовать на всеобщеобязательное значение постановления большинства конгресса по таким сложным вопросам, как вопрос о значении отдельных средств борьбы, стачек, союзов и т. д., поскольку они не были установлены в статутах, как, напр., политическая борьба. Напротив, постановления позднейших конгрессов относительно уничтожения частной собственности в известных отраслях промышленности, в транспортном деле, частной собственности на землю и недра земли имели, очевидно, тоже принципиальный и, следовательно, обязательный характер, делая для всякого «антиколлективиста» невозможным пребывание в рядах Интернационала.

Окончательная организация Интернационала после принятия генерального устава была принята довольно скоро. Основой для обсуждения служили временные постановления, принятые еще в 1864 году, а равно представленные конгрессу записки к ним. Была избрана комиссия из 13 человек (5 французов, 3 англичанина, 2 швейцарца и 4 немца), которая после горячих двухчасовых прений представила окончательную форму устава на немецком, французском и английском языках. Проект комиссии подвергался статья за статьей обсуждению общего собрания конгресса и был принят последним единогласно.

Генеральный устав в своей окончательной форме лишь незначительно отличался от временного статута, бывшего в силе два года. Общие теоретические основания были повторены дословно; они были напечатаны на обратной стороне всех членских билетов (в приложении мы даем факсимиле членского билета Юнга), и их можно резюмировать в форме следующих положений: освобождение рабочего класса может быть лишь делом самого рабочего класса; борьба за это освобождение никоим образом не является борьбой за классовые привилегии и монополии, а это есть борьба за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господ-

ства. Экономическая зависимость рабочего от монополистов средств существования рабочего лежит в основе всех видов рабства, всех видов социальной нищеты, духовной гибели и политической зависимости. Поэтому улучшение экономического положения рабочего класса является великой целью, которому всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство. Все попытки, направленные к достижению этой цели, до сих пор терпели неудачу благодаря недостатку единения между различными слоями рабочих одной и той же страны и рабочими классами различных стран. Освобождение рабочего класса представляет не местную, не национальную, а социальную проблему, охватывающую все страны, в которых существует современное общество; эта проблема может быть разрешена только теоретическим и практическим содействием наиболее передовых стран. К этим общим положениям временного статута комиссия прибавила еще некоторые рассуждения о правде, справедливости и морали в отношении ко всем людям без различия цвета кожи, веры и национальности, провозгласив в то же время принцип: никаких прав без обязанностей, никаких обязанностей без прав; это прибавление является излишним в виду того, что временный статут уже провозгласил борьбу за равные права и обязанности. Далее, комиссия внесла совершенно незначительные изменения в специальную часть, говорившую о правах и обязанностях генерального совета. Так, комиссия провозгласила суверенность конгресса по отношению к генеральному совету, предоставив первому право ежегодно определять местопребывание генерального совета, выбирать членов последнего и назначать время и место ближайшего конгресса. Только в крайних случаях генеральный совет может изменять место, но не время созыва конгресса. Далее, генеральному совету предложено было издавать время от времени бюллетень с извещением о положении дел. Затем были подробно определены права членов, между прочим право членов при переезде в другую страну находить там братскую помощь, и, наконец, к статутам был прибавлен предложенный Эккариусом, Куллери, Бюркли и Фрибуром регламент, подробно нормирующий задачи генерального совета, устанавливающий единовременный взнос за 1866—67 г.г. в 30 сантим. с каждого члена и разрешающий ему оплачивать труд его собственного генерального секретаря. Центральные управления всюду, где это возможно, должны учреждаться, руководствуясь общностью языка. Этот устав также был принят почти единогласно.

И все-таки именно этот принятый в Женеве устав в следующие годы навлек на генеральный совет самые ужасные обвинения. Во время борьбы, которую пришлось вести генеральному совету против сепаратизма юрской федерации и анархических наклонностей бакунистов, не устыдились даже бросить генеральному совету в Лондоне, и в частности Карлу Марксу и «марксистской клике» совершенно недоказанное, а в одном случае даже бессмысленное обвинение в «подделке статутов, и эта позорная ложь оказалась столь живучей, что еще 15 лет спустя ее набожно повторил Поль Брусс в своей брошюре: «Le Marxisme et l'Internationale». До тех пор, пока тенденции к расколу выступали робко и в скромной форме, генеральный совет ограничивался тем, что он противопоставлял сторонникам раскола генеральные статуты и принципы организации Интернационала. После этого юрасцам пришла остроумная идея объявить устав генерального совета подложным».

При этом им на помощь пришли некоторые чисто случайные моменты. Мы еще будем говорить о том, с какими странными препятствиями пришлось встретиться при составлении и обработке женевского протокола. Здесь же достаточно пока отметить тот факт, что генеральный совет по причинам, изложенным им лозаннскому конгрессу, не мог в течение года распространить женевского протокола в форме массовых брошюр. Да и официальный протокол генерального совета, составленный уже раньше, появился лишь в 1867 году. Этим обстоятельством и воспользовались юрасцы для того, чтобы подменить офицальный протокол будто бы первым (так как он был издан первым) отчетом, тотчас же напечатанным по постановлению женевского конгресса. Этот отчет заключался в небольшой брошюре в 30 страниц, носившей такое заглавие: «Compte rendu du Congrès ouvrier de l'Association Internationale des Travailleurs, tenu à Genève du 3 au 8 septembre 1866». Неизвестный автор брошюры не располагал никаким официальным материалом, так как по постановлению женевского конгресса протокольные листы немедленно отсылались в Лондон *).

---

*) «Vorbote» 1866 стр. 136. — Среди книг, оставшихся после Юнга, находится одна брошюра: «Congrès ouvrier de l'Association Internationale des Travialleurs, fenu à Genève du 3 au 8 septembre 1866». Эта брошюра содержит 30 страниц; появилась она в 1866 году в Женеве в издании Дюкоммена и Эттингера, и в ней, конечно, не имеется слов: comme moyen (как средство). Если эта брошюра, что весьма вероятно, тождественна с отчетом о конгрессе, на кото-

Точно так же памятная записка юрасцев, с любовью которых к басням мы еще не раз встретимся, считает текст этой брошюры официальным изложением, во-первых, потому, что эта брошюра появилась раньше официального отчета генерального совета, а во-вторых—слушайте!—потому, что женевский конгресс принял генеральные статуты — «что известно не всем» — во французском изложении. Второе утверждение, «о котором никто ничего не знает», является наглой ложью *), которая опровергается достоверным показанием Ж. Ф. Беккера, выразительно подчеркивающего тот факт, что статуты были составлены комиссией на трех языках,—немецком, французском и английском, и то же самое подтверждается также регламентом **). Таким образом, здесь не приходится говорить об «официальном французском тексте» женевского анонима. Напротив, генеральный совет уже в 1864 году, когда был напечатан первый временный проект устава, распространенный также в переводе на французский язык, обратился к французской генеральной секции в Париже и к отдельным более значительным секциям с просьбой дополнить пропущенные во французском издании устава места; но эта просьба ни к чему не приводила, так как французы оправдывали эти изменения бонапартистским деспотизмом полиции, которой они будто бы не желают давать повода вмешаться ***). Это оправдание субъективно и теперь еще не заслуживает доверия. Беккер тоже говорит о французской записке, представленной конгрессу, что «она несомненно носит на себе следы боязни перед отечественным деспотизмом и иногда боится высказать настоящие заключительные выводы для того, чтобы не компрометировать существования Ассоциации» (см. «Vorbote», 1866, стр. 144).

рый ссылаются юрасцы, то этим самым падает последний базис обвинения, возведенного юрасцами. Дело в том, что этот отчет излагает все статуты в сильно сокращенном телеграммном стиле, при котором исчезают все оттенки, тем подробнее зато распространяясь о предложениях и докладах, сделанных на конгрессе французами.

*) Маркс говорил об «ошибочном переводе», юрасцы и вслед за ними Поль Брусс ответили «наглой ложью». Наглые лжецы, конечно, — но кто?

**) «Vorbote» 1866 г. стр. 137, 139.

***) Ср. послание генерального совета от 1 января 1870 года, помещенное в «Neue Zeit» XX², стр. 479. Впрочем, не совсем, конечно, удобно приводить этот случай, как доказательство против обвинения в подделке, так как в таком случае генеральный совет, т.-е. обвиняемый, выступал бы в роли свидетеля со стороны защиты.

В виду общей в то время робости французов, вполне понятно, если в брошюре, рассчитанной на французских читателей, было вычеркнуто все то, что могло бы вызвать полицейское преследование. Но что когда-нибудь найдутся люди, которые затем обернут копье и станут обвинять в «подлоге» издателей настоящего текста, это не могло притти в голову ни издателю брошюры, ни Ж. Ф. Беккеру, когда он писал свои случайные заметки, которые нам теперь так пригодились.

В чем же состояла подделка и какую цель она преследовала?

Во-первых, генеральный совет в предложение о подчинении политического движения всеобщей экономической борьбе вставил слова «как средство» для того, чтобы этой вставкой сделать политические действия обязательными и вытеснить из Интернационала сторонников политического воздержания *). Такая подстановка является поистине детским вероломством. Очевидно, что слова «как средство» имеют своей целью несколько точнее обозначить понятие подчиненности политических действий; таким образом будучи далеко от того, чтобы переоценить значение политической деятельности, эти слова скорее предназначены для того, чтобы выставить политическую деятельность лишь как вспомогательное средство **).

Да и весь мотив, которым будто бы должен был руководствоваться генеральный совет в этой подделке, придуман по-детски глупо. Наконец, памятная записка юрасцев сама бьет себя в лицо: 40 страницами раньше ***) она печатает чрезвычайно интересное письмо, которое Юнг, как генеральный секретарь Швейцарии, написал в июне 1870 года юрской федерации по поручению генерального совета. В постскриптуме там сказано следующее: «Мы вполне дружески напоминаем Вам, что наши статуты говорят, что каждое политическое движение должно быть подчинено экономическому движению, как средство». Орган юрасцев «Solidarité» напечатал это письмо, сопроводив его комментариями; но в то время юрасцы еще не знали о «подделке, и их орган понял напоминание Юнга в том смысле, что статуты говорят в пользу толкования генерального совета, потому что в то время подделка» еще не была «открыта».

*) Memoire présenté par la Federation Jurassienne etc., стр. 206.

**) Юрасцы знали это отлично, и поэтому они в другом месте говорили с насмешкой, что они так далеко заходят в деле «подчинения» политической деятельности, что они вообще не проявляют такой деятельности.

***) Memoire etc., стр. 160.

В сущности ни одно из оспариваемых юрасцами мест устава не находит себе столь ясного и многократного подтверждения, как эти именно слова: «как средство». Не подлежит ни малейшему сомнению, что эти слова содержались во временном проекте; об этом прежде всего свидетельствует «Vorbote» *). Решающее значение, конечно, имеет окончательно принятый текст устава, но и там, по свидетельству «Vorbote», имелись эти оспариваемые слова **). «Vorbote» является в данном случае тем более достоверным свидетелем, что он точно указывает те изменения, которые были внесены во временный статут, так что, напр., второе место, будто бы «поддельно» вставленное генеральным советом, он воспроизводит во временном, но не в окончательно принятом генеральном уставе. Два французских ***) издания женевских статутов 1866 года также содержали эти два слова.

Далее, то, что эти слова содержались в уставе, подтверждается воззванием генерального совета к членам примкнувших к Интернационалу обществ от 9 июля 1867 года (это воззвание было обнародовано в Commonwealth), затем историей Интернационала Эйхгофа ****), появившейся в 1868 году, многочисленными членскими билетами, на обратной стороне которых был напечатан устав, и, наконец, тем, что орган юрасцев «Solidarité» оставил постскриптум юнговского письма без возражений. Этого вполне достаточно.

Иначе обстоит дело со второй «подделкой». Здесь уже генеральный совет обвинялся в том, что он вставил слова: «Генеральный совет уполномочен произвольно увеличивать число своих членов» и тем самым присвоил себе право кооптации. Факт тот, что эти слова находились в организационном проекте *****), но что их не

---

*) «Vorbote», 1866, стр. 64.

**) «Vorbote», 1866, стр. 137.

***) «Association Internationale des Travailleurs», Londres 1866. Manifest de l'Associatio Internationale suivi du Réglement provisoire. Bruxelles 1866.

****) Eichhoff. «Die Internationale Arbeiterassociation», стр. 16: «als blosses Mittel» (только как средство). Примером того, с каким некритичэским легкомыслием работает Тестю, может служить следующее: на стр. 63 своего Интернационала он приводит слова «как средство», а на стр. 111 этих слов уже нет. Он никогда не отдавал себе отчета в этой разнице.

*****) «Vorbote», 1866, стр. 74. Впрочем, это постановление заключалось уже в самой первой резолюции, принятой 28 сентября St. Martins Hall.

имеется в окончательно принятом уставе *). Весьма возможно также, что это несколько суверенное постановление пало жертвой уже упомянутой тенденции уставной комиссии урезать права генерального совета. Тем не менее фактически установлено, что позже обнародованные генеральные статуты заключали в себе эти слова.

Как объяснить это?

Да очень просто тем, что фраза, вычеркнутая, вероятно, в 1866 году в Женеве, была снова вставлена в 1867 году на конгрессе в Лозанне. «Vorbote» сообщает следующее **): «Генеральный совет был также уполномочен в случае надобности пополнять свой состав новыми членами». Но известно, что вследствие различных приключений, которые испытал протокол, статуты вообще еще не получили ко времени Лозаннского конгресса широкого распространения в массах. Таким образом, мы можем допустить, что генеральный совет и в толковании статутов восстановил вновь признанное за ним право кооптации, и сделать это он, без сомнения, имел право. Таким образом, когда устав, наконец, был распространен, то в нем оказались зачеркнутые в Женеве места, и о «подделке», следовательно, не может быть и речи ***).

Мы считаем необходимым уже в этой главе окончательно опровергнуть возражения против подлинности статутов, хотя эти возражения появились лишь четыре и даже больше лет спустя. Но точное установление текста устава относится, очевидно, к задачам отчетов о женевском конгрессе.

Непродолжительные, но интересные дебаты возникли по поводу пункта устава о приеме членов. Некоторые французские делегаты— Фрибур, Толен внесли предложение о том, чтобы в качестве членов могли приниматься только ремесленные работники. Это предложение поддерживал Дюпле, но англичане Оджер, Эккариус, Картер, Гоппенворт, а равно Беккер и Куллери горячо выступили против него, и в заключение это предложение было отвергнуто огромным большинством голосов.

---

*) «Vorbote», 1866, стр. 38.

**) «Vorbote», 1866, стр. 18.

***) Впрочем, оба раньше цитированных французских издания подтверждают право генерального совета, которое затем оспаривалось. В первом издании мы находим: en lui laissant le droit de s'adjoindre de nouveaux membres supplémentaires: второе издание описывает это право так: selon les besoins de l'Association.

Суждения по остальным пунктам порядка дня, касавшегося, главным образом, вопросов международной помощи, так же тесно примыкали к английской памятной записке, как и прежние решения относительно устава и организации. Английская памятная записка, как мы узнаем из одного письма Карла Маркса к Кугельману *), вышла из-под его собственного пера и умышленно ограничивалась такими пунктами, «которые непосредственно доступны пониманию рабочих, которые непосредственно выясняют нужды классовой борьбы и дают толчок организации рабочих в самостоятельный класс». В том же месте «Neue Zeit» Каутский, разбирая принятые в Женеве резолюции, вполне верно замечает, что еще и теперь мы можем подписаться почти под каждым их словом, так как эти резолюции еще и теперь дают самую ясную и самую точную из всех формулировок, какие вообще могут быть высказаны по этим вопросам. Только французы, особенно же парижане, и верный самому себе Куллери из Шо-де-Фон попытались пустить в ход свою прудонистическую фразеологию, при чем единственным результатом этой попытки было то, что они доставили себе удовольствие поговорить и обнаружили свое невежество. Карл Маркс, внимательно и со страхом следивший за работами конгресса, остался вполне доволен ходом занятий и принятыми резолюциями, его огорчала лишь невежественная болтливость французов. Он уже тогда из их речей прекрасно понял, с кем он имеет дело, и в том же письме он удачно охарактеризовал их так: «Эти люди отвергают всякое *революционное* id est (т.-е.), вытекающее из классовой борьбы действие, они отвергают всякое концентрированное общественное движение, следовательно, и такое движение, которое проводится *политическими средствами* (как, например, законодательное уменьшение рабочего дня)».

Что касается международного содействия в борьбе между капиталом и трудом, то принятая конгрессом в духе памятной записки резолюция указывает на то, что задачей Ассоциации является «борьба с интригами капиталистов, которые постоянно готовы в случае приостановки работ и стачек воспользоваться рабочими чужих стран, как орудием для того, чтобы сломить сопротивление своих собственных рабочих». Далее, Ассоциация должна по собственной инициативе предпринять статистическое исследование

*) См. «Neue Zeit», XX², стр. 62.

положения рабочего класса во всех странах и с этой целью привлечь местные секции для выполнения опросного листка, проект которого при сем прилагался. Не обошлось без того, чтобы французы, к которым в данном случае присоединился неутомимый пропагандист идеи товариществ, Ж. Ф. Беккер, тотчас же не заговорили пространно об опасности стачек; вместо последних они рекомендовали, как универсальное средство, основывать производительные товарищества на началах взаимности и круговой ответственности для того, чтобы «превратить заработную *плату* в трудовой *доход*». Такое же упрямство обнаружили они и при обсуждении вопроса об *ограничении рабочего дня.* Докладная записка, указывая на социально-гигиенические последствия чрезмерно большого рабочего дня и на движение в пользу 8-часового рабочего дня в Соединенных Штатах, который, впрочем, через два года был введен североамериканским законодательством в государственных предприятиях, формулировала требование восьмичасового рабочего дня и отмены ночных работ и в то же время требовала установления дневного периода рабочего времени, так как опыт Англии свидетельствует о склонности капитала нарушать закон. Но французы опять-таки лучше знали это. Не имея за собой ни малейшего опыта по части деятельности профессиональных союзов, Куллери и Vuillemier защищали 10-часовой рабочий день, но лучше знакомые с предметом англичане (десятичасовой билль!) так основательно возражали им, что даже французская делегация внесла резолюцию о восьмичасовом рабочем дне, конечно, украшенную фразами о естественных правах человека и прудонистической теорией ценности. Как мы видим, уже в то время нарождалась та социально-политическая мудрость, последний акт которой привел затем на испанском конгрессе в Сарагоссе весною 1872 г. к отказу обсуждать вопрос о восьмичасовом рабочем дне, так как такое обсуждение «означало бы ограничение великой цели, полного уничтожения наемного труда». Окончательно осрамились французы при обсуждении вопроса о *женском и детском труде.* Докладная записка признавала тенденцию современной промышленности втягивать в процесс производства женщин, подростков и детей здоровым и целесообразным прогрессом, она заклеймила только отвратительную форму осуществления этой тенденции при капитализме. Затем она выработала вполне революционную программу «интегрального», т.-е. телесного, духовного и политехнического воспитания детей по трем возрастным группам, при чем работа должна была быть связана с физическим и духов-

ным развитием ребенка. Но достижение этого общественно более высокого состояния возможно лишь «путем превращения социального разума в политическую силу», т.-е. при данных условиях оно возможно лишь при помощи «всеобщих законов, проведенных силой государства». «Проведением таких законов рабочий класс не способствует укреплению правящей власти». Напротив, он подчиняет себе ту силу, которая теперь направляется против него. При помощи всеобщего законодательного акта рабочий класс достигает таких результатов, которые при изолированных индивидуальных стремлениях оказались бы лишь бесполезной попыткой». Поэтому уже при современном общественном строе следует стремиться к изданию таких законов, при которых производительная работа детей постоянно была бы связана с образованием, и притом как с духовным, так и систематическим физическим и политехническим воспитанием; последнее должно заключаться в сообщении детям общих научных основ всех производственных процессов и в том, чтобы научить детей практически обращаться со всеми инструментами. Дети должны быть распределены по трем возрастным группам. Докладная записка надеется, что таким путем рабочий класс скоро сумеет значительно опередить высшие и средние классы. Самое важное в этом проекте заключалось в том, что в самом современном производстве он находил воспитательные и образовательные элементы будущего. Тем не менее, эта ясная воспитательная программа тотчас же заставила мастера фразы, Куллери, произнести сентиментальную импровизацию об эмансипации женщин, при чем вся его речь представляла филистерский гимн роли женщины у домашнего очага. Часть парижских делегатов внесла резолюцию, которая «с физической, моральной и социальной точек зрения осуждала работу женщин, как принцип вырождения», и указывала женщине место в семье, где она должна быть воспитательницей детей; другие парижские делегаты переняли эту мелкобуржуазную точку зрения и остроумно связали ее с новым восхвалением прудонистической «кооперации», но, в конце концов, проект генерального совета, и, следовательно, английская записка, был единогласно принят вместе со всеми вытекавшими из него предложениями. Французы совершенно упустили из виду, что они сами основательнейшим образом не поняли английской записки.

Теперь уже последовала резолюция генерального совета по поводу универсального целебного средства французов—кооперативного труда. Замечательно, что дискуссия по этому вопросу не

слишком уклонялась в сторону, хотя трезвое и сдержанное отношение докладной записки к кооперации вряд ли могло удовлетворить французов, и хотя уже в первом абзаце резолюции, — «осуждавшем всякого рода доктринерские системы», заключался явственный укол по адресу прудонизма. Отказавшись провозгласить специальную систему «кооперации», резолюция указывает на то, что в классовой борьбе задача кооперации должна заключаться в том, чтобы наряду с другими факторами явиться крупной силой, изменяющей условия жизни современного общества. Но для того, чтобы превратить огромное общественное производство в систему кооперативного труда, требуется нечто большее, чем эти карликовые формы развития численно слабых и изолированных групп наемных рабочих. Для этого нужны общие социальные изменения, которые могут быть введены в жизнь лишь организованными силами общества, а для этого—здесь повторяются мысли, высказанные в Манифесте по поводу рочдельских пионеров—государственная власть должна перейти из рук капиталистов и землевладельцев в руки самих рабочих. Но там, где уже берутся за кооперацию, там последняя не должна оставаться в форме потребительных обществ, а развиться в производительные товарищества, так как только такие производительные товарищества затрагивают самые основы экономического существования современного общества. В то же время эти товарищества должны отдавать часть своих доходов в особый фонд для пропаганды своих идей, при чем всюду должны быть созданы гарантии того, что эти кооперативные общества не превратятся в обычные буржуазные предприятия, живущие эксплоатацией. Французов интересовал в этой резолюции лишь последний пункт, который они еще раз подчеркнули особой резолюцией. Лозаннская секция получила торжественное поздравление за то, что она взяла на себя постройку общественных зданий, тем самым помешав задуманному предпринимателями понижению заработной платы, а также за основанные ею кредитные учреждения *).

Записка генерального совета о профессиональных союзах

---

*) Предприятие лозаннской секции через некоторое время рухнуло. Дело велось плохо, так что его пришлось оставить, и это нанесло Интернационалу в Лозанне такой удар, от которого он долго не мог оправиться. Memoire de la Fédération Jurassiene, стр. 37.

является блестящим манифестом. Рассматривая историю профессиональных союзов, записка исходит из факта социального превосходства капитала, концентрированного труда над простой индивидуальной рабочей силой и затем переходит к оценке различных попыток рабочего класса путем образования союзов устранить это неблагоприятное для них соотношение,—попыток, которые постоянно терпели крушение вследствие конкуренции между самими рабочими. Первоначальной целью профессиональных союзов являлось уничтожение или, по крайней мере, ослабление этой конкуренции, но постепенно их непосредственная задача ограничивается отпором беспрестанному вмешательству капитала, вопросами заработной платы и рабочего дня.—«Такая деятельность профессиональных союзов, говорится далее в записке, является не то что законной, а прямо необходимой. Она неизбежна до тех пор, пока продолжает существовать современный строй. Напротив, ее необходимо расширить путем установления связи между профессиональными союзами всех стран. Затем в записке проводится замечательная социально-историческая аналогия, которая, впрочем, встречается уже в «Нищете философии» *). «С другой стороны, профессиональные союзы бессознательно явились центрами организации рабочего класса подобно тому, как средневековые муниципалитеты были организационными центрами буржуазного класса. Если профессиональные союзы в качестве организаций, стремящихся к уничтожению конкуренции между рабочими, необходимы для ежедневной партизанской войны между капиталом и трудом, то они имеют еще гораздо большее значение в качестве организованных рычагов для уничтожения системы наемного труда и господства капитала». Затем резолюция, переходя к обзору современного положения профессиональных союзов, развивает «новый тред-юнионизм». «Профессиональные союзы уделяли слишком мало внимания непосредственной борьбе с капиталом; они не вполне еще поняли значение своей деятельности в борьбе с теперешним способом производства, они держались в стороне от общего социального и политического движения. Но в новейшее время, по крайней мере в Англии, профессиональные союзы пришли к сознанию своей великой исторической задачи».—Доказательством тому могут служить постановления тред-юнионистского конгресса в Шеффильде. Будущее про-

*) Karl Marx. «Das Elend der Philosophie», стр. 180.

фессиональных союзов основано скорее на том, что «они сознательно должны научиться действовать в качестве огромных фокусов организации рабочего класса, что они должны поддерживать всякое социальное и политическое движение, направленное к этой цели, а на себя самих смотреть, как на активных передовых борцов целого класса. Этим самым они обратят на свою тактику внимание еще отсталых слоев пролетариата, напр., сельских рабочих, и даже последний рабочий убедится в том, что их цель, чуждая ограниченности и эгоизма, заключается в полном освобождении угнетенных миллионов людей». Французы не могли удержаться от того, чтобы и эту классическую резолюцию о профессиональных союзах не испортить жалким прибавлением, что «раньше, благодаря цеховому строю и привилегиям мастеров; рабочий был рабом, что существующие теперь законом установленные отношения представляют полную анархию, в будущем же рабочий будет одновременно производителем, капиталистом и потребителем». Конгресс был настолько уступчив, что в резолюцию генерального совета включил и эти неудачно формулированные общие места.

Записка генерального совета по вопросу о прямых и косвенных налогах устанавливает прежде всего то положение, что формы обложения не могут внести существенных изменений в отношения между капиталом и трудом и что тем не менее из экономических и политических соображений необходимо требовать уничтожения всех косвенных налогов и замены их прямыми налогами. Французы разразились мелодраматическим проклятием по адресу бюрократии и полицейской инквизиции, а гражданин Куллери горячо высказался за один только прямой налог. Кроме того, французы, как истинные пророки прудонизма, контрабандным путем провезли еще одну не стоявшую в порядке дня резолюцию о необходимости изучения вопроса об организации международных кредитных учреждений и центрального банка Интернационала, при чем на эту удочку прудоновского евангелия попался старый Иоанн Филипп Беккер и даже английская делегация; это доказывает, что и англичане в смысле теоретической ясности оставляли желать многого. Что же касается резолюции генерального совета против русского империализма и за восстановление Польши, то она вызвала небольшие разногласия среди членов конгресса. Фрибур от имени французской делегации, отчасти принимавшей два года тому назад участие в польском митинге в Лондоне, внес предложение о том,

чтобы конгресс воздержался от голосования по «запутанному национальному вопросу», а ограничился общим проклятием по адресу деспотизма во всех его видах и во всех странах. Не задело ли французов то обоснование, какое генеральный совет придал своей резолюции? Там говорилось о том, что весь мир феодальной аристократии и буржуазии смотрит на эту темную азиатскую силу, как на последний оплот своего государства, что обезвредить эту силу возможно лишь путем восстановления Польши на демократических основаниях, и что поэтому от решения польского вопроса зависит, останется ли Германия форпостом священного союза, или же она сделается союзником республиканской Франции. К тому же и рабочее движение будет постоянно прерываться, задерживаться и замедляться до тех пор, пока не будет решен этот великий европейский вопрос; инициативу в этом деле должен поэтому взять на себя именно рабочий класс в Германии. Сопоставляя позднейшие факты из жизни Интернационала в романских странах, нельзя отрицать, что французы, с которыми голосовали также некоторые делегаты Женевы и Ваадтлянда, были задеты этим упоминанием о немецком рабочем движении. В конце концов, старый Беккер предложил компромиссную резолюцию, согласно которой в общую резолюцию французов о деспотизме должно было быть включено специальное требование уничтожения русского империализма и создания социальнодемократической Польши. Эта резолюция не являлась, конечно, последним словом мудрости, тем не менее она была принята единогласно. Резолюция о постоянных армиях и о всеобщем народном вооружении также дала французам случай громить тиранов; эта резолюция была принята с добавлением об учреждении боевых отрядов во всех секциях Интернационала. Следующий вопрос о религиозных идеях и их влиянии на политическое, социальное и интеллектуальное развитие снова вызвал красноречивые потоки слов о религии и морали, догме и культе и т. д., и т. д. В конце концов, по предложению Оджера, конгресс решил перейти к очередным делам. В заключение, обеими женевскими секциями было внесено предложение о повсеместном устройстве касс вспомоществования на случай болезни и об интернациональной централизации их с взаимной ответственностью. После продолжительных дебатов конгресс, по предложению Оджера, поручил секциям изучить этот вопрос и собрать фактический материал.

Избрав Лондон местопребыванием генерального совета, едино-

гласно утвердив временный генеральный совет в его функциях и постановив собраться на следующий конгресс в Лозанне в начале сентября 1867 года, первый конгресс Интернационала закрылся после шестидневных трудов.

Во время заседания конгресса по инициативе английских делегатов устраивались общие собрания рабочих всех почти производств, и на этих собраниях англичане блестяще проявили свой профессиональный опыт *). Немецкие и немецко-швейцарские делегаты также устроили частные вечерние собрания под председательством Беккера; на этих собраниях были рассмотрены отчеты касс; в принципе решено было централизировать больничные кассы, запрошено было мнение центрального комитета о выполнимости этого плана и поручено было местному комитету женевской секции и на сей раз исполнять обязанности центрального комитета немецких секций. Наконец, центральному комитету было предложено выработать центральный устав, который определил бы отношения центрального комитета к секциям и генеральному совету, а равно полномочия центрального и местных комитетов. Эти постановления были очень скоро приведены в исполнение, и централизованной организации выпала такая роль в истории Интернационала, о которой не думал даже старый Беккер. Когда в 1869 году должен был собраться эйзенахский конгресс, то Беккер сделал еще отчаянное усилие взять молодую партию под сень своего центрального коми-

---

*) В английской рабочей прессе мы находим сообщение об одном таком собрании, на котором разбирался вопрос о заработной плате. В «Beehiwe», Keynolds Newspapers Weekly Times мы находим почти тождественное сообщение о том, что здесь выступал главным образом Куллери. Он высказывался здесь, повидимому, гораздо откровеннее, чем на самом конгрессе. Так, напр., на этом собрании он развивал мысль о том, что необходимо «децентрализировать капитал» и что Ассоциация должна стремиться к достижению этой цели путем устройства сберегательных касс и банков. Главная цель товарищества заключается будто бы в том, чтобы путем работы, бережливости, взаимопомощи и морали сделать рабочего капиталистом. Толен допускал еще существование профессиональных союзов, как «обществ борьбы», но лично он предпочитал товарищества. Один немецкий представитель, по имени Карр, сказал, что деньги, выдаваемые на стачки, было бы лучше употребить на основание товариществ. Англичане ничего не могли поделать с этими фразерами, но в заключение они провели резолюцию, в которой главной целью борьбы с капиталистами объявлялось уничтожение принципа заработной платы.

тета. Эта попытка должна была потерпеть неудачу. Почему? Об этом будет речь еще впереди.

Почти одновременно с международным конгрессом в Женеве американские рабочие созвали конгресс в Балтиморе, где было решено примкнуть к Интернационалу и послать на следующий конгресс Интернационала своего представителя. Этим увенчалось торжество международной солидарности *).

---

*) В одном письме к Кугельману Маркс говорит («Neue Zeit», XX², стр. 63): «Большую радость доставил мне одновременно состоявшийся в Балтиморе американский рабочий конгресс. *Организация для борьбы с капиталом* — таков был здесь лозунг. И замечательно, что правильный инстинкт рабочего выставил и там большинство тех требований, которые были выставлены мною на конгрессе в Женеве».

II.

ГОДЫ БОРЬБЫ И ПОБЕД.

От Женевы до Базеля.

1866—69 г.г.

Женевским конгрессом заканчивается первый период истории Интернационала, период образования *организации*. Организация рабочего класса всего мира в одну борющуюся армию—такова была великая идея Интернационала, и эта идея нашла свое великое осуществление в том, что призванные представители рабочего класса санкционировали боевую организацию пролетариата. Затем эта организация быстро окрепла и доказала свою силу в тех первых огромных экономических классовых и массовых столкновениях, каких до тех пор еще не видел европейский континент, в тех кооперативных предприятиях, которые вскоре оказались к услугам рабочих организаций в их борьбе за заработную плату и рабочее время и в первых политических выступлениях рабочего класса. Эти выступления неизбежно приводили к теоретическому уяснению великой коммунистической цели этой борьбы,—обобществления средств производства. Это объясняет нам также то обстоятельство, что по вопросам о путях и средствах, стачках и товариществах, женском и детском труде и образовании юношества классические постановления женевского конгресса сохранили всю свою силу и в этот богатейший событиями, бурный и победоносный период Интернационала, период конгрессов в Лозанне, Брюсселе и Базеле; но зато этот период характеризуется гораздо более ясным и глубоким пониманием необходимости и значения концентрированных, т.-е. политических действий и необходимости завоевать политическую власть для достижения конечной цели коммунизма. Базельским конгрессом закончилось внутреннее, теоретическое оформление Интернационала. Следовавший за этим конгрессом год, несмотря

на первые признаки дезорганизующих тенденций, является высшим пунктом в истории Интернационала.

За время от Женевы до Базеля Интернационал стал в глазах буржуазии страшной таинственной силой, а в глазах пробуждающегося пролетариата он стал носителем грядущей революции. Тайна успехов Интернационала, его организация, была непонятна буржуазии в такой же мере, как и индиферентным массам, и потому его боялись и ждали от него разрушительных революционных чудес. Эта вера в чудеса погибла в пламени Парижской Коммуны, с делом которой генеральный совет героически высказал солидарность, хотя Коммуна и не являлась его детищем,—и когда исчез ореол, окружавший Коммуну, то внутри самого Интернационала получили преобладание дезорганизующие тенденции. Ко всему этому присоединилось то обстоятельство, что после заключения франкфуртского мира буржуазия прочно устроилась в национальных государствах старой Европы, так что и международное рабочее движение должно было приспособить свою боевую организацию к тем огромным политическим переменам, которые произошли в недрах европейского общества. Старая организация рухнула, должен был возникнуть новый Интернационал, а дезорганизация, внесенная анархистами, явилась лишь особенно противной и неприятной стороной процесса разложения и образования новой организации, который исторически уже стал неизбежным.

Интернационал и немецкая война.

Женевский конгресс привлек к себе внимание всего мира. Если буржуазная пресса отчасти хотела еще замолчать лондонскую конференцию, то она должна была отказаться от такой тактики замалчивания по отношению к женевскому конгрессу, который открыто заседал шесть дней; который от имени нового класса объявил войну буржуазному обществу и открыто перед всем миром обсуждал пролетарский план кампании. Так, английские делегаты уже в Женеве были крайне удивлены, узнав, что такие высокоаристократические и крупно-буржуазные органы, как «Times» и «Daily News», вдруг стали посвящать целые столбцы «рабочему вопросу». Немецкая и французская буржуазная пресса также обратила внимание на женевский съезд, но на европейском континенте интерес к сенсационному известию о международном рабочем конгрессе быстро остыл, благодаря военным событиям и политическим

переменам, происшедшим в эти недели и месяцы. Учредительный конгресс Интернационала как раз собрался в такой момент, когда немецкая буржуазия переживала первый акт своей собственной революции, конечно, не в уличных сражениях и не в баррикадной борьбе, как писал тогда один глашатай ее дел и стремлений, а на полях Кениггретца и Лангензальца. В лице северо-германского союза Бисмарк импровизировал своего рода политический военный лагерь со свободой передвижения, свободой промышленности и всеобщим избирательным правом, при котором новый строй должен был изжить свои хозяйственные силы, а немецкая буржуазия готовиться ко второму европейскому землетрясению. Понятно, что континентальная буржуазия, всецело поглощенная этим всемирно-историческим зрелищем и занятая делами, совершенно проглядела ту пролетарскую революцию, которая до и после Женевы началась в северо-германском союзе вместе со свободным и равным правом на участие в политической жизни.

Это было тем простительнее, что незаконченное, временное состояние северо-германского союза и национальное соперничество французской буржуазии свидетельствовали о близости второго акта буржуазного переворота, и этот последний, само собой разумеется, должен был снова произойти на кровавом поле сражения, если бы декабрьский трон, этот центр европейского равновесия, раньше не рухнул вследствие всеобщего перемещения континентальных сил. Во Франции только либеральная и радикальная пресса, сводившая свои счеты с близкой к крушению второй империей, отнеслась к женевскому конгрессу более чем с общетеоретическим интересом. Она надеялась, что сможет использовать эту новую организацию рабочего класса, сделав ее тараном против наполеоновского режима сабли. Генеральный совет в Лондоне уже в самом начале войны выяснил свое отношение к ней в резолюции, в которой членам Интернационала предлагается смотреть на этот конфликт, как на спор двух деспотов, а рабочим дается совет, чтобы они, оставаясь нейтральными в своих симпатиях, объединились в стремлении добиться власти и использовали эту власть для того, чтобы последним ударом свергнуть всех тиранов и провозгласить свободу народов. В настоящее время трудно установить, насколько начало войны было задержано воззваниями к немецким рабочим, которые выпускались французскими рабочими союзами и парижскими студентами в интересах сохранения мира, и ответными воззваниями немецких рабочих. Напротив, исторически доказано, что

в следующем году во время люксембургского кризиса мирные демонстрации рабочего класса по обеим сторонам Рейна, особенно же в Париже, значительно ослабили воинственное настроение.

Случайные обстоятельства.

Женевский конгресс поручил генеральному совету в Лондоне составить и обнародовать официальный протокол заседаний конгресса. И вот, сейчас же после закрытия конгресса оба руководящих секционных комитета в Женеве послали генеральному совету в Лондон много протокольных листов, докладных записок и писем. Не желая доверять эти документы бонапартовскому «черному кабинету», они поручили некоему Жюлю Готтро, урожденному швейцарцу, принявшему британское подданство, лично передать эти документы генеральному совету в Лондоне. На французско-швейцарской границе Готтро был схвачен агентами бонапартовской полиции, его чемодан был обыскан, а содержавшиеся в нем статьи и письма конфискованы. Генеральный совет не пожелал примириться с таким воровством и обратился сначала к французскому министру внутренних дел с просьбой произвести расследование и возвратить отнятые у Готтро документы и письма. Прошло пять недель, а генеральный совет не получал никакого ответа. Было очевидно, что этим самым бонапартовское правительство взяло на себя всю ответственность за воровской поступок своих полицейских агентов. Поэтому генеральный совет обратился к лорду Стэнли, английскому государственному секретарю по иностранным делам, чтобы с его помощью обратно получить похищенные документы. Ходатайство возымело действие; лорд Стэнли обратился к английскому посланнику в Париже с просьбой посодействовать выдаче документов, и уже через несколько дней генеральный совет мог обратно получить свою собственность в министерстве иностранных дел в Лондоне. Кроме отнятых у Готтро вещей, в пакете находились еще две связки с нумерами «Брюссельской Народной Трибуны» и генеральным статутом Бельгийской Ассоциации; эти две связки по известной полицейской методе были намеренно вложены в остальные бумаги для того, чтобы представить всю посылку, как «антибонапартистскую», т.-е. запрещеную во Франции литературу. В этих нумерах «Tribune du peuple» встречались более, чем резкие выражения по адресу декабрьского героя, и потому они так же хорошо годились для этой цели спасания госу-

дарства, как и некоторые террористические брошюры недавно пригодились в Кенигсберге. Этот случай, помимо своего общеполитического интереса, имел для Интернационала еще и важное внутреннее значение: благодаря этой случайности, замедлялось составление и обнародование протоколов конгресса, и это было тем чувствительнее, что и самое печатание протоколов встретило непредвиденные затруднения. Для печатания протоколов требовалось 3000 франков наличными деньгами, и генеральный совет, не имея такой суммы, обратился к тред-юнионам.

Кассы последних были совершенно пусты *), благодаря стачкам, увольнениям рабочих и продолжавшейся безработице, вызванной кризисом 1866 года, так что этой суммы нельзя было достать, несмотря на непосильные пожертвования отдельных союзов, члены которых бастовали или были рассчитаны. Поэтому генеральный совет принял предложение Коллета, редактора «Workingman» и «Courier International», напечатать отчет в этих двух газетах и стереотипировать набор с тем, чтобы потом выпустить отчет в форме брошюры. Но и здесь обнаружилось, что длинные руки бонапартовских разбойников простирались и по ту сторону канала. По наущению французского правительства, английское правительство потребовало от Коллета, издания которого появлялись беспрепятственно много лет, представления залога в несколько тысяч франков. Таким образом, появление отчета задержалось до 9 марта, и брошюра не могла выйти в свет до самого конгресса в Лозанне, хотя набор и был стереотипирован. Всем корреспондентам Ассоциации безвозмездно были разосланы лишь нумера «Courier International», в которых был помещен отчет **). Когда один из членов генерального совета дал 100 франков для напечатания 1000 экземпляров брошюры об основании Интернационала и его устава, то посланные 800 брошюр были конфискованы бонапартовской полицией. От перевода протоколов на немецкий язык

*) Отчет Лондонского Trades Council за 1866 г. говорит о «monetary panic» — финансовой панике в профессиональных союзах.

**) Во избежание недоразумений необходимо подчеркнуть, что *это* издание устава на французском языке не тождественно с будто бы первым изданием женевских протоколов, на которое ссылались юрасцы. Указанный в записке юрасцев (стр. 208) протокол относится к 1866 г., напечатан в *Женеве* и поэтому не носил официального характера.

пришлось совершенно отказаться, так как генеральный совет решительно не имел возможности выполнить это.

Как ни досадны были эти случайные обстоятельства, они не в состоянии были задержать даже на минуту огромный поток движения, который мощно выступил теперь повсеместно. И как раз во Франции, правительство которой считало себя всемогущим и вполне защищенным своей военной и бюрократической машиной, Интернационал праздновал свой первый великий триумф во время генеральной стачки бронзовщиков, а через несколько месяцев торийский кабинет в Англии должен был капитулировать перед стихийным натиском массового движения, последние нити которого держал в своей руке лондонский генеральный совет.

Движение в пользу избирательной реформы в Англии

Требование реформы английского избирательного права перешло к отдельным радикально мыслящим вождям английского рабочего движения в качестве наследства, оставленного чартизмом. Конечно, это требование подверглось той же участи, что и большинство демократических требований того времени. Как на континенте, так и в Англии это требование мало-по-малу предавалось забвению и снова вынлыло на поверхность лишь в начале шестидесятых годов, в момент общего подъема политической жизни. В Англии эта реформа стала главнейшим требованием того нового юнионизма, который предполагал воспользоваться уничтожением всех политических привилегий и полной общественной свободой, как рычагом для экономического освобождения рабочего класса. Лондонский Trades Council, являвшийся, как известно, организационным центром политического тред-юнионизма, уже в 1861 и 1862 г.г. развил в Лондоне и провинции широкую агитацию в пользу реформы избирательного закона, а также изменения тех законов, которые постоянно угрожали существованию союзов. Весьма возможно, что именно под влиянием этой агитации кабинет Гладстона, совершенно открыто поддерживавшего сношения с Оджером, взял на себя инициативу в деле выработки билля о реформе. Во всяком случае движение в пользу избирательной реформы стало непреодолимым лишь тогда, когда либеральное правительство внесло этот проект билля в палату общин, и оно мощно разрослось, когда после свержения кабинета Гладстона в июне

1866 года, новое торийское министерство стало обнаруживать намерение положить этот билль под сукно.

Еще до Женевского конгресса генеральный совет Интернационала стал организационым центром движения в пользу реформы избирательного права. Комитет «Лиги реформы», являвшейся официальной руководительницей движения, наполовину состоял из английских членов (рабочих) генерального совета. Официальный орган Интернационала, «Commonwealth», был отдан почти в исключительное распоряжение Лиги, а с июля 1866 года он даже получил подзаголовок «The Reform League» *). Массовые митинги, которые устраивались этой Лигой, наделали в Лондоне много шума. Одному такому митингу в Сен-Мартин-Голле, где огромная зала не могла вместить всех собравшихся, так что в ближайшие дни состоялись грандиозные митинги под открытым небом, «Times» посвятил две передовых статьи. И при этом агитация велась только за Houshold-Suffrage, то-есть за предоставление избирательных прав всем лицам, ведущим самостоятельное хозяйство, независимо от того, живут ли они в собственном или наемном помещении. Собравшаяся через несколько недель, а именно в конце февраля в Сен-Мартин-Голле конференция для реформы выборов состояла из 200 делегатов со всех концов Англии и даже Ирландии, и это служит доказательством того, что движение уже пустило глубокие корни в провинции. Лига основала там собственные ферейны, к которым примыкали целые тред-юнионы. Интернационал был официально представлен на этой конференции делегацией из шести человек, в том числе Шоу, Юнга и Лесснера. Конференция единогласно высказалась за всеобщее избирательное право для всех мужчин с незапятнанной репутацией и за тайную подачу голосов. В то же время это требование избирательных прав разрослось до общего требования рабочего представительства в парламенте. Агитация в пользу избирательной реформы присоединила к этому еще целый ряд других требований, как, напр., старое требование учреждения третейских судов с равным числом

---

*) Карл Маркс в своих письмах к Кутельману жалуется на эту уступку органа, хотя он, конечно, прекрасно понимал, что это движение в пользу реформы должно вызвать глубокую перемену в деятельности тред-юнионов («Neue Zeit», XX², стр. 32, 63, 92), и объясняет эту отдачу органа «отчасти политическими, отчасти экономическими мотивами». Поэтому-то газета и была частично предоставлена в распоряжение Лиги.

судей от рабочих и предпринимателей. Воззвания и прокламации, с которыми Интернационал обращался тогда к английским рабочим и профессиональным союзам с целью побудить их примкнуть к движению, написаны пламенным языком того бурного времени. Через несколько дней после конференции Лиги Гладстон внес в палату общин свой билль о реформе; этот билль расширял круг избирателей путем понижения ценза. В пояснениях к биллю указывалось на то, что в 1832 году, когда была уничтожена политическая монополия землевладения на представительство в парламенте, рабочие составляли 31 процент общего числа избирателей, теперь же они составляют только 26 процентов; реформа избирательного закона должна только восстановить прежнее соотношение. Этот билль встретил оппозицию со стороны консерваторов, которые заявили, что будут бороться с ним во всех стадиях его движения; часть либерального большинства в парламенте примкнула к консерваторам. 18 июня вследствие парламентских интриг пал кабинет Гладстона, сраженный всего лишь немногими голосами. Граф Дерби образовал торийское министерство, руководящим главой которого был государственный казначей Дизраэли. Новый кабинет высказался *против* парламентской реформы, правда, не принципиально, а только для данного момента, так как правительство будто бы опасалось того, что незначительными уступками оно не сможет удовлетворить требование изменения конституции. Тогда движение начинает принимать революционный характер. На одном митинге в Трафальгарском сквере, на котором было 20.000 человек, Лукрафт пригласил рабочих на монстр-митинг в Уайт-Холл-Гарден, «где мы некогда отрубили голову одному из наших королей». На одном митинге в Гайд-парке, на котором присутствовало 60.000 рабочих, дело дошло до столкновения с полицией; там были приняты очень резкие резолюции о политическом освобождении рабочего класса. Митинги протеста продолжались, и провинция также была охвачена теперь этим движением. В Бирмингаме, Лидсе, Глазго, Эдинбурге на митингах принимались резолюции в пользу всеобщего избирательного права, а к концу года лондонские тред-юнионы постановили начать массовую пропаганду в пользу реформы. Теперь и торийский кабинет понял, что нельзя игнорировать эти демонстрации, не рискуя вызвать серьезный кризис.

Сначала дело ограничилось министерским кризисом; из кабинета вышли рьяные представители консерватизма, а через несколько

цедель ушел и Вальполь, самый ожесточенный противник реформы. Теперь билль о реформе с быстротою вихря прошел через палату общин и верхнюю палату, и уже 15 августа 1867 года эта реформа стала законом; самостоятельные городские рабочие получили, таким образом, избирательные права. В графствах рабочие добились этих прав только в 1883 году. Таким образом, английский рабочий класс получил в свои руки политическое оружие, при помощи которого он при своей дисциплине и численности мог стать грозной для английской буржуазии силой. Сначала, конечно, он должен был использовать эту новую силу для защиты юридического положения своих тред-юнионов, по вопросу о которых была назначена парламентская комиссия в те самые дни, когда в парламенте кипела борьба за избирательную реформу.

Консервативное министерство Дерби вполне основательно предполагало, что за этим бурным натиском движения в пользу реформы скрываются могучие силы, с которыми нельзя не считаться. Но верную оценку этому движению дал и Карл Маркс, который, относясь вполне сочувственно к успехам движения, регистрировал их с холодным спокойствием историка. Одновременно изданные им комментарии к этому движению производят такое впечатление, что в победе Лиги он не видел специфически революционного события, а в случайных замечаниях, которые мы находим в письмах его к друзьям, звучит даже нота известного недоверия к вождям английских рабочих Оджеру, Лукрафту, Гоуэллю и др. Что касается Гоуэлля, то это недоверие имело за собой основание уже в то время; Гоуэлль, тщетно добивавшийся места редактора «Commonwealth», все больше удалялся от Интернационала и мало-по-малу становился либеральным рабочим политиком. В 1875 году мы снова находим его в роли секретаря парламентского комитета. В действительности, движение в пользу расширения избирательного права имело за собой более глубокую основу, но последняя не имела революционного характера, а ограничивалась лишь политическим углублением дотоле односторонне экономического тред-юнионизма. Дело шло просто о том, чтобы добиться законов, обеспечивающих право существования тред-юнионов, а для этой цели Оджер, Эппльгарт, Лукрафт и др. и хотели воспользоваться избирательными правами рабочих.

Правовое движение английского профессионального движения было в то время почти столь же непрочно и двусмысленно, как теперешнее правовое положение немецких профессиональных

союзов. Правда, уголовные законы, запрещавшие профессиональные союзы, как заговорщические общества, и налагавшие большое наказание за принадлежность к ним, были отменены в Англии уже с 1825 года; но все еще существовало много законов, как, напр., Master and Sevvant Law (закон о хозяевах и слугах), которые оскорбляли и морально унижали юридическое положение рабочего перед судом, да к тому же буржуазная политическая экономия в глазах судей являлась тогда своего рода евангелием. В 1867 году тред-юнионистский мир был сильно взволнован исходом жалобы одного союза, взыскивавшего со своего казначея незначительную сумму денег; во всех судебных инстанциях эта жалоба была оставлена без последствий на том будто бы основании, что, хотя с 1825 года цели союза и не могут быть подведены под статью уголовного закона, союз все-таки *стремится к ограничению промышленной свободы*, а потому его можно признать *незаконным сообществом*. Этот приговор, подрывавший финансовую прочность всех профессиональных союзов, являлся, очевидно, лишь юридическим маневром, направленным против объединения тред-юнионов в большие «амальгамированные» союзы, которые основывались вождями нового юнионизма Оджерм, Эппльгардом, Алланом и др. и которые вызывали в буржуазном мире большое беспокойство. Еще за несколько лет до того Гладстон предложил тред-юнионам и Friendly Societies (рабочим вспомогательным кассам) вносить свои деньги в почтово-сберегательные кассы; теперь же они были объявлены граждански бесправными.

Тред-юнионы заволновались, и это возбуждение еще более возросло, когда судебное решение повлекло за собой запрос в парламенте и парламентскую комиссию для изучения практики тред-юнионов, главным же образом объединенных союзов, и когда предприниматели воспользовались этим для яростных нападок на самый принцип профессиональных союзов, деятельность которых, по их словам, является «непростительным покушением на права работодателей» и вмешательством в совершенно частные отношения, регулирование коих есть «дело исключительно предпринимателя», и «до которых нет дела никакой другой партии, а тем более рабочим». В этот критический момент, когда на волоске висело издание исключительного закона против профессиональных союзов, рабочие вспомнили о своих избирательных правах, и их парламентский адвокат Гаррисон писал в январе 1867 года в «Beehive»: «Ничто не заставит господствующие классы признать требования

рабочих и уделить им хоть некоторое внимание до тех пор, пока рабочие действительно *не добьются политической власти.* Тред-юнионисты, которые до сих пор были недовольны своими союзами и уклонялись от политической деятельности, могут теперь убедиться, в какой тупой закоулок привело их воздержание от участия в политических выборах». Намек был понят; когда избирательная реформа была проведена, то вожди нового движения на конференции объединенных союзов выпустили циркуляр, в котором убедительно советовали рабочим записываться в избирательные списки и требовать от кандидатов правдивого ответа на вопрос о юридическом признании тред-юнионов. То же самое сделали Trades Councils во всей стране, и за это высказались все союзы, даже такие, которые до сих пор совершенно не занимались «политикой». Результатом всего этого явилось свержение торийского министерства на выборах 1868 года и замена его либеральным кабинетом Гладстона.

Первые столкновения труда с капиталом.

На женевском конгрессе романские делегаты и вместе с ними неутомимый поборник коопераций И. Ф. Беккер отвергли стачку, как грубое средство борьбы, и вместо нее рекомендовали основать производительные товарищества, при помощи которых заработная плата постепенно заменилась бы трудовым доходом согласно прудоновской формуле. Так было на самом конгрессе при обсуждении способов международной пролетарской борьбы, а еще более громогласно было заявлено об этом на одном большом народном собрании, на котором они непринужденно выставили свои старые теории против практического опыта англичан. Случилось же как раз так, что первая большая стачка вспыхнула во Франции и именно в Париже, этой духовной метрополии прудонизма, и эта гигантская стачка, какой континент еще никогда не видал, была величественной пробой сил Интернационала.

1866-ой год ознаменовался для Европы страшно разорительным кризисом. Уже весной этого года произошла в Лондоне оборонительная стачка рабочих—решетчиков, которая была выиграна благодаря тому, что международная рабочая организация сумела предотвратить иммиграцию чужестранных рабочих. Повсюду заработная плата понижалась, время работы сокращалось, многие фабрики совсем закрывались, предметы же первой необходимости сильно вздорожали вследствие неурожая 1866 года. Где рабочие

чувствовали себя достаточно сильными, там они защищались, и это было именно в больших центрах Интернационала, в Париже и Лондоне. Борьба бронзовщиков в Париже превратилась во внушительную борьбу за признание организации и была пробой сил объединеных организованных рабочих. Они организовались в начале 1866 года, после того как было отменено запрещение рабочих союзов. Незначительные разногласия привели к увольнению 1500 организованных рабочих. Генеральный совет в Лондоне, к которому обратились уволенные, с своей стороны обратился к тред-юнионам, примкнувшим к Интернационалу, и те открыли им неограниченный кредит. Вместе с тем пришли на помощь и другие заграничные организации, в особенности секции, каждая соразмерно своим средствам. В короткое время хозяева убедились, что имеют дело с организованной силой, и уступили. Для Интернационала это имело огромное моральное значение. Через короткое время континентальные рабочие были в состоянии отплатить такой же поддержкой своим английским товарищам. В Лондоне хозяева-портные также решили разрушить организацию своих рабочих портных, когда те вступили в борьбу за сокращение рабочего времени. Рабочие континента раньше всего позаботились о недопущении ввоза в Англию иностранных рабочих, а затем обложили себя посильно в пользу забастовщиков. И эта борьба, продолжавшаяся 7 месяцев, окончилась в пользу рабочих. То же самое произошло и во время стачки лондонских корзинщиков. Английские предприниматели и на этот раз прибегли к своему старому испытанному средству и привезли иностранных рабочих, голландских и бельгийских. Однако, несмотря на строгую изоляцию желавших «работать», генеральному совету удалось хитростью проникнуть к ним, доказать им их постыдную роль и склонить их к отъезду. В Лозанне было сообщено и о многих других случаях пролетарской борьбы, но они имели более местное значение.

В романских секциях Интернационала, а также в немецкой Швейцарии особенным вниманием пользовались различного вида товарищества. И. Ф. Беккер был неутомим в основании и поощрении новых товариществ. Он издал образцовый устав для них, причем 1/6 чистой прибыли должна была расходоваться в целях пропаганды, и старался объединить все товарищества. В Женеве он предполагал основать на товарищеских началах аптеку при своей больничной кассе. Между тем шум, поднятый французскими вожаками, которые видели в товариществах нечто крайне револю-

ционное, имел своим последствием то, что наполеоновское правительство окончательно запретило международный съезд рабочих товариществ, который должен был состояться в Париже в середине августа.

Лозаннский конгресс.

При таких условиях собрался в Лозанне второй конгресс Интернационала, продолжавшийся от 2 по 8 сентября 1867 года. Вследствие благоприятного для романских народностей положения Лозанны, на конгрессе преобладали французы и представители французской Швейцарии. Но своим преобладанием на конгрессе они были обязаны не только своему численному превосходству, но и тому обстоятельству, что они одни почти выработали порядок дня, формулировали вопросы, подлежащие обсуждению, и явились с готовыми ответами на эти вопросы. Уже через несколько месяцев после женевского конгресса французский центральный комитет, которому все казалось, что на конгрессе было уделено мало внимания прудоновскому учению, поставил на обсуждение предстоящего конгресса 4 вопроса. По поводу них «Vorbote» лаконически заметил: «Наши немецкие товарищи найдут, что некоторые из этих программных вопросов уже нашли у нас практическое решение, как, например, вопрос о производительных товариществах в уставах нашего клуба и вопрос о потребительных в уставах наших центральных учреждений, а другие вопросы кажутся нам достаточно выясненными в прошлогоднем докладе генерального совета». Последние слова вполне приложимы ко всему ходу дел на лозаннском конгрессе, так как в теоретическом отношении он оказался только плохим повторением женевского. Правда, и англичане, особенно члены генерального совета, деятельно подготовились к предстоящему порядку дня; в продолжительных заседаниях они подвергли тщательному обсуждению поставленные французами 4 вопроса, представлявшие собой набор слов из прудонистской фразеологии, но они не представили ни своего доклада, ни своей резолюции. Два вопроса, поставленные генеральным советом, могли бы служить более ясной и точной формулировкой предложенного французами порядка дня. Конгресс понял это и обсуждал обе формулировки одновременно. Поверхностный прудонизм, а у отдельных, наименее сдержанных делегатов дилетантизм сомнительного свойства и личное самомнение проявились на лозанн-

ском конгрессе гораздо более непринужденно, чем в Женеве, где они подавлялись, благодаря строгому парламентаризму англичан и тому, что на очереди был в высшей степени важный вопрос образования Интернационала. Председатель организационного комитета в Лозанне открыл конгресс, пожелав ему «благословения неба»; другой докладчик комиссии по народному образованию прочел лекцию о фонетике; доклад третьего представлял собой елейную проповедь о добродетели и святости, любви к королю и могуществе Бога, а неизменный Куллери к концу конгресса объявил себя приверженцем абсолютной свободы личности, а посему и частной собственности, общее же владение землей этот своеобразный «социалист» назвал «коллективной тиранией». Подобные выходки имели место и на женевском конгрессе, но там это были единичные случаи, в Лозанне же они преобладали.

Генеральный совет в июле месяце выпустил свое воззвание к секциям о присылке делегатов на конгресс. Это воззвание прежде всего дает оценку успехам, достигнутым организацией, особенно в Швейцарии; далее обращает внимание французов на то, что у них капитализм уже вступил в английскую форму развития и классовая борьба приняла вполне ясный характер; для Англии оно подводит итоги богатому последствиями движению за реформу избирательного права и высказывает мысль, что Англия, благодаря могущественной организации ее рабочего класса, призвана стать надежной опорой Интернационала; из Северной Америки оно приводит известие о принятии закона о восьмичасовом рабочем дне в фабричной промышленности. Воззвание кончается призывом обратить Лозаннский конгресс в блестящую демонстрацию рабочего класса. Каждая секция имела право послать делегата, а секции, насчитывающие более 500 членов, по одному делегату на каждые 500 человек. Кроме того, генеральный совет приготовил для конгресса превосходный отчет о своей деятельности и подробный доклад о положении организации в отдельных странах. Денежный отчет генерального совета, составленный Эккариусом, незадолго перед тем избранным секретарем на место Шоу, подробно излагает мотивы, почему генеральный совет не мог выполнить данного ему поручения опубликовать протоколы женевского конгресса. За отсутствием средств генеральному совету пришлось также отказаться и от печатания периодических бюллетеней и статистических сведений за 1867 год.

В отчете о положении различных секций наибольшего интереса

и внимания заслуживает английская секция. Об отношении генерального совета к движению за реформу избирательного права отчет говорит, что генеральный совет вызвал это движение и английские члены совета руководили им. Далее отчет рисует трудности, с которыми совершается присоединение тред-юнионов к Интернационалу, так как для этого необходимы некоторые формальности, требующие времени: демократический устав союзов не дает исполнительному комитету права самостоятельно решать, а он должен предварительно войти в соглашение со всеми филиальными отделениями. Обыкновенно для передачи предложения генерального совета к исполнительному комитету посылалась депутация. Если предложение принималось, исполнительный комитет предлагал этот вопрос на разрешение филиальных отделений, ответ получался только спустя несколько месяцев. Впрочем, часто к Интернационалу присоединялись филиальные отделения без участия исполнительного комитета. Со времени женевского конгресса больше 20 больших тред-юнионов доброжелательно приняли депутацию генерального совета, и их присоединение предстоит в близком будущем, другие отложили свое присоединение до более благоприятного времени, и только один отказался присоединиться по той причине, что Интернационал занимается политическими вопросами. Далее, отчет говорит о решении, принятом генеральным советом еще в 1865 году по вопросу о взносах тред-юнионов и предоставившем этот вопрос на их собственное усмотрение. Генеральный совет смотрел на деньги, внесенные ими, как на дар в возврат издержек на посылку делегации на женевский конгресс. Когда женевский конгресс установил ежегодный взнос члена в 30 сант., возникли новые переговоры. Тред-юнионы нашли размер взноса крайне высоким; тогда генеральный совет решил понизить его до 5 сант., однако большинство союзов предпочло вносить определенную сумму ежегодно независимо от числа членов, как, например, союз сапожников, насчитывающий 5000 членов—5 фунтов (50 р.), союз каменщиков с 3—4000 членов—1 ф. ст. (10 р.), союз плотников и столяров с 9000 членов—2 ф. ст. (20 р.). От 19 английских союзов, примкнувших к Интернационалу еще до Женевы, получено в 1869 году свыше 900 марок (450 р.) и в незаконченном еще 1867 г. 200 марок (100 р.). Присоединившиеся после женевского конгресса внесли 50 марок вступительных и 100 марок ежегодного взноса. Кроме того, многие союзы затратили значительные суммы на посылку делегаций. Главные причины недоимочности союзов

были застой в работе, многочисленные стачки и увольнения, борьба за избирательную реформу и лондонская стачка портных, которая на время истощила все средства союзов.

Мало утешительного мог сообщить генеральный совет о состоянии французских секций. Правда, на бумаге дело обстояло великолепно: уже во время женевского конгресса генеральный совет насчитывал не меньше 17 секций, к которым потом прибавилось еще 9, в том числе одна в Алжире. Однако установленных взносов в Лондон поступило очень мало; с самого основания Интернационала из Парижа поступило всего 100 франков, и только Лион внес 500 фр. За тысячи членских билетов, отправленных во Францию, не получено ни одного сантима. Тем крикливее составлен отчет самой парижской секции. Это была собственно записка переплетчиков, руководителем которых был Варлен, но парижская секция присвоила ее себе. «Почему генеральный совет не опубликовал еще официального отчета о женевском конгрессе? Почему не издается еще газета, как того требует устав? Разве не поступили еще обязательные членские взносы в 30 сантимов? Если бы появился хотя бы один номер газеты, то уже от этого одного увеличились бы доходы. И письменные сообщения совета недостаточны и т. д.». В таких выражениях привлекали генеральный совет к ответу те самые люди, которые не доставили еще ни одного сантима. А дальше еще лучше: «Почему разослана так поздно программа конгресса? Для изучения таких важных вопросов недостаточно одного месяца. Программа должна быть издана, по крайней мере, за 6 месяцев. Имей мы во-время программу, мы могли бы по каждому вопросу представить доклады».

Движение находилось там под парализующим влиянием прудонизма. Доклад руанской секции, составленный энергичным Обри, возлагает на кооперацию даже надежду, что она даст возможность рабочим узнать «среднюю заработную плату», которой только и определяется стоимость продукта; и только, когда эта средняя заработная плата будет определена, только тогда и будет правильно совершаться обмен. Стачку Обри признает только, как «орудие военного времени», так как она не решает задачи о продаже продуктов по «средней изготовительной цене» и «среднему рабочему времени». Чистый прудонизм! «Средняя заработная плата», «средняя изготовительная цена», «среднее рабочее время»—все это не что иное, как «конституированная ценность» Прудона, отыскивание которой в каждом конкретном случае сделалось для прудонистов

вторым философским камнем. Заимствовано и прудоновское отвращение к стачке. Как известно, Прудон заклеймил стачку, как «незаконную» не только по уголовным, но и по законам политической экономии. Вместо этого следует основывать производительные товарищества, а затем и рабочие банки, которые урегулируют обмен, в конце концов, «капитал рабочих» одержит победу над «привилегированным» капиталом. Так гласили все доклады французских секций, и они рекомендовали товарищества, как почти единственную форму организации.

О Бельгии де-Пап сообщил, что вследствие резни в Маршьенне и многочисленных стачек многие рабочие организации присоединились к Брюссельской секции; с союзами Гента и Антверпена идут еще переговоры, в Люттихе же вступило пока мало членов. Благоприятны были известия из Швейцарии; генеральный совет получил оттуда 180 марок; Беккер сообщил, что число членов, примкнувших к немецкому центральному комитету, достигло 30.000. В Италии генеральный совет имел сношения с союзами в Неаполе, Милане и Генуе; итальянский делегат Стампа сообщил о 38 рабочих организациях с 30.000 членов и 12.000 франков капитала. Взносов из Италии никаких не поступило.

Состав лозаннского конгресса был следующий: 4 члена генерального совета—Эккариус, Дюпон, Лесснер и Картер; 2 представителя английских тред-юнионов, в том числе Вальтон, член правления Лиги избирательной реформы; 9 представителей из Парижа и 9 уполномоченных от других французских провинций, в числе их Лонге, делегат от Кана, Обри из Руана и деятельный агитатор Фассер от Фюво и Марселя; из Бельгии был де-Пап; из Италии—Стампа и Танари; из Германии 6 представителей, между ними Кугельман, друг Карла Маркса, от Ганновера, Ладендорф с мандатом от Магдебурга, Бюхнер, автор «Силы и Материи», от Дармштадта и Ф. А. Ланге от Дуисбурга. Лучше других была представлена Швейцария, в особенности романская: 8 делегатов от Женевы, 8 от Лозаннских секций и 6 от местных промышленных и торговых товариществ, 5 из французской Юры, 11 от немецких секций Швейцарии. Всего был 71 делегат. Президентом был избран Дюпон, вицепрезидентами—Эккариус и Беккер, а секретарями—Бюхнер, Бюркли, Гилльом и Вассер.

Так как к вопросам, подлежавшим обсуждению, прибавилось еще три новых, то была выбрана комиссия из семи человек, которая должна была привести в порядок все эти вопросы и выработать

порядок дня. Затем были образованы 8 комиссий, чтобы составить доклад и выработать резолюции. Тем временем были заслушаны отчеты генерального совета, секций и разных организаций.

На первой очереди был вопрос об отношении к заседавшей в Женеве мирной конференции, так как центральный комитет немецкой группы в Женеве уже несколько недель был сильно занят этим вопросом. Была принята подробно мотивированная резолюция, ясно устанавливающая коренное различие между буржуазной болтовней о мире и враждебным отношением пролетариата к войне. Заключительная часть резолюции звучит едкой иронией над буржуазными фантазерами идеи мира: она заявляет о полном решительном присоединении Интернационала к Лиге мира, если она примет программу Интернационала.

На второй очереди был первый из двух подготовленных генеральным советом вопросов: что может дать Интернационалу возможность практически стать центром освободительной борьбы рабочего класса против ига капитала. Толен прочел доклад, но дебаты были отложены, так как резолюция еще не была выработана. Смысл вопроса несколько туманен, в Женеве, впрочем, об этом достаточно было говорено. В пятницу в вечернем заседании были дебаты по этому вопросу. Оказалось, что доклад имел в виду вновь поднять организационный вопрос, в особенности о правах генерального совета. Толен оказался своеобразным докладчиком: он защищал мнение меньшинства комиссии, а меньшинство это состояло из одной только его собственной персоны. Он смело выступил с предложением внести изменения в устав, но не встретил сочувствия со стороны конгресса. Куллери предложил не делать никаких изменений в уставе, так как пришлось бы перепечатывать устав, и в крайнем случае выразить пожелания конгресса в резолюциях. Конгресс постановил, что генеральный совет должен послать трехмесячные отчеты центральным комитетам; годовой членский взнос установлен был в 10 сантимов, при чем только этот взнос дает право посылать на конгресс делегатов. После этого был одобрен отчет генерального совета.

Отложив обсуждение предыдущего вопроса, конгресс должен был перейти к обсуждению вопросов, предложенных французским центральным комитетом: о назначении и роли государства, об общественной службе, о транспорте и путях сообщения, коллективных и индивидуальных интересах, о роли государства, как судьи и защитника договоров, о его праве налагать наказания. Так как

докладчик Вассер не составил резолюции, то обсуждение этого вопроса было также отложено и имело место в вечернем субботнем заседании, вызвав страстные дебаты. Резолюция признавала желательным переход в собственность государства путей сообщения, транспорта и больших монопольных отраслей добывающей промышленности. Де-Пап к этому присоединил требование общественного владения землей. Это вызвало горячие прения. Лонге заявил себя сторонником государственных монополий, но противником аграрного коммунизма и главным образом из политических соображений; он боялся чрезмерного усиления государственной власти. Куллери доказал своими речами, характеристику которых мы дали выше, что он по уши погряз в буржуазном индивидуализме. Напротив, Эккариус, Лесснер, Стампа, Ландендорф и Беккер решительно высказались за общественное владение землей. В заключение резолюция была принята, а вместе с тем вопрос о собственности оставлен для окончательного рассмотрения до следующего конгресса.

Далее следовал вопрос, не служит ли отсутствие политической свободы препятствием к экономическому освобождению рабочего класса и одной из главных причин социальных зол, и какие средства могут ускорить достижение политической свободы,—не является ли таким средством неограниченная свобода союзов и печати. По этому вопросу был заслушан краткий, но основательный доклад, и конгресс, высказавшись утвердительно по этому вопросу, заявил, что социальное освобождение рабочих неразрывно связано с политической деятельностью и что стремление к политической свободе является существенной необходимостью. Об этом должно было заявлять каждый год вновь.

Следующим был вопрос, поставленный также парижским центральным комитетом, о роли в обществе мужчин и женщин, воспитании детей и о всеобщем обучении. При обсуждении этого вопроса произошел трагикомический инцидент. Докладчик Гилльом сел на своего любимого конька, фонетику, и очень много распространялся о ней. Когда же Лесснер и Лонге заявили ему, что разбирать этот вопрос более подобает филологам, чем рабочему конгрессу, то он был очень удивлен. Тем не менее у Гилльома нашлись защитники, и романским делегатам удалось провести резолюцию, рекомендующую реформу орфографии и введение всемирного языка. Эту выходку большинства конгресса легко себе объяснить, если вспомнить, что первым литературным трудом блаженной памяти Прудона было исследование о всемирном языке. Эти господа, кото-

рые так же непринужденно брались за проблемы политической экономии, как сам Прудон когда-то за «всемирный язык», хотели этим почтить память своего господина и учителя. Обсуждение вопроса о всеобщем обучении привело к еще более комическому инциденту: к проповеди докладчика Кюэнде-Купца о верности королю, святости семьи, творческой силе бога и Евангелии. Лонге обратил внимание на то, что в современном государстве школа служит орудием классового господства и политической власти. Исходя из этого, Толен предложил резолюцию, сообразно которой только родители имеют право на воспитание и обучение своих детей, и только при их несостоятельности может вступиться государство. Так как эта «несостоятельность» имеет место в каждой пролетарской семье, то вся резолюция, принятая, впрочем, большинством конгресса, оказалась пустым выстрелом в воздух. Вопрос о товарищеских начальных, средних и ремесленных школах был передан на обсуждение следующего конгресса.

Особенный отпечаток наложили на конгресс многочисленные дебаты о кооперативных товариществах. Прежде всего обсуждался вопрос центрального комитета немецкой группы, не повлекут ли за собой товарищества образования в рабочем классе «пятого сословия». В связи с этим находилось предложение французского центрального комитета вынести резолюцию по вопросу о взаимности, как базисе социальных отношений, о равноценности учреждений, солидарности и рабочих обществах. Конгресс принял две резолюции, исключающих одна другую: одну—докладчика де-Папа, который действительно констатирует подобную опасность образования «пятого сословия»; другую—Эккариуса, который думает, что эта опасность исчезает по мере того, как крупная промышленность берет верх и вытесняет мелкую, по мере того, как она выравнивает все индивидуальные различия интенсивности труда и обращает в необходимость совместную товарищескую работу. Уже в Женеве конгресс принял резолюции и поправки к английской записке, противоречившие последней, но такого явного противоречия там не было.

Дебаты о товариществах продолжались по поводу другого запроса женевского центрального комитета о безработице, который был опять таки связан с вопросом парижского центрального комитета о труде и капитале, о машинах и их влиянии, об уменьшении часов работы, разделении труда, о преобразовании и устранении наемного труда, утилизации прибыли. Шемале предложил удоволь-

ствоваться в этом вопросе постановлением женевского конгресса, и немецкие делегаты были того же мнения. Их предложение не встретило сочувствия. Куллери выступил против стачек. По его мнению, деньги, выброшенные на стачку, гораздо лучшее употребление нашли бы в производительных товариществах; при этом он делал колкие замечания по поводу забастовки парижских бронзовщиков. В заключение была принята резолюция, разъясняющая, что при современном военном положении промышленности рабочие должны помогать друг другу в борьбе за заработную плату, конечной же целью должно быть уничтожение самой наемной платы, что должно совершиться на основании взаимности и справедливости.

Споры о товариществах больше всего разгорелись при обсуждении разработанного генеральным советом вопроса о том, как может рабочий класс использовать для своего освобождения кредит, который он оказывает буржуазии и правительствам. С этим вопросом было в связи и последнее предложение парижского центрального комитета—принять резолюцию о кредитных и народных банках, металлических и бумажных деньгах, взаимно-страховых учреждениях и рабочих товариществах. Даже доброму И. Ф. Беккеру, а затем и некоторой части конгресса стало претить от чрезмерного прудонизма французов. Наконец, после сильной речи Вальтона конгресс принял резолюцию, предложенную Эккариусом, требующую от рабочих союзов, чтобы они предоставили свои фонды производительным товариществам, как лучшее средство использовать для своего собственного освобождения кредит, который они теперь оказывают господствующим классам. Те же союзы, которые найдут это неудобным для себя, должны, по крайней мере, приложить все усилия к тому, чтобы создать в близком будущем национальную кредитную систему для оказания кредита всяким обществам сообразно их средствам и, наконец, создать товарищеский всеобщий банк.

При новых выборах генерального совета Эккариус настаивал на том, чтобы согласно уставу совет был избран самим конгрессом, а не английскими секциями: это придаст ему большую авторитетность. Конгресс согласился с этим, а затем были утверждены в своих должностях прежние члены генерального совета, и вновь был избран член правления Лиги реформы Вальтон. Далее, генеральный совет был уполномочен, по мере надобности, кооптировать других членов. Местом следующего конгресса де-Пап предложил Брюссель, а Беккер—Цюрих. Англичане заявили через Эккариуса,

что Швейцария для них слишком удалена, в Брюссель же они сумеют прибыть в большем количестве. Это решило вопрос, и громадным большинством голосов Брюссель был определен местом следующего конгресса. Очевидно, что положительный результат этого конгресса, помимо его деловых занятий, заключается в первом шаге, который он сделал к коллективизму; остальные дебаты и резолюции были бы совершенно излишни, если бы постановления женевского конгресса вошли в плоть и кровь делегатов. В действительности, постановления этого съезда значительно уступают постановлениям женевского конгресса.

„Капитал“ Маркса.

Как раз в то время, как происходил конгресс в Лозанне, появился в продаже первый том «Капитала» Карла Маркса. На развитие Интернационала этот замечательный труд не имел почти никакого влияния. Конгрессы Интернационала были целиком пропитаны духом прудонизма, и хотя предисловие автора к первому тому вновь напоминает представителям Интернационала идеи, высказанные в Манифесте Интернационала, однако они остались совершенно чужды этим идеям. В Англии теоретическое понимание никогда не имело особенного развития: для «непоследовательного оппортунизма», как Веббы называют беспринципный практицизм англичан, теоретическое обоснование было бы только в тягость; и только натурализовавшийся в Англии Эккариус сохранил некоторое теоретическое понимание со времени своего участия в коммунистическом союзе. Для трезвых и расчетливых романских представителей реальную ценность имели только осязаемые ближайшие задачи, и весь их пролетарский дух общественности вылился в деловые предприятия товариществ, тем более, что прудонизм теоретически смотрел на последние, как на импровизацию нового правового порядка. В Германии же, где в будущем марксизму суждено было пышно расцвести, рабочее движение еще было слишком слабо развито, чтобы воспринять научный социализм. Таким образом, это замечательное исследование капиталистической формы производства и капиталистических производственных отношений не принесло никакой пользы организационному детищу его автора; и только, когда старый Интернационал распался отчасти именно оттого, что ему не хватало идейного цемента, «Капитал» сделался научным евангелием миллионов рабочих и бродильным ферментом для веками накопленного буржуазного знания.

Идея рабочих товариществ в Англии.

Чтобы установить духовную преемственность следующего брюссельского конгресса с лозаннским, на последнем была намечена программа дня брюссельского конгресса. Это были преимущественно те вопросы, которые остались нерассмотренными на Лозаннском конгрессе, а так как от каждого пункта порядка дня кое-что осталось нерассмотренным, то можно было предвидеть, что предстоящий конгресс будет вращаться в том же кругу вопросов, что и в Лозанне. Но де-Пап формулировал также вопросы о собственности на крупные пути сообщения, о монопольном владении землей и об учреждении третейских судов для решения споров, возникающих между трудом и капиталом. Эти последние вопросы вместе с нерассмотренными на лозаннском конгрессе, а также перечень вопросов в целях статистики генеральный совет и предложил циркулярно членам Интернационала.

Вновь выбранный генеральный совет в Лондоне собрался вскоре после конгресса, чтобы заслушать отчет своих делегатов и распределить между собой обязанности. После того, как прежний генеральный секретарь сообщил о присоединении ливерпульских сигарочников, Эккариус и Лесснер поделились своими впечатлениями от конгресса. Лесснер высказал свое мнение, что конгресс был действительно представительным учреждением, и сообщил, что на следующий год в генеральный совет избраны 25 членов с правом пополнять свой состав *). Было решено не избирать постоянного председателя и возложить на генерального секретаря обязанности и финансового секретаря. Единогласно были избраны Р. Шоу—казначеем, Эккариус—генеральным секретарем, секретарями-корреспондентами для Франции Дюпон, для Германии Карл Маркс, для Швейцарии Юнг, для Польши Забицкий, для Испании Картер и для Северной Америки Фокс, для Бельгии секретарь не был назначен.

Вскоре оказалось, что идея товариществ пустила глубокие корни у некоторых английских делегатов. Уже через несколько дней после закрытия конгресса новый член генерального совета Вальтон изложил в фанатической восторженной статье в «Beehive»

*) См. отчет в «Beehive».

те идеи, которые руководили им во время дебатов о кредите в Лозанне. Он выступил в своей статье страстным защитником национальной организации кредита и развил ту мысль, что парламенты должны заставить правительства открыть кредит рабочим товариществам. В этом пункте Вальтон связывал свои производительные товарищества, поддерживаемые государством, с движением за избирательную реформу, которым он же руководил. Английский Лассаль указывал далее в своей статье, что английские рабочие союзы уже владеют солидными суммами, как, например, союз машиностроительных рабочих—100.000 ф. ст. (1 милл. руб.); из этих сумм они могли бы половину вложить в производительные товарищества и добиться от государства кредита в таком же размере. В заключение он выразил надежду, что реформированный английский парламент может создать систему национального кредита для рабочего класса.

Остальные английские члены генерального совета были также расположены в пользу образования кредитных учреждений для рабочего класса. В одном из следующих заседаний генерального совета, в котором лондонские сигарочники заявили о своем присоединении, Лоренс внес предложение по этому вопросу. По его мнению деньги, нужные для образования таких банков, уже имеются: по минимальному расчету рабочий класс имет в банках 15 миллионов ф. ст. (150 милл. руб.); в настоящее время эти деньги отданы на проценты господствующим классам, и последние всецело извлекают из них пользу во вред интересам рабочего класса, но эти деньги могли бы быть обращены на учреждение производительных товариществ. В другом заседании, на котором Лоренс отсутствовал, было прочтено письмо Вальтона, в котором он сообщал, что на большом митинге в Лондоне он провел резолюции по вопросам о товариществах, влиянии машин, воспитании детей и передаче земли в общественную собственность в духе постановлений лозаннского конгресса; резолюции были приняты единогласно. В этом же заседании было заявлено о присоединении к Интернационалу трех союзов в Манчестере, Вест-Энде и Кендале, женщин союза башмачников и совета тред-юнионов в Бирмингаме. Еще в одном заседании Лоренс, не внося определенного предложения, требовал, чтобы генеральный совет занялся исследованием вопроса об учреждении кредитных товариществ для поддержки производительных ассоциаций и высказался по этому вопросу печатно. Затем об этом вопросе постепенно забыли, и только, когда прибли-

зилось время брюссельского конгресса, опять занялись предварительным обсуждением вопросов, которые должны были рассматриваться конгрессом. Однако, под влиянием Карла Маркса, который представил поучительный и подробный доклад о влиянии машин, внимание генерального совета было отвлечено от вопроса о товариществах и обращено на вопрос о сокращении рабочего времени, женском и детском труде, относительном перенаселении и о резервной армии. С особенной обстоятельностью был обследован вопрос о сокращении рабочего времени, по которому и Эккариус представил потом доклад; Маркс указывал, что теоретически этот вопрос вполне разрешен на женевском конгрессе, и остается только применить на практике выставленные там требования, а время для этого уже наступило. Генеральный совет единогласно принял резолюцию, высказывающую пожелание, чтобы организации Интернационала во всех странах занялись этим вопросом. Английское рабочее движение не страдало свойственным французскому *) движению «кооперативным» прожектерством и не переживало краха «кооперативных» предприятий—вероятно, потому, что осторожная практика английских тред-юнионов не мирилась с подобными экспериментами; это объясняется тем, что и время и тогдашнее положение тред-юнионов оказались как нельзя более благоприятными для всей этой агитации за товарищества и особенно за кредитные учреждения. Это было как раз то критическое время, когда английская буржуазия с страшной подозрительностью смотрела на объединение и централизацию отдельных местных тред-юнионов, а в значительных капиталах, образовавшихся благодаря этому объединению, она усматривала большую опасность для своего собственного экономического могущества. Нужно напомнить, что как раз в это время английские суды стали отказывать тред-юнионам

---

*) Это кажется нам вполне правдоподобным. Как установил Карл Маркс еще в 1847 г. в своей полемике с Прудоном, научные «открытия» Прудона уже задолго перед тем были сделаны английскими представителями политико-экономической науки и за это время уже устарели; однако, нельзя предположить, что английские члены генерального совета находились под влиянием этих традиций. Но вполне достойно внимания то обстоятельство, что прудоновская «составная» или «синтетическая стоимость» уже предвосхищена была Рикардо, а его всеобщая система обмена и кредита Джоном Греем, но в Англии, этой классической стране политической экономии, эти понятия уже давно устарели.

в защите их права собственности в их исках к недобросовестным служащим под тем предлогом, что хотя промышленные союзы и не запрещены законом с 1825 года, однако они должны быть признаны стоящими «вне закона», так как они противоречат основному закону промышленной свободы, этому признанному принципу буржуазной экономии. Это толкование было подтверждено и высшими судебными инстанциями, что вызвало невыносимую неопределенность в финансовом положении тред-юнионов, и, конечно, проекты кредитных учреждений и производительных товариществ, основанных на союзные деньги, не могли бы успокоить опасений буржуазии. Но с этим можно было бы не считаться, если бы рабочие, приняв с самого начала наступательную тактику, в этой тактике искали бы защиту от судебного крючкотворства. Этого не сделали вожаки тред-юнионов; они были крайне смущены грозной опасностью и, ведя ожесточенную борьбу в прессе и на собраниях, они по отношению к парламенту и правительству старались держаться такой тактики, чтобы, внушив им уважение к себе, в то же время успокоить сильных мира сего, а не раздражать еще больше. Подобная «политика» заставила отказаться от дальнейших проектов насчет товариществ, и движение заглохло на первых же шагах. Кризис тред-юнионизма продолжался почти 8 лет и окончился внешней победой, но принципиальным поражением вождей рабочих. Главари нового тред-юнионизма—Оджер, Эппльгарт и комп. хотели противопоставить грозившей опасности выставление рабочих кандидатов на выборах в парламент, но и в этом не достигли осязательных результатов. На первых выборах в 1868 г. по новому избирательному закону политики рабочей партии потерпели полное фиаско. Однако, консервативное большинство на этих выборах провалилось, и у кормила правления стал либеральный кабинет Руссель-Гладстона. Но и либеральное правительство ставило те же затруднения союзам, и только после многолетней борьбы рабочие добились легализации тред-юнионов. Но эта победа была куплена такой ценой, что она была равносильна принципиальному банкротству: они должны были отказаться от боевого принципа рабочего класса и согласиться с положением, считающимся в буржуазной политической экономии аксиомой, именно, что условия работы не могут улучшаться для рабочих непрерывно, а должны находиться в зависимости от капиталистической конъюнктуры и подчиняться ее колебаниям. Карл Маркс уже тогда видел, какое направление принимает этот кризис, и в дружеских письмах он изливал свое

негодование против либеральных «политиков» рабочего класса *). В действительности оказалось, что эти главари тред-юнионизма были всецело непоследовательными оппортунистами или, что еще лучше, необоснователъными практиками. Все другие силы, другие формы движения, политические выступления, Интернационал, избирательная реформа, вопрос о товариществах,—все это для них были вроде торговых фирм, с которыми они завязывали выгодные для себя сношения. На первом же плане у них были тред-юнионы и их кассы, и для спасения их внешней формы и их легализации буржуазией они в конце концов пожертвовали и самым принципом тред-юнионизма.

Генеральный совет и фении.

В одном письме к Кугельману **) от 1869 года Карл Маркс говорит, что он все более приходит к убеждению, что рабочий класс в Англии не сможет сделать что-нибудь решительное раньше, чем не порвет самым определенным образом с политикой господствующих классов в ирландском вопросе и не только будет действовать заодно с ирландцами, но возьмет на себя инициативу в уничтожении унии 1801 года и замене ее свободной федерацией. И подобный образ действий вызывается не сочувствием к ирландцам, а собственными интересами английского пролетариата. Первое условие освобождения в Англии—это низвержение английской земельной олигархии, но взять ее позиции в Англии невозможно до тех пор, пока она сохраняет свои крепкие позиции в Ирландии. Там же уничтожение земельной аристократии несравненно легче, стоит только отдать ее в руки ирландского народа, так как в Ирландии это не только экономический, но и национальный вопрос. Этот ирландский вопрос служит тормазом не только социального развития Англии, но и ее политики по отношению к России и Соединенным Штатам. В этих словах можно видеть основные штрихи политики Маркса в ирландском вопросе. Для пропаганды этих идей Маркс пользовался иллюстрацией отдельных

*) В письме к Кугельману (см. «Neue Zeit» XX², стр. 191) он называет Оджера, Поттера и др. интриганами рабочего класса, которые хотят попасть в ближайший парламент и в ирландском вопросе видят новый предлог примкнуть к буржуазным либералам.

**) См. «Neue Zeit» XX², стр. 414.

фактов насилия в Ирландии со стороны английского режима, а в них недостатка тогда не было. В 1866 году генеральный совет отправил депутацию к сэру Георгу Грэю, статс-секретарю Ирландии; эта депутация должна была сделать ему представление о бесчеловечном обращении с заключенными в тюрьмах ирландскими политическими заключенными. Депутация не была принята. В это время состоялся приговор, которым 4 фения, обвинявшихся в убийстве, приговаривались к смертной казни. В виду предстоявших казней генеральный совет собрал митинг, который заклеймил эти юридические убийства, как дело низкой мести, и принял резолюцию, которая была сообщена ирландскому статс-секретарю. Эта резолюция требует отмены смертного приговора во имя не только справедливости, но и политической мудрости. Несмотря на это, трое приговоренных были повешены, и только один был помилован королевой. Это смелое заступничество генерального совета за фениев рядом с всеобщей паникой, которая охватила буржуазную Англию вследствие покушений в Манчестере, было очень не по душе консервативному правительству и английской земельной аристократии, и консервативная печать начала рисовать Интернационал опасным для государства. Между тем выступление генерального совета в ирландском вопросе имело и дальнейшие, а именно «международные», последствия.

Наполеоновское правосудие.

Уже за год до этого наполеоновская пограничная стража не только напала и обобрала Жюля Готтро, но и отобрала доклад, читанный парижскими делегатами на женевском конгрессе. Так как парижские представители Интернационала не были английскими гражданами, как Готтро, а только французскими подданными, то их старания получить назад свою собственность остались тщетными.

«Вице-король» Руэ, который, между прочим, послужил для Золя моделью Ругона, согласился принять депутацию от бюро парижского центрального комитета и предложил ей сделать некоторые изменения в тексте, выразить в тексте благодарность Наполеону, но получил должный отпор. С тех пор наполеоновское правительство искало только случая отомстить. Когда английское правительство оскорбилось открытым заступничеством генерального совета за фениев, виновник декабрьского переворота решил оказать

добрую соседскую услугу и напасть на Интернационал в Париже. Его полицейские шайки ночью ворвались в жилища парижских вождей Интернационала и произвели обыск. Несмотря на тщательные полицейские розыски, этот обыск не дал никаких материалов для обвинения в заговоре фениев или тайном союзе; самое большее, в чем можно было их обвинить, это в нарушении полицейских правил за сообщество, составленное больше, чем из 20 лиц. Толен блестяще вел свою защиту; тем не менее он вместе с другими 14 обвиняемыми был присужден к штрафу свыше 100 франков. Апелляционная инстанция утвердила приговор. Когда Варлен с 8 товарищами заместили прежнее бюро, они были присуждены к трем месяцам тюрьмы и 100 франкам штрафа каждый. И на этот раз апелляция не имела успеха. Эта судебная волокита стоила парижским товарищам порядочной суммы денег, стоимость одних апелляций достигла 2000 фр., тем не менее это привлекло к Интернационалу новых приверженцев во Франции. Парижские члены долгое время задумывались над вопросом, не нужно ли в третий раз избрать центральный комитет.

Интернационал и стачки.

Отличительным признаком борьбы за время от женевского до базельского конгресса (1866—1869) было то, что удары правительств и буржуазии становились с каждым годом все более тяжеловесными и озлобленными, что в свою очередь вызывало все более единодушный, решительный и непреклонный отпор со стороны всего рабочего класса. После случая с Готтро во Франции—суд над Толеном, Варленом и их товарищами; после кровопролития в Маршьенне в Бельгии—убийства в Шарлеруа в марте 1868 г., а через год постыдная бойня в Серене и Боринаже. После большой стачки бронзовщиков весной 1867 г.—еще более массовая и ожесточенная борьба строительных рабочих в Женеве весной 1868 г., а зимой 1868—9 г.г. страшная борьба в Базеле. Классовая борьба принимала все более гигантские размеры и все более принципиальный характер, и господствующие классы старого мира увидели новую, до тех пор неведомую силу, которая внесла совершенно новый принцип в национальную борьбу партий и в международные отношения.

Эта новая страшная сила рисовалась буржуазному воображению в виде фантастического средневекового разбойничества. В глазах

«образованных» *) Интернационал был огромным, всесильным и вездесущим тайным союзом, всемирным заговором, таинственный глава которого находился в Лондоне и одним мановением руки заставлял бастовать десятки тысяч рабочих. Этот вождь Интернационала написал будто бы мало понятную книгу, изложенную на тайном языке и в таинственных формулах, ключем к которым владеют только некоторые посвященные. Кругом него собрались заговорщики всех наций, «шайка поджигателей», как они сами себя цинически называют; это была революционная накипь всей Европы: немцы, французы, итальянцы, поляки, венгры, русские и испанцы. Они имели в своем распоряжении миллионы; они могли бы подстрекнуть к стачке бедных обманутых рабочих повсюду — сегодня в Париже, завтра в Женеве или Шарлеруа, а послезавтра в Базеле и Боринаже. Все эти стачки служат только подготовкой к великой всемирной революции. Главари интернационального заговора во всех столицах держат в своих руках все нити своей страны, а стоит только центру в Лондоне нажать кнопку, и всё буржуазное общество взлетит на воздух, и они все на земле сравняют и разде-

---

*) Необходимо отметить, что это были не одни буржуазные бредни и дикие филистерские фантазии, а что цвет интеллигенции был того же мнения. Классический пример представляют мемуары Бернгарди. Этот последний, несомненно, былъ одним из образованнейших и умнейших людей своего времени. Однако, несмотря на свой ум и опыт, он принял за чистую монету все глупые россказни, которые ему доставлял за хорошие деньги его частный агент, и передает их в своих мемуарах с серьезностью государственного деятеля. Приведем для примера, как рисует Бернгарди образование Интернационала: «Идеи революционной программы приобрели права гражданства во всех крупных центрах, они овладели пролетариатом, они выразились в самых абстрактных демократических понятиях; это символ веры новой эры, которая должна наступить в Европе, если и впредь не обратят внимания на зловещие предзнаменования. Для материка исходным пунктом революционной пропаганды среди пролетариата служит Женева. В Гамбурге, Кельне, Берлине, Вене, Мюнхене, Штутгарте, Будапеште, во всей Швейцарии и Италии, в Испании и Франции, в Бельгии и в Стокгольме находятся секции Интернационала, а центр их находится в Лондоне» (т. VIII, стр. 330). «Наконец С. (агент его) прислал мне из Вероны пробный нумер новой радикальной газеты, которую эта шайка поджигателей хочет издавать в Женеве». (стр. 383). «Из Лондона и Женевы распространяются социалистические происки, имеющие целью революционизировать всю Европу и вызвать не только политическую, но и социальную революцию. Руководят ими оба интернациональных комитета

лят. Так рисовался филистерам красный призрак коммунизма — Интернационал.

Это вовсе не было буржуазной демагогией и шарлатанством, когда эти побасенки повторялись снова на всех улицах при каждой новой стачке, и буржуазная пресса клялась, что эти стачки вдохновляются из Лондона. Для среднего обывателя большие забастовки были не только чем-то неслыханным, но и чем-то непонятным. Что рабочий не хотел работать, когда работа не давала, по его мнению, достаточно заработка,—это казалось обывателю простым сумасбродством, а если это случалось с массой, то за этим непременно что-то скрывалось. Поэтому при каждой стачке искали и находили тайного подстрекателя в Интернационале, тем более, что в действительности генеральный совет в Лондоне старался поддерживать стачки большими суммами. Зато теперь каждая борьба труда обращалась для предпринимателей в принципиальную борьбу с Интернационалом, и всюду они клонили к тому, чтобы отказом в удовлетворении требований своих рабочих привести в расстройство мнимого нарушителя патриархальных отношений между хозяевами и рабочими — Интернационал. В лице Интернационала они боролись с идеей организации рабочих. Так проявилась в первых столкновениях труда с капиталом вся ожесточенность

в Лондоне и Женеве. Президентом лондонского комитета состоит Луи Блан (sic!), а женевского — Филипп Беккер. Революция должна сначала разразиться в Париже и: если она там будет победоносна, то распространится затем на Италию, а потом на южную Германию, где много горючего материала; потом она должна охватить и северную Германию, где они имеют также многочисленные связи, и таким образом преобразовать всю Европу. Прежде всего, они стараются повсюду организовать и вооружить городской пролетариат, пользуясь правом ассоциаций... Какой образ действий примет Бисмарк против этих революционных стремлений, по этому вопросу мнения членов Интернационального комитета разделились... Многие депутаты нашего рейхстага находятся в сношениях с комитетом; другими словами, они принадлежат к союзу, которым правит комитет, а именно, Швейцер и Бебель» (стр. 400). «С. сообщает мне еще, что Интернационал в Лондоне собрал наличными 5 милл. ф. ст. (50 милл. руб.), которыми он может распоряжаться... Маццини и его приверженцы не имеют никакого значения, так как Интернационал с ним порвал и не хочет его знать» (стр. 406). «С. сказал мне, что Брайт и Стенсфильд (английские министры!) вместе с Луи Бланом состоят президентами лондонского Интернационала» (стр. 405). «Мольтке боится победы социализма и вследствие этого — всеобщего обнищания и одичания» (стр. 425). И таким сказкам верил Бернгарди!

социальной борьбы, и можно сказать, что тогда всякая большая стачка разросталась до размеров всеобщей классовой борьбы. И только, когда континентальная Европа с течением лет свыклась со стачками, они постепенно перестали обращать на себя внимание и сделались местным, ограниченным определенной профессией явлением.

Стачка женевских строительных рабочих.

Предприниматели видели в Интернационале организацию рабочих и решили во что бы то ни стало его уничтожить. В их глазах он был тем опаснее, что казался им гигантской организацией с неисчерпаемым источником средств. С своей стороны, рабочие поняли, что организация вообще, а в особенности такая продуктивная, как Интернационал, была для них важнее, чем все другие условия их труда, и если нужда заставляет их иногда быть уступчивыми в других требованиях, то в этом пункте они были непоколебимы.

Особенно замечательно то обстоятельство, что в защите Интернационала с приверженцами его были вполне солидарны и неорганизованные рабочие. Таким образом, с каждой стачкой независимо от того, выигрывали ли рабочие или нет, к Интернационалу присоединялись все новые массы. Типичным примером может служить стачка женевских строительных рабочих весной 1868 г., которая во всех фазах своего развития была повторением парижской стачки бронзовщиков и, как и та, превратилась в борьбу за существование Интернационала. Поводом к ней послужило выставленное рабочими требование сокращения рабочего дня с 12 до 10 часов и повышения заработной платы на 20 процентов. Хозяева также объединились и отказались удовлетворить требования рабочих, не пожелав даже вступить с ними в переговоры. Тогда комитет каменщиков передал дальнейшее руководство стачкой женевскому центральному комитету Интернационала, а последний заявил гласно хозяевам требование начать переговоры. Предприниматели окончательно заупрямились и поклялись, что ни за что на свете не допустят вмешательства Интернационала. Тогда центральный комитет расклеенными по городу объявлениями известил всех, что в тот же день в 6 часов вечера барабанным боем будет созвано общее собрание всех секций. Панический ужас охватил всю женевскую буржуазию. Дома и лавки закрылись, деньги и ценные вещи были отданы на хранение, в больших торговлях слу-

жащие были спабжены оружием, как будто ждали нашествия неприятельской армии. Между тем, члены Интернационала и другие заинтересованные лица собрались в своем общественном собрании в числе около 5000 человек. Там было выяснено положение дела, и стачечникам была обещана поддержка Интернационала; вместе с тем рабочие других родственных отраслей, не принадлежавшие еще к Интернационалу, из сочувствия также объявили стачку. О стачке было дано знать в Лондон, Париж, Лион, Брюссель, и генеральный совет старался достать денег.

Через несколько дней он был в состоянии обещать женевскому центральному комитету из одной Англии ежемесячно не меньше 40.000 франков, частью заимообразно, частью в безвозвратное пособие. Брюссель и Париж также прислали значительные суммы; по данным «Beehive» Париж прислал 10.000 франков.

Предприниматели, которые уже через два дня после собрания старались задобрить рабочих и обещали удовлетворить часть их требований, если они порвут с деспотическим Интернационалом, содержимым на иноземные деньги, были неприятно поражены. В эти дни в Женеве тысяча новых членов вступила в ряды Интернационала; вступили также и многочисленные союзы, державшиеся до тех пор вдали. Женевские квалифицированные ремесленники, часовщики, граверы, золотых дел мастера и др., в большинстве женевские старожилы, на собрании в несколько тысяч человек также высказались в пользу стачечников; швейцарские рабочие кассы пришли также на помощь; поступали взносы от 500 до 5000 франков. Нужно было поддерживать 3000 рабочих с их семьями. Перед такой готовностью жертвовать предприниматели признали себя бессильными и обратились за посредничеством к председателю Государственного Совета и начальникам судебного и полицейского департаментов. Примирение состоялось: рабочий день был сокращен на один—два часа, а заработная плата увеличена на десять процентов. Эта борьба продолжалась три недели. Интернационал праздновал свою вторую большую победу.

Кровавая расправа в Бельгии.

Совершенно нет возможности рассказывать здесь о всех стачках, которые возникали тогда в различнейших пунктах капиталистического мира. Нельзя, однако, обойти молчанием кровавые избиения, при помощи которых некоторые бесчестные и ограни-

ченные правительства надеялись потопить в крови молодое рабочее движение, и первое место в этом отношении принадлежит Бельгии. Эта несчастная страна, без национального единства, без исторических традиций, обязанная своим существованием случайным замешательствам старой Европы и нескольким революциям, конгломерат двух враждебных рас, романской и германской, имела многочисленный промышленный пролетариат, добывавший свое скудное пропитание преимущественно в каменноугольных копях и железоделательной промышленности. Односторонняя физическая работа углекопов и их товарищей в доменных печах и плавильных заводах, слишком длинный рабочий день в 15—18 часов в отвратительном воздухе, жалкая плата, обрекавшая рабочих на хроническое голодание,—все это должно было через несколько поколений окончательно лишить человеческого образа этот одаренный и подвижной народ. При этом буржуазия, грубее, подлее и низменнее которой нигде на свете не было, и правительство, которое одинаково не руководилось ни указаниями совести, ни политическими соображениями и на все требования рабочих знало только один ответ—порох и свинец. Как видно из этого, Бельгия была раем для буржуазии: правительство—послушное орудие в руках капиталистических рабовладельцев, войско, набранное из подонков люмпенпролетариата, всегда готовое по первому приказанию броситься на рабочих, как звери, и промышленные наемные рабы, которые давали снимать с себя шкуру для пользы своих «господ». Первые проявления противодействия бесчеловечной системе обнаружились в начале 60-х годов; в некоторых промышленных центрах рабочие начали образовывать товарищества и объединяться с просветительными целями. Это были союзы «свободных рабочих» (Francs Ouvriers). Когда возник Интернационал, то единичные секции примкнули к центральной брюссельской секции, но большинство бельгийских рабочих еще долгое время держалось в стороне.

Голодный бунт в Маршьенне, где солдаты напали и изрубили мирную безоружную демонстрацию рабочих, сначала, казалось, только ошеломил бельгийских рабочих. Только, когда генеральный совет выпустил воззвание о пожертвованиях в пользу семейств убитых, и от английских углекопов и рабочих железной промышленности стали прибывать значительные суммы, только тогда бельгийские рабочие, доведенные до тупого отчаяния, поняли, что свет клином не сошелся, и что для них еще возможно спасение. При-

соединение к Интернационалу стало все более частым явлением; в городах Интернационал стал агитировать за учреждение третейских судов. Однако, окончательно дорога Интернационалу была проложена расправой в Шарлеруа.

Поводом к этой кровавой бане послужила самая обыкновенная капиталистическая спекуляция. Владельцы бельгийских копей, все больше анонимные акционерные общества, образовали синдикат, чтобы поднять цены на уголь. Тогда владельцы доменных печей и плавильных заводов заключили контракты на доставку угля с английскими предпринимателями, а владельцы бельгийских угольных копей остались на бобах. Последние постарались возместить свои убытки за счет своих рабочих и провели сокращение выработки и уменьшение заработной платы. Заработки рабочих, и без того наполовину голодавших, сократились вдвое, что повлекло за собой новый отчаянный голодный бунт. Владельцы копей запаслись войском и жандармерией, вызвали кровавое столкновение с рабочими, и белый террор стал справлять свои оргии. При всеобщей панике, когда циническая буржуазная пресса громко аплодировала зверствам солдат, Интернационал поднял свое знамя в Брюсселе, созвал народные собрания, на которых клеймил трусливую свору предпринимателей и их жестокое правительство. Генеральный совет в Лондоне выпустил воззвание, доставил преследуемым юридическую помощь и защитников и объявил дело углекопов в Шарлеруа общим делом Интернационала. Это наэлектризовало бельгийских рабочих, и только тогда борьба разгорелась. Акционеры совсем закрыли свои копи. Но средства Интернационала были истощены женевской стачкой, и их не хватало на поддержку этой огромной массы голодных. Уже опять готов был вспыхнуть голодный бунт. Это не пришлось по душе и либеральным обывателям. Либералы в Шарлеруа пригрозили правительству, что они распустят свой избирательный комитет и очистят поле католикам, если правительство не даст работы голодающим. Угроза подействовала, правительство немедленно предприняло постройку общественных зданий, чтобы хоть несколько парализовать безработицу. Вся эта борьба имела богатые последствия для Интернационала. В Вервье, Антверпене, Люттихе, самом Шарлеруа, Брюгге, Генте и многих других небольших городах образовались секции; присоединились полностью и основанные год тому назад независимо от Интернационала союзы «свободных рабочих». На брюссельском конгрессе Бельгия была представлена 55 делегатами.

Пустые угрозы бельгийского правительства.

События в Шарлеруа едва не повлекли за собой отсрочку брюссельского конгресса. Бельгийский министр юстиции Бара, благодаря возбуждающим событиям последних недель, стал несколько нервничать, а так как его раздражали постоянные нападки буржуазной прессы на вмешательство Интернационала, он пригрозил в палате новым законом против иностранцев, который собственно метил в Интернационал, похвастал, что не даст конгрессу собраться в Брюсселе. В Лондоне, где не сумели оценить по достоинству парламентскую болтовню конституционного министра, генеральный совет сначала принял дело всерьез; было внесено предложение перенести конгресс в Лондон. При обсуждении этого вопроса считались уже не с бельгийскими, а с английскими условиями и приняли во внимание, что и английская палата общин при случае может предпринять что-нибудь, чтобы ограничить свободу собраний. Вопрос был отложен и сделан был запрос в Брюссель. Бельгийские товарищи лучше знали своих господ министров и на хвастовство министра ответили печатно в очень непочтительной форме, выразив ему презрение и заявив, что ему нечего соваться с запрещением конгресса и что конгресс состоится в Брюсселе, угодно ли это будет или нет бельгийскому министру юстиции. На деле новый закон о чужестранцах принял такую форму, что не давал ни малейшего предлога выселять иностранных участников конгресса. По этому закону могли быть выселены только подозрительные личности и то на основании судебного следствия; никто по этому закону не мог быть заключен в тюрьму, полиция не имела права присутствовать на собраниях и входить в дом. Только для французских делегатов могли возникнуть неприятности вследствие вассального отношения, в котором Бельгия находилась ко Второй Империи. Но так как французские члены определенно высказали свое решение участвовать в брюссельском конгрессе при всяких условиях, то генеральный совет согласился с предложением бельгийского комитета не менять места конгресса. Вся достославная деятельность бельгийского правительства ограничилась на деле тем, что оно разослало своих делегатов к крупным предпринимателям, чтобы убедить их рассчитать тех рабочих, которые принадлежали к Интернационалу.

Интернационал в Германии и Австрии.

1867—8 год сделался для Интерационала в Германии и Австрии историческим годом. В Австрии потому, что это были первые искры разгорающегося рабочего движения, и образовавшаяся там организация немедленно же примкнула к Интернационалу, в Германии же потому, что с этим временем совпадает первая парламентская проба сил обоих направлений немецкого рабочего движения: «Всеобщего немецкого рабочего союза» и «объединенных немецких рабочих союзов»; из них второе целиком присоединилось к Интернационалу. До тех пор в Германии и Австрии Интернационал имел только отдельных членов, но ни одного рабочего союза. Принадлежать к Интернационалу запрещалось прусскими законами; поэтому гамбургский конгресс лассальянцев, центральная организация которого незадолго перед тем была распущена в Берлине прусским правительством, постановил «действовать в согласии с Интернационалом». Объединенные рабочие союзы Либкнехт—Бебелевского направления, областью распространения которых были преимущественно Саксония, Тюрингия и южная Германия, не должны были прибегать к таким мерам осторожности, и на ближайшем партейтаге в Нюрнберге, который происходил как раз перед брюссельским конгрессом, в первую очередь был поставлен, как наиболее важный, вопрос о присоединении к програме и организации Интернационала. Союзы должны были стать секциями Интернационала. В Австрии агитация велась главным образом в больших массовых собраниях и путем основания «Венской Рабочей Газеты», о чем было доведено до сведения генерального совета в Лондоне. Летом 1868 года венские товарищи сочли себя достаточно сильными, чтобы созвать в Вене конгресс рабочих различных народностей Австрии, на который они послали приглашение и генеральному совету. Последний, действительно, послал представителя; однако, в последнюю минуту конгресс был запрещен псевдолиберальным австрийским правительством, тем самым правительством, которое должно было после падения абсолютизма произвести «либеральные» реформы в габсбургской монархии. Это обстоятельство дало только толчок дальнейшей пропаганде Интернационала. И на нюрнбергский партейтаг генеральный совет послал своего представителя—Эккариуса, который и привез на конгресс в Брюсселе важное известие о состоявшемся присоединении к Интернационалу

большинства нюрнбергских союзов. Так как в это время всеобщий немецкий союз рабочих так же, как и нюрнбергские союзы, высказался за образование отдельных профессиональных союзов, то нюрнбергские союзы стали обозначаться, как Интернациональные, в отличие от союзов лассальянцев. С профессиональными союзами были тесно связаны производительные товарищества, как, например, в Геппингене ткацкое производительное товарищество под руководством Бронненмайера, в Золингене стальное под руководством Клейна и в Криммичау суконное под руководством Моттелера. Уже образовавшиеся секции в Кельне, Золингене, Майнце и др. послали, конечно, своих делегатов на конгресс, и в Майнце всегда объявлялось открыто о собрании для выбора представителей. Следует отметить, что женевский центральный комитет не смотрел тогда косо на это самостоятельное развитие немецких организаций, и И. Ф. Беккер заявил тоже в «Vorbote», что он смотрит на Женеву, как на временный центр, и что он первый предложит перенести немецкий центральный комитет из Женевы в Вену, если движение в Вене станет на твердую ногу и будет достаточно представлено на конгрессе *).

Объединенное собрание немецких рабочих просветительных союзов Швейцарии в Нейенбурге, на котором были представлены 50 ферейнов, за несколько недель перед брюссельским конгрессом единогласно постановило также присоединиться к Интернационалу. Органом этих союзов был «Das Felleisen».

Конгресс в Брюсселе.

Между тем наступило время брюссельского конгресса. В то время, как вопросы, подлежащие обсуждению конгресса, особенно о влиянии машин и сокращении рабочего времени, вызвали очень основательные дебаты в генеральном совете, французы должны были удовольствоваться обсуждением их в руководящих статьях своей прессы. Уже в июле месяце генеральный совет обратился с весьма интересным посланием к тред-юнионам, присоединившимся к Интернационалу в значительном числе, несмотря на переживаемый ими в то время кризис. Суть этого послания, составленного в кратких и ясных положениях, приблизительно такова: «Интернационал основан в самое удачное время. Он завоевал себе

*) «Vorbote», 1868, стр. 37.

теперь такое положение, какого не имела ни одна организация в Европе. Даже при полной политической свободе это не политический союз в старом смысле этого слова. Он поддерживает все прогрессивные движения, но с презрением смотрит на враждебные партии, так как невозможно помогать рабочим и в то же время доверять капиталистам, как классу. Это не более, как клевета, когда говорят, что Интернационал вызвал стачки; он только дал рабочим возможность оказать сопротивление увольнениям и привести к успешному концу те стачки, которые сделались неизбежными, благодаря грубости, вероломству и цинизму предпринимателей. Его основной принцип таков: продукт труда принадлежит производителю; основой общества должно быть братство труда, свободного от национального соперничества. Для труда не существует отечества. Капитал это только накопленный труд. Рабочий не должен быть закрепощен продуктом своего труда. Долгое время английские тред-юнионы довольствовались одним стремлением к повышению заработной платы. Свобода торговли произвела перемены. Рабочие на континенте работают дольше и за меньшую плату, чем английские рабочие. Англия в состоянии платить большую заработную плату, благодаря более высокому уровню ее машинного производства. Интернационал требовал повсюду на континенте образования профессиональных союзов. Во Франции во время стачки бронзировщиков были уволены 1500 человек, и увольнение грозило еще 4000. Их союз был первым по английскому образцу. С помощью Интернационала удар предпринимателей был отражен. С тех пор профессиональные союзы приобрели право гражданства во Франции. В Швейцарии Интернационал способствовал победе забастовавших женевских строительных рабочих и этим значительно укрепил свое влияние. В Бельгии он выступил, когда трусливое правительство свинцом и порохом отвечало на требования рабочих: Интернационал лечил раненых, кормил голодных, помогал советами заключенным. Когда в Германии Бисмарк предложил тарифную реформу, торговая палата Бармен-Эльберфельда, прусского Манчестера, возразила, что прусские фабриканты не могли бы конкурировать с английскими, не понижая заработной платы, а это немыслимо при быстром распространении и значительном влиянии Интернационала. Для английских союзов Интернационал нес разведочную службу, доставляя им сведения из-за границы, и мешал предпринимателям, когда те хотели достать иностранных рабочих, чтобы подавить своих. Одним из главных

пунктов обвинения в процессе парижских членов Интернационала было то, что парижский комитет во время стачки английских рабочих по цинку, портных и железнодорожных служащих помешал отъезду французских рабочих в Англию. Все эти обстоятельства показывают, что английские рабочие в своих собственных интересах должны стремиться к выравниванию рабочего времени и заработной платы во всей Европе, а это—одна из задач Интернационала. Еще на лондонской конференции 1865 года французские и швейцарские рабочие высказали свое убеждение, что тред-юнионы никогда не найдут для себя почвы на континенте. На конгрессе же 1867 года было больше 40 делегатов от континентальных профессиональных рабочих союзов английского образца. Местом ближайшего конгресса назначен Брюссель, чтобы дать возможность английским рабочим послать большее число делегатов. Союзы, которые примкнули до конца августа, могут послать представителя в Брюссель». Это послание заканчивается призывом о присоединении к Интернационалу и изложением порядка дня конгресса.

Не только генеральный совет ставил высоко успехи Интернационала, но и противники его не могли ему отказать в этом. Незадолго перед конгрессом лондонский «Times» писал в статье об Интернационале: «Со времени появления христианства и обновления старого античного мира нельзя найти что-нибудь равное этому рабочему движению».

Брюссельский Интернациональный конгресс продолжался от 6 до 13 сентября и имел 96 делегатов. Из них было 55 бельгийцев *), в том числе проф. Гинс, де-Пап и Фонтэн; 18 французов, между ними Толен, Мюра, Пэнди, Тартарэ, Обри и Лонге; Вассер умер незадолго перед тем; 11 англичан, из них 6 членов генерального совета (Лукрафт, Шоу, Эккариус, Юнг, Кауэль Степней и Лесснер); 8 швейцарцев; 5 немцев (в том числе Моисей Гесс—делегат от Кельнской секции и Фр. Буттер, посланный конгрессом рабочих союзов в Нюрнберге); 2 итальянца (из них один—член генерального совета Дюпон) и один испанец (Сарро-Магаллан). Бюро было выбрано на второй день: Юнг президентом, Дюпон и Беккер вице-президентами, Кенен и Метенсо секретарями для Бельгии (валлонской и фламандской), Грино и Тейс для Франции, Клейн и Шепплер (Майнц) для Германии и Шоу для Англии.

*) В том числе 4 делегата от свободных рабочих (francs ouvriers).

Брюссельский конгресс стоял значительно выше Лозаннского. Правда, прудонизм проявлялся еще довольно сильно в дебатах и одержал даже одну-другую победу; но англичане, немцы и большая часть швейцарцев поняли наконец основное различие между принятыми в Женеве директивами и прудонистскими нелепостями; изложение было определеннее, возражения яснее, из-за компромисса не объединялись больше на темных по смыслу резолюциях и не принимали зараз двух противоречивых постановлений, как в Лозанне, а противопоставляли одно понимание другому и затем голосовали.

Первое заседание, которым конгресс открылся, имело чисто подготовительный характер, как всегда бывает на этих конгрессах. Юнг, как временный председатель, произнес речь об истории Интернационала и сообщил, что в Бельгии со времени событий в Шарлеруа Интернационал приобрел 20 новых секций, из которых многие имеют больше 800 членов. Секции сами представили отчеты, наиболее подробные представили бельгийские. Далее, были прочтены письма заключенных из Парижа, письмо Бакунина, который в это время околачивался на мирной конференции в Берне, и письмо Швейцера, президента всеобщего рабочего союза. На другой день были произведены выборы бюро и решено, что ежедневно по утрам от 9 до 12 будут происходить административные заседания, после обеда будут заседать комиссии, а по вечерам от 7 до 12 публичные собрания. «Vorbote» сообщает еще, что в предобеденных заседаниях происходили наиболее серьезные дебаты и принимались наиболее важные постановления.

Первым пунктом порядка дня был поставленный немецкими секциями вопрос о поведении рабочих всех стран в случае возникновения войны. Предстоящая франко-прусская война уже висела в воздухе.

Перед открытием дебатов по этому вопросу Дюпон прочел от имени генерального совета его деловой годовой отчет. Нет надобности излагать его здесь, так как это было бы повторением истории этого богатого событиями года.

При дебатах по вопросу о войне де-Пап указал, как на прямой способ противодействовать войне, на отказ от военной службы или же отказ от всяких работ; косвенным же средством служит решение социального вопроса, что и составляет задачу Интернационала Толен, Беккер и Мермилло (Женева) предложили резолюцию, которая и была принята единогласно. Эта резолюция после подробно

мотивированного протеста против войны рекомендует рабочим забастовать в случае войны, а народам объявить стачку против войны. Эта единогласно принятая резолюция была однако объявлена публично при закрытии конгресса.

Вторым шел в этот же день вопрос о стачке и «обществах противодействия», как прудонисты называли профессиональные союзы. Конгресс принял длинную резолюцию, которая не усматривает в стачках средства к освобождению рабочего класса, но принимает их, как необходимость. Эта резолюция высказывает даже пожелание централизирования организации стачек при помощи «обществ противодействия» и круговой поруки этих обществ и их касс, и, наконец, требует, чтобы союз этих обществ назначал местные комиссии, которые должны беспристрастно изучить целесообразность и законность (!) каждой стачки и по свободном обсуждении объявлять начало стачки. Де-Пап, докладчик по этому вопросу, определил профессиональные союзы, как «общества для удержания цен в их норме», и видел в них залог великого социального переворота, который должен совершиться во всех странах, стоящих на вершине цивилизации. С предложением Дюпона удовольствоваться резолюцией женевского конгресса о стачках, которую он при этом прочел, французы не согласились.

На четвертом публичном заседании был заслушан и обсуждался доклад о влиянии машин на положение рабочих. Дебаты по этому вопросу заняли еще одно закрытое и одно публичное заседание. В заключение была принята резолюция, что только с помощью производительных товариществ и организованной системы взаимного кредита производители могут добиться того, чтобы машины стали их собственностью, и что в настоящее время профессиональные союзы должны добиваться, чтобы при введении новых машин рабочие получали определенные гарантии и компенсации. Толен сначала хотел удержать конгресс от принятия резолюции по этому вопросу. Принятая резолюция представляет соединение двух предложений де-Папа и Эккариуса.

На четвертом же публичном заседании был заслушан и доклад Гинса (Брюссель) об интегральном образовании. Комиссия предложила, принимая во внимание, что в настоящее время невозможно сколько-нибудь рационально поставить дело народного образования, рекомендовать рабочим устройство публичных лекций. По этому вопросу выработали и представили доклад также и парижские переплетчики, и люттихские секции. Хотя некоторые английские

и немецкие делегаты предлагали ограничиться постановлением женевского конгресса по этому вопросу, обсуждение его отняло еще два публичных и одно закрытое заседание; в конце концов, успокоились на заключении докладчика Гинса.

Вопрос об организации кредита, об основании кредитных учреждений в целях облегчения и содействия эмансипации рабочего класса вызвал опять, как в Лозанне, дебаты о товариществах, вернее теоретический спор завзятых прудонистов с непрудонистским меньшинством, который на сей раз не был затушеван компромиссной резолюцией. Прудонисты имели большинство: все французские и многочисленные бельгийские делегаты в принципе признавали систему «дарового кредита» и «менового банка»; рабочим надо было лишь договориться относительно непосредственного обмена продуктов производительных товариществ и на этом основании выпустить бумажные деньги, которые им заменят капитал. Эти бумажные деньги должны сделаться всемирными деньгами, и таким образом, современем рабочий капитал со своей кредитной системой, основанной на товарищеских началах, должен одержать верх над привилегированным денежным капиталом предпринимателей. Обсуждение этого вопроса вызвало страстные дебаты, которые опять заняли два публичных заседания. Эккариус и Гесс, вообще немцы и англичане, выставили против прудоновского учения все доводы логики и опыта: Эккариус заявил, что в Англии, этой стране классической политической экономии, вовсе не знают теории Прудона, и что там рабочие стоят за замену частных банков государственным национальным банком. Гесс напомнил, что уже двадцать лет тому назад Прудон был основательно и совершенно разбит Марксом в его «Нищете философии». Все было напрасно: прудонистское море волновалось и стремилось все затопить. Таким образом, в конце концов, большинство конгресса приняло длинную резолюцию, которая клеймит взимание процентов, как постоянный источник всякой несправедливости и неравенства (sic!), и высказывается за учреждение меновых банков «в целях демократизации и уравнения кредита». Но так как конгресс практически не мог ничего предпринять в «таком сложном деле», как меновой банк, то осуществление этого постановления было отложено в долгий ящик, и конгресс ограничился только рекомендацией взаимного кредита. Пока же решено было разослать по всем секциям образцовый устав, предложенный брюссельской секцией, чтобы обсудить его на местах и потом передать его на обсуждение

ближайшего конгресса. Непрудонисты не могли, конечно, равнодушно отнестись к рекомендации подобной практически негодной меры и, так как они были в меньшинстве, то на закрытом заседании они подали свое особое мнение.

Непосредственно после кредитного вопроса обсуждался вопрос о собственности; точнее говоря, вопрос о собственности на большие современные средства сообщения, на горно-промышленные предприятия (угольные копи, рудники и др.) и на землю со всем произрастающим на ней (земельные владения, лесные угодия и т. д.). Уже в Лозанне конгресс одобрил резолюцию, предложенную энергичным и интеллигентным Вассером, которая гласила, что стремления народов должны быть направлены к обращению в государственную собственность имущества крупных транспортных обществ и средств сообщения.

Во время дебатов де-Пап прибавил еще вопрос о собственности на землю, и конгресс тогда решил отложить весь вопрос о собственности до следующего конгресса. Де-Пап, как докладчик, внес теперь большую, подробно обоснованную резолюцию в духе коллективизма. Эта резолюция требует, чтобы в благоустроенном обществе каменоломни, угольные копи и другие рудники, также и железные дороги принадлежали всем, т.-е. преобразованному на началах справедливости государству; до того времени они должны быть отданы для эксплоатации рабочим обществам при определенных гарантиях для государства.

Таким же образом должны быть обращены в собственность государства пашни и леса и с такими же гарантиями переданы земледельческим рабочим товариществам; далее, каналы, дороги, телеграфы и все пути сообщения должны перейти в руки общества. Против подобного «грубого коммунизма» ополчились прудонисты; однако, они не могли ничего поделать, так как в этом вопросе бельгийцы были заодно с немцами и англичанами. Резолюция де-Папа была принята 30 голосами против 4 при 15 воздержавшихся. Когда Толен хотел демонстративно изложить мнение меньшинства в публичном заседании, хотя голосование происходило в закрытом заседании; президент не допустил этого, и конгресс 31 голосом против 18 высказался против подобного желания Толена выступить публично против постановления конгресса.

Следующим был вопрос о кооперативных товариществах. Повторились опять уже давно известные рассуждения об относительной ценности и недостаточности товариществ в борьбе рабо-

чего класса за освобождение. Резолюция, принятая конгрессом, отвергает проценты и особенно капиталистическую прибыль в товариществах и с некоторым пафосом устанавливает, что весь продукт труда должен принадлежать рабочему.

К Лиге мира и свободы, заседавшей в то время в Берне, были отправлены три делегата, которые должны были там изложить основные положения Интернационала и предложить Лиге присоединиться к последнему, если ее стремления к миру и свободе серьезны.

По письменному предложению всех немецких делегатов конгресс единодушно устроил овацию автору «Капитала», рекомендовал этот труд вниманию всех народов и заявил, «что Карл Маркс оказал неоценимую услугу тем, что он первый среди экономистов подверг капитал научному анализу и разложил его на его первоначальные элементы». Что касается вопроса о сокращении рабочего времени, то конгресс всецело присоединился к мнению английских делегатов, что уже наступило время дать этому вопросу практическое решение и что инициатива в этом деле должна принадлежать секциям Интернационала.

Также нашло одобрение конгресса и воззвание к членам Интернационала, предлагающее им всем без исключения присоединиться к профессиональным союзам.

Были сделаны постановления и по поводу организации *) Интернационала, правильнее сказать, были повторены прежние постановления. Так, окончательно были приняты постановления о ежегодных взносах; далее секциям было предложено действовать согласно постановлениям женевского и лозаннского конгрессов, если они не хотят лишиться права участвовать в конгрессах; наконец, центральные комитеты должны каждую четверть года представлять генеральному совету в Лондоне отчет о положении дел и о состоянии финансов.

Затем был избран генеральный совет. Вновь были избраны: Эппльгардт, Бернар, Кон, Каплэнд, Иоганнард, Лимбург, Миль-

*) Кажется, впрочем, что в закрытых заседаниях были и закулисные интриги, о которых протоколы конгресса не дают понятия. Так, Карл Маркс в одном письме к Кугельману («Neue Zeit» XX², стр. 11), дав уничтожающую характеристику французских делегатов, пишет: «Мы в их глазах, конечно, реакционеры, и они выставили против нас целый обвинительный акт, который они распространили на брюссельском конгрессе, на закрытых заседаниях». Из этого видно, что романские представители интриговали уже на брюссельском конгрессе.

нер, Коуэн Степней; не были переизбраны: Безон, Картер, Гарриетт Лау, Лассази, Лоренс, Стэнби, Ярроу. Местом конгресса на 1868 г. назначен Базель.

Конгресс по сравнению с лозаннским является шагом вперед, поскольку он не старался затушевать, а, наоборот, раскрывал внутренние разногласия. Далее, он стоит далеко впереди лозаннского и даже женевского в виду своего решительного поворота в сторону коллективизма, коммунизма. Мотивировка первой части резолюции де-Папа—о каменноугольных копях и горных промыслах—выставляет то положение, что «машины и объединенная сила индивидуумов теперь служат только капиталистам, в будущем же должны пойти на пользу рабочим, и поэтому каждая отрасль промышленности, где необходима машина и рабочие, должна перейти к самим рабочим» и т. д. Другими словами, де-Пап обосновывает свой специальный коллективизм для рудников, путей сообщения и земли коммунистическим аргументом, общим требованием обобществления всех средств производства вообще. А так как конгресс подавляющим большинством согласился с ним, то этим самым брюссельский конгресс сделал первый большой шаг к коммунизму *).

Интернационал и выборы в парламент.

С присоединением нюрнбергских союзов в Интернационал вступила впервые политическая партия. Союз немецких рабочих обществ, который образовался во Франкфурте на Майне через несколько месяцев после основания всеобщего немецкого рабочего союза в противовес лассальянцам и большинство которого открыто перешло в лагерь Интернационала, находился в близких отношениях с народной партией—этим жизнеспособным еще остатком некогда столь могущественной немецкой демократии. Связь между рабочими союзами и народной партией была самая тесная: остатки

*) Насколько рабочие ушли вперед в своей сознательности за эти два года от женевского до брюссельского конгресса, ярким примером тому может служить следующее. В первом номере «Vorbote» (стр. 16) Беккер решительно протестует против «красного призрака» — коммунизма и клеймит эту «клевету» на Интернационал. О положительной программе Интернационала он говорит в одном официальном воззвании к немецким рабочим следующее (стр. 115, 1866 г.): «Интернационал хочет раньше всего объединить все существующие уже рабочие общества — производительные и

немецкой демократии в 1865 г. соединились с саксонскими рабочими союзами в саксонскую народную партию. Духовные вожди рабочих союзов,—Бебель и Либкнехт, одновременно принадлежали к саксонской народной партии, и, наоборот, вожди демократии—Росмэсслер, Вирт, Заннеман, Эйхельсдорфер—были также членами союза рабочих обществ; основанный тотчас после нюрнбергского конгресса *) «Демократический Еженедельник» под редакцией Либкнехта считался органом саксонской народной партии и немецких рабочих союзов. Саксонские рабочие в 1867 г. дважды выступали в избирательной компании под знаменем хемницкой программы при выборах в учредительный рейхстаг северного союза и при парламентских выборах в новый рейхстаг. Эту программу составили Бебель и Либкнехт, вожди саксонской народной партии, под впечатлением того оборота, который приняла немецкая война. Эта программа требовала участия в выборах по новому избирательному закону, но исключительно с целью беспощадной борьбы с созданным войной положением для того, чтобы поддержать старые требования немецкой демократии в не урезанном виде. С этой программой саксонская народная партия с первого же разу получила два мандата в учредительный рейхстаг: Глаухау Меераne (Бебель) и Цвиккау-Криммичау (Шрапс), а через полгода при первых выборах в северо-германский рейхстаг это число удвоилось; к прежним прибавились Штольберг-Шнееберг (Либкнехт) и Гетц (Лейпциг-округ). Так как на вторых выборах лассальянцы также получили два мандата—Эльберфельд-Бармен (Швейцер) и Леннеп-Меттман (Рейпке), а на гамбургском партейтаге всеобщий немец-

---

потребительные товарищества, кредитные, вспомогательные и всякие другие союзы, интересы коих по существу совпадают, обеспечить их существование и развитие, установив между ними систематическую взаимную связь». Больше ничего. Но уже в мартовской книжке 1869 г. при обсуждении резолюции де-Папа он восклицает: «Это постановление есть логическое выражение социал-демократического рабочего движения». Как видите, в 1866 г. «клевета», а в 1869 г. «логическое выражение рабочего движения». Это ли не шаг вперед!

*) О составе этого конгресса см. Меринг, «История германской социал-демократии», III, стр. 260: «Большинство состояло исключительно из делегатов саксонских рабочих союзов, изъ которых большинство, как Росмеслер, Бебель, Либкнехт, Кнефель, адвокаты Шрапс и братья Фрейтаг были от рабочих просветительных союзов, а меньшинство от отделений всеобщего немецкого рабочего союза в Дрездене, Лейпциге, Глаухау, Лимбахе и Хемнице».

кий рабочий союз заявил себя идейно единомышленником Интернационала, то молодое немецкое рабочее движение первое дало Интернационалу сразу полдюжины парламентских мандатов.

В других странах Интернационал не был так счастлив при выборах. Выборы в Большой Совет в Женеве, которые И. Ф. Беккер громко приветствовал в «Vorbote», как день рождения «социал-демократической партии» *), фактически участвующей в кантональной политике, кончились полным фиаско для вновь импровизированной «партии», несмотря на воодушевление 200 единомышленников в подготовительном избирательном собрании и на организацию выборов избирательным комитетом в 25 человек. 15 ноября 1868 г. при выборах в Большой Совет в Женеве за рабочих кандидатов было подано всего 200 голосов. Только в Базеле рабочие провели своего кандидата в Большой Совет, и то благодаря общему возбуждению вследствие стачки рабочих ленточного производства. Во Франции участие в выборах в законодательное собрание в мае и июне 1869 г. было мыслимо только, как демонстрация против бонапартизма; поэтому рабочие с самого начала выступили за кандидатов буржуазной крайней левой—Распайля, Рошфора и товарищей их, которые выставили очень радикальную избирательную программу **). Правда, империализм во всей стране, особенно в трех больших городах: Париже, Лионе и Марселе, понес крупное поражение, но это почти исключительно благодаря радикальной оппозиции. В Англии рабочие кандидатуры также не имели успеха, несмотря на расширение избирательного права. При первых парламентских выборах по новой избирательной системе в конце 1868 г. все рабочие кандидатуры провалились

*) В оригинале также кавычки. См. «Vorbote», 1868, стр. 156. Название «социал-демократическая партия» было тогда еще чем-то новым.

**) Избирательная программа парижской секции гласила: отмена постоянного войска и замена его милицией; отделение церкви от государства, выборы судей народом, обязательное всеобщее обучение на средства государства, свобода союзов и собраний, неограниченная свобода печати, неприкосновенность личности, замена косвенных налогов прямым прогрессивно-подоходным налогом, экспроприация всех финансовых обществ, передача всех монопольных товариществ и союзов, как банки, каналы, железные дороги, рудники и т. д., в руки общественного управления. Как видно из этого, парижане хорошо усвоили коммунистические постановления брюссельского конгресса, хотя некоторые из них очень сильно возражали на конгрессе против этих постановлений.

даже в тех избирательных округах, где рабочие составляли большинство избирателей. Многие избиратели-рабочие сами считали эти кандидатуры безнадежными и выставляли их лишь в отместку консерваторам, которым английские рабочие хотели отплатить за их придирчивое отношение к тред-юнионам. Эта цель и была достигнута; выборы дали неожиданное большинство либералам, и торийское министерство Дерби-Дизраэли должно было выйти в отставку. Впрочем, новый кабинет Рессель-Гладстона причинил тред-юнионам еще не мало хлопот. При таких плачевных результатах в других странах успехи немецких организаций казались тем более блестящими и внушали самые радужные надежды.

Эти неожиданные успехи в Германии были несколько ослаблены через некоторое время тем, что между обеими организациями — лассальянцами и нюрнбергскими союзами—возникли сильные раздоры после брюссельского конгресса. К разногласиям в понимании несозревшего еще политического положения в Германии, а также в организационных и некоторых более теоретических вопросах прибавилось еще с осени 1868 г. соперничество в профессиональном движении, где обе организации старались отвоевать друг у друга поле действия. Это соперничество двух направлений и организаций при общности их целей причинило большой вред профессиональному движению именно вследствие его своеобразности. Если для политического движения это раздвоение еще было терпимо, так как обе организации действовали в разных областях, то профессиональное движение требовало единства в организации и действиях по всей Германии, и эта братская борьба оказывала здесь положительно гибельное действие. Дело дошло до крупных конфликтов, которые приняли роковой оборот для Всеобщего Немецкого Рабочего Союза в тот момент, когда его руководитель, господин фон-Швейцер задумал совершить маленький государственный переворот внутри своего союза для того, чтобы восстановить свою диктатуру, несколько урезанную постановлениями конгресса, прибегнув для этого к новому голосованию членов союза. Он пытался достигнуть этого окольным путем—слиянием с союзом графини Гатцфельд, по поводу чего для виду и должно было произойти голосование; однако, истинной целью этого переворота было не соединение обоих союзов, а восстановление лассалевского устава организации. Этот план потерпел крушение: члены союза в Брауншвейге, Целле, Гамбурге, Магдебурге, Эрфурте, Готе и Франкфурте подняли знамя восстания; лучшие силы союза: Браке, Иорк, Боп-

горст, Гейб и 9 прежних членов правления отказались иметь дело с президентом, а их примеру последовали многие вновь основанные лассальянские организации. Все эти члены, организации и руководители целиком перешли в лагерь Бебеля, и «Демократический Еженедельник» мог выразить надежду на скорое объединение всех социал-демократов. 17 июля орган Либкнехта опубликовал приглашение на объединенный конгресс в Эйзенахе, которое подписали 63 прежних члена Всеобщего Немецкого Рабочего Союза, в том числе: Клеес, Иорк, Гейб, Браке, Шуман, Вальстер; кроме того, 3 бывших члена гацфельдского союза и 106 членов Союза Немецких Рабочих Союзов, среди них: Бебель, Либкнехт, Ульрих, Фальтейх, Моттлер, Левенштейн, Бронненмайер, Мецнер, Штоле; наконец, 2 члена женевского центрального комитета и многие члены швейцарских и австрийских комитетов *).

Центральный комитет в Женеве, который все еще составлял организационный центр для всех немецких секций, очень внимательно следил за этими событиями. Если успехи в профессиональном движении и развитии различных товариществ нашли себе достойную оценку в Женеве **), то виды на объединение обоих направлений должны были еще более окрылить надежды в Женеве. Однако, к этому примешивалась и небольшая доля опасений. В Женеве ясно сознавали и считались с тем, что это молодое немецкое движение, успевшее так окрепнуть за несколько лет, захочет вскоре стать самостоятельным и независимым от женевского центрального комитета. Чтоб заблаговременно предупредить такой оборот, предусмотрительный И. Ф. Беккер выработал организационный проект, основные положения которого должны были быть предложены эйзенахскому конгрессу в виде ряда мотивированных предложений; этот проект был опубликован в том же

---

*) См. «Vorbote», 1869, стр. 102. В поправке «Vorbote» к «Демократическому Еженедельнику», который предпочитал называть вместо «Бюро центрального комитета секционной группы немецкого языка Интернациональной рабочей Ассоциации» просто «немецким отделением в Женеве», слышится раздраженное чувство Беккера на непочтительность Либкнехта.

**) См. «Vorbote», 1869 г., стр. 26 (присоединение 2000 углекопов в Лугау), стр. 45 (отчет о союзе печатников, папиросников, портных подмастерьев, профессионального союза подмастерьев-печатников); стр. 77 (нормальный устав Бебеля для интернациональных союзов); стр. 93 (интернациональные союзы сапожников, рабочих по обработке металлов и дерева).

нумере «Vorbote», где было напечатано и самое приглашение на конгресс. Этот проект представляет немаловажный документ по истории Интернационала, так как он ясно обнаруживает стремление центральных учреждений помешать самостоятельности национальных движений.

Чтобы с самого начала показать для виду, что нити немецкой организации все еще сосредоточиваются в Женеве, центральный комитет вскоре после созыва эйзенахского конгресса принял резолюцию, обещавшую всяческое содействие и помощь проектированному объединению немецкой партии и осуществлению этого плана. Это «содействие» выразилось в очень хитроумно составленном организационном проекте, этом шедевре беккеровской тактики.

Этот проект кладет в основу своих положений профессиональное движение, которое он определяет, как «единственно правильную форму рабочих союзов»; в сравнении с ними «смешанные союзы», объединяющие рабочих разных отраслей промышленности, т.-е. политические союзы, «как, например, Всеобщий Немецкий Рабочий Союз и Образовательный союз рабочих», теряют всякий смысл, так как в них будто бы находятся различные, в политическом и социалистическом отношении неодинаково развитые элементы рабочего класса. Логическим следствием этой предумышленной переоценки профессионального движения являются в заключение следующие положения: рабочее движение, как продукт социально-экономических отношений, должно быть в состоянии при помощи своей организации не отставать от эволюции этих отношений; вся организация должна иметь пока главной целью систематическую пропаганду социалистических и демократических идей, а потому предполагаемая партийная организация не должна принимать определенных форм, но должна сохранять способность меняться и развиваться. Другими словами, женевский центральный комитет хотел помешать немецкому рабочему движению сплотиться в крепкую партию и придать ему вид подвижной пропагандистской организации, опирающейся на профессиональные союзы.

Чтобы провести эти общие тенденции, центральный комитет внес еще целый ряд предложений на обсуждение эйзенахского конгресса. Конгресс должен выбрать комиссию из 15 человек для выработки проекта устава; по этому проекту «смешанные», т.-е. политические союзы осуждаются на постепенное вымирание; напротив, профессиональные союзы, «эти основные ячейки» партийной орга-

низации, должны быть объединены в центральные организации; на местах же в каждом городе они должны совместно со «смешанными союзами» образовать общее правление, а эти местные правления должны быть подчинены национальному центральному правлению, выбранному всеми местными профессиональными и «смешанными» союзами. Этому центральному правлению должно быть вверено все интеллектуальное и материальное руководство политическим и экономическим движением и вся власть. Проект прямо говорит, что «круг действий национального правления не должен быть ограничен пределами государства, но должен охватить всю область, где употребляется немецкий язык». К этому, единственно на то уполномоченному центральному правлению должны обращаться централизованные интернациональные профессиональные союзы. Каждое национальное центральное правление должно сноситься с центральным комитетом Международной рабочей ассоциации, а через него и с генеральным советом. Далее, предлагалось конгрессу выбрать комитет в 5—7 членов, который временно должен принять на себя обязанности центрального правления, пока этот проект не будет осуществлен. Весь проектируемый союз должен был носить название: «Всеобщий немецкий социалистическо-демократический рабочий союз, входящий в состав Интернациональной Рабочей Ассоциации»; он должен иметь свой орган: «Das Volksstaat».

Таков в главных чертах этот проект. Не трудно отыскать в нем тайную подкладку. В Женеве хотели помешать образованию немецкой рабочей партии и удержать движение в форме эластического и в то же время строго централизованного союза, опирающегося на профессиональные союзы и местные секции, над которыми господствовала бы эта организационная верхушка— национальное центральное правление. Это правление не было бы тождественно с женевским центральным комитетом, однако круг действий «центрального правления» почти совпадал бы с таковым центрального комитета. Последний мог бы держать в своих руках центральное правление и узурпировать его права, не будучи обязан даже отчетом перед организацией, так как по уставу центральный комитет не имел никакой другой функции, кроме посредничества в сношениях между центральным правлением и центральными профессиональными союзами, с одной стороны, и Генеральным Советом—с другой.

Женевский центральный комитет и больше всего И. Ф. Беккер были, повидимому, крайне заинтересованы в том, чтобы эта форма

организации получила одобрение конгресса. В том же номере «Vorbote», в котором он опубликовал свой проект, Беккер расхваливает баварские союзы, которые перед тем порешили основать свою отдельную организацию в Нюрнберге и при этом отметили свое согласие с основными положениями Интернационала и его организации. «Такие постановления, писал Беккер отечески-наставительно, эйзенахский конгресс должен ставить себе в пример».

Но все это не подействовало на эйзенахский конгресс; он не мог остановиться на проекте Беккера, если не хотел отказаться от основания собственной партии. И он так и поступил. Когда эйзенахский конгресс приступил к своим занятиям, то первое, чем он занялся, была программа и организационный устав немецкой социал-демократической партии. Для этого комитет, собравшийся за несколько недель перед тем в Брауншвейге и созвавший этот конгресс, выработал самостоятельный организационный устав. План женевского центрального комитета был заслушан только, как «приложение» к этому проекту устава, и за все время дебатов о программе и организации ни один оратор к нему больше не возвращался, и только, когда весь организационный проект уже почти был принят, конгресс дошел и до «предложения» Беккера. Но прежде еще, чем приступили к его обсуждению, Либкнехт предложил избрать комиссию, чтобы обсудить вопрос об отношении к Интернационалу, а также выбрать кандидата на Базельский конгресс. Времени оставалось уже немного, и Беккер согласился с этим и заявил, что он с согласия многих бывших на конгрессе членов Интернационала отказывается от своего проекта, так как последний имел в виду, что состоится присоединение и лассальянского союза; а также потому, что проект конгресса в своем дальнейшем развитии вполне отвечает его собственному плану. Нечто подобное появилось и в ближайшем номере «Vorbote» *). Там говорилось, что проект программы и организации, в которой «по существу нашли свое выражение предложения центрального комитета», был принят конгрессом, а принятые поправки еще более уяснили все пункты. Такими речами Беккер старался скрыть свое отступление. На самом конгрессе он присоединился к заявлению Либкнехта, что нельзя разойтись, не приняв определенного решения по вопросу об отношениях к Интернационалу. Либкнехт же, вполне сознавая, как много уже сделано, прибавил к этому, что задача, поставленная

*) См. «Vorbote», 1879 г., стр. 116.

женевским проектом, не может быть вполне решена на конгрессе. «Мы, немецкие социал-демократы, здесь представлены, но Интернациональная Рабочая Ассоциация здесь не представлена; мы можем достигнуть результата только посылкой делегатов на базельский конгресс. В одном Беккер мог убедиться, именно, в том, что весь конгресс проникнут духом Интернационала». Конгресс постановил окончательную разработку организационного вопроса поручить особой комиссии и послать делегацию в Базель. Наконец, конгресс рекомендовал всем членам партии лично вступать в организацию Интернационала. В комиссию были выбраны Риттингаузен, Грейлих и Либкнехт, делегатами в Базель—Беккер и Либкнехт.

Так образовалась партия; комитет ее находился в Брауншвейг-Вольфенбюттеле. ревизионная комиссия в Вене. В том же номере «Vorbote», где Беккер дал очень оптимистически окрашенный отчет о конгрессе. временный комитет, в который входили Браке, Элерс, Нейдель и Шпир, опубликовал свое первое воззвание «К партии». На все требования, чтобы партия вошла в Интернационал, Бебель ответил замечанием, которое обозначает новую эру в рабочем движении: «Во всяком случае социал-демократическая партия должна раньше сама образоваться в Германии, так как рядом с интернациональной необходима и национальная организация, без последней первая только призрак» *). Впрочем, конгресс рекомендовал членам партии личное вступление в Интернационал, а профессиональным союзам—интернациональную организацию; теперь они назывались «Международными профессиональными союзами».

В другой стране, которая пока еще тоже была в ведении женевского комитета, в Австро-Венгрии, также проявились первые зачатки самостоятельного рабочего движения. Тем, что «либеральное» имперское правительство запретило рабочий конгресс всех австрийских народностей в Вене, движение не было задавлено. Вместо «Венской Рабочей Газеты» стал выходить «Венский Народный Голос». Австрийское правительство вступило в борьбу с рабочим движением с помощью свинца и пороха и смертных приговоров. В Брюнне оно устроило рабочим кровавую баню; хотя брюннские рабочие никогда не слыхали об Интернационале, тем не менее они поплатились за движение. Некоторым социалистическим вождям на скамье подсудимых был брошен правительством упрек, что они состоят интернациональными «заграничными агентами». В Венгрии

---

*) См. протоколы эйзенахского конгресса, стр. 73.

мадьярские полуазиаты преследовали первые проявления рабочего движения с цинической жестокостью. Несмотря на все это, «Vorbote» сообщал из всей Австрии, а также и Венгрии о многочисленных присоединениях к Интернационалу отдельных рабочих и целых групп. На основании сведений из Австрии «Vorbote» сообщал о многих тысячах членов; эти сообщения, может быть, были преувеличены, однако нельзя отрицать, что за этот год рабочее движение в Австрии сильно разрослось, как это констатировали и представители ее на Эйзенахском конгрессе: Обервиндер и Неймайер.

Год наиболее трудной борьбы с капиталом.

1869 год был самым беспокойным годом экономической борьбы, какой только пришлось перенесть Интернационалу. Гораздо ожесточеннее и страстнее, чем стачка женевских строительных рабочих, была стачка, вернее говоря, локаут ленточных ткачей и красильщиков шелка в Базеле, которая повлекла за собой повторение стачки строительных рабочих в Женеве, а одновременно и стачку печатников. За избиением рабочих в Шарлеруа следовала расправа в Серэне и Боринаже. Во Франции разразилась голодная стачка рабочих хлопчатобумажной промышленности в Нормандии, которая, благодаря деятельному вмешательству Генерального Совета и лондонских тред-юнионов, имела своим последствием образование профессиональных союзов во всей хлопчатобумажной промышленности Нормандии. В районе угольных копей Луары, в С.-Этьенне, Рив-де-Жьере и Фирмини дело дошло до кровопролития, при чем было 15 убитых, в том числе 2 женщины и 1 ребенок, и много раненых. В Лионе оставили работу мотальщики шелка; не испугавшись полиции, они открыто присоединились к Интернационалу и послали свой взнос Генеральному Совету. Даже в Англии произошло кровавое столкновение между бастующими рудокопами в Уэльсе и войском. Генеральный совет с большим вниманием следил за всеми этими событиями и помогал советами и средствами, где только было возможно. По поводу бойни в Серэне и Боринаже он выпустил уничтожающий обвинительный манифест против властной шайки грабителей, именующей себя бельгийским правительством, и, между прочим, доказал, что министр внутренних дел, на которого падает ответственность за избиения, был одним из крупнейших акционеров одной из соседних копей, а его высочество принц Фландрский вложил 15 миллионов франков в Кокерильские

рудники, где происходила стачка; агентом в этих рудниках состоял городской голова Серэна. Чтобы скрыть истинную подкладку этого дела, акционер-министр постарался устроить резню и в Боринаже, где у него никаких акций не было, благо к его услугам были солдаты этого «конституционного государства». Лондонский совет профессиональных союзов также послал адрес своим бельгийским братьям и обещал им свою моральную и материальную поддержку. Последствием таких бесчестных поступков бельгийского правительства было то, что число членов Интернационала в Бельгии поднялось до 64.000 человек. В Базеле, где уязвленное самолюбие патрициев поставило на ноги полицию и жандармерию, Большой Совет и бернский союзный совет, торговую камеру и даже осадное положение, чтобы изгнать ненавистный Интернационал из священных стен благочестивого города, борьба также привлекла много новых последователей Интернационала; и многие организации, стоявшие прежде в стороне от него, объявили сочувственную стачку и присоединились к Интернационалу. В Женеве власти открыто приняли сторону предпринимателей, которые еще решительнее, чем в прошлом году, возлагали всю ответственность за возникшую стачку на Интернационал и старались убеждать, что это все «иностранная держава». Адрес предпринимателей к женевскому государственному совету говорил о «приказах из Лондона и Парижа», о «тайных агентах Бонапарта», стоящих во главе Интернационала. Государственный совет разрешил женевской «золотой молодежи», вооруженной револьверами, напасть на рабочих и работниц на улицах и площадях. Хотели вызвать кровопролитие, но несмотря на все эти фокусы, предприниматели вынуждены были уступить по всем пунктам и удовлетворить требования рабочих. В конце концов, Интернационал по всей линии одержал верх, несмотря на большие потери деньгами и кровью: в Швейцарии, Бельгии и Франции он мог констатировать значительный прирост членов.

В Бельгии судейская чиновничья клика прибегла к особенно позорному способу мести. Особенную ненависть со стороны буржуазии вызывали отдельные интеллигенты, как профессор Гинс и врач де-Пап, которые старались приходить на помощь «ее» рабочим своими знаниями, обеспечивать их медицинской и юридической помощью и защищали их интересы в печати, тогда как предприниматели сознательно стремились держать «своих» рабочих в состоянии полного невежества. Вся их злоба обрушилась на этих

интеллигентов, а Гинсу в особенности пришлось испытать на себе утонченную месть со стороны бельгийского мошеннического суда. Гинсу, который незадолго перед тем женился, брюссельский комитет поручил составить доклад о насилиях солдат. Когда он возвращался с докладом домой, то был схвачен полицией и брошен на 4 недели в одиночное заключение без права сношения с кем бы то ни было. После трех недель мучительной тоски его молодая жена отправилась к прокурору спросить о судьбе своего мужа, но встретила самый грубый отказ. Этот удар так подействовал на нее, что ее пришлось отнести домой, и она слегла, чтобы уж больше не встать. Когда Гинс, благодаря ходатайству двадцати юристов и многих врачей, был освобожден, то он застал свою жену уже при последних минутах. Похороны ее послужили поводом к внушительной рабочей демонстрации в Брюсселе. Тысячи людей шли за гробом этой жертвы беззакония, улицы были переполнены сочувствующими. Четырнадцать надгробных речей были произнесены представителями различных секций Интернационала и других рабочих союзов. Генеральный совет прислал сочувственный адрес. Через несколько дней после освобождения Гинса были освобождены и другие члены брюссельского комитета, находившиеся в предварительном заключении. Государственная власть не нашла достаточно материала для обвинения комитета, и новые домашние обыски, предпринятые у родственников умершей г-жи Гинс в поисках за мифической кассой Интернационала, остались, конечно, тоже без результатов.

Кризис в Англии.

В марте 1869 г. распалась «Лига избирательной реформы». Она считала свою миссию законченной и задачу свою исчерпанной. Приблизительно в то же время тред-юнионы выработали и представили в парламент объемистый доклад, в котором излагались все их жалобы на неудовлетворительность законодательства о союзах и на практику судебных толкований и ставилось требование легализации профессиональных союзов. Но либеральный кабинет Гладстона был так же мало склонен считаться с представителями рабочих, как и консервативное министерство. Напротив, парламентское расследование деятельности тред-юнионов продолжалось в том же духе, как и при консервативном правительстве. Либеральная буржуазия все еще считалась с фактом политической стойкости старого тред-юнионизма. Действительно, еще в 1868 г.

на тред-юнионистском конгрессе в Манчестере было сильно представлено мнение, что рабочие не должны особенно энергично стремиться к легализации профессиональных союзов. «Чем меньше рабочие имеют дело с законом, тем лучше для них», таково было постоянное правило традиционного юнионизма. Однако, под конец этот конгресс принял резолюцию, выражающую полное доверие деятельности правления соединенных союзов, т.-е. Оджеру, Эппльгарту и др. Опираясь на выраженное им доверие, вожди нового юнионизма выступили в борьбу с правительством. По всей стране они устраивали собрания избирателей, чтобы произвести давление на членов парламента; в то же время повсюду происходили внушительные демонстрации рабочих, на которых парламентские друзья рабочих заявляли о своем решении принудить правительство заняться законопроектом и представить его на рассмотрение парламента. Тогда правительство уступило, обещав в следующем году внести собственный закон о тред-юнионах, а пока провело временный закон, которым до принятия постоянного закона кассам союза обеспечивалась законная охрана. Тред-юнионистский же конгресс в Бермингаме за несколько дней до базельского конгресса вновь повторил свое постановление, что в интересах рабочих масс необходима международная рабочая организация, и очень настойчиво рекомендовал всем организациям Соединенного Королевства присоединиться к Интернационалу.

Базельский конгресс.

Между тем наступило время четвертого конгресса Интернационала. В лондонском генеральном совете вопросы, подлежавшие обсуждению конгресса, со дня опубликования, последовавшего 22 июня, подробно обсуждались и подготовлялись, особенно первые два пункта порядка дня—о собственности на землю и праве наследования. Вопрос о коллективизме ставился вновь только для того, чтобы избегнуть нареканий со стороны меньшинства брюссельского конгресса. На последнем 20—30 делегатов не только воздержались от голосования, но заявили даже протест на том будто бы основании, что вопрос для них является неожиданным, что он захватил их врасплох, и они не могли обсудить его во всем объеме, несмотря на то, что вопрос этот был включен в порядок дня еще лозаннским конгрессом. Поэтому хотели предоставить меньшинству возможность высказаться еще раз по этому вопросу, при-

вести свои возражения и, если это будет меньшинству по силам, склонить на свою сторону и большинство. Вопрос о праве наследства обсуждался в генеральном совете под руководством Карла Маркса. Он доказывал, что тот парламент, который захотел бы и был бы в силах отменить право наследования, был бы также в состоянии произвести экспроприацию, передать частную собственность в общественное пользование и организовать производство на коммунистических началах. Право наследования есть только частный юридический случай института частной собственности, последняя же находится в тесной связи с производительными силами, т.-е. с экономической категорией. В этом смысле была составлена и резолюция для предложения конгрессу.

На базельском конгрессе были представлены 9 стран 78-ью делегатами, а именно: Англия—6 членами генерального совета (Эппльгард, Д. Лукрафт, Коуэлль Стенней, Юнг, Эккариус и Лесснер); Франция 26 членами (в том числе Обри, Варлен, Мюра, Шемалэ, Толен и Бакунин); Бельгия 5 делегатами (между ними Гинс, Робэн, Брисмэ и де-Пап); Германия 12-ю (Беккер, Либкнехт, Ритингаузен, Шпир и Моисей Гесс); Австрия 2-мя (Обервиндер и Неймайер); Швейцария 23 (Гег, Грейлих, Брюен, Фриц, Роберт и др.); Италия 3-мя и Испания 4-мя (в том числе Фарга Пелиццер и Сентинон). Кроме того, National Labour Union Северной Америки был представлен Камероном. Председателем был избран Юнг, вице-председателями Брисмэ и Брюен; секретарями для Франции—Варлен, Обри и Роберт, для Германии—Либкнехт, Гесс и Шпир, для Англии—Эккариус и для Испании Фарга Пеллицер.

В первый же день конгресс ограничил время ораторов 10 минутами, для предварительного обсуждения были выбраны комиссии, для закрытых заседаний установлено было время от 9—12, а для публичных от 2 до 6 часов пополудни. Так как для ораторов время было ограничено 10 минутами, то рассчитывали, что двух заседаний в день будет достаточно. Уже при установлении порядка занятий вышло столкновение. Немецкие представители желали, чтоб вслед за первыми пятью пунктами выработанного генеральным советом порядка дня обсуждался доклад Ритингаузена о непосредственном издавании законов народом. Романские представители возражали, что этот вопрос касается не международной политики, а национальной, в которой господствующее положение занимает буржуазия, и последняя сумеет политически эксплоатировать рабочих в свою пользу. Но против этого был выдвинут тот довод, что

обсуждение великих социальных преобразований теряет всякий смысл, если не формулировать справедливых требований рабочих, именно, в области законодательства, и не поставить на практическую почву демократическое воспитание народа. В заключение предложение немцев было принято единогласно.

На второй день утреннее заседание было чисто деловое, при чем была назначена комиссия для наблюдения за правильностью отчетов о заседаниях конгресса в печати. Вместе с тем Эккариус предложил секциям и их группам последовать примеру генерального совета, который на каждом заседании выбирает председателя, отменив должность постоянного председателя. Это было принято. В дневном заседании были заслушаны отчеты генерального совета и секций. Отчет генерального совета подробно останавливался на борьбе рабочих в Базеле и Женеве, на избиениях в Серэне и Боринаже, на больших французских стачках и кровопролитии в Рикамари, на успехах движения в Германии и Австрии и на кровавом столкновении между валлийскими рудокопами и солдатами. Французские и бельгийские секции дополнили этот отчет сведениями о положении дел в районах стачек. Фарга Пеллицер представил подробный отчет о положении в Испании, где дворцовая революция низложила королеву Изабеллу из дома Бурбонов. Отчет романских секций Швейцарии уже давал ясные намеки на раскол, который вскоре возник в этой организации. Либкнехт устно доложил об образовании социал-демократической партии в Германии и о трудностях, с которыми сопряжено присоединение к Интернационалу. Эппльгарт изобразил положение тред-юнионов в Англии, их денежные средства, численную силу и политическое влияние. Так как английские рабочие желали иметь своих представителей в парламенте, то он возбудил вопрос о дальнейшем объединении профессиональных союзов для того, чтобы они могли пользоваться опытом других. Он заявил также, что имеет поручение от своего тред-юниона, а также и других положить начало союзу английских профессиональных союзов с континентальными организациями. Деловое заседание продолжалось и следующий день. Эккариус предложил от имени генерального совета предоставить последнему право, не дожидаясь санкций конгресса, исключать всякую секцию, которая действует не в духе Интернационала. Будущему дезорганизатору Интернационала, Михаилу Бакунину, это предложение показалось недостаточным,—он предложил уполномочить генеральный совет до ближайшего конгресса отказывать новым секциям

в приеме и исключать старые секции. Еще решительнее высказался Либкнехт за расширение полномочий генерального совета. Конгресс принял предложение Эккариуса с тем ограничением, что о приеме или отказе в приеме новых секций генеральный совет должен запросить федеративные советы; что касается старых секций, то генеральному совету было предоставлено право исключения согласно предложению Бакунина. Вместе с тем группы секций были уполномочены исключать отдельные секции из своей среды, но только генеральный совет имел право удалять такие секции из состава Интернационала. Во всех спорных случаях общепризнанным третейским судьей должен быть генеральный совет. Наконец, было повторено постановление, что только те секции, которые исправно делают свой взнос, имеют право быть представленными на конгрессе; секции должны принять за правило— все свои журналы, содержащие нападки на Интернационал, немедленно посылать генеральному совету. Все эти постановления имели целью провести более строгую организацию Интернационала. Кроме того, конгресс упорядочил и ведение дел на будущих конгрессах, назначив раз навсегда первые дни для деловых заседаний, установив директивы для выборов в бюро и комиссии и определив общие нормы порядка заседаний. Эти мероприятия также должны были обеспечить более правильное функционирование организации.

По окончании деловой части конгресса слово было предоставлено комиссиям по принципиальным вопросам. Раньше всего был заслушан доклад комиссии по вопросу о собственности на землю, составленный де-Папом и Риттингаузеном. На этот раз вопрос был подвергнут самому тщательному рассмотрению; меньшинству была дана полная возможность высказаться в комиссии, и оно изложило и обосновало свои воззрения в отдельном докладе. Комиссии были предложены два вопроса: во-первых, имеет ли общество право отменить частную собственность на землю и передать ее в общее пользование, и, во-вторых, необходима ли подобная замена частной собственности общественной. Подавляющее большинство комиссии ответило безусловно утвердительно на первый вопрос, только два члена были того мнения, что в виду давности частного владения землей, и так как владельцами вложено в землю известное количество труда, земельные собственники сохраняют право на часть ценности земли. На это справедливо заметили, что это мнимое право основывается на частном владении землей, которое само было введено силой и всякими незаконными средствами, так как

с самого начала земля повсюду была общей собственностью. Ссылались при этом даже на Савиньи, который в своих основных положениях о праве собственности признает за государством право общего распоряжения естественными богатствами внутри страны. Известно также, что в Англии, как указал и Карл Маркс при предварительном обсуждении этого вопроса в генеральном совете, король номинально считается владельцем всей национальной территории. И по второму вопросу, необходимо ли обобществление земли, комиссия также не могла притти к единогласному решению. При голосовании в общем собрании конгресса 54 делегата голосовали за право общества обратить землю в собственность государства, 4 против, 13 воздержались и 4 отсутствовали. За необходимость обобществления голосовали 53 делегата, 8 против, 10 воздержались от голосования и 4 отсутствовали. В числе воздержавшихся был и Моисей Гесс, который требовал простого подтверждения прошлогодних постановлений брюссельского конгресса. Эккариус от имени генерального совета также предложил подтвердить брюссельские постановления и только для собственности на землю он предлагал отдельную формулировку, ссылаясь на особенности сельского хозяйства. Это повело к обсуждению третьего вопроса—о способах обработки и форме пользования обобществленной землей. Большинство было того мнения, что земля должна быть отдана в пользование целым общинам; меньшинство же полагало, что земля должна быть предоставлена отдельным лицам или земледельческим обществам за определенную арендную плату в пользу государства. От имени генерального совета Эккариус высказался за устройство крупных хозяйств с применением машин на средства государства и отдачу устроенных подобным образом хозяйств в аренду крестьянским обществам.

Чтобы, с своей стороны, проявить на деле свои коллективистские наклонности, некоторые французские представители, во главе их Бакунин, поставили на очередь вопрос о праве наследования. Комиссия выработала по этому вопросу доклад, в котором проводит следующие взгляды. Право наследования способствует развитию частной собственности и служит одним из главных препятствий к переходу земли в общую собственность; это право представляет собой привилегию, социальную несправедливость и служит постоянной угрозой социальному порядку; оно делает *неосуществимой политическую и экономическую справедливость и мешает водворению «социального равенства»*; конгресс, заявив себя сто-

ронником коллективизма, тем самым уже признал необходимость уничтожения права наследования, и поэтому он должен объявить уничтожение этого права одним из «основных условий», которые восстановят права труда в полном их объеме. Этой фанатически и грубо понятой идее равенства, весь социализм которой сводился к вульгарному «разделу», генеральный совет противопоставил блестящий доклад, где он доказывает, что подходить к социальному вопросу со стороны наследственного права—значит начать дело с конца. Право наследства не есть категория производственных отношений, это право не порождает силу капиталистического производства, а означает собой только перемену лиц, пользующихся этой силой. Законы о наследственном праве являются не причиной, а юридическим следствием современной экономической организации общества, основанного на частной собственности. Право наследования поэтому является юридической надстройкой на строго определенном экономическом фундаменте. С переходом средств производства в общую собственность законы о наследовании потеряют всякий смысл, так как человек может оставлять в наследство только то, чем владеет при жизни. Поэтому мы должны стремиться главным образом к тому, чтобы уничтожить тот самый институт, который предоставляет отдельным личностям экономическую силу и власть в процессе производства. Там, где рабочий класс обладает достаточной для этого силой, он может достигнуть этого непосредственно законодательным путем, но уничтожение или ограничение права наследования может быть только результатом социального преобразования. Некоторое частичное ограничение права собственности и наследования может иметь место уже в переходное время, когда, с одной стороны, старые экономические основы общества еще не изменились, а с другой стороны, рабочий класс уже политически достаточно силен, чтобы заставить радикально изменить правовой порядок. Как такие переходные меры, можно рекомендовать дальнейшее увеличение налога на наследства и ограничение права завещания—и то и другое в целях социальной эмансипации. Результат голосования был таков: за предложение комиссии 32 голоса, против 23, воздержались 13, отсутствовало 13. Так как абсолютного большинства не было, то подвергли голосованию и предложение генерального совета, при чем оказалось 19 за, 37 против, 6 воздержалось, 13 отсутствовало. Таким образом, по этому вопросу не могло составиться большинства, и вопрос остался не решенным.

Оставалось рассмотреть еще 3 пункта: влияние «обществ сопро-

тивления», т.-е. тред-юнионов, на освобождение рабочего класса, организация системы взаимного кредита и всеобщее образование. Но успели обсудить и принять резолюцию только по первому пункту. Референт Пэнди пришел к выводу, что «профессиональные союзы создают основы коммун будущего, и советы этих союзов должны в будущем заменить собой правительство». Резолюция, принятая конгрессом, обязывает всех рабочих вступать в профессиональные союзы, а последним рекомендует международное объединение через федеральные группы и центральные советы; центральным же учреждениям союзов она поручает собирать все нужные сведения в интересах союзов, обсуждать и руководить общими выступлениями, регулировать стачки и заботиться об их исходе, пока «наемный труд не будет заменен союзом свободных производителей». Генеральный совет с своей стороны должен содействовать международному объединению профессиональных союзов всех стран. Местом следующего конгресса Интернационала был назначен Париж.

Влияние базельских постановлений.

Принятие резолюции об обращении земли в общественную собственность встревожило всю буржуазную печать. Теперь коммунистический характер Интернационала стал вполне очевиден. Если лозаннскую резолюцию об обращении в собственность государства путей сообщения считали теоретической игрушкой, а брюссельскую коллективистскую резолюцию объясняли опрометчивой торопливостью, которую базельский конгресс постарается исправить, то подавляющее большинство, которым вторично было принято уничтожение частной собственности на землю, окончательно доказало неизменность коммунистических и революционных стремлений Интернационала.

Напротив, во всем пролетарском мире это постановление вызвало радостные отклики. В Лондоне 13-го октября состоялся митинг; на этом митинге была основана «Лига земли и труда», которая под лозунгом: «земля для народа» выставила программу со следующими требованиями: национализация земли, внутренняя колонизация; народное, светское, даровое и обязательное обучение; уничтожение ассигнационных банков и предоставление права выпуска бумажных денег только государству; прогрессивный прямой подоходный налог взамен всех других налогов; ликвидация

национального долга; отмена постоянного войска; сокращение рабочего дня и всеобщее прямое избирательное право с назначением суточных для депутатов *). В комитете этой лиги были 10 членов генерального совета. В Германии Либкнехт сначала еще медлил развернуть красное знамя коммунизма в только что образовавшейся молодой партии. Против намерения брауншвейгского комитета официально высказаться в пользу базельских постановлений он некоторое время выставлял «практические соображения». На щекотливый вопрос лассальянского органа, какое положение социал-демократия примет по отношению к базельским постановлениям, Либкнехт ответил: «Никакого: каждый отдельный член может и должен принять определенное положение; партии же, как таковой, этого не следует делать, так как она еще ничем не связана с этими постановлениями, как и с самим Интернационалом». Но когда немецкая народная партия, с последними остатками которой Либкнехт не хотел порвать сношений, потребовала определенного отречения от этих постановлений, Либкнехт окончательно порвал с этой партией и в речи в Мееране открыто заявил себя сторонником базельских постановлений **). Немецкий центральный комитет в Женеве опубликовал в декабрьском нумере «Vorbote» манифест к сельскому населению, который содержит интересный обзор развития имущественных отношений в сельском хозяйстве современных культурных стран и предлагает нечто вроде «аграрной программы», состоящей из семи пунктов и ставящей целью общинное производство в сельско-хозяйственной промышленности. Этот манифест был перепечатан секцией в Майнце, распространен в Неаполе на итальянском языке, в Мадриде на испанском, в Нейенбурге на французском, в Нью-Иорке и в венском предместье Нейштадте на немецком и, наконец, был переведен на польский и русский языки. Результаты не замедлили проявиться. Общее собрание рабочих в Биле (бернский кантон), на котором были представлены секции Нейенбурга, Ле-Локля, Сонвилльера и Сент-Имье и на котором

*) Резолюция, принятая митингом, указывала на монополию владения землей, как на главную причину всех нравственных, политических и социальных недугов, которыми болеет общество, и начало лечения этих недугов видела в возвращении земли ее законному хозяину — народу. При этом прежние собственники должны были быть вознаграждены государственной рентой, а государство должно было предоставить землю народу на определенных условиях.

**) Меринг, «История социал-демократии», т. III, стр. 372.

присутствовал Беккер, как член комитета, приняло резолюцию, в которой указывается на братское единение всех рабочих сельскохозяйственной и обрабатывающей промышленности без различия языка, национальностей и религии, как на единственное средство спасения от угрожающего финансового феодализма. В Кастелламаре, вблизи Неаполя, была основана секция сельских рабочих, которая вскоре насчитывала больше 400 членов. Быстрее всего движение пустило корни среди сельских рабочих в Испании. Доклады обоих делегатов Фарга Пеллицера и Сентинона были благоприятно приняты в Барцелоне на всех собраниях, и все рабочие товарищества, объединившиеся теперь в союз, вскоре заявили о своем присоединении к Интернационалу. То же самое произошло и в Рейсе. В Мадриде был основан союзный орган «Solidariad», в Пальме еженедельник «Ei Obrero», а в Барцелонской провинции организовалась первая секция сельских рабочих. О таких же успехах сообщали и из других мест Испании.

III.

ПЕРИОД ВЫСШЕГО РАСЦВЕТА.

От базельского конгресса до падения Коммуны.

1869—1871 г.г.

Полтора года между базельским конгрессом и падением Коммуны были временем, когда Интернационал достиг наивысшего развития. Повторным признанием необходимости передачи средств производства из частного пользования в общественное была окончательно установлена его теоретическая программа; организация его сделалась значительно более совершенной, благодаря расширению прав генерального совета и установлению более тесной связи между генеральным советом, федеральными советами и секциями. С этой программой и этой организацией Интернационал выступал для завоевания новых стран и слоев населения, державшихся пока в стороне от него, и для объединения всего пролетариата. Он окончательно укрепился в Италии и Испании; в Женеве основалась русская секция, и он проникал в среду малоразвитого сельского пролетариата с таким же успехом, как несколько лет тому назад в среду полудиких рудокопов. Боевой клич Интернационала: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был, как казалось, близок к исполнению.

Над буржуазной Европой висели грозные тучи. Все правительства опасались близкого взрыва революции. Зашатался трон Наполеона, бывший в течение двадцати лет центром тяжести европейского равновесия, а в глазах континентальной буржуазии и всего социального порядка. Всеобщие выборы 1869 года подвергли сомнению прочность декабрьского государственного переворота, и когда виновник этого политического преступления передал этот вопрос на решение всего народа путем плебесцита, то хотя деревня и высказалась за него, но большие города и значительная часть

армии были против него. Революция уже стучалась в двери. Но она пришла не «с развевающимися кудрями и бронзовыми сандалиями на ногах», а в мундире прусского солдата под начальством дюжего юнкера. Вот кто «делал» революцию. Победы немецкого оружия открыли перед немецкой буржуазией двери мирового рынка, французскую буржуазию они повели к восстановлению республики, итальянской буржуазии передали «вечный» Рим, а версальцам пришли на помощь против Коммуны. Когда мелко-буржуазная и пролетарская революция была потоплена в крови и задавлена расстрелами в Сатори, во всей Европе наступило царство буржуазии.

Конечно, образование буржуазных национальных государств и обусловленный этим политический характер пролетарской борьбы вовсе не должны были вести к крушению Интернационала. Немецкий пролетариат показал на деле тот путь, которым рабочее движение, несмотря на национальную самостоятельность, сохраняло, однако, самую тесную связь с организацией и тенденциями Интернационала. Можно было понять, что генеральный совет не будет ставить никаких затруднений некоторому ослаблению формальных связей, вызываемому обстоятельствами, как это уже имело место по отношению к Германии. И швейцарское и английское движение сделались в национальном отношении самостоятельными за время от 1869—1871 г.г., не вызвав этим конфликта с генеральным советом. Интернационал не должен был вовсе распасться, а мог диференцироваться, ослабляя свою организацию в одном месте и укрепляя ее в другом. Должны были существовать особые причины, вызывавшие брожение и ведшие к дезорганизации. Национальная диференциация не только ослабляла связь между генеральным советом и национальным рабочим движением различных стран, но делала возможным более резкое проявление национальных противоположностей, обусловливаемых историческими и расовыми особенностями и еще более различием политических учреждений. Эти противоположности выступили гораздо резче, чем в первые годы Интернационала, когда борьба носила почти исключительно экономический характер. По отношению к наполеоновскому военному режиму и бельгийским министрам-акционерам пролетарии всех стран чувствовали себя столь же единодушными, как и по отношению к базельским, женевским, парижским и лондонским фабрикантам. При примитивных формах классовой борьбы у пролетариата было инстинктивное чувство солидарности; при сложных формах концентрированной борьбы.

когда она приобрела политический характер, это взаимное понимание и солидарность могли быть только следствием известного опыта и размышления. Другими словами, политическая борьба в национальных рамках не только ослабляла связь с генеральным советом, но таила в себе момент взаимного национального отчуждения. В первые годы теоретические разногласия между прудонизмом и марксизмом были еще терпимы, тем более, что вполне сознательно к ним относилось на конгрессах только меньшинство. Но что должно было произойти, когда этим теоретическим разногласиям пришлось практически проявиться не в экономической борьбе, которая сама собой объединяет пролетариат, а в политической, которая всегда на первый план выдвигает исторически сложившиеся контрасты и противоположности?

Историческая действительность ответила на этот вопрос тем, что выдвинула вопрос о политической борьбе, как самый главный спорный пункт, и этот вопрос стал яблоком раздора в Интернационале. Вопрос о том, служит ли политическая организация и политическая деятельность одним из орудий классовой борьбы пролетариата, или же, наоборот, она развращает пролетариат участием в буржуазной партийной политике и в работе для современного государства насилия—этот вопрос стал главным фокусом внутренней борьбы. Правда, большей частью этот вопрос был скорее предлогом, чем серьезным и искренним разногласием; скорее это было демагогическим толкованием традиционного недоверия ко всякой партийной политике со стороны рабочего класса романских стран, где он не раз был одурачен, чем законная предосторожность в виду мнимых опасностей. В действительности, вопрос об участии в политической жизни был давно решен еще со времени Манифеста Интернационала и женевских постановлений. Если до сих пор практическая деятельность Интернационала ограничивалась исключительно экономической борьбой и организацией, то причиной этому вовсе не были его желание или программа, а единственно тогдашние обстоятельства. Во всех европейских странах рабочий класс до сих пор был лишен самых элементарных условий политической борьбы. С того момента, как эти условия оказались налицо в Германии и Англии, Интернационал принял участие в политической жизни и этим осуществил и политическую часть своей программы.

На беду в рядах Интернационала в это критическое время оказались люди, пользовавшиеся своим личным влиянием и утонченной ловкостью, чтобы упорно выдвигать пункты разногласия; они

усматривали в них тенденцию уклониться от истинной цели пролетариата и испытанного метода борьбы, осуждали политическую деятельность и в сложной форме организации видели смертный приговор самой организации. Исторически сложившиеся контрасты между немецким и французским пролетариатом, обусловленные значительным различием политических учреждений, должны бы были, благодаря интернациональному объединению, смягчиться, а это повело бы ко взаимному пониманию; между тем, эти контрасты сделались источником недоразумения, недоверия, а впоследствии и вражды со стороны французов, а эти чувства они без всякого основания перенесли и на генеральный совет только потому, что немецкая практика, повидимому, соответствовала теории генерального совета. В вопросах о способах политической борьбы, потом о политической борьбе вообще, а наконец, и в организационных вопросах выступили теоретические разногласия, которые прежде в годы стачек, локаутов и политических преследований заслонялись экономической борьбой. Случилось так, что эти разногласия еще обострились, благодаря дурным инстинктам отдельных личностей и неблагоприятным случайностям, и таким образом разрыв произошел даже там, где, как в Англии, он по существу уже давно завершился.

Интернационал на высшем пункте своего развития.

Быстрое распространение Интернационала среди сельского пролетариата сопровождалось основанием новых секций в новых странах и сильным ростом старых организаций. Удары, которые получал Интернационал в виде новых столкновений на экономической почве и новых преследований со стороны правительств, вели только к более быстрому и сильному развитию пролетарского движения. Так, например, в Вене и вообще в Австрии правительство старалось помешать всякой легальной организации союзов крючкотворным толкованием закона и добилось только того, что начался неудержимый рост нелегальных союзов, которые внушительными рабочими демонстрациями заставили себя уважать. Вновь присоединились рабочие организации в Голландии, где в предыдущем году образовалась целая сеть рабочих союзов, и теперь они все присоединились к Интернационалу. Генеральный совет и раньше уже имел сношение с Голландией, теперь же образовались пропагандистские комитеты в Амстердаме, Роттердаме, Дортрехте,

Утрехте и Арнгейме. В Женеве была основана русская секция, которая, главным образом, ставила себе задачей бороться с панславизмом и привлекать к Интернационалу рабочих-славян также и в Австрии. Она завязала связи непосредственно с генеральным советом в Лондоне, который одобрил ее устав и програму, и поручила Карлу Марксу быть ее представителем в генеральном совете и взять на себя сношение с Россией. После смерти Серно-Соловьевича, который в Женеве оказал очень большие услуги делу рабочих, руководителем секции стал молодой талантливый Утин. Быстро шло присоединение к Интернационалу новых членов в Париже, Лионе, Марселе и вообще в больших французских городах, а также во французских угольных копях и рудниках. В Бельгии следовали собрания за собраниями, на которых с успехом пропагандировались идеи Интернационала. В Швейцарии товарищества и профессиональные союзы делали быстрые успехи; было также положено начало образованию социал-демократической партии в Швейцарии основанием в Цюрихе газеты «*Tagwacht*». Не было, конечно, недостатка и в нападениях со стороны врагов Интернационала. В Париже против Интернационала был возбужден судебный процесс по обвинению в тайном сообществе; семь обвиняемых были приговорены к одному году тюрьмы, 100 франкам штрафа и лишению гражданских прав на год, 27 к двум месяцам тюрьмы и 50 франкам штрафа, а 4 были оправданы. Осужденные еще не отсидели своего срока, как от одного прикосновения руки прусского «железного канцлера» рухнуло все гнилое здание наполеоновской империи, и двери тюрьмы раскрылись перед ними. В Вене королевское правосудие затеяло процесс против товарищей Обервиндера, Шейя, Моста и одиннадцати других, обвинив их в государственной измене, и приговорило их, как злонамеренных преступников, к тюрьме на сроки от 4 месяцев до шести лет. В Женеве, опять, как в предыдущие два года, началась забастовка строительных рабочих, мирно улаженная с началом франко-прусской войны.

Отсрочка конгресса.

Чтобы создать благоприятное настроение для плебисцита 8-го мая, префект полиции Пьетри 30-го апреля начал дело о будто бы готовившемся «покушении» на Наполеона, и вслед затем Оливье велел арестовать членов Интернационала во всех городах. В виду этих новых преследований со стороны наполеоновского правитель-

ства генеральный совет уже 18-го мая 1870 года опубликовал сообщение, в котором протестовал против позорной клеветы наполеоновской полиции и, опираясь на 3-й параграф устава, дающий ему право в случае необходимости собственной властью переменить место конгресса, назначил конгресс на 5-е сентября в Майнце, так как немецкие члены желали, чтобы конгресс происходил в Германии. 12-го июля генеральный совет опубликовал порядок дня конгресса, содержавший семь пунктов, а именно: о необходимости государственного долга, о праве на возмещение убытков, об отношении рабочего движения к политической деятельности, о практических средствах передачи земли в общественное пользование, о преобразовании меновых банков в национальные, о формах производительных товариществ сообразно национальным требованиям, о необходимости рабочей статистики согласно постановлениям женевского конгресса, помимо этого обсуждение вопроса о способах помешать войне. Через несколько дней разразилась война и смела весь порядок дня конгресса и самый конгресс. Брауншвейгский комитет внес через женевский центральный комитет предложение отложить конгресс до конца войны, и генеральный совет согласился с этим предложением *).

Франко-прусская война и рабочий класс.

Во Франции военная горячка началась раньше. Парижские рабочие очень холодно встретили провокаторские заигрывания бонапартистской прессы: воззвание Интернационала к рабочим всех наций трактовало войну, как преступление, которое приведет к полной победе деспотизма по обе стороны Рейна. 16-го июля массовое собрание в концертном зале в Брауншвейге, на котором присутствовало 2500 человек, присоединилось к этому протесту, но объявило Бонапарта и большинство французской палаты виновными в легкомысленном нарушении европейского мира, для Германии же признало оборонительную войну неотвратимым бедствием и потому объявило долгом каждого выступить против виновников войны. Составленное в таком же духе воззвание брауншвейгского партийного комитета от 24-го июля требовало, чтобы немецкие рабочие стояли за Германию, как истинные сыны своей

---

*) Оригинал брауншвейгского предложения и письмо Маркса к Юнгу, написанное по этому поводу, напечатаны в приложении.

родины. Против этого «немецкого шовинизма» нюрнбергские и фюртские партийные товарищи послали протест в «Volksstaat», который, впрочем, и сам обнаружил значительное колебание во взгляде на войну, усмотрев в ней сначала опасность для северо-германского союза, потом предсказывая падение Наполеона, и наконец, заявил сухо: «Мы, пролетарии, ничего общего с этой войной не имеем». Местное собрание саксонской народной партии, происходившее в это время в Хемнице, так же, как и массовые собрания в Хемнице, Лейпциге, Дрездене, Крефельде и Эльберфельде, высказались против воззвания брауншвейгского комитета, а рабочие собрания в Аугсбурге, Мюнхене, Альтенбурге и Бреславле высказались односторонне против Наполеона, часть же их заявила, что долг каждого всеми средствами выступить для защиты родной страны. Манифест генерального совета в Лондоне от 23-го июля также заявлял, что война для Германии является оборонительной; он предсказывал немецким рабочим, что, если они допустят, чтобы война утратила свой строго оборонительный характер и превратилась в войну против французского народа, то для них победа и поражение будут одинаково роковыми; не распространяясь об этом много, манифест отметил и противоречивые постановления в Брауншвейге и Хемнице. В северо-германском рейхстаге при голосовании военного займа Бебель и Либкнехт воздержались от голосования, тогда как Швейцер и Газенклевер, а также и Фрицше, недавно примкнувший к эйзенахцам, одобрили заем, так как в победе Наполеона они видели поражение французских рабочих, водворение наполеоновской военщины во всей Европе и полное раздробление Германии *).

И в тех странах, которые не были причастны к войне, пролетариат внушительными массовыми собраниями демонстрировал против войны. В Бельгии по предложению федерального совета произошли гигантские демонстрации в Боринаже, Вервье и Льеже; Льежские секции выпустили воззвания к рабочим всех стран. Центральный комитет испанских *секций также* устроил 28-го июля демонстрацию против войны, такие же протесты были заявлены и местными комитетами Интернационала во всех больших городах, как Мадрид, Барцелона и др.

---

*) См. Mehring, «Geschichte der deulschen Socialdemocratie», IV, стр. 44; а также: «Die Gruendung der deulschen Socialdemocratie». Юбилейное издание лейпцигских рабочих, стр. 55 и след.

Быстрыми и крупными победами прусская армия разбила на голову войска Бонапарта и самого Наполеона загнала в Седан. Трон его рухнул. 4-го сентября в Париже была провозглашена республика, и парижские депутаты силой взяли в свои руки временное правление. Оборонительная война Германии достигла своего естественного конца. Регулярные французские войска были частью в плену, частью осаждены в Меце, и только незначительные остатки спаслись в Париж. Немецкие войска, победоносные по всей линии, стояли лицом к лицу с безоружной Францией, которая сама поспешила отделаться от своего правительства, вовлекшего ее в эту несчастную войну. Республиканское правительство не должно было нести ответственность за преступление Наполеона. Успехи немецкого оружия превзошли самые смелые мечтания немецких патриотов. Никогда не было более благоприятного момента для быстрого заключения почетного мира, который не оставил бы неизлечимых ран с той и с другой стороны, чем после взятия Седана и провозглашения республики в Париже. 5-го сентября брауншвейгский комитет издал составленный Карлом Марксом манифест к немецким рабочим, в котором он напоминал им об оборонительном характере войны, требовал почетного мира для Франции, доказывал, как опасна для всей Европы завоевательная политика Германии, и предсказывал перемещение центра тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию. Через четыре дня по приказанию генерала Фалькенштейна, губернатора приморской области, брауншвейгский комитет был арестован и в кандалах отвезен в восточно-прусскую крепость Бойен около Лецена. Та же участь вскоре постигла и Гейба, который в качестве председателя ревизионной комиссии в Гамбурге временно взял на себя обязанности комитета, и Иоганна Якоби, который на собрании в Кенигсберге протестовал против присоединения Эльзас-Лотарингии. Вслед затем были произведены многочисленные аресты среди членов партии, распространявших манифест, между прочим, арестован был и Иорк, и до дальнейших распоряжений их оставили в местных тюрьмах. Всякие заявления против присоединения Эльзас-Лотарингии были воспрещены. Газета «Volksstaat» была запрещена во всей области, подчиненной Фалькенштейну. Комитет партии был тогда переведен в Дрезден, куда власть Фалькенштейна не простиралась. Аресты эти повлекли за собой многочисленные процессы. Сначала против Иорка по обвинению в возбуждении ненависти против правительства, но он был оправдан.

Далее следовал процесс против членов брауншвейгского комитета по обвинению их в государственной измене, но суд признал их виновными только в нарушении общественного порядка, а следующая инстанция приговорила их к нескольким месяцам и неделям тюрьмы за «участие в союзе», преследующем противозаконные цели. Наконец, Лейпцигский процесс против Бебеля, Либкнехта и Гепнера по обвинению их в государственной измене состоялся только в марте 1872 года, и они были осуждены на два года крепости. «Вещественным доказательством» для этих политических процессов послужила корреспонденция партийного комитета, захваченная Фалькенштейном в Брауншвейге.

Поход, предпринятый *против брауншвейгского комитета*, имел своим последствием *полное объединение немецкой рабочей партии.* Было ясно, как день, что война *приняла завоевательный характер*, и все представители рабочих были согласны, что для подобной войны не следует давать средств. Против нового военного займа голосовали не только Бебель и Либкнехт, но и Швейцер, Газенклевер, Фрицше, Менде и Шрапс; в первый раз обе фракции немецкой социал-демократии голосовали заодно по «национальному» вопросу. Это событие было богато последствиями; теперь налицо были все условия для объединения лассальянцев и эйзенахцев, так как их различное отношение к «немецкому вопросу» потеряло под собой почву, после того как стали очевидны результаты войны. Таким образом можно сказать, что брауншвейгский манифест послужил исходным пунктом для уничтожения раскола в немецком рабочем движении.

9-го сентября, в день ареста брауншвейгского комитета, генеральный совет издал воззвание ко всем секциям Интернационала, в котором он рассматривал те исторические последствия, которые повлечет за собой присоединение Эльзас-Лотарингии, и одним из последствий этой завоевательной политики предсказывал усиление русского влияния в европейских делах. Подобные же воззвания и разъяснения издали немецкие и французские секции интернациональной организации в Нью-Йорке, немецкий рабочий просветительный союз в Лондоне и представители рабочих в Вене; протест последних против присоединения Эльзас-Лотарингии поддержало многолюднейшее собрание в Вене, в котором приняло участие 8000 человек.

В тот самый день, когда брауншвейгский комитет опубликовал воззвание Карла Маркса к немецким рабочим, в котором он проте-

стовал против завоевательной политики Германии и требовал почетного мира для французской республики, и этим самым вызвал ряд судебных преследований против немецкого рабочего класса и его представителей, — в этот же день в Невшателе был издан «манифест к секциям Интернационала» и был распространен во французской Юре и в других местах. Этот манифест призывал членов Интернационала к оружию для защиты французской республики, «которая теперь олицетворит собою европейскую свободу», тогда как монархическая Германия является представительницей деспотизма и реакции. «Прусская военная сила является нашим общим врагом, гласил манифест, вооружимся и пойдем добровольцами за свободу и равенство и будем бок-о-бок бороться с нашими французскими братьями». «Откройте подписку для покрытия чрезвычайных расходов»... «требуйте оружия для добровольцев»... В Швейцарии этот манифест также вызвал преследование со стороны правительства. Бернский союзный совет отдал приказ конфисковать нумер «Solidarite», в котором этот пресловутый манифест был напечатан, и арестовать редактора Гилльома. Первая часть этого приказа была немедленно исполнена; что же касается ареста Гилльома, то невшательские власти были того мнения, что это слишком раздуло бы дело, и бернский союзный совет взял поэтому назад вторую часть своего приказа. Зато очень усердно конфисковывались нумера «Solidarite» в типографии и в других местах. Экземпляры, предназначенные для Германии, были задержаны на базельской границе; часть же, назначеную для Франции, удалось доставить в Париж, Лион, Марсель и другие большие города; многие французские газеты перепечатали это воззвание, а в Лионе оно было расклеено на столбах.

Французская буржуазия могла только плечами пожимать при чтении подобного воззвания. Интернационал вооружился для защиты республики и ополчился против пруссаков! Нет ничего удивительного, что распространению подобного воинственного воззвания не ставили никаких препятствий. Но кто были эти странные фантазеры, звавшие к оружию членов Интернационала в то самое время, когда международная соладирность рабочего класса выразилась в единодушном протесте против продолжения этой несчастной войны? Не Куллери ли с товарищами, которые всегда были только сантиментальными прудонистами? О нет, это были архиреволюционеры, общество людей, — которые уже на последнем конгрессе романских секций, имевшем место 4, 5 и 6 апреля

1870 г. в Ля-Шо-де-Фон, откололись от большинства и образовали отдельную организацию с отдельным федеративным комитетом в Женеве, с своим собственным органом «Solidarité», тогда как «Egalité» остался органом прежней организации *). Конгресс этих отколовшихся групп в Ля-Шо-де-Фон принял, между прочим, резолюцию, отвергающую всякое участие в политической деятельности и ограничивающую деятельность рабочего класса только экономической борьбой, — тогда как старые секции вполне определенно боролись против воздержания от политической деятельности. Не значило ли это поступать как раз против своих же собственных принципов, когда эти противники всякой политики вдруг выступили в защиту самой грубой формы политической деятельности — войны, и к тому же в интересах французской буржуазной республики? Те, которые в Ля-Шо-де-Фон отвергали всякую политическую деятельность на том основании, что «всякое правительство или государство является только организацией буржуазного производства и формой осуществления положительных прав буржуазии», хотели теперь бок-о-бок с солдатами республики итти на поле брани! Весь этот план, конечно, является в такой же мере легкомысленным и глупым, насколько недисциплинированной наглостью было обращение ко всем секциям Интернационала с манифестом, как будто бы генеральный совет находился в Невшателе, и воинственный Гилльом был его председателем!

В романской Юре в эти дни происходило что-то невероятное. Дело было не в манифесте, виновником которого, в конце концов, оказалась единичная личность, позволившая себе этот непростительный шаг, но в том, что инициаторы этого инцидента с ожесточенным упрямством продолжали отстаивать свою правоту в этом деле как по форме, так и по существу и с баснословной наивностью обрушились еще с ругательством на людей, порицавших их поступок. Для Интернационала же было крайне важно установить открыто свое отрицательное отношение к республике 4-го сентября, и поэтому представители старых секций в Ля-Шо-де-Фон выпустили резкий протест против пресловутого манифеста, указывая на то, что он исходит от какого-то никому неизвестного комитета, никем не уполномоченного на подобные шаги. В «Egalité» Утин написал против этой ребяческой затеи блестящую

*) См. «Vorbote», 1870, стр. 59 tt. «Mémoire présenté par la Fédération Jurassiene», стр. 107. — «Les Prétendues Scissions», стр. 12.

статью под заглавием «Манифест мистификатора», заявив, что подобный манифест мог быть делом болтуна или полного невежды. С злым сарказмом доказывал он, что подобное воззвание никоим образом не могло исходить от редакции «Solidarité», так как последняя всегда проповедывала уничтожение всякого государства и насмехалась даже над швейцарским патриотизмом: как же она могла бы теперь возбудить французский шовинизм? Ироническое объявление манифеста подложным эти «раскольники» назвали «подлым поступком со стороны Куллери, Утина и комп.». Когда же, наконец, центральный комитет романских секций послал в союзный совет в Берне заявление за подписью генерального секретаря Анри Пере о том, что Интернационал ничего общего с этим нелепым манифестом не имеет, и что он является делом каких-то неизвестных личностей, не имеющих никакого понятия о целях Интернационала, гневу этих «раскольников» не было конца. Куллери также выступил в своем органе «Montagne», чтобы доказать Гилльому и Бакунину всю противоречивость их образа действий, и высказался против вмешательства союзного совета в попытки отдельных личностей склонить своих сограждан на глупые поступки, от которых их должен бы удержать здравый смысл.

Бакунин шел тем же путем, как и его единомышленник Гилльом. Сначала он опубликовал брошюру: «Письма к французу». Потом он ездил по всей Франции, в качестве «человека дела» агитировал за что-то и устроил восстание в Лионе. Он захватил ратушу, не позаботившись, однако, поставить стражу у дверей, вероятно, потому, что это было бы политическим актом. Отряд национальной гвардии сразу же прогнал его оттуда, где он за минуту своей власти издал декрет об «уничтожении государства».

Юрские организации и Бакунин.

Здесь необходимо коснуться истории отколовшейся юрской организации, так как с этого момента она получает гораздо больше значения, чем она того заслуживает, и становится центральным и исходным пунктом дезорганизаторских тенденций в Интернационале.

Здесь, в швейцарской романской Юре, в Ля-Шо-де-Фон, Ле-Локле и Невшателе, впервые проявился фермент разложения и постепенно проник во все органы *Интернациональной Ассоциации* сначала в молодые организации Испании и Италии, далее во Фран-

цию, Бельгию и в самый центр континентального движения —
в Женеву, и, наконец, закончил свое дело разрушения в самом сердце Интернационала — в Лондоне, в английской федерации и в самом генеральном совете. Швейцарско-романская Юра стала центром дезорганизации. Конечно, эти заброшенные швейцарские горные местечки сами по себе никогда не возымели бы подобных честолюбивых замыслов; если бы они были предоставлены самим себе, то все их распри не вышли бы за их пределы, как это было в других секциях; сами они и не могли и не хотели бы разрушить всю организацию Интернационала. Чтобы внушить им подобные разрушительные идеи, достойные Герострата, и заставить их упорно проводить эти идеи, понадобилась более сильная воля, которая, точно тайная сила, постоянно их волновала и наэлектризовывала,—это было делом рук политически преступной натуры Бакунина, этого демона разрушения.

Юрские организации сами постарались оставить живое доказательство своей вины. В памятной записке юрской федерации, несколько раз уже упоминавшейся *), они стараются дать историю своих сепаратистских стремлений и своей особой организации. Эта памятная записка, как показывает ее построение, и как совершенно ясно сказано в предисловии, составлялась в течение долгого времени, при чем часто делались добавления, так что в ней встречаются повторения, отличающиеся той особенностью, что одни и те же события во второй и третий раз излагаются с все возрастающим раздражением и озлоблением. Можно с математической точностью проследить, как отражалось на изложении записки, составлявшейся в течение девяти месяцев до и после гаагского конгресса, все возроставшее раздражение ее составителей. Первоначальное назначение этой записки было служить оправдательным документом перед гаагским конгрессом; когда же она не поспела к сентябрю 1872 г., то ее постепенно превратили в дикий памфлет против генерального совета и специально против Карла Маркса, которого она старается изобразить в самых черных красках, как злого духа Интернационала. Тем не менее, несмотря на все ее бессмысленные нападки, на ее вполне очевидную односторонность и извращения, на грубое прикрашивание фактов и личное вероломство

*) Mémoire présenté par la Fédération Jurassiene de l'association Internationale des Travailleurs à toutes les Fédérations de l'Internationale. Sonvillier 1873.

ство, эта записка, если читать ее с критикой, и теперь еще может служить очень ценным документом для истории Интернационала, так как она написана не тонкими политическими обманщиками, а совершенно наивными, введенными в обман людьми, которым, действительно, казалось, что они нашли что-то вроде философского камня.

Записка, конечно, с начала до конца тенденциозна, но наивно тенденциозна. Разногласие, которое Бакунин внес в Интернационал и которое он впервые формулировал на конгрессе романских секций в Ля-Шо-де-Фон, приведшем к расколу между юрскими и другими организациями Швейцарии, разногласие по вопросу о политической деятельности и о «революционном» воздержании от политики, записка пытается задним числом отыскать в Интернационале еще в до-бакунинское время. Основание для подобного тенденциозного толкования она находит в том факте, что политические эксперименты, которые делал врач Куллери, основатель многочисленных секций в романской Юре *), побуждаемый собственным честолюбием, оканчивались чаще всего скандалами, против которых юрские рабочие справедливо возмущались. Политические глупости Куллери служат для нее доказательством негодности политической деятельности вообще. Однако Куллери потерял всякое влияние в романской Юре уже тогда, когда Бакунин впервые в июле 1868 года появился в Женеве, еще как лойяльный агитатор Интернационала, и только потом уже он развил свою деятельность в романской Юре. Впрочем, сама же записка дает превосходную критику подобному отнесению разногласия по вопросу о политической деятельности к первым годам развития Интернационала. Так, она указывает на то, что в молодых секциях теоретическое понимание было довольно поверхностно и туманно, что рабочие в движении Интернационала слышали только призыв к единению и радостно аплодировали всем громким фразам **), что женевский конгресс и его постановления оказали очень малое влияние на секции романской Швейцарии ***), и что ни одна из них

---

*) Записка приписывает Куллери, который сам завязал сношение с генеральным советом весною 1865 года тотчас после образования Интернационала, основание секций в следующих местах: Бонкуре, Бьене, Сенвиллье, Сент-Имье, Перрентрюи и Невшателе. В Ле-Локле секция была основана старым эмигрантом 1831 г. Констаном Мероном и Джемсом Гильомом.

**) См. «Mémoire etc.», стр. 4.

***) Там же, стр. 5.

не имела ясного понятия о целях Интернационала *). На добакунинское время она смотрит, как на зародышевый период, в течение которого преобладали фразерство, сантиментализм и буржуазная политика, и только с появлением Бакунина дух коллективизма достиг полной сознательности и теоретической ясности, чтобы после базельского конгресса начать новую «революционную» эру, когда члены Интернационала «перешли от слов к делу» **). В первые годы развития юрских организаций им были совершенно чужды те разногласия, которые впоследствии им внушили, как «теории». Происходившее в нескольких юрских местечках, нечто вроде войны мышей и лягушек между «куллеристами» и «коллективистами», было сущим пустяком в сравнении с змеиным посевом теоретической пропаганды Бакунина.

Если выбросить все политические прикрасы, то от прошлого отколовшихся юрских организаций останутся только невинные провинциальные дрязги, которые теперь давно бы были основательно позабыты и похоронены в пыли времен, если бы память о них не была увековечена юрской запиской, отразившей их собственную роковую сварливость.

Центральным лицом всех этих дрязг является Куллери, умственный кругозор которого нам уже хорошо знаком по конгрессам. Это был человек, в котором удивительно сочетались дух общественности, гуманность и готовность к самопожертвованию с мелким честолюбием и самомнением демагога. Его друзья, видевшие в нем только хорошие стороны, стояли за него крепко и непоколебимо. Даже его враги не могли не отдавать ему дани уважения за его деятельную, полную самозабвения пропаганду своих идей; с 1848 года, не оставляя своей врачебной деятельности, он выступает, как странствующий оратор, а когда был основан Интернационал, он тотчас же устроил типографию и основал газету «Voix de l'Avenir», которая, как «Vorbote», служила органом романских секций Швейцарии. Его газета никогда, впрочем, не поднималась выше социалистического фразерства, отвечая на все современные вопросы громкими фразами, а при выяснении отношения к какому-нибудь практическому вопросу попадала всегда впросак. Так было зимой 1867—68 года при выборах в Большой Совет. Куллери был

*) См. «Mémoire etc.», стр. 6.
**) Там же, стр. 45.

членом Большого Совета в Ля-Шо-де-Фон, а также мировым судьей. Как уверяет юрская записка, он был обязан своим избранием в Большой Совет радикалам, а в мировые судьи — консерваторам. Когда Куллери примкнул к Интернационалу, орган радикалов «National Suisse» обрушился на него с самыми яростными нападками, так что он стал опасаться за свое вторичное избрание. В то же время члены Интернационала отделились от радикалов и «куллеристов», организовав социал-демократическую партию и издали свой собственный манифест по поводу выборов в Большой Совет, которые должны были происходить в мае 1868 г. Куллери хотел испробовать свою популярность и сложил с себя звание мирового судьи. Но социал-демократическая партия выставила своим кандидатом консерватора, а так как за последним были обеспечены и голоса консерваторов, то радикалы, чтобы не оказаться в меньшинстве, подали свои голоса также за консервативного кандидата, и он был избран почти единогласно.

Таким же образом шло дело в Ле-Локле, где во главе стояли Джемс Гилльом и Фриц Роберт. И здесь также члены Интернационала отделились от радикалов и приобрели себе собственный орган «Диоген», который, впрочем, вскоре принужден был закрыться; его заменил Куллери своей «Montagne».

Когда наступило время выборов в Большой Совет в Невшателе, Куллери удалось опять восстановить свою популярность, благодаря нескольким литературным процессам, имевшим своим последствием кратковременное лишение его свободы. Избирательная программа, которую вновь образованная социал-демократическая партия выпустила в феврале 1868 г., была более чем умеренна. Куллери, который все более и более превращался в буржуазного партийного вождя, рекомендовал в своей «Montagne» объединение всех партий против радикалов. Социалисты в Ле-Локле протестовали, а Гилльом печатно отрекся от Куллери.

В Ля-Шо-де-Фон возбуждение было велико. Куллери старался поправить дело, и на собрании в Ле-Локле его друзья объяснили, что его статью ложно истолковали. Сам Куллери торжественно заявил, что ему чужда всякая мысль о союзах с консерваторами. Через несколько дней был опубликован список кандидатов социал-демократической партии в Ля-Шо-де-Фон, и половина из них состояла из консерваторов! Правда, Куллери был избран, но в Интернационале его роль была уже сыграна. Он еще появляется на брюссельском конгрессе, но никто с ним больше серьезно не счи-

тается *). В Ле-Локле члены Интернационала голосовали вместе с радикалами, но были несколько раз обмануты ими, и тогда они приняли твердое решение воздержаться в будущем от участия в буржуазной политике. Это торжественное постановление было опубликовано в женевском еженедельнике «La Liberté», который несколько времени считался органом Интернационала наряду с «Voix de l'Avenir».

После брюссельского конгресса, который определенно высказался в пользу коллективизма, Куллери выступил в своем «Voix de l'Avenir» против постановлений конгресса и самого конгресса. Это обстоятельство попортило много крови женевцам; их секции, кроме того, жаловались на неаккуратность доставки газет и неправильность расчетов. Дело дошло до страстных объяснений в печати и взаимных пререканий. В это время Мерон и Гилльом основали в Ле-Локле «Le Progrès» в виду предстоявших общинных выборов; в коммунальной политике социал-демократы Ле-Локля продолжали себе спокойно принимать участие, и, повидимому, их зарок от участия в политике касался только кантональной политики. В этой газете они обсуждали городские, налоговые и религиозные вопросы. Сотрудником и тайным руководителем этой газеты с самого начала был Бакунин **). С тех пор, как Куллери устранился от участия в движении, дело Интернационала в Юре стало приходить в упадок, основанные им секции распались; в Лозанне лопнуло производительное товарищество строительных рабочих, причинив надолго значительный вред делу Интернационала ***). Появление Бакунина в Женеве и в это время — время всеобщего кризиса Интернационала в романской Швейцарской Юре — юрская записка приветствует, как появление ангела-спасителя.

Кто же такой был Бакунин? Юрская записка дает нам очень

---

*) Юрасцы часто делали попытку причислить Куллери, как сторонника политической деятельности, к марксистам. Здесь можно указать на письмо Юнга, члена генерального совета, написанное им вскоре после раскола в юрских организациях и адресованное им на имя Гилльома: «Что касается Куллери, пишет он, то его можно только осудить, его образ действий после брюссельского конгресса проливает вполне достаточный свет на его намерения». Сравни «Mémoire etc.», стр. 138.

**) Бакунин напечатал в этой газете письма, которые впоследствии были собраны и изданы под общим названием: «Lettres aux Internationals du Jura», см. Bakounine, «Oeuvres», стр. 207—260.

***) См. стр. 39.

мало сведений о прошлом своего героя. Как видно из этой записки, он вступил в романскую секцию в Женеве только в июле 1868 года. По указанию Карла Маркса его вступление в Интернационал последовало только после брюссельского конгресса. Когда конгресс заседал в Брюсселе, правление «Лиги мира и свободы» предложило конгрессу вступить с нею в союз. Это предложение было делом Бакунина, бывшего членом правления Лиги. Конгресс резко отверг это предложение. Когда Бакунин на происходившем через несколько дней после этого в Берне конгрессе Лиги выставил свое требование «экономического и социального уравнения классов», он остался в меньшинстве; этим обстоятельством он воспользовался, чтобы отделаться от Лиги, так как он ясно понял, что роль ее крайне ничтожна; после этого он избрал полем своей деятельности Интернационал.

Кто же такой был Бакунин? По рассказам знавших его лиц, его наружность мало внушала доверия. Мрачные, коварные глаза хищного зверя, громадная шевелюра придавали его лицу на первый взгляд что-то львиное. Маркс знал его еще в молодости, когда они оба изучали Гегеля; после дрезденской майской революции 1849 года Бакунин был взят в плен в Хемнице, осужден на смерть, но потом выдан России по требованию русского правительства и здесь осужден на поселение в Сибирь, где губернатором был его двоюродный брат граф Муравьев-Амурский, родственник «усмирителя» Польши. Ссылка для Бакунина была не особенно тяжела; он имел паспорт, мог разъезжать по всей Сибири и в 1861 году бежал через Японию в Лондон. Там он вступил в сношения с Герценом, издававшим «Колокол», и своими манифестами и статьями работал в пользу панславизма *). В 1867 году он появляется в «Лиге мира и свободы», а в 1868 году в Интернационале. Потерпев фиаско в «Лиге мира и свободы» **), меньшинство бернского

*) См. Pudolph Meyer, «Emancipations Kampf des vierten Standes», II, 368 ff.

**) Вот пример, с каким баснословным невежеством юрская памятная записка трактует о вещах, лежащих дальше узкого юрского кругозора. На стр. 38 рассказывается, что отклонение бернским конгрессом мира предложенных Бакуниным социалистических резолюций произошло по вине немецких делегатов социал-демократической партии, посланных эйзенахским (!) конгрессом. «Эти господа, говорится там, которые только что постановили в Эйзенахе, что политические реформы должны предшествовать социальным, и сделавшие там попытку объединиться с буржуаз-

конгресса основало свою собственную организацию под названием «Alliance de la democratie Socialiste» (Союз социалистической демократии), которая должна была войти в состав международной рабочей Ассоциации. Эта организация объявила свою собственную программу и избрала свое правление, временным местопребыванием которого должна была быть Женева, и в состав которого, кроме Бакунина, вошли также Перрон и И. Ф. Беккер. Программа нового союза была та самая, которую Бакунин развил на бернском мирном конгрессе: «равенство классов» и уничтожение права наследства, как начало социальной революции. Согласно уставу, новый союз ставил себе задачей «исследовать политические и философские вопросы на основании великого принципа свободы». Эта «теоретическая программа» была, как пишет Карл Маркс в своем дружеском письме к брауншвейгскому комитету от 25 марта 1870 г.*), не больше, чем фарс; вся суть союза заключалась в его организации. Новый союз должен был сам превратиться в особый Интернационал, со своим центральным комитетом в Женеве под личным руководством Бакунина; этот комитет должен был иметь, как и генеральный совет, право принимать новые секции; национальные комитеты должны были быть подчинены центральному комитету и руководить местными группами; даже на конгрессах Интернационала принадлежащие к союзу секции должны были иметь свои особые конгрессы. В то время, как генеральный совет избирался на конгрессах, этот самовластный центральный комитет мог сам себя избрать. Одним словом, эта новая организация в одно и то же время должна была быть и вне и внутри Интернационала, являясь самым верным средством для разрушения организации Интернационала.

ными радикалами народной партии, явились в Берн, чтобы подать руку реакционерам и совместно бороться с приверженцами Интернационала (!) и их предложениями». Как известно, эйзенахский конгресс происходил только в 1869 г., и поэтому на бернском конгрессе в 1868 г. никак не могли присутствовать делегаты немецкой социал-демократии. Неправда вообще, чтобы немецкий социал-демократ где-нибудь участвовал в «мирном конгрессе». Несмотря на такое позорное невежество, юрские организации не постыдились трактовать в своей записке немецких и английских делегатов на интернациональных конгрессах, как государственных социалистов (communistes d'état) (стр. 9), и высмеивать их, как авторитарных социалистов (стр. 30).

*) См. «Neue Zeit» XX², стр. 472 ff.

Когда эта программа была послана на утверждение генерального совета, — он получил ее 15 декабря, — Союз на основании своего устава уже успел обеспечить себя достаточным количеством приверженцев. В Женеве он насчитывал около 100 членов; кроме того, он располагал большинством голосов в романском комитете. Благодаря прежним связям, Бакунину удалось образовать секции Союза в Испании, Италии и Франции. Фанелли, итальянский член Союза, основал после базельского конгресса многочисленные секции в Испании, в том числе в Мадриде и Барцелоне. Союз под флагом женевского центрального комитета романской Швейцарии выпустил также адрес к испанским рабочим, который был составлен Бакуниным и развивал программу Союза. Все это было небезызвестно генеральному совету в Лондоне, и он был настороже. Маркс слишком хорошо знал Бакунина и прошлое его личной и политической жизни, чтобы не ждать самого худшего от этой отдельной организации. Когда Союз через И. Ф. Беккера официально заявил о себе генеральному совету, последний тотчас же письмом от 22 декабря, подписанным Оджером и Шоу, отказал в приеме Союза в Интернационал и объявил устав Союза не имеющим силы. В мотивировке этого отказа подробно указывается на то, что новая организация была бы только средством к дезорганизации Интернационала и что статьи ее устава каждым своим словом противоречат уставу Интернационала.

В Женеве этот отказ в приеме вызвал большой переполох. Беккер в первую минуту был того мнения, что не следует считаться с этим решением генерального совета, так как оно незаконно. Однако, когда де-Пап *) от имени бельгийского федерального совета, затем французский совет **), а в конце даже

---

*) Письмо де-Папа без сомнения было вызвано письмом к нему Юнга. Дело обстояло так. В тот самый день, когда генеральный совет предпринял этот шаг по отношению к Союзу, Бакунин написал письмо к Карлу Марксу, в котором он, ссылаясь на их прежнее знакомство, старается дать отчет о своих политических похождениях за последние годы и держит себя с Марксом в высшей степени дружески. Это письмо напечатано в «Neue Zeit» XIX, стр. 6 ff. Маркс знал эту лису, а так как Бакунин сообщал Марксу, что он писал о союзе де-Папу, Маркс предложил Юнгу предостеречь де-Папа. Письмо Маркса, в котором он делает это предложение Юнгу, напечатано в приложении.

**) У этих двух федеральных советов Союз раньше еще хлопотал о приеме, но получил отказ. См. «Prétendues Scissions», стр. 6.

Гильом из Ле-Локля советовали распустить Союз, то стало ясно, как день, что дальнейшее сопротивление невозможно, и, по формальному предложению Перрона и Бакунина, было постановлено распустить Союз. Перрону было поручено сообщить генеральному совету, что центральное бюро Союза признает правильность действий генерального совета и что им сообщено всем секциям Союза, что центральное и национальные бюро распущены и что секции Союза должны сделаться секциями Интернационала, с сохранением своей «теоретической программы». Перрон сделал запрос, будут ли приняты секции при этих условиях. Ответ получился 9-го марта 1869 г. Генеральный совет сообщил о своем постановлении, что если Союз, т.-е. его центральное и национальное бюро, будут закрыты, то к присоединению секций Союза к Интернационалу никаких препятствий не встречается. Вследствие закрытия Союза он потребовал от секций доставить генеральному совету сведения о местонахождении и численности каждой новой секции.

Вместе с тем генеральный совет воспользовался случаем, чтобы высказаться по поводу «теоретической программы» Союза. Раньше всего он указал на то, что по уставу в Интернационал допускаются все рабочие организации, которые признают взаимопомощь рабочих и классовую борьбу; теоретические же их воззрения вследствие разнообразия условий их развития по необходимости должны расходиться. Конечно, общность действий облегчает также обмен мнений внутри рабочего класса, в этом же направлении действует и обсуждение вопросов на конгрессах Интернационала, так что этим путем подготовляется почва и для общности теоретической программы. В задачи генерального совета не входит критическое исследование программы Союза; его задача состоит в том только, чтобы рассмотреть, не содержит ли программа чего-нибудь такого, что противоречило бы идее полного освобождения рабочего класса. Действительно, одна фраза в программе Союза имеет этот недостаток; эта фраза гласит, что союз стремится «к политическому, экономическому и социальному уравнению классов». «Уравнение» классов исходит из гармонии между трудом и капиталом, тогда как действительная цель пролетарского движения — это уничтожение классов. Дело идет, прибавляет вежливо генеральный совет, о шероховатости выражения, и авторы программы Союза, без сомнения, исправят эту неточность.

Центральное бюро исполнило это требование так, что формулировало спорное выражение следующим образом: «Союз стремится

прежде всего к окончательному уничтожению классов и к политическому, экономическому и социальному уравнению индивидуумов». Таким же образом Бакунин обошел и требование роспуска Союза. После того, как центральное бюро получило на то согласие секций, оно объявило себя распущенным и предложило секциям своим превратиться в полноправные секции Интернационала с утверждения генерального совета, но с сохранением программы союза. Женевская секция Союза, во главе которой стоял Бакунин, первая подала добрый пример и обратилась за утверждением к генеральному совету 22 июня 1869 года. Генеральный совет хорошо знал, что все это не больше, как фарс, что все это было простою формальностью, а на самом деле Союз и дальше будет существовать только под другой формой, но он не имел законной причины, чтобы отказать в утверждении, и таковое последовало 22-го июля по единогласному постановлению генерального совета. Бакунин довольно цинично замечает в одном месте записки, которую он составлял о Союзе: «Союз, о котором я буду говорить дальше, совсем другой Союз, это только местная секция Союза в Женеве». Только секция Союза в Неаполе современем совершенно распалась; напротив того, в Мадриде, Париже и Лионе секции Союза пошли по тому же окольному пути, который им указал Бакунин *). В Лионе роль вождей Союза играли Альбер Ришар и Гаспар Блан, которые потом превратились в агентов Бонапарта.

Когда секция Союза в Женеве обратилась к федеральному комитету, ей было отказано в приеме. Основанием к этому было, что в Женеве настолько хорошо знали членов Союза, что они сами не питали никакой надежды быть принятыми **). Уже с первых шагов секция Союза в Женеве стала душою всех местных раздоров. Между местными «фабричными» рабочими в Женеве, т.-е. квалифицированными и хорошо оплачиваемыми часовщиками, резчиками, инструментальными мастерами и т. д., и плохо оплачиваемыми, по большей части, пришлыми строительными рабочими существовал экономический антагонизм. Благодаря большой женевской стачке строительных рабочих, которая повторялась потом в течение двух лет каждой весной, и благодаря единодушному отпору,

*) Подробности переписки между Союзом и генеральным советом см. «Mémoire de la Fédération Jurassiene, pièces justificatives», стр. 46—58, а также «Les Prétendues Scissions», стр. 8—10.

**) «Mémoire de la Fédération jurassienne, pièces justificatives», стр. 58.

данному предпринимателям, поддержанному всеми женевскими рабочими, удалось смягчить противоречия, существовавшие между этими двумя группами рабочих. «Союзники» же поставили себе задачей постоянно указывать на эти противоречия и по возможности обострять их. Они смотрели на женевских «фабричных» рабочих, как на буржуазных радикалов; для них пролетарием был только неграмотный чернорабочий. Участие организованных рабочих в Женеве в выборах 1868 года в Большой Совет «союзники» осмеяли и старались ему помешать; неудачный исход выборов они считали своим триумфом. Бакунин тогда решил запастись послушным органом. Он ловко воспользовался неудовольствием, вызванным Куллери и его органом «La Voix de l'Auenir», и подал мысль заменить непопулярную газету официальным органом для романской Швейцарии. Для этой цели он нашел полезным объединить секции романской Швейцарии в одну романскую федерацию. Оба проекта были предложены отдельным секциям и были ими одобрены. Тогда был созван романский конгресс на 3-е января 1869 г. в Женеве. Конгресс этот происходил как раз в то время, когда в Женеве ждали ответа генерального совета по поводу утверждения Союза. Конгресс оправдал все ожидания Бакунина: было решено основать новый орган — «Égalité» («Равенство»), в который в качестве сотрудников должны были войти Беккер, Бакунин, Малон, Варлен, Юнг, Эккариус и де-Пап; был также принят составленный Бакуниным организационный проект. Организацию Союза должен был заменить им федеральный устав. «Egalité» сделался всецело органом Союза, а главным образом Бакунина, который был выбран в состав редакции, состоявшей из семичленной коллегии. В Швейцарской Юре к услугам Бакунина был «Conféderation»; после базельского конгресса органом Союза в Неаполе стал «Equalità».

Отказ федерального комитета в Женеве в приеме Союза не мало способствовал еще большему обострению розни, существовавшей между обеими фракциями Интернационала в Женеве, которые группировались около «фабричных» и строительных рабочих. Как уверяет юрская памятная записка, И. Ф. Беккер был тогда горячим сторонником Союза *). Бакунин перед базельским конгрессом высту-

*) Памятная записка имеет для Беккера разные эпитеты, смотря по тому, хвалит она его или порицает: le versatile patriarche, стр. 69, le fougeux vieillard. стр. 49 см. Pièces justificatives.

пил с ярой пропагандой своих «идей», благо случай сделал его руководителем «Egalité»; главным образом он пропагандировал уничтожение наследственного права *) и коллективизм. При выборах делегатов на базельский конгресс дело не обошлось без сильных конфликтов. Бакунину не удалось быть выбранным в Женеве, и ему пришлось постараться получить мандат от лионских мотальщиц шелка.

Как Маркс сообщает в упомянутом уже письме к брауншвейгскому комитету **), Бакунин на базельском конгрессе устроил целый заговор с целью склонить большинство конгресса в пользу своего предложения по вопросу о праве наследства, а также, чтобы провалить генеральный совет. Когда же ему это не удалось и Бакунин увидел, что он сам же способствовал еще дальнейшему расширению прав генерального совета, то он открыл в «Progrés» и «Egalité» целый поход против генерального совета. Он обрушился на него настоящей бранью. «Генеральный совет, писал он, не исполняет своих обязанностей, он не дает регулярных отчетов, как того требуют постановления различных конгрессов; ему следовало бы отказаться от работы для английских секций и основать английский федеральный совет подобно другим федеральным советам, который взял бы на себя английские дела и тем разгрузил бы его». Манифест генерального совета по поводу арестованных фениев составляет, по его мнению, крупную ошибку, так как интересы рабочего класса состоят не в том, чтобы улучшить настоящие условия, а чтобы их уничтожить. Наконец, Союз хотел иметь официальное объяснение по поводу пресловутого «вопроса о Либкнехте и Швейцере», которые восседали в буржуазном парламенте, и оба со своими приверженцами считались будто бы принадлежащими к Интернационалу. После этих вызовов генеральный совет нашел необходимым выступить с возражением. Он выпустил циркулярное послание к романскому федеральному совету, в котором раньше всего указывает на то, что он вообще не обратил бы внимания на

*) Два примера невежества авторов юрской записки. В доказательство против Маркса, который назвал бакунинское предложение о наследственном праве «vieillerie faintlimonienne», они ссылаются на... «Коммунистический Манифест», в котором Маркс сам рекомендует уничтожение права наследства (стр. 80). Двумя страницами дальше они утверждают, что читали «Капитал» Маркса и... им приснился синтез учений Маркса и Прудона.

**) «Neue Zeit» XX², стр. 475.

газетные нападки, и если он решил ответить на поставленные ему вопросы, то только в предположении, что они исходят от федерального совета романской Швейцарии. Своевременная отчетность генерального совета находится всецело в зависимости от того, имеются ли у него для этого средства, а этого необходимого условия до сих пор не было налицо. Против отделения английского федерального совета от генерального совета он выставляет тот довод, что английское движение служит рычагом всего пролетарского движения, а потому оно должно быть в руках самого генерального совета. Отдельный местный федеральный совет оказался бы лишней инстанцией между генеральным советом Интернационала и генеральным советом тред-юнионов, а потому не пользовался бы авторитетом. Отношение генерального совета к ирландской амнистии оправдывается своеобразным положением Ирландии, где борьба народа против крупного землевладения имеет одновременно и экономический и национальный характер; кроме того, ирландский вопрос был до сих пор в руках буржуазии средством для внесения раскола в среду английского рабочего класса. Далее, генеральный совет указывал на то, что учение о противоположности между социальным и политическим движением, провозглашенное органами «L'Egalité» и «Le Progrés», противоречит уставу Интернационала, и высказал свое порицание за извращение подлинного текста устава во французском переводе *). По делу Либкнехта и Швейцера генеральный совет объяснил, что эйзенахская группа действительно входит в Интернационал, группа же Швейцера не входит. Печатно заявленное требование Либкнехта признать генеральный совет третейским судьей в их споре было отвергнуто Швейцером; этим была исчерпана роль генерального совета в этом деле. Французские комитеты, а также бельгийский федеральный совет единогласно одобрили это циркулярное послание генерального совета.

Прежде еще, чем это послание дошло до французского федерального совета в Женеве, в редакции «Egalité» произошел конфликт. Женевскому комитету уже надоела тирания Бакунина, и он воспользовался этим конфликтом, чтобы освежить атмосферу, господствовавшую в редакции. Ставленники Бакунина были заменены дельными молодыми силами, в числе которых особенно выдвигался талантливый русский Утин. Утин хотел своим выступлением пара-

---

*) См. стр. 33 ff.

лизовать вредные стороны Союза и стал агитировать против двух самых вредных пунктов его программы—атеизма и воздержания от политической деятельности. И ему, действительно, удалось, особенно благодаря поддержке Беккера, настоять на пересмотре этих двух пунктов. Но Бакунину, появившемуся вдруг на несколько дней в Женеве, благодаря своему влиянию, легко было отстоять эти два пункта, после чего Утин оставил Союз.

Между тем Союз собирал свои силы для романского конгресса в Ля-Шо-де-Фон, на котором он решил повести усиленную атаку против Интернационала. Этот конгресс должен был отдать опять в руки «союзников» газету «Egalité», а также решить вопрос о приеме Союза в романскую федерацию, в чем ему было отказано. «Союзная» секция в Ля-Шо-де-Фон и профессиональный союз граверов из Куртляри апеллировали к конгрессу по поводу отказа федерального совета в их приеме. Наконец, «союзники» надеялись на этом конгрессе захватить в свои руки всю романскую федерацию; больше же всего они хотели перенести местопребывание федерального совета и «Egalité» из «реакционной» Женевы в какую-нибудь юрскую горную деревушку.

Конгресс был созван на 4-ое апреля 1870 г. Чтобы вернее достичь своей цели, «союзники» создали себе на конгрессе искусственное большинство. В то время, как в Женеве Бакунин давно уже утерял популярность *), в Юре, благодаря пропаганде в его пользу газеты «Progrés», он все еще имел много приверженцев, и, таким образом, «союзникам» действительно удалось на конгрессе составить большинство в 2—3 голоса, хотя 21 голос, которым они располагали, не представляли даже 15 секций, а в одной Женеве было 30 секций. Эти 15 секций составляли меньше пятой части всех членов романской федерации Швейцарии. Это большинство образовали 18 делегатов, в числе которых 12 были от Женевы, 5 от Ля-Шо-де-Фон и 1 от Невшателя **). Впрочем, устав федерации требовал, чтобы каждое важное постановление помимо конгресса отдавалось на голосование секций и получило $^2/_3$ голосов. Это требование устава не было соблюдено. Спор возгорелся при обсуждении вопроса о приеме женевской секции союза; она насчитывала всего 20 членов, и весь вопрос не стоил того возбуждения, которое он вызвал; но союзники имели большинство, они все являются

*) «Vorbote», 1870, стр. 60.

**) См. «Alliance de la democratie socialiste», стр. 19 и 20.

лись из своих местечек, связанные определенными мандатами, и хотели использовать это большинство. Они сделали постановление о приеме союза, после чего меньшинство заявило протест, оставило конгресс и образовало отдельный конгресс. Большинство, заявившее себя истинным представителем федерации, называя себя «романским конгрессом», назначило местопребывание федерального совета в Ля-Шо-де-Фон и основало в Невшателе свой официальный орган «Solidarité», который поставил себе специальной задачей крикливо трактовать женевских фабричных рабочих, как полубуржуев, полемизировать с органом настоящей федерации «L'Egalité» и проповедывать воздержание от политики. Редактором «Solidarité» стал Гилльом. Конгресс большинства принял также резолюцию против участия рабочего класса в какой-либо деятельности, стремящейся к социальному перевороту при помощи политических реформ, и в пользу исключительно профессиональной и кооперативной борьбы. Наоборот, меньшинство сделало постановление против воздержания от политической деятельности и за участие в политике в целях пропаганды и организации представительства труда, как подготовительной формы будущего строя.

После конгресса делегаты секций созвали общее собрание в Женеве, которое, несмотря на оппозицию Бакунина и его друзей, одобрило их образ действий на конгрессе. Женевские секции по выяснении результата голосования по телеграфу отозвали своих делегатов. Через короткое время Бакунин и его наиболее деятельные друзья были исключены из старой романской секции.

Комитет в Ля-Шо-де-Фон, считавший себя теперь романским федеральным советом Швейцарии, тотчас же по закрытии конгресса обратился за посредничеством к генеральному совету. Последний затребовал все документы и постановлением от 29-го июня 1870 г. решил, что большинство конгресса было только номинальное, что комитет в Женеве добросовестно исполнял свои обязанности, и поэтому комитет в Ля-Шо-де-Фон не имеет никакого права называться этим именем, что женевский комитет и впредь должен считаться федеральным советом романской Швейцарии, а комитет в Ля-Шо-де-Фон может дать себе название, какое ему заблагорассудится. Кроме того, Юнг в приписке напомнил о том, что политическое движение подчинено экономическому, как средство. Благодаря дальнейшему ходу событий, это письмо получило значение исторического документа. «Solidarité» и весь хор «союзников» завопили по поводу этого «пристрастного» постановления и «авто-

ритетного самомнения» генерального совета, после чего генеральный совет порвал всякие сношения с комитетом в Ля-Шо-де-Фон.

Когда возгорелась франко-прусская война, Гилльом опубликовал в «Solidarité» свое воззвание, бряцающее оружием. На чрезвычайном конгрессе юрских организаций 9-го октября в Сент-Имье это воззвание было одобрено. В то же время было постановлено о закрытии «Solidarité». После падения парижской коммуны, «Solidarité» была возобновлена в качестве эмигрантского органа, но успела выпустить только 4 номера. Предложение объединить юрские секции в юрскую федерацию было отвергнуто конгрессом, как преждевременное, так как от ближайшего общего конгресса Интернационала будто бы ждали окончательного урегулирования романских раздоров.

Парижская Коммуна.

Четыре недели понадобилось немецким войскам, чтобы разгромить, взять в плен и запереть во французских крепостях регулярную армию французской империи; целых пять месяцев употребили они на то, чтобы победить народную милицию и национальную гвардию Франции. Центральным пунктом национального сопротивления стал Париж; для освобождения от немецкой осады, обложившей его железным кольцом, вооружилась вся страна; когда же узурпаторское правительство 4-го сентября предательски сдало Париж, вся Франция очутилась в руках немецких завоевателей. Для этого правительства вся борьба, которую страна вела с таким очевидным напряжением всех сил и средств, была не больше, как фарс, предлог для личного господства таких людей, как Тьер, Жюль Фавр и компания, этой шайки адвокатов, жадных до власти и денег, гораздо больше боявшихся вооруженной национальной гвардии, чем пруссаков перед воротами Парижа. С самого начала это «правительство национальной обороны», как оно само себя рекламно называло, решило сделаться правительством национальной измены. Трошю, поверенный по военным делам этого адвокатского правительства, через четыре месяца после обложения Парижа признался в присутствии Тьера и Жюль Фавра, что он с самого начала смотрел на защиту столицы, как на «героическую глупость». По мнению сентябрьского правительства задача национальной обороны заключалась в том, чтобы кровопролитными сражениями излечить вооруженный Париж от его геройской глупости и бес-

смысленными, стоящими многих жертв вылазками ослабить национальную гвардию, внушавшую такой страх. В действительности правительство защищалось не столько против немецких солдат, сколько против парижских рабочих, которые одни всерьез принимали национальную оборону и жертвовали своей кровью и имуществом. Достойным главой сентябрьского правительства был Тьер, этот гнусный выродок (mischievous avorton) *), «мастер на мелкие политические хитрости, клятвопреступничество и измену, набивший себе руку во всяких военных хитростях, коварных уловках и грубом вероломстве парламентской партийной борьбы. Будучи лишен власти, он был готов на все, чтобы получить ее, даже на революцию, а оказавшись у кормила правления, он не останавливался перед тем, чтобы потопить эту революцию в крови. Вместо идей в голове у него были только классовые предрассудки, вместо сердца в груди—одно пустое место: частная его жизнь была так же бесчестна, как и общественная. И теперь, когда он играл роль французского Суллы, его низкие дела были в полном противоречии с его громкими фразами» **). Министром иностранных дел был Жюль Фавр: «он находился в сожительстве с женой одного алжирского пьяницы и целым рядом самых дерзких подлогов за несколько лет составил себе и своим незаконным детям крупное состояние и сделался одним из богатых людей». После падения Коммуны Жюль Фавр из мести велел расстрелять социалистического депутата Мильера, который опубликовал все эти позорные факты после заключения перемирия с немцами. Подобного же сорта людьми был Жюль Фавр. «Он находился в сожительстве с женой одного бывшим в Париже во время осады, чтобы нажить себе состояние, и Эрнест Пикар, этот «Карл Фогт» сентябрьского правительства, назначивший редактором своей газеты «L'Electeur Libre» своего брата Артура Пикара, заведомого мошенника, сознавшегося в краже 300.000 франков и прогнанного из парижской биржи. Когда эта шайка мошенников, сдавшая столицу, сломя голову, бежала 18 марта из Парижа, она оставила там документальные доказательства своей измены. «Чтобы уничтожить эти документы, эти люди не остановились перед тем, чтобы обратить Париж в грудu развалин и потопить его в море крови», так гласит один из мани-

*) Карл Маркс в письме к Кугельману, XX[1] стр. 709.

**) Ср. Гражданская война во Франции. Адрес генерального совета международной рабочей ассоциации, третье издание Энгельса, «Vorwärts», 1891 г.

местов Коммуны к провинции. Эти «капитуляры» вполне заслужили подобную характеристику.

Еще во время осады Парижа двусмысленное поведение сентябрьского правиетльства привело к образованию чего-то вроде другого правительства—республиканского центрального комитета 20 парижских округов, который организовал в каждом округе наблюдательные комитеты для контроля над мероприятиями правительства в деле обороны. В этом центральном комитете перевес был на стороне мелко-буржуазных радикалов; рабочие, особенно же Интернационал, почти совсем не были в нем представлены *). На следующий день после поражения при Ле-Бурже, когда пришло известие о сдаче Меца, некоторые решительные члены центрального комитета, как Бланки, Флуранс, Пиа, Мильер и Делеклюз, произвели государственный переворот, захватили ратушу и взяли в плен правительство. Была избрана временная комиссия, которая должна была в течение 48 часов организовать выборы Коммуны. Но Пикару удалось бежать и освободить правительство. Мэр Парижа, Араго, член правительственной партии, еще раньше этого сам назначил коммунальные выборы на 1-ое ноября, чтобы создать законное правительство в городе. Правительство запретило выборы, а когда в одном округе выборы все-таки состоялись, приказало арестовать выбранных; Бланки и Пиа избежали ареста. На место Араго мэром Парижа был назначен Жюль Ферри, а место Тамизие, начальника национальной гвардии, занял «генерал» Клеман Тома, отставной вахмистр, бывший сотрудник «Le National». Только после этого правительство приказало избрать для каждого округа мэра и двух помощников. Одиннадцать социалистов, выбранные в предместьях, в том числе: Ранвье, Флуранс, Лефрансуа, Дерёр, Мильер, Малон и Толен, не были утверждены и заменены правительственными комиссарами. Остальным мэрам не предоставили никаких прав, они не пользовались даже совещательным голосом в правительстве, и многие из них сложили свои полномочия. Когда в первых числах января новое воззвание выставило требование образования Коммуны, правительство арестовало подписавших воззвание.

*) О составе этого первого центрального комитета Лиссагарэ сообщает («Histoire de la Commune», стр. 23), что он состоял из рабочих, приказчиков и писателей, известных в революционном движении последних лет. Место собраний его было на улице de la Corderie, в помещении Интернационала.

Участие Интернационала во всех этих событиях было ничтожно, как показывает перечень лиц, стоявших во главе. В своем воззвании от 9-го сентября генеральный совет, отдавая должное тяжелым условиям, в которых находился французский рабочий класс, заявляет, что «всякая попытка к ниспровержению существующего правительства во время страшного кризиса, переживаемого Францией, была бы отчаянной глупостью; что французские рабочие обязаны исполнить свой гражданский долг перед государством... но что они должны воспользоваться республиканской свободой для быстрого развития своей классовой организации, которая даст им новые геркулесовы силы для возрождения Франции и для освобождения труда». Члены Интернационала в Париже последовали этому указанию и время осады Парижа употребили на укрепление своей организации и на военные упражнения, чтобы по окончании военной диктатуры, которая должна была закончиться вместе с капитуляцией, осуществить свои республиканские требования. Напротив того, Бланки и его последователи, как Флуранс, Ранвье, Мильер, Делеклюз, Дерер и др., верные своим бланкистским теориям, инсценировали различные революционные выступления, которые обыкновенно кончались ничем.

Имена членов Интернационала, как Толен, Малон, Элигон, встречаются в числе выборных и не утвержденных мэров, но не на мятежнических воззваниях. Доклад Толена, представленный им через 2 года парламентской комиссии, выбранной для расследования истории Коммуны, констатирует, что во время осады Парижа члены Интернационала не принимали большого участия в движении. Причину этого явления он видит в том, что подобное участие представлялось фактически невозможным, так как все фабрики и заводы были закрыты, и служба в национальной гвардии отвлекала все внимание и время у рабочих. Вследствие подобной концентрации всей энергии на службе в национальной гвардии, ее комитет стал центральным комитетом, естественным центром революции 18-го марта. Толен сообщил еще, что среди коммунаров было много решительных противников Интернационала, как Делеклюз, Пиа, Риго, Прото, Тридон и многие другие, и что члены Интернационала в Коммуне всегда составляли меньшинство *).

*) Согласно Лиссагарэ («Histoire de la Commune», стр. 76) члены Интернационала удержали центральный комитет от одного ложного шага. Когда стало известно о вступлении пруссаков в Париж, центральный комитет почти единогласно постановил встретить

28-го января капитулировавшее правительство подписало условие перемирия и, согласно этим условиям, назначило на 8-е февраля выборы во французское национальное собрание, которое должно было утвердить условия мира. Это собрание, в котором преобладала деревенщина, «Ruraux», поставило себе задачей гражданскую войну с Парижем.

Тьер был избран президентом республики. 1-го марта собрание приняло предварительные условия мира, 3-го оно назначило начальником национальной гвардии Орелль де-Паладина, этого иезуита, бывшего послушным орудием в руках попов, а 4-го оно начало сосредоточивать войска вокруг Парижа. 10-го марта собрание постановило заседать не в Париже, а в Версали и признать Париж столицей только тогда, когда его заседания будут происходить в Париже. Префектом полиции был затем назначен бонапартист генерал *Валентен*, и *Винуа* закрыл в Париже шесть радикал-социалистических газет. Наиболее же всего вызвал раздражение новый закон о сроке платежа по векселям, очень разорительный для мелкой торговли. Если национальное собрание поставило себе задачей вызвать в Париже восстание, то его провокация как нельзя лучше достигла цели.

Известие о капитуляции вызвало в Париже всеобщее возмущение против военной диктатуры сентябрьского правительства за его неспособность и произвол. Национальная гвардия и, в особенности, рабочие по справедливости считали себя настоящими защитниками Парижа, и их делегатские собрания постановили выразить через свой орган, центральный комитет, протест против всякой попытки к их разоружению и пригрозили вооруженным восстанием. Вместе с тем, была выбрана комиссия, которая должна была выработать устав для национальной гвардии *). 3-го марта устав был

пруссаков с оружием в руках. Известие об этом дошло и до улицы Ла-Кордери, места собраний членов Интернационала. Здешний комитет до сих пор держался в стороне от центрального комитета, «состоявшего из совершенно неизвестных и неиспытанных в революционных схватках лиц». Теперь же он выступил вперед. Члены Интернационала обратились к центральному комитету и заставили себя выслушать. На следующий день они распространили манифест против постановления центрального комитета. Последний уступил и выпустил воззвание, которое в своих главных частях вполне сходится с воззванием генерального совета от 9-го сентября.

*) Лиссагарэ следующим образом рисует образование этой комиссии: «В комиссию вошло по одному представителю от каждого

представлен, и была назначена временная исполнительная комиссия *). 15-го марта организация национальной гвардии была установлена на федеративных началах, и окончательно сформировался ее центральный комитет. По показаниям Толена, в числе 35 членов комитета было сначала всего два члена Интернационала **)— Варлен и Авуан, оба делегаты от федерального совета Интернационала; однако Варлен вскоре же приобрел решительное влияние в комитете. Из 270 батальонов национальной гвардии двести признали центральный комитет; последний выпустил воззвание о защите Парижа и возвел сильные укрепления на Монмартрском и Шомонском холмах. 15 марта состоялось под открытым небом собрание национальных гвардейцев, на котором они обязались исполнять приказания центрального комитета. Парижские крепости встретили это известие салютом из пушек. На Монмарте было поднято красное знамя. Правительство арестовало 400 человек; утром 18-го марта они были освобождены национальной гвардией. Тьер еще 17 марта выпустил воззвание к парижским обывателям, представлявшее набор громких фраз. На следующий день его пра-

---

округа. Кто же были эти представители? Были ли это агитаторы, революционеры с улицы La Corderie (место собраний Интернационала. Автор.), социалисты? Вовсе нет! Среди них не было ни одного знакомого имени. Это все мелкие буржуа, лавочники, приказчики, далекие от политических кружков и даже от политики вообще». «Histoire de la Commune», стр. 70.

*) Согласно Лиссагарэ, между центральным комитетом и комитетом Интернационала после бывших столкновений произошло сближение. В совещаниях о реорганизации центрального комитета принимали участие, по свидетельству Лиссагарэ, Варлен, Пенди и Жак Дюран. «Histoire de la Commune», стр. 78—79.

**) Под воззванием центрального комитета от 4-го марта подписаны имена: Варлен, Пенди и Остен, а от 20-го марта также Асси и Журд. Таким образом, число представителей у Интернационала в центральном комитете постепенно увеличивалось. Журд, впрочем, присоединился к Интернационалу только во время Коммуны. Белэ так рисует личность Журда («Mes Souvenirs», стр. 402): «Это был молодой человек, с ясным, быстро схватывающим умом, решительным характером и с самыми лучшими намерениями... Прибавлю еще, что он был неутомимым работником. Состояние финансов, которыми он заведывал всего несколько дней, служит доказательством его ума и деятельности... Во время Коммуны он обедал ежедневно за 32 су, а его жена продолжала полоскать белье в Сене». Журд был потом сослан и через много лет бежал из ссылки вместе с Рошфором и некоторыми другими ссыльными.

вительство сделало попытку насильно захватить пушки национальной гвардии, составлявшие ее собственность: этот прием не удался; пехота браталась с национальной гвардией; генерал Тома был стащен с лошади и, неизвестно по чьему приказанию, расстрелян толпой солдат и национальных гвардейцев.

Эти события послужили началом гражданской войны между парижанами и версальцами. Хотя центральный комитет отрицал свою ответственность за расстрел генерала Тома, так как он никогда не подписывал ему смертного приговора, но версальское правительство не считалось с этим, и уже 18-го марта оно говорит в своих воззваниях «об инсуррекционном комитете, члены которого неизвестны населению, исповедуют коммунистические доктрины и готовы отдать Париж на разграбление». Такое кровное оскорбление 300.000 национальных гвардейцев естественно вызвало самое глубокое возмущение. 19-го марта стал выходить в Париже «Journal Officiel», орган парижской Коммуны, под редакцией Лонге, Моро, Рожара и других. Программная статья его от 20-го марта говорит: «Благодаря поражениям и изменам господствующих классов, парижские пролетарии поняли, что настал час, когда они обязаны спасти положение, взявши общественные дела в свои руки... Они поняли, что сделаться хозяевами своей собственной судьбы и взять в свои руки управление государством составляет их священную обязанность и неотъемлемое право». Манифест генерального совета при этом справедливо замечает, что рабочий класс не может просто овладеть современной государственной машиной и использовать ее в своих целях, а пролетариат должен создать свою собственную общественную организацию, основой которой должна быть Коммуна. «Призыв к социальной республике, говорит манифест, выражал собой только неясные стремления к такой республике, которая бы не только уничтожила монархическую форму классового господства, но и само классовое господство. Коммуна и явилась формой подобной республики». Об историческом значении Коммуны генеральный совет высказывает следующие соображения:

«В состав Коммуны входили городские советники, выбранные всеобщим голосованием от различных округов Парижа. Они были ответственны и во всякое время сменяемы... Коммуна должна была быть не парламентской, а деловой корпорацией с законодательной и исполнительной функциями одновременно. Полиция, бывшая до тех пор орудием в руках государственной власти, была лишена своих специфических особенностей и сделалась ответствен-

ным и во всякое время сменяемым органом Коммуны точно так же, как служащие во всех других отраслях государственного управления. Общественная служба, начиная с членов Коммуны, должна была оплачиваться, но неограниченные права и высокие оклады высших сановников исчезли вместе с ними. Общественные должности не были больше частной собственностью прислужников центрального правительства. Не только управление, но и вся инициатива, бывшая до тех пор в руках государственной власти, перешла к Коммуне. Уничтожив постоянное войско и полицию, служившие орудием материальной силы в руках старого правительства, Коммуна решила покончить и с поповской властью, этим орудием духовного порабощения, и сделала постановление об отделении церкви от государства и экспроприации имуществ всех церквей; попы же в тиши частной жизни должны были подобно святым апостолам кормиться милостыней верующих. Были открыты в достаточном количестве школы для всеобщего бесплатного обучения, свободные от всякого вмешательства церкви и государства. Благодаря этому, школьное образование сделалось общедоступным, и наука была освобождена от цепей, надетых на нее классовыми предрассудками и правительственной властью. Прежняя независимость судей была только кажущейся и маскировала собой их подчиненность любому правительству, приходившему на смену старого; каждому новому правительству судьи присягали и вскоре же нарушали свою присягу. Теперь же они, как другие государственные чиновники, должны были быть выборными, ответственными и сменяемыми.

«Парижская Коммуна должна была служить образцом для всех больших промышленных центров Франции, а когда коммунальный порядок вещей был бы введен в Париже и во второстепенных центрах, то по необходимости и в провинциях старое централизованное правление должно было бы уступить свое место самоуправлению производителей. В кратком наброске будущей национальной организации, для дальнейшей разработки которой у Коммуны не было времени, говорится совершенно определенно, что Коммуна должна стать формой самоуправления даже в самых маленьких деревнях, и что постоянное войско должно быть заменено народной милицией с самым коротким сроком службы. Сельские общества каждого округа должны были заведывать своими общими делами при помощи собрания выборных в главном окружном городе, а эти окружные собрания должны были посылать депу-

татов в национальное собрание в Париже; депутаты должны были быть сменяемы во всякое время и связаны определенными инструкциями своих избирателей. Малочисленные, но важные функции, которые остались еще на долю центрального правительства, не должны были быть вовсе уничтожены, как это намеренно ложно утверждали, а возложены на коммунальных, строго ответственных должностных лиц. Коммунальная организация не только не должна была нарушить единство нации, а, наоборот, еще более его упрочить. С уничтожением прежней государственной власти, считавшей себя воплощением национального единства и желавшей быть выше самой нации и независимой от нее, единство нации получало действительно реальные формы. Одни функции правительственной власти, которые служили только для угнетения нации, должны были быть вовсе уничтожены; другие же должны быть отняты от власти, стремившейся быть выше народа, и переданы ответственным слугам народа. Вместо того, чтобы раз в три года или в шесть лет решать, кто из господствующего класса должен явиться «представителем народа» в парламенте, народ, сорганизовавшийся в многочисленные коммуны, должен был, подобно всякому работодателю, пользоваться своим правом голоса для подыскания себе достойных работников и слуг. А ведь целые общества не хуже отдельных личностей сумеют находить подходящих людей; в случае же ошибки,—ничего не стоит ее исправить; во всяком случае, духу Коммуны была совершенно чужда замена всеобщего голосования иерархической инвеститурой.

«Многообразие толкований, которым поддается Коммуна, многообразие интересов, нашедших в ней себе выражение, доказывают, что она была политической формой, применимой повсюду, тогда как все прежние политические формы были, в сущности, формами угнетения. Главное ее отличие заключается в том, что она была по существу правительством рабочего класса и явилась результатом борьбы двух классов: класса производителей и класса собственников. В Коммуне была найдена та политическая форма, при которой может совершиться и экономическое освобождение рабочего класса; без последнего условия сама коммунальная организация становится немыслимой или же является случайной ошибкой. Политическое господство производителей не может существовать рядом с их экономическим порабощением. Поэтому Коммуна должна была служить рычагом для того, чтобы уничтожить экономические основания, на которых покоились существование классов и классовая

борьба. А если бы эмансипация труда стала совершившимся фактом, то каждый человек должен был бы работать, и производительный труд перестал бы быть *достоянием* одного класса»...

«Рабочий класс не ждал никаких чудес от Коммуны. Он вовсе не хотел провести определенные готовые утопии путем всенародных декретов. Он сознавал, что для своего собственного освобождения и для достижения тех высших форм жизни, к которым неизбежно ведет современное экономическое развитие, ему придется вести продолжительную борьбу и пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно преобразят людей и их жизненные условия. Он не намеревался осуществить какие-то идеалы, а хотел только предоставить свободное развитие тем элементам, которые уже зародились в недрах готового рухнуть буржуазного общества...

«Когда парижская Коммуна взяла руководство революцией в свои собственные руки, когда простые рабочие в первый раз дерзнули прикоснуться к делу управления страной, составлявшему всегда привилегию имущих классов, и при беспримерно тяжелых условиях выполняли свое дело сознательно и успешно, то старый мир пришел в ярость при виде развевающегося над парижской ратушей красного знамени, этого символа республики и труда.

«Это была первая революция, в которой рабочий класс был признан единственным классом, способным еще на общественную инициативу; и это было признано подавляющим большинством парижского среднего класса, мелких лавочников, ремесленников, торговцев, за исключением богатых капиталистов. Коммуна их спасла своим мудрым решением спора между должниками и кредиторами, этой постоянной причины раздоров в среднем классе. Эти самые слои среднего класса участвовали в 1848 году в подавлении июньского восстания, и вслед затем Учредительное Собрание выдало их головой кредиторам. Но это не было единственной причиной, почему они теперь примкнули к рабочим. Они чувствовали перед собой дилемму: либо Коммуну, либо Империю, все равно под каким названием... После бегства из Парижа высшей бонапартистской и денежной знати на сцену выступил средний класс, эта истинная партия порядка, в виде республиканского союза (Union Républicaine); он стал под знамя Коммуны и защищал ее от злостной клеветы Тьера.

«Великим социальным делом Коммуны было то, что она существовала и действовала. Ее специальные законы могли бы только наметить то направление, следуя которому управление народом

должно было стать делом самого народа. Укажем на то, что Коммуной были уничтожены ночные работы пекарей; были запрещены под страхом наказания денежные штрафы, практиковавшиеся работодателями под самыми различными предлогами для понижения рабочей платы. Другое постановление передавало в руки рабочих товариществ все фабрики и заводы, остановившие работу, с вознаграждением владельцев, независимо от того, бежал ли капиталист или предпочел прекратить производство».

Программа Коммуны, как ее толкует Карл Маркс, показывает, что Коммуна была первой попыткой пролетариата захватить политическую власть и установить такую форму правления, которая в противоположность правительственной машине классового государства должна была сама собой привести к перевороту в производственных и имущественных отношениях. Конечно, еще вопрос, насколько сами вожди Коммуны отдавали себе отчет в значении своей программы. С 26-го марта после выборов в коммуну, старейший член ее Белэ, член Интернационала, открыл первое заседание речью, содержавшей программу одних политических реформ: «Свобода Коммуны, говорит он, это свобода самой республики... В ведении правительства будут общенациональные дела, департаменты же будут заведывать местными делами, и наша Коммуна, которую мы основываем, должна послужить образцом для других коммун». Мы видим, что историческая Коммуна имела в сильной степени специфически-французский отпечаток. При самых различных великих политических переворотах, пережитых французским народом в течение почти целого столетия, при двух империях, трех республиках, реставрации и при Орлеанах, Франция неизменно сохраняла свое худшее зло—централистическую бюрократию, оставшуюся при всех режимах и подавлявшую самоуправление в стране вплоть до самоуправления сельских общин. Вместе с тем, при всех этих политических переменах и переворотах, в народе жива была память о Коммуне 1793 года, и Коммуна 1871 года явилась естественной реакцией против бюрократического гнета, продолжавшегося целые поколения. Большие города, и больше всего Париж, хотели раз навсегда освободиться от хозяйничания префектов и восстановить Коммуну, как основную ячейку общественной организации. Эти стремления и привели к Коммуне. Таким образом, как это вполне верно высказала «Нью-Иоркская Рабочая Газета» в статье от 18 июля 1874 года, Коммуна не была делом рук Интернационала и не была тождественна с ним, но члены

Интернационала вполне освоились с программой Коммуны и постарались сделать из нее дальнейшие логические выводы; вместе с тем они явились самыми ревностными и верными защитниками Коммуны, так как они поняли все ее значение для рабочего класса. Большинство членов Интернационала, бывших в Коммуне, не ограничились программой одних политических реформ, провозглашенной Белэ, но самые передовые из них видели в Коммуне начало социальной революции. В воззвании членов Интернационала к рабочим кварталов Иврийского и Берсийского вокзалов, которое они выпустили в последние дни Коммуны, сказано: «Дело идет теперь не о простой перемене правительства или политической реформе, о республике или монархии, а об установлении такого порядка вещей, который обеспечил бы нам удовлетворение всех наших социальных требований... Революция, которую мы проводим, есть социальная революция» *).

«Где бы, в каких бы формах и при каких бы условиях ни проявилась классовая борьба, члены нашей Ассоциации должны, конечно, быть в первых рядах». Так объясняет манифест генерального совета образ действий членов Интернационала в парижской Коммуне. Но вместе с тем члены Интернационала еще до Коммуны организовались в отдельную партию, не отождествляя себя с Коммуной, и сама Коммуна смотрела на них, как на партию, хотя и поддерживающую Коммуну, но по существу своему стоящую вне ее. Этому имеется много доказательств, это же видно из официальных отчетов. Лиссагарэ сообщает, что «революционная партия» — под этим названием он объединяет членов Интернационала и бланкистов—в первые дни Коммуны оказалась в оппозиции. Это является несколько резкой оценкой того факта, что большинство Коммуны состояло из мелких буржуа и приказчиков, и только небольшая часть (25 из 87) из рабочих, а из них половина бланкистов. Как утверждает **) Лиссагарэ, значительное влияние на ход дел имели постановления клубов, и этот путь, именно, избрал себе Интернационал, чтобы приобрести влияние в руководящих организациях. Федеральный совет Интернационала сумел еще в самом начале обеспечить себе постоянное влияние при решении важных вопросов путем посылки депутаций в выс-

---

*) «Journal Officiel de la République Française sous la Commune 1871», от 19 мая, стр. 612

**) «Histoire de la Commune», стр. 85.

шие учреждения, сначала в центральный комитет, а потом Коммуну. Современем федеральный совет выделил из себя комитет, который предоставил себя в распоряжение Коммуны для самостоятельных работ и вносил положительные предложения. Это видно из следующего объявления, помещенного в «Journal Officiel» от 21 мая:

Международная ассоциация рабочих.

Делегация федерального совета парижских секций при Коммуне.

Так как нам поручено федеральным советом представлять Коммуне результаты работ всех парижских секций, то комитет доводит до сведения всех членов Интернационала, что он временно объявляет свои заседания непрерывными и он заседает ежедневно от 1—6 в Place de la Corderie 6.

Просят секции в возможно короткое время доставить комитету все свои предложения, которые они хотят внести в Коммуну.

По поручению комитета временный секретарь комитета

И. Постаг.

Из этого документа видно, как Интернационал работал рука об руку с Коммуной.

Как только окончились коммунальные выборы, федеральный совет опубликовал в «Journal Officiel» от 26 марта (стр. 66—67) воззвание, в котором он излагает свой взгляд на значение Коммуны и развивает свою социальную программу. «Настоящая катастрофа вызвана антагонизмом классовых интересов. Необходимо восстановить порядок и организовать труд на новых началах свободы, равенства и солидарности. Свобода Коммуны служит залогом такого порядка вещей, который уничтожит антагонизм классов и водворит социальное равенство. Мы требовали освобождения труда,—и коммунальная организация служит гарантией исполнения нашего требования, так как она дает каждому гражданину возможность защищать свои права и контролировать действия своих выборных должностных лиц. Мы боролись и страдали за наш принцип равенства, и мы не отступим теперь, когда нам удается заложить первый камень в фундамент социального здания. Мы требовали организации кредита, обмена и товариществ, чтобы обеспечить рабочим полную стоимость их труда; мы требовали всеобщего,

бесплатного, светского обучения, свободы союзов и собраний, свободы печати, муниципализации полиции, войска, гигиены, статистики и т. д.—ни одного из этих требований наше правительство не удовлетворило. Теперь парижское население прозрело. Муниципальными выборами оно взяло свою судьбу в свои собственные руки, и это должно стать его руководящим принципом и в будущем. Организация всего общества должна покоиться на тех же основаниях, как и организация отдельной группы, отдельного товарищества; как последние с негодованием отвергли бы всякого председателя, не выбранного ими, а навязанного им извне, так и общество не должно терпеть мэра или префекта по назначению. Об этом население должно постоянно помнить». Это воззвание к рабочим носит заметную прудонистскую окраску; мы находим здесь смешение гражданского равенства с социальным, уже знакомое нам по речам Толена с первого дня основания Интернационала. Свою самостоятельность по отношению к Коммуне Интернационал сохранил и тогда, когда он и численностью своей, а еще более своим участием в разных комитетах приобрел еще большее влияние на ход дел; эту самостоятельность он сохранил до самых последних дней Коммуны. В «Journal Officiel» от 20 мая (стр. 621) федеральный совет Интернационала опубликовал следующую резолюцию, принятую в заседании 17 мая:

«В ближайшую субботу, 20-го мая, ровно в час дня, состоится чрезвычайное собрание федерального совета для обсуждения настоящего положения. Члены Коммуны, принадлежащие к Интернационалу, приглашаются на это заседание. Они дадут отчет о своей деятельности в Коммуне и изложат причины раскола, происшедшего в ней. Члены Интернационала должны предъявить свои членские билеты при входе. Граждане Лео Франкель и Серайе, уполномоченные секций, присутствовали на настоящем заседании и одобрили это предложение».

Постановление этого собрания напечатано в последнем номере «Journal Officiel» (стр. 654) от 24-го мая и гласит следующее:

«Международное общество рабочих в своем экстренном заседании 20-го мая приняло следующую резолюцию:

«Выслушав объяснения граждан, членов Интернационала, состоящих вместе с тем и членами Коммуны, и признав их образ действий вполне лойяльным, мы просим их, стоя на страже интересов рабочих, сделать все зависящее от них, чтобы сохранить

в Коммуне единодушие, столь необходимое в борьбе против версальского правительства.

Мы одобряем внесенное ими предложение о публичности заседаний Коммуны и об ограничении § 3 устава комитета народного благосостояния, так как этот параграф делает немыслимым контроль над действиями исполнительной власти, в данном случае, комитета народного благосостояния и его уполномоченных».

На этом собрании были представители от 26 парижских секций; из членов Коммуны присутствовали 6, трое не могли явиться. Из всего числа руководящих членов Коммуны не больше двенадцати принадлежали к Интернационалу. Совсем иначе обстояло бы дело, если бы Интернационал имел и численный перевес в Коммуне, т. е. если бы парижский пролетариат уже давно сорганизовался политически.

18-го марта, в день провозглашения Коммуны, правительство и Жюль Ферри, назначенный мэр Парижа, бежали из столицы, а вместе с ними почти вся буржуазия. Никто не тронул их даже пальцем; беглецы увидели в этом признак слабости. 22-го марта парижская золотая молодежь, франты, праздношатающиеся и весь высший «полусвет» устроили «демонстрацию»; вооружившись тайно, они коварно и исподтишка напали на некоторые посты и патрули национальной гвардии и пытались захватить врасплох главную квартиру национальной гвардии. Когда они, вооруженные револьверами и шпагами, произвели беспорядок, им было предъявлено требование разойтись, а так как они не хотели исполнить это законное требование, то национальной гвардией был дан залп, после чего весь этот сброд трусливо разбежался и удрал в Версаль.

Столкновения 18-го марта были началом гражданской войны. Тьер приказал перерезать все телеграфные проволоки, идущие из Парижа, так что прекратилось телеграфное сообщение Парижа со всем миром. Он ждал нападения парижской национальной гвардии на Версаль и велел Винуа, имевшему в своем распоряжении 40.000 солдат, занять все дороги к Версалю. Пока Тьер в военном отношении чувствовал себя значительно слабее парижан, тактика его заключалась в том, чтобы «мирными» предложениями оттягивать время у Коммуны, а тем временем он вступил в переговоры с Бисмарком об освобождении из немецкого плена еще 40.000 французских императорских солдат. Центральный комитет дал себя обмануть. Вместо того, чтобы тотчас же 19-го марта выступить против Версаля и, положив конец всем замыслам парламента

«деревенщины» и Тьера, вовлечь в движение всю страну *), центральный комитет вступил в переговоры с некоторыми парижскими мэрами и депутатами, стоявшими близко к Тьеру, но недоверчиво относившимися к его образу действий. Варлен и еще три члена были посланы к либеральным мэрам и депутатам, чтобы побудить их добиться в Версале согласия на общинные выборы. После бесконечных переговоров парижские мэры и депутаты внесли в парламент предложение о выборах. Предложение не прошло; оно было внесено вторично в другой форме, мэры делали попытки к примирению, но дело дошло до парламентского скандала. И только, когда мэры, рассердившись, ушли, палата сделала постановление о необходимости выборов. 25-го марта Луи Блан сообщил в палате, что парижские мэры и депутаты пришли к соглашению с центральным комитетом устроить выборы собственной властью. Палата приняла это молча и не возразила также против своего доверенного человека в Париже адмирала Сессе, назначенного Тьером шефом национальной гвардии, когда он велел расклеить объявление, во всяком случае ложное, о том, что национальное собрание признало выборы. Выборы состоялись в воскресенье 26-го марта. Так как имущие классы частью бежали, частью воздержались от голосования, то в выборах приняло участие несколько больше 52 процентов всех имевших право голоса. Избранными оказались 16 прежних мэров и их помощников, несколько радикалов, 72 социалиста, в том числе 17 членов Интернационала **): Пенди, Дюпон, Варлен, Белэ, Тейс, Франкель, Малон, Демэ, Клеманс, Журд, Асси, Авриаль, Дюваль, Шален, Остэн, Амуру, Ланжвен; Варлен был избран в трех местах, Тейс—в двух. Президентом был старейший из членов — Белэ, член Интернационала.

*) Такое предложение было внесено уже в первом заседании центрального комитета. Против него было выставлено то возражение, что комитет «получил полномочие только для обеспечения прав Парижа», если провинция также настроена, как Париж, то пусть следуют его примеру. См. Lissagaray, «Histoire de la Commune», стр. 102.

**) Трудно установить точное число членов Интернационала, бывших в Коммуне, так как некоторые члены Коммуны, как, например, Журд, о котором имеются определенные указания Толена, примкнули к Интернационалу во время самой Коммуны, а потому число членов последнего, принимавших участие в Коммуне, постепенно делалось большим, чем оно было в самом начале. Рудольф Мейер («Emanzipations Kampf des vierten Standes», II, стр. 651) счи-

В дни учреждения Коммуны отношения вполне определились: события до и во время выборов сами собой повели к отпадению половинчатых и сомнительных элементов. Буржуазно-радикальные мэры и депутаты Парижа опирались на некоторую, хотя и незначительную, часть национальной гвардии, признававшую Сессе своим начальником. Как видно из объявления центрального комитета от 24 марта, эти отпавшие батальоны в своем сопротивлении были поддержаны этими мэрами и депутатами. Центральный комитет поступил решительно, он назначил генералами национальной гвардии Брюнеля, Дюваля и Эда и поручил Брюнелю занять здания мэрий в буржуазных кварталах. Брюнель отправился с национальной гвардией и пушками в мэрию Лувра. Дело, казалось, не обойдется без столкновений, однако удалось достигнуть примирения на время выборов, и некоторое время царило полное согласие. Когда выборы прошли, буржуазные мэры и Сессе устранились от всякого дальнейшего участия в делах. Из депутатов округа Сены только пять подписали воззвание центрального комитета о выборах, в том числе Толен; буржуазно-радикальные депутаты не показывались больше в Париже; с другой стороны, Малон, Мильер, Дерер и Жаклар отказались от участия в версальском национальном собрании.

Коммуна стала теперь действовать против версальцев решительно, но, к сожалению, только постановлениями: она вотировала благодарность национальной гвардии от имени всей страны и республики, объявила версальское национальное собрание отданным под суд, а приказы версальского правительства—не имеющими силы. Далее, Коммуна сложила квартирные долги в трех кварталах, запретила выселение из квартир за невзнос платы и

тает в числе членов Интернационала разных бланкистов, как Вальяна, Дерэра, Флуранса и даже самого Бланки, вероятно, потому, что он видит в них «социалистов», зато он проглядел многих действительныхъ членов Интернационала, как Асси и Авриаль. В числе мэров и их помощников также были члены Интернационала: Толен, Элигон и Малон; Толен и Малон были, кроме того, депутатами от департамента Сены в версальском собрании. Во всех этих представительных учреждениях радикалы и бланкисты имели подавляющее большинство, так как и в Коммуне у них был численный перевес. Лиссагарэ («Histoire de la Commune», стр. 176) сообщает, что 19 марта в Коммуне было 25 представителей рабочих; остальные были мелкие буржуа и интеллигенты. Список 17 представителей взят из «Journal Officiel», стр. 104—108.

отсрочила продажу вещей, заложенных в ломбардах. Максимум жалованья должностных лиц был определен в 6000 рублей в год; церковь была отделена от государства, бюджет культа был уничтожен, а выморочное имущество объявлено национальной собственностью и конфисковано. Наконец, Коммуна объявила, что член Коммуны не может быть одновременно и членом национального собрания.

Интернационал, с своей стороны, объявил свою солидарность с Коммуной в этом отношении; вследствие этого федеральный совет парижских секций исключил из Ассоциации старейшего французского члена Интернационала, Толена, на том основании, что он трусливо изменил делу рабочего класса, интересы которого он был избран защищать. Генеральный совет утвердил это постановление приказом от 25 апреля 1871 года, в котором он вполне соглашается с мотивировкой федерального совета и прибавляет, что теперь место каждого французского члена Интернационала в рядах Коммуны, а не в самозванном контр-революционном версальском собрании *). С этого момента участие Интернационала в делах Коммуны становится энергичнее, и даже число его членов возрастает. В различных комиссиях Коммуны мы находим многих членов Интернационала; так Дюваля в исполнительной комиссии, Варлена, Белэ и Журда в финансовой комиссии, Пенди и Дюваля в военной, Асси и Шалена в комиссии всеобщей безопасности; Малона, Франкеля, Тейса, Дюпона и Авриаля в комиссии труда. В комиссии центрального комитета национальной гвардии заседали Асси, Авуан и Авриаль. Тем не менее численный перевес был на стороне мелкобуржуазной партии бланкистов. И дополнительные выборы в Коммуну от 16 апреля, ставшие необходимыми вследствие бегства многих буржуазных элементов, не внесли существенной перемены: рядом с некоторыми новыми членами Интернационала, каковы Лонге, Сералье, Дюран, Жоаннар, Курбе, были выбраны и многие противники Интернационала, в том числе Везинье, исключенный из Интернационала еще в 1866 году. В обновленной дополнительными выборами Коммуне Журд и Варлен

---

*) Это постановление опубликовано в «Eastern Post» от 29 апреля 1871 г. В заседании палаты 16 июня 1871 г. Толен отрекся от всякой солидарности с «парижскими разбойниками и поджигателями». Его показания об Интернационале перед комиссией по расследованию событий 18 марта были вполне лойяльны, но несколько односторонне окрашены прудонизмом.

заведывали финансами, Франкель—трудом и торговлей, Тейс—почтой, которую он нашел в совершенно запущенном состоянии и заново ее организовал; Фонтэн заведывал телеграфом, Камелина монетным делом и Комбо прямыми налогами. Это были все деловые посты, правительственные же, в собственном смысле этого слова, были в руках мелкобуржуазных радикалов и бланкистов.

1-го апреля Тьер прервал почтовые сношения Парижа с провинцией. 2-го апреля произошло первое столкновение между парижскими и версальскими войсками при Курбевуа. Версальцы были нападающей стороной. Коммуна объявила Тьера, Фавра, Пикара и их товарищей находящимися под судом и наложила арест на их имущество. Версальцы возмутительно обращались с пленными, пленные регулярные солдаты были все расстреляны, и национальные гвардейцы также большей частью подверглись расстрелу. Эта знатная шайка версальцев, Галлифе, торговавший своей собственной женой, Тьер и Жюль Фавр со своими женами смотрели на казни, как на зрелище. Коммуна постановила в будущем платить тем же; тогда кровожадный, но трусливый Тьер прекратил на время свои зверства; убедившись же, что это постановление Коммуны было пустой угрозой, он опять стал производить массовые расстрелы пленных. После этого Коммуна взяла в плен в качестве заложников архиепископа парижского и нескольких священников.

Совершенно верно замечает Лиссагарэ, что Коммуна проглядела самых «настоящих заложников»: если бы она захватила банк, поземельные кадастры, ипотечные банки, казначейство, то в ее руках оказался бы весь жизненный нерв буржуазии. Все серьезные восстания должны бы начаться захватом главного жизненного центра врага, его кассы, а Коммуна, уничтожившая бюджет религиозного культа, стояла беспомощно перед бюджетом всей буржуазии, тогда как ей стоило только протянуть руку, чтобы взять его. Банк, который версальцы считали пустым, имел около трех миллиардов денег, из них один миллиард наличными. 29-го марта Белэ явился в парижский банк просить поддержки для уплаты жалованья служащим. Управляющий банком вооружил служащих, чтобы оказать сопротивление в случае насилия, которое он ожидал. Вскоре, однако, он заметил, что дело обстоит вовсе не так плохо, и вполне согласился с тем, что Белэ, как уполномоченный Коммуной, интересуется делами банка. «Помогите мне спасти это», воскликнул он, «здесь находится все состояние Франции, без него немыслимы ни промышленность, ни торговля, и Франция при-

нуждена будет обанкротиться». Прудонисты в Коммуне забыли, что их учитель поставил уничтожение банка во главу своей революционной программы, и поддержали Белэ против своих более энегичных коллег *). Расходы Коммуны требовали ежедневно 675.000 франков, чтобы оплатить служащих, прокормить 250.000 человек и вести войну. Чтобы покрывать эти расходы, Коммуна раньше всего обратилась к доходам правительственных учреждений: почты, телеграфа, пошлин, прямых налогов, табачной монополии, железных дорог и т. д., и к банку прибегла только тогда, когда этих доходов оказалось недостаточно. Из обоих этих источников Коммуна взяла за время от 20-го марта до 30-го апреля 26 миллионов, за время от 1-го мая до своего падения—еще 20 миллионов. Из всего бюджета Коммуны в 46 миллионов, большую часть которого поглотила война, банком внесено было свыше 16½ миллионов; из них 9½ миллионов принадлежали городу Парижу **).

Белэ, старейший член Коммуны, бывший ее представителем в парижском банке, имел несколько другие взгляды на интересы Коммуны по отношению к французскому банку ***). По его мнению, сохранение общественного доверия было для банка вопросом жизни, и всякий поступок, подрывающий это доверие, наносил непоправимый удар самому существованию банка. Занять банк батальоном национальной гвардии значило, по мнению Белэ, совершенно подорвать к нему доверие. Благодаря такой мере, ценность банковых билетов упала бы до ценности ассигнаций. А так как Коммуна, по его мнению, пользовалась кредитом у банка, то дискредитировать банк актами насилия было равносильно самоубийству. Банк должен был остаться нейтральным, быть далеким от всякой политики и заниматься только своими делами ****). Белэ удалось убедить Коммуну и ее исполнительную комиссию в правильности своих взглядов, и все согласились с тем, что Белэ один, без всякой вооруженной силы, должен исполнять свои обязанности представителя Коммуны в банке. Конечно, нет ничего удивительного, что

*) Лиссагарэ, «Histoire de la Commune», стр. 212.

**) Там же.

***) См. Beslay, «Mes Souvenirs», стр. 383—430.

****) Замечательно, что этот взгляд разделяли и сами руководители банка. Лиссагарэ рассказывает («Histoire de la Commune», стр. 119): «19-го марта Варлен и Журд были назначены заведывать финансами. Они нашли в министерстве 4.600.000 франков. Ключи от шкапов были в Версале и они не решались их взломать. Тогда они на следующий день отправились к Ротшильду просить кре-

в лице второго управляющего банком, некоего Плека, он нашел себе горячего сторонника своих взглядов, тем более, что он ему обещал в интересах Коммуны и банка своей властью воспрепятствовать всякому вооруженному вмешательству. Уже 8-го апреля Белэ представился случай добросовестно провести свой взгляд на практике, так как «некоторым начальникам национальной гвардии пришла «фантазия» занять банк вооруженным отрядом». Он исполнил свое обещание. А также, когда через несколько дней Ле-Мусю, полицейский комиссар того квартала, хотел занять банк под предлогом домашнего обыска, Белэ его резко устранил и вместе с тем сложил с себя звание представителя Коммуны в банке, ссылаясь притом еще на свою болезнь. По общему настоянию он взял обратно прошение об отставке и еще 23-го мая, когда версальцы два дня уже были в городе, он выхлопотал 500.000 фр. для комитета общественного благосостояния.

Вопрос о том, чья точка зрения была правильнее, Белэ или Лиссагарэ, зависит от взгляда на сущность и цели Коммуны. Если видеть в Коммуне социальную революцию, которая должна была привести к полному крушению буржуазии, то рассуждения Белэ, который, между прочим, был близким другом Прудона *), окажутся н е о с н о в а т е л ь н ы м и и мещанскими. Если же отнестись отрицательно, как это совсем недвусмысленно делает Белэ, к революционной политике Коммуны и смотреть на нее только, как на начало политической реформы, которая могла быть одобрена и буржуазией, то, конечно, нужно было почтительно охранять банк, как один из фундаментов буржуазного хозяйственного строя, менять который никто и не хотел. Для Лиссагарэ банк был боевой позицией, которую нужно было взять, для Белэ это было просто кредитное учреждение. Белэ пришлось пережить еще скверный момент, когда господин Плек охарактеризовал его перед комиссией по делу 18 марта, как утописта, «фантазии которого противоречили простому здравому смыслу». Ясно, что буржуа

дита. Им был оказан таковой в размере одного миллиона. Управляющий банком, принимая их, сказал: «Я не смею высказываться о происходящих событиях. Французский банк не занимается политикой. Вы фактически представляете собой правительство, и банк дает вам сегодня миллион. Вы должны только упомянуть в своей расписке, что эта сумма взята в счет города». Коммуна не воспользовалась ни этими 4,6 миллионами, ни другими 214 миллионами, бывшими в билетах. (Лиссагарэ, «Histoire de la Commune», стр. 241)

*) Beslay, «Mes Souvenirs», стр. 371.

Плек отлично понимал свое дело и свой класс, Белэ же не понял значения Коммуны.

Так же решительно, как с банком, Коммуна вела себя и с официальными буржуазными архивами за время от 1789 г. Контрольная палата раскрывала перед ней все тайны официальных обманов, государственный совет—все секретные дела деспотических правительств, полицейское правление—все темные делишки властей, а все европейские кабинеты дрожали при мысли, что могут раскрыться все документы по «иностранным делам». Можно было раскрыть глаза народу на всю закулисную историю Великой революции, Директории, первой Империи, июльской монархии, правительства 48-го года и Наполеона III. Нужно было только дать этим документам увидеть свет. Вместо того опубликовали только два или три «дела» *).

Наиболее энергичные революционные элементы находились в центральном комитете. Варлен поэтому настаивал на сохранении его прежнего значения рядом с Коммуной. Хотя центральный комитет устранялся от всякой политической деятельности и хотел быть только главным управлением национальной гвардии, он, однако, оказывал значительное влияние на ход дел своими блестящими воззваниями, с каждым днем все более проникавшимися духом социализма. Эти прокламации все определеннее указывали, что происходящая борьба является борьбой социальных сил, и старались выяснить скрывавшийся за муниципальным вопросом современный сфинкс социальной класовой борьбы **).

Сначала Коммуна встретила довольно благоприятный прием. В Париже к Коммуне сочувственно отнеслись даже некоторые группы крупной буржуазии. Национальный союз торговых камер, состоявший из крупных промышленников и купцов, высказался в пользу свободной республики и за муниципальные свободы Парижа. В то же время интеллигенты, профессора, врачи, адвокаты, техники, студенты, распространили в массах манифест, в котором они требовали автономии Коммуны и федерации коммун. Одна часть прежних мэров и их помощников основала «лигу республиканского союза» в защиту прав Парижа, т. е. права его на самоуправление и исключительного права национальной гвардии на военную защиту города. Версальское национальное собрание со

*) Лиссагарэ, «Histoire de la Commune», стр. 259.
**) Там же, стр. 178, 210.

всех сторон получало требования заключить мир с Парижем, признать коммунальные свободы и объявить себя распущенным, так как его полномочия окончились. В Лионе, Тулузе, Нарбонне, Марселе, С.-Этьене, Гренобле и Авиньоне после коммунальных выборов в Париже дело дошло до открытого восстания, но оно было подавлено военной силой. Чтобы ослабить всеобщее недовольство, Тьер вынужден был назначить общинные выборы во всей стране на 30-е апреля, и во всех больших городах они были неблагоприятны для версальцев. Вновь избранные общинные советы больших французских городов решили в противовес самозванному версальскому собранию созвать конгресс патриотической лиги республиканских городов. Правительство запретило этот конгресс и объявило всю страну в осадном положении.

В течение всего апреля война между Парижем и Версалем велась с переменным счастьем. Рядом с этим делались попытки к примирению, исходившие главным образом от вышеуказанных буржуазных групп, к которым присоединились и масоны. Тьер лицемерно затягивал переговоры, а тем временем он провел в собрании закон, по которому право иметь выборного мэра распространялось только на города, имевшие не более 20.000 населения. Тогда национальный союз выпустил воинственное воззвание, в котором он грозил восстанием всего Парижа в защиту справедливых требований Коммуны. Муниципальный совет в Париже опубликовал отчет о мирных переговорах в «Journal Officiel». Через несколько дней франкмасоны окончательно примкнули к Коммуне, торжественно отпраздновали свое присоединение, братаясь с коммунарами, и водрузили свои знамена рядом с красным знаменем Коммуны на стенах Парижа. Республиканский союз департаментов на массовом собрании 30-го апреля, на котором присутствовало 15.000 человек, опять заявил о своем присоединении к Коммуне *).

После дополнительных выборов 16 апреля Коммуна обратилась к стране с изложением своей программы. Вместе с тем она реформировала свою организацию. Исполнительная комиссия была распущена и заменена девятью комиссиями уполномоченных, между которыми была распределена вся работа. Продуктивнее всех рабо-

---

*) Эти департаментские группы обязались пропагандировать идеи Коммуны в своих родных провинциях путем циркуляров, воззваний и делегатов. Эта мысль принадлежит Мильеру, который теперь целиком отдался движению.

тали те комиссии, во главе которых находились члены Интернационала, особенно же комиссия торговли и труда, состоявшая из одних революционеров-социалистов. Франкель, бывший во главе ее, предпринял ряд реформ в общественной службе, а также в отношениях труда и капитала; он учредил статистическое бюро труда и бюро приискания работ, запретил ночную работу пекарей, лишил предпринимателей права налагать на рабочих денежные штрафы и учредил комиссию, которая должна была взять в свое заведывание закрытые фабрики и заводы. Наконец, он проектировал установление среднего расходного бюджета, которым и должна была определяться заработная плата; для этого должна была быть выбрана комиссия из представителей рабочих, предпринимателей и уполномоченных от министерства торговли.

Во второй половине апреля соотношение сил обеих армий стало заметно меняться. В начале апреля Тьер имел не больше 50.000 человек; 25-го апреля его армия насчитывала уже 130.000 солдат. Этого, конечно, было еще недостаточно, чтобы обеспечить версальцам окончательную победу. Никто не знал этого лучше... Бисмарка, который тотчас же, как стали известны результаты общинных выборов, предложил Тьеру прислать во Франкфурт уполномоченных для выработки окончательного мирного трактата. Во Франкфурте Бисмарк потребовал сокращения сроков уплаты военных издержек и дальнейшей оккупации парижских фортов прусскими войсками, с другой стороны, он заявил о полной своей готовности отпустить из плена наполеоновскую армию для разгрома Парижа, и если понадобится, то оказать помощь и немецкими войсками. Тьер и его уполномоченные ухватились за это обеими руками: 10-го мая мирный трактат был подписан, а 18-го мая был утвержден национальным собранием.

Еще последняя попытка к примирению была сделана провинцией. Делегаты от муниципальных советов Лиона, Лилля, Марселя и Гавра явились во второй половине апреля к Тьеру предложить свое посредничество, но Тьер упорно не соглашался на самоуправление городов. В национальное собрание было внесено предложение вступить в переговоры с Коммуной, но оно было отвергнуто. 8-го мая, когда соглашение с Бисмарком состоялось, Тьер сразу прервал все переговоры и предъявил парижанам ультиматум, в котором он предлагал им свергнуть «тиранию» Коммуны. Коммуна в насмешку велела расклеить это воззвание на улицах Парижа, и комитет общественного благосостояния, образовавшийся

1-го мая, выпустил декрет, что имущество Тьера конфискуются и его дом должен быть сравнен с землей. В этом комитете, состоявшем из пяти лиц, заправилой был бланкист Ранвье.

Уже на последней неделе апреля месяца происходили стычки за обладание фортом Иси. 8-го мая стало невозможным далее держаться, и форт был взорван коммунарами. Раздоры, возникшие между членами самой Коммуны по вопросу о виновности вождей в этой неудаче, повели к образованию нового комитета благосостояния, в который вошли бланкисты Ранвье и Арно, а также Гамбон, Эд и Делеклюз. И этот комитет работал так же неудачно, тем более, что само существование его вызвало раскол в Коммуне. 18 членов Коммуны и центрального комитета, почти все принадлежавшие к Интернационалу, подали общий протест против учреждения подобного комитета, так как они увидели в этом отказ от настоящей социальной реформы, которая служила исходной точкой Коммуны *).

Версальцы в конце апреля имели уже 142.000 солдат, Коммуна же только 96.000 национальной гвардии, большей частью рабочих, сражавшихся очень храбро. 21-го мая версальцы проникли в город через один незащищенный пункт. Последовала восьмидневная кровопролитная борьба на улицах Парижа. Коммунары защищались отчаянно. Тьер приказал осыпать город гранатами, коммунары строили баррикады **). Они поджигали дома на своем пути, чтобы прикрыть свое отступление, многие здания загорались от бомб версальцев. Делеклюз отдал распоряжение, предоставлявшее право

---

*) См. Villetard, «Die Kommune», стр. 30, 35. Лиссагарэ, «Histoire de la Commune», стр. 317, а также стр. 127.

**) Последний номер «Journale Officiel» от 24 мая содержит последние приказы коммунальных властей. Комитет народного благосостояния отдал приказ, чтобы все окна в домах оставались открытыми и чтобы каждый дом, изъ которого будут стрелять по национальной гвардии, предавался немедленно огню. Вместе с тем комитет приглашал парижан строить баррикады и предоставил национальной гвардии право забирать повсюду жизненные припасы и средства к защите. В этом отчаянном положении центральный комитет напечатал еще мирное предложение версальцам, которое, впрочем, исходило от американского посланника в Париже, мистера Уошберна. Комитет благосостояния и центральный комитет выпустили даже воззвание к вступившим в город версальцам, в котором они обращались к их пролетарскому чувству. Коммуна, повидимому, познала всю подлость буржуазии только после своего падения.

начальникам баррикад сжигать дома по сторонам, если это могло, по их мнению, способствовать продлению борьбы или отражению нападающих. Это утверждает Белэ, который лично был решительно против поджогов *). Таким образом, подтверждается заявление генерального совета, что поджоги, совершавшиеся по приказанию Коммуны и, таким образом, падающие на ее ответственность, преследовали только цели самообороны и находят себе полное оправдание согласно правилам военного времени. 27 мая Винуа разгромил кладбище Пер-Ла-Шез; 29-го сдался Венсенский форт. Коммуна была побеждена, «цивилизация» торжествовала, в Париже был восстановлен «порядок».

Даже ужасы июньской битвы—ничто в сравнении с восьмидневной бойней, устроенной вандалами-версальцами под предводительством Тьера и его шайки; не щадя ни пола, ни возраста, целыми потоками пролетарской крови удовлетворяли они своей жажде мести. На Монмартре один офицер генерального штаба версальцев приказал поставить рядом и расстрелять 42 мужчин, 3 женщин и 4 детей на том месте, где были застрелены Леконт, и Клеман Тома, чтобы «вознести жертву памяти убитых генералов». Избиения пленных, раненых, женщин и детей—таковы были подвиги версальцев; рядом с этим они предавались грабежу, напивались пьяными и под влиянием винных паров продолжали свои разбои. Защитники баррикад были часто без оружия, по нескольку дней без пищи; на улицах Парижа происходила простая охота на людей. Цинизм версальцев дошел до того, что они сделали фотографические снимки с этих ужасных сцен, чтобы сохранить их и в мирное время. Кто хочет познакомиться с буржуазной «цивилизацией», кто хочет узнать всю грубость, бессмысленную жестокость и низость этого класса, трусливее, подлее и свирепее которого нет на свете,—пусть тот обратится к истории майских дней в Париже. Среди всех ужасов всемирной истории, со времен Суллы и разрушения Иерусалима до взятия Магдебурга и Варфоломеевской ночи, нельзя найти ничего подобного этой массовой бойне, устроенной буржуазией. Жажда мести Мак-Магоновских преторьянцев нашла себе удовлетворение в целых потоках крови, в утонченном мучительстве пленных, избиении подозрительных. Более 5000 коммунаров было взято в плен у кладбища Пер-Ла-Шез и отведено в ля-рокетскую тюрьму; здесь батальонный командир

---

*) См. Beslay, «Mes Souvenirs», стр. 412—413.

распределил одних направо, других налево; последние были все расстреляны, их было более 1900 человек. Такие же бойни были устроены в Мазасской тюрьме, в военной школе, в парке Монсо и в Люксембурге, где вся стена была забрызгана мозгами застрелянных. В театре Шателе полковник Вабр устроил военный суд. Допрос продолжался четверть минуты; пленных «распределяли» по одному внешнему виду, не разбирая мужчин, женщин, детей и стариков; «осужденных» тут же отправляли на ближайший двор или сад, где отряд жандармов их расстреливал. Такие же организованные избиения происходили в казарме Дюпле, в лицее Бонапарта, на северном и восточном вокзалах, в ботаническом саду, во многих мэриях и казармах. Женщины и дети, кормильцев которых расстреляли, кричали солдатам: «Убейте уж и нас!»—и их убивали. Трупы нагружались в большие телеги и отвозились куда-нибудь поблизости. «Нужно устроить облаву на коммунаров», советовала газета «Bien Public». Буржуазная пресса называла коммунаров не иначе, как разбойниками и бандитами, и поощряла войско в его зверствах. Только, когда вонь от трупов сделалась невыносимой, буржуазия потребовала прекращения убийств. Однако, массовые избиения продолжались еще до начала июня, а смертные приговоры по сокращенному судопроизводству, до середины июня. В одном Париже было, таким образом, убито 20.000 человек.

Постепенно простые массовые избиения заменились «законными» смертными приговорами военных судов. С 21-го по 30-е мая арестовали 40.000 человек всякого возраста и пола, в том числе и матерей с грудными детьми. Под палящими лучами солнца в кандалах они шли под сабельными ударами кавалеристов в Версаль, где их, как диких зверей, поместили в товарных складах. Тысячи раненых умирали от заражения крови, пленных держали впроголодь, сумасшествие сделалось эпидемическим. По соседству на Саторийском поле производились также массовые казни. С июня до сентября действовали военные суды, осудившие 28.000 человек, из которых половина была приговорена к ссылке, заключению в крепости и тюрьме. Обращение с несчастными заключенными было самое варварское. В женской тюрьме, где содержались 800 женщин, их подвергали личным обыскам; к ним посадили публичных женщин, чтобы шпионить за ними; и «спасители порядка»—версальцы на глазах у всех устраивали оргии с этими отребьями рода человеческого. Так же зверски обращались с пленными детьми. Один бригадир ударил мальчика в живот так, что внутренности

выпали. Десятилетний сын Ранвье был избит до полусмерти за то, что он отказался указать место нахождения своего отца.

В августе разбирался сенсационный процесс против случайно уцелевших в этой кровавой бойне известных членов Коммуны: Ферре, Асси, Журда, Паскаля, Груссе, Курбэ и 11 других членов Коммуны, а также двух членов центрального комитета. Военный суд состоял из бонапартистских офицеров. Седан и Мец были судьями Парижа. Приговаривали только к смерти и пожизненной ссылке. За этим процессом следовал еще целый ряд таких же массовых процессов в течение целого года, даже осенью 1876 года еще судили захваченных коммунаров. Многих после суда до исполнения смертного приговора еще целыми неделями мучили в тюрьмах. Так, например: Россель и Ферре были расстреляны только 25-го ноября. Когда расстрелы кончились, начались ссылки; многие тысячи были приговорены к «сухой гильотине», т. е. к пожизненной каторге. Всего осуждено было 13.500 человек, в том числе 170 женщин и 60 детей.

Справедливость требует упомянуть здесь о поведении членов Интернационала в этой последней борьбе Коммуны. Из более известных лиц ответственные должности занимали во время штурма Парижа Варлен, Белэ, Тейс, Камелина и Авриаль. Варлен во время борьбы Коммуны был гражданским уполномоченным при военном министерстве. Когда был убит Делеклюз, Варлен взял на себя его обязанности. Он отступал с баррикады на баррикаду, поощряя и воодушевляя коммунаров своим примером. Еще после полудня 27-го мая он руководил военными действиями в Бельвиле, где он сосредоточил последние попытки к сопротивлению. Существует еще его приказ, напечатанный в «Daily News», который гласит следующее: «27-го мая 1871 г., 2 часа 36 минут пополудни. Приказ по сбору. Генерал-марш. Батальоны стягиваются. Гражданский уполномоченный для войны Варлен». Только 28-го мая, в воскресенье, Варлен был взят в плен, и его притащили к коменданту Монмартрского холма. Он отправил его на улицу де-Розье для расстрела; его туда потащили под градом ударов и ругательств; на голову его сыпались непрерывно сабельные удары, ему вышибли один глаз, в конце его пришлось нести на улицу де-Розье, где его в сидячем положении расстреляли и надругались над его трупом. О Белэ составилась даже легенда. Рассказывали, что 24-го мая он узнал, что в подвале Парижского банка спрятали 11 бочек с порохом, чтобы взорвать банк, при котором он состоял представителем

Коммуны; дело было ночью, он встал со сна, отправился в подвалы, открыл бочки и бросил содержимое в колодец. Версальцы будто бы усмотрели в этом свидетельство «порядка» и в благодарность за «спасение» банка предоставили ему возможность бежать невредимым из Франции *). Сам Белэ ничего подобного не рассказывает. С 21-го мая Белэ поселился в самом банке по приглашению Плека, который был, конечно, заинтересован в этом. 23-го мая комитет народного благосостояния потребовал от банка 500.000 франков и в крайнем случае готов был военной силой поддержать это требование, если оно встретило бы затруднения со стороны банка. Белэ лично поручился председателю комитета, что он немедленно доставит деньги, чем и отвратил вмешательство военной силы. Требуемая сумма тотчас же была выдана. После ареста других членов Коммуны, Белэ сам явился к генеральному прокурору и к Тьеру, но они не дали хода делу, и он спокойно бежал в Невшатель **). Такова настоящая подкладка этой легенды. Тейс заведывал почтой и своим вмешательством отвратил поджог почты, ему удалось бежать из Франции, и мы встретимся еще с ним в Лондоне. Камелина, директор монетного двора, также спас последний от поджога. То же самое впоследствии показал Толен перед комиссией и об Авриале и одном переплетчике Л..., имя которого не удалось установить. С деятельностью комитета народного благосостояния члены Интернационала в Париже были вообще не согласны. На собраниях Интернационала был выражен протест против запрещения комитетом некоторых газет и было постановлено поддержать меньшинство Коммуны против комитета. Насколько возможно проследить деятельность отдельных членов, видно, что они были далеки от всяких насилий, хотя это было бы вполне простительно. Но вместе с тем они ни минуты не колебались, чтобы заявить себя солидарными с Коммуной.

Падение Коммуны было для Интернационала во Франции исходным моментом для духовного перерождения рабочего движения. Тактика Белэ и Толена с их товарищами, несмотря на их личную порядочность и благие намерения, самым ясным образом доказала всю теоретическую и практическую несостоятельность прудонизма. 16-го июня 1871 года Толен громогласно заявил в палате о своем отвращении к «поджигателям-коммунарам»; в это же время

---

*) См. Rudolph Meyer, «Emanzipationskampf», II, стр. 651.
**) См. Beslay, «Mes Souvenirs», стр. 410, 411.

в Париже состоялись три собрания членов Интернационала, на которых они снимали с себя всякую ответственность за поджоги и рекомендовали на выборах поддержку радикальных кандидатов. Несмотря на все эти демонстративные заявления, тогдашним членам Интернационала не удалось предотвратить исключительный закон против Интернационала во Франции, который, действительно, нанес последний смертельный удар прудонизму. Еще на национальных конгрессах 1876 года в Париже и 1878 года в Лионе прудонисты имели перевес; годом позже в Марселе новое направление, примкнувшее к коллективистским и политическим резолюциям последних конгрессов Интернационала, получило большинство, и было положено начало организации «рабочей партии», которая написала на знамени французского рабочего движения политическую организацию пролетариата, как класса, завоевание политической власти и социализацию общества.

После падения Коммуны международная буржуазия открыла бесчестный клеветнический поход против Коммуны. Мало было насилиями и убийствами искоренять «крамолу», нужно было еще заклеймить Коммуну, как преступницу, по сравнению с которой Тьер, Жюль, Фавр и другие кровопийцы могли бы считать себя «приличными» людьми. Единственный упрек, который можно действительно с некоторым правом бросить Коммуне, это казнь заложников. Когда Коммуна билась в предсмертных судорогах, кучка отчаявшихся людей расстреляла заложников. Повидимому, это произошло не по вине Коммуны. А если бы даже и по ее вине, то ведь это положительно ничто в сравнении с морем пролетарской крови *), преступно пролитой буржуазией в отместку за святотатственное покушение на ее святая святых, на ее классовое господство.

Однако, буржуазии нечего было радоваться своей победе над Коммуной. Она не могла стереть пролетариат с лица земли и только создала себе непримиримого смертельного врага в лице своего же народа, силы которого растут с каждым днем. Проле-

---

*) Жертвы Коммуны выражаются по подсчету Лиссагарэ в следующих цифрах: 25000 мужчин, женщин и детей, убитых в майские и ближайшие последующие дни; 3000 умерших от болезней в тюрьмах, крепостях и на каторге; 13700 осужденных, большей частью, на пожизненное заключение; 70000 женщин, детей и стариков, лишенных своих кормильцев. Всего 111000 жертв. Таковы итоги мести буржуазии за революцию 18 марта.

тариат познал буржуазию и самого себя; он многому научился и ничего не забыл.

«После Троицы 1871 г. не может быть никакого мира и даже временного прекращения борьбы между французскими рабочими и собственниками продуктов их труда». Это в равной степени приложимо ко всему земному шару, так как «французские рабочие представляют только авангард всего современного пролетариата». Коммуна не погибла, она живет в памяти и надеждах пролетариата, так как Коммуна были диктатурой пролетариата так же, как разнузданное зверство версальцев было выражением диктатуры буржуазии.

IV.

РАСПАДЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА И НОВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

От падения Коммуны до второго Женевского конгресса.

1871—1873 г.г.

Падением Коммуны закончилось великое европейское движение, начавшееся взятием Бастилии. Буржуазия завоевала весь мир, основала национальные государства и взяла в свои руки бразды правления с такой уверенностью, как будто бы она испокон веков обладала силой и правом и навеки сохранит их. Между тем она только заменила власть одного класса господством другого. За восемь десятков лет, понадобившихся буржуазии, чтобы стать у власти, ее прежний союзник, пролетариат, отделился от нее и тем решительнее обратился против нее, чем резче проявились ее классовые инстинкты. Парижская Коммуна была громогласным объявлением войны между буржуазией и пролетариатом; старая Коммуна 1793 года, Коммуна буржуазно-пролетарского союза против феодальной Европы, погибла в развалинах Коммуны 1871 года. Пылающий Париж открыл глаза пролетариату всего мира на ту глубокую пропасть, которая образовалась между буржуазией и рабочим классом *), и шумная радость господствующих классов, торжествовавших победу, была омрачена раздавшимся впервые боевым кличем: «Война дворцам, мир хижинам, смерть нужде и праздности!».

Парижская Коммуна провела пограничную черту в истории рабочего класса. «Парижская борьба начала собой новую фазу

*) Даже Белэ говорит, что только после того, как последние дни Коммуны наглядно показали всю глубину пропасти, зиявшей между буржуазией и народом, стало ясно, что примирение между Версалем и Парижем было только неосуществимой мечтой. «Mes Souvenirs» стр. 372.

в классовой борьбе рабочих с капиталистами и их государством. Как бы ни развивались дальше события, но мы получили новую точку опоры, имеющую всемирное историческое значение». Так говорил Карл Маркс в письме к Кугельману от 17 апреля 1871 года *). Коммуна сразу поставила неподготовленный рабочий класс лицом к лицу с необходимостью политической борьбы и притом с самой сложной ее формой—вооруженной борьбой. Коммуна вручила пролетариату оружие, и он геройски пошел с ним в этот отчаянный бой, так как он чувствовал, что дело идет о чести его и всего рабочего класса и что даже полное поражение следует предпочесть деморализации рабочего класса, которую несомненно повлек бы за собой отказ от борьбы. События захватили пролетариат врасплох; его организация еще не была на той высоте, какая требовалась настоящим критическим моментом. Деятельность Интернационала до сих пор ограничивалась одной только экономической борьбой. Падение Коммуны выдвинуло властное требование организации рабочего класса в политическую партию, это стало исторической необходимостью. Лондонская конференция и гаагский конгресс формулировали это требование.

До Коммуны Карл Маркс думал, что центром будущей европейской революции будет Лондон. Он думал, что если бы даже революция вспыхнула на континенте, в Париже, то она тотчас же перебросилась бы в Англию и повела бы там к таким переменам, которые должны были бы воздействовать на весь мир. Поведение английского рабочего класса и его вождей убедило теперь Карла Маркса, что он переоценил влияние экономической зрелости Англии на идеологию ее пролетариата. После седанской катастрофы он высказал свое мнение, что продолжение войны переместит центр тяжести рабочего движения на континенте из Франции в Германию.

Так намечался дальнейший путь классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Коммуна огненными буквами начертала пролетариату путь к политической классовой организации. Перемены, совершившиеся в Европе, переместили центр тяжести европейского равновесия из Парижа в Берлин и Петербург, и здесь должны были решаться и судьбы классовой борьбы в ближайшие десятилетия. Вместе с тем буржуазное общество само открыло пролета-

*) «Neue Zeit» XX¹, стр. 710.

риату путь к политической борьбе, вынужденное дать ему гражданские политические права, в том числе избирательное право.

Для Интернационала основание буржуазных национальных государств должно было неизбежно послужить поводом его диференциации. Переход к новым методам борьбы вызвал раскол. Правда, Интернационал сам провозгласил необходимость политической борьбы, но это было только в теории, на практике же его деятельность ограничивалась одной экономической борьбой, политическая же борьба являлась для него чем-то новым, и необходимость организоваться в политическую партию встретила крайнее недоверие, особенно в романских странах, где пролетариат понес столько поражений в политической борьбе. Это недоверие нашло себе выражение в определенных теоретических положениях, сделавшихся моментом раздоров в Интернационале и подавших повод к его дезорганизации, что было на руку некоторым людям с явно разрушительными тенденциями. Они не постеснялись воспользоваться даже национальной и расовой враждой, чтобы оклеветать и навлечь подозрение на идею политической борьбы и защитников этой идеи. Национальные несогласия еще раз одержали на короткое время верх над интернациональной идеей.

Но идея Интернационала не погибла. Даже отколовшиеся организации лелеяли мысль самим превратиться в Интернационал, т. е. основать новый Интернационал. Но сами эти организации были мертворожденные: они отвергли единственно правильную форму организации—политическую партию, и этим обрекли себя на дезорганизацию, анархию и разложение. Настоящий новый Интернационал должен был начать с того, на чем остановился старый Интернационал: с постановлений базельского и гаагского конгрессов, требования завоевания пролетариатом политической власти и введения коммунизма.

Немецкий пролетариат пошел по этому пути впереди всего рабочего класса, в истории которого время старого Интернационала составило блестящую страницу. Французское рабочее движение, похоронившее свой прудонизм под развалинами парижской Комсоставило блестящую страницу. Французское рабочее движение, в форме политической партии; в 1882 г. была основана во Франции «рабочая партия» (Partie Ouvrier). В 1885 г. образовалась в Бельгии рабочая партия; в 1887 г. была восстановлена социал-демократическая партия в Швейцарии, а в 1888 году последовало основание рабочей партии в Испании. Так как Германия, Австро-

Венгрия, Голландия, Дания и Швейцария остались верны направлению старого Интернационала, то преемственная связь сохранилась. На интернациональном конгрессе в Париже в 1889 году были представители пролетариата от всех стран. В 1892 г. в Италии также образовалась социалистическая рабочая партия. Интернационал возродился опять.

После падения Коммуны.

Одно время казалось, что падение Коммуны должно было повлечь за собой и гибель всего Интернационала. Европейская реакция, еще долгие годы находившая себе пищу в военных процессах против коммунаров, открыла целую клеветническую кампанию против Интернационала, и казалось, что этой кампании конца-краю не будет *). Европейские правительства одно время имели серьезное намерение выступить, по примеру французских политиканов, с исключительными законами против Интернационала, и казалось, были склонны к тому, чтобы выдать парижскому кровожадному военному суду бежавших коммунаров в качестве уголовных преступников. Ко всему этому прилив французских эмигрантов дал новую пищу внутренним раздорам, имевшим место в Интернационале.

Контр-революция в Европе предприняла целый поход против Интернационала. Жюль Фавр разослал французским посланникам циркуляр, в котором он рисует Интернационал в самых отвратительных красках. К сожалению, он в нем ссылается на программу бакунинского союза «Алльянса», а не на программу Интернационала. Против этого низкого и глупого подлога Джон Хэльс, по поручению генерального совета, напечатал через несколько дней

---

*) В этих клеветнических нападках принял живое участие, по старой привычке, занимавшийся этим уже после июльской революции Мадзини в статье напечатанной им в «Contemporary Review». Его примеру последовал и бывший секретарь Мадзини, Вольф, в статье «Daily News». Разоблачения Коммуны выяснили, что Вольф состоял французским полицейским шпионом (см. «Eastern Post» от июля 1871 г.). Мадзини за свою клевету подвергся сильным нападкам со стороны Гарибальди в открытом письме в печати; многие рабочие союзы отказались от Мадзини («Eastern Post» от 28 октября 1871 г.).

опровержение в «Eastern Post» *), «Times» и всех других больших газетах Англии и на континенте, какие были доступны генеральному совету. Даже европейские кабинеты, кроме Испании, не дали хода лживому измышлению этого круглого невежды. Озлобленное этим разбойничье версальское правительство издало жестокий исключительный закон против Интернационала; осадное положение, объявленное во всей стране, казалось ему еще недостаточным. Французские политики, по своей прошлой жизни сами вполне достойные каторги, прилагали все старания, чтобы добиться от всех правительств выдачи бежавших коммунаров, как уголовных преступников, виновных в «убийствах и поджогах». Единственным результатом этих происков было продолжительное предварительное заключение обвиняемых. Так было в одном случае в Швейцарии, что повлекло за собой оживленные протесты. Адрес союза Грютли напоминал союзному совету о святости права Швейцарии служить убежищем для всех политических эмигрантов. Даже в Англии были сделаны робкие попытки добиться от правительства выдачи эмигрантов.

С большими денежными затратами, которых потребовала эмиграция, Интернационал еще был в состоянии справиться. Большинство эмигрантов направилось в Лондон и Женеву, эти центральные пункты Интернационала. Многочисленные денежные переводы и рекомендательные письма Маркса к Юнгу, сохранившиеся до сих пор, свидетельствуют о том напряжении, которое делал генеральный совет, чтобы поддержать эмигрантов на первое время и по возможности помочь им устроиться. Дело не обошлось, конечно, без пререканий и подозрений. В Лондоне и Женеве колонии эмигрантов превратились со временем в очаги всяких ссор и дрязг. Такова неумолимая судьба всех эмигрантов. Людям от природы свойственно при всякой неудаче сваливать свои промахи и свою вину на других. Таким образом, эмигранты вскоре же превратились в новый фермент брожения в Интернационале.

В Женеве больше других выдвинулся Малон, окруженный теперь ореолом мученичества и своим «авторитетом» старавшийся поддержать бакунинский «Алльянс», одним из основателей кото-

---

*) «Eastern Post» была местным радикальным органом лондонского, именно пролетарского Ист-Энда, и некоторое время была органом генерального совета и английского федерального совета. После раскола в федеральном совете эта газета перешла в антимарксистский лагерь.

рого он был сам. Секция Альянса в Женеве прибегла теперь к другой тактике; так как все очевиднее становилось, что другие женевские секции ее совсем не признают, то она в августе 1871 г. объявила себя распущенной, и члены ее поодиночке вступили в различные женевские секции *). Однако, чтобы иметь опору в какой-нибудь организации, они побудили французских эмигрантов основать «секцию социалистической революционной пропаганды и деятельности», которой они хотели воспользоваться, как лазейкой. В первом параграфе своего устава эта секция объявляет себя солидарной с генеральным уставом Интернационала, сохраняя, однако, за собой полную свободу действий на основании принципа автономии и федеративности, признанного уставом Ассоциации и конгрессом. Другими словами, она сохраняла за собой право продолжать дело Альянса, только под другим названием. Новым письмом Малон в третий раз требовал от генерального совета приема секции в организацию Интернационала. Генеральный совет на основании резолюции базельского конгресса обратился с запросом к женевскому федеральному совету, последний же самым решительным образом высказался против приема этого нового «очага интриг и дрязг». Тогда генеральный совет счел себя вправе не навязывать целой федерации излюбленного детища Малона и его товарищей и отказал в приеме **). Живое изображение похождений Альянса и эмигрантов в Женеве дает письмо Беккера от 1-го декабря 1871 г., которое мы печатаем в приложении.

Французская секция в Лондоне причинила также не мало хлопот генеральному совету. Уже в 1868 году там появился Феликс Пиа, полусумасшедший любитель сильных ощущений; на публичном митинге французской секции Интернационала в Лондоне он приговорил к смерти Людовика Наполеона, в том же роде были и другие его выходки. Неприличный Везинье напечатал об этом случае в бельгийской газете «La Cigale», которая сама себя выдавала за орган Интернационала. Тогда генеральный совет в кратких словах заявил в «La Cigale», что Феликс Пиа ни в какой связи с Интернационалом не находится и даже не состоит его членом. После этого французская секция в Лондоне вышла из Интернационала, объявив с своей стороны Интернационал антиреволюционным обществом. Когда, два года спустя, многие члены Интернационала были аре-

---

*) «Les Prétendues Scissions», стр. 14, 15.
**) См. «Neue Zeit» XX, стр. 382.

стованы за мнимое подготовление покушения на Наполеона, парижский федеральный совет, а также генеральный совет в Лондоне еще раз опубликовали это опровержение. С началом войны французская секция прекратила свое существование, чтобы вновь появиться на свет в новом составе после Коммуны. Чтобы дать опять представительство французам в генеральном совете, последний принял в свою среду целый ряд эмигрантов, отчасти старых членов Интернационала, как Сералье, Тейс, занявший вскоре место казначея, Бастелик, Жоаннар, Лонге, отчасти же людей, прославившихся своей революционной энергией, избранием которых хотели отдать дань уважения Коммуне, таковы: Ровар, директор телеграфа при Коммуне, капитан Савию и капитан Разолерский, адъютант Домбровского, Роша, Ле-Мусю и Тибальди; далее бланкисты: Ранвье, Курне, Арно, Вальян, Маргерит и Мартен, остававшиеся верными генеральному совету до гаагского конгресса *), потому, будто бы, что генеральный совет казался им недостаточно революционным, на самом же деле потому, что Интернационал и генеральный совет не дали себя увлечь в рискованные бланкистские предприятия **). Осенью 1871 г. в Лондоне образовалась опять особая французская секция, назвавшаяся «секцией 1871 года»; она выбрала своим секретарем человека, которого генеральный совет публично признал шпионом французской полиции. Целью этой секции, составленной из самых сомнительных элементов,

*) L'Internationale et la Révolution á propos du Congres de la Haye par des réfugiés de la Commune. Ex-membres du Conseil Génèral de l'Internationale Londres 1872.

**) О бланкистах и их стремлениях Энгельс написал в «Volksstaat» несколько статей, которые потом «Volksstaat» издал вместе с другими его статьями под общим заглавием «Internationales aus dem «Volksstaat». Бланкисты по многим вопросам, особенно по вопросу о политической деятельности, были ярыми противниками бакунистов, однако, они имели и некоторые точки соприкосновения, как, например: в вопросе об атеизме, в склонности к конспиративным организациям и заговорам. До и во время Коммуны они держались в стороне от Интернационала, вместе с членами Интернационала они были самыми подвижными и энергичными защитниками Коммуны и самым передовым элементом в ней. Энгельс прекрасно характеризует их, как «революционеров прошлого поколения», они могли еще некоторое время итти вместе с генеральным советом, пока этому благоприятствовали обстоятельства, но не надолго, так как их деятельность не имела в своем основании никакой экономической подкладки.

было проникнуть в генеральный совет. Она выбрала двух членов в генеральный совет, но последний одного из них не допустил по личным мотивам, что повело к продолжительным пререканиям. Само собой понятно, что эта секция находилась в тайных сношениях с алльянсистами в Женеве и Юре, так как они выставили против генерального совета те же обвинения в нарушении устава, не претендуя даже на оригинальность. Впоследствии секция распалась на многочисленные мелкие группы, рукодоводителями которых явились Ландек, бывший французский шпион, и Везинье, которого еще женевский конгресс исключил за клевету против Варлена.

Тред-юнионы и Коммуна.

Отношение английских профессиональных союзов к Коммуне имеет гораздо большее значение, чем дрязги, происходившие в этих эмигрантских секциях. Существует мнение, будто положение, в которое стал генеральный совет по отношению к Коммуне, а главным образом, его манифест, изданный впоследствии под заглавием: «Гражданская война во Франции», вызвали собой уход многих английских тред-юнионов из Интернационала *), но это не более, чем укоренившийся исторический предрассудок и совершенно не соответствует истине. От генерального совета и Интернационала отвернулись только некоторые видные вожди тред-юнионов, которых Маркс еще в 1868 году охарактеризовал, как «интриганов, желавших попасть в парламент и ждавших только удобного предлога, чтобы пристать к либералам» **); таковы были Оджер и Лукрафт ***); вся масса же тред-юнионов осталась верна Интернационалу. Напротив того, из отчетов о заседаниях генерального совета, напечатанных в «Eastern Post» и потом в «International Herald», видно, что отношение между генеральным советом и тред-юнионами, особенно провинциальными, никогда не были более оживленными и близкими, чем в год после падения Коммуны.

---

*) См. Rudolph Meyer, «Emanzipationskampf» II, стр. 754.

**) «Neue Zeit» XX^2, стр. 191.

***) Макс Бах называет в числе этих тред-юнионских вождей также и Эппльгарта («Neue Zeit» XXI^2, стр. 26), но это неверно, так как Эппльгарт еще в 1872 году подписывал заявления генерального совета, «Prétendues Scissions» от 5 марта 1872 г., возражение против Cochrane от 17 апреля 1872 г. и манифест против Universal Federativ Council от 20 мая 1872 г.

Чем же, однако, объясняется уход из Интернационала как раз тех тред-юнионистских вождей *), которые с самого начала заседали в генеральном совете, были истинными представителями «нового тред-юнионизма» и больше всего отстаивали и пропагандировали идею Интернационала и необходимость политической деятельности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо принять во внимание тяжелый кризис, который переживал тред-юнионизм как раз весной и летом 1871 года, а также то положение, в которое вожди юнионизма, Оджер, Гоуэль и товарищи их, стали к массе тред-юнионов за последние 10 лет.

Было бы несправедливо по отношению к Оджеру и его товарищам, если бы мы им приписали одни только личные счеты из-за соперничества и соревнования с Карлом Марксом. Если подобные счеты и имели место впоследствии, то это вполне объясняется неудовлетворенностью, свойственной людям, изменившим делу, которому они сами посвятили многие годы своей жизни. Гораздо правильнее будет искать побудительные мотивы их внезапного ухода в их личном честолюбии. Оджер пять раз выставлял свою кандидатуру на парламентских выборах, Лукрафт сделался членом училищного совета **); возможно, что опасение за свою карьеру не мало повлияли на их уход из Интернационала. Правда, Эппль-

*) Уход Оджера и Лукрафта имел несколько своеобразный характер. Оба они знали, что на заседании 30-го мая должен был обсуждаться предложенный генеральным советом адрес по поводу Коммуны. Лукрафт даже был на предыдущем собрании 23-го мая, где он заявил о своем полном сочувствии Коммуне. Хотя на заседании 30 мая они отсутствовали, но никто не обратил на это особенного внимания, и генеральный совет, к сожалению, поместил и их имена под воззванием о гражданской войне во Франции. Когда же они увидели, что часть буржуазной прессы ополчилась против воззвания генерального совета, они придрались к формальному упущению, что их не спросили о согласии дать свою подпись, отказались от всякой ответственности за этот адрес и, таким образом, порвали с генеральным советом и Интернационалом. Оджер сделал это в публичном собрании в Ньюкэстле, а Лукрафт — в письме к генеральному совету. Выход их был принят единогласно, и было постановлено вычеркнуть их подписи под воззванием генерального совета. См. «Eastern Post» от 1 июля 1871 г.

**) В письме, напечатанном 26-го июня в «Daily News», которая в это время позволяла себе самые скверные выходки против Интернационала, ставилось Лукрафту на вид, что он, будучи одним из ответственных издателей манифеста генерального совета, заседает рядом с лордом Лауренсом в правительственной комиссии.

гарт имел тогда больше всего оснований порвать с Интернационалом: в 1870 году он был избран в королевскую комиссию для рассмотрения новых законов, и, таким образом, это был первый случай, когда король величал рабочего титулом «наш любезный верноподданный» *). Во всяком случае, для Оджера и его товарищей решающее значение имели чисто практические соображения, а именно — несколько, правда, преувеличенная боязнь за судьбу тред-юнионов, переживавших в это время тяжелый кризис. Здесь необходимо напомнить, что с 1867 года английские тред-юнионы вели борьбу за самое свое существование и за признание их законом, так как суд объявил их незаконными и отказывал им в защите их гражданских прав. В 1869 году парламент вынужден был издать закон, обеспечивавший, по крайней мере, охрану интересов касс профессиональных союзов, но полной легализации тред-юнионов не было. С 1867 года Оджер, Эппльгарт и их товарищи обратили объединеную конференцию профессиональных союзов в центральное учреждение для борьбы тред-юнионов за свою легализацию. Дело, однако, не обошлось без оппозиции в самих союзах. Умеренные и консервативные элементы в профессиональных союзах возлагали ответственность за угрозы существованию союзов со стороны судов как раз на самого Оджера с товарищами и на «новый юнионизм»; на конгрессах в Манчестере (в 1868 г.) и Бирмингаме (в 1869 г.) этот взгляд выразился в следующем положении: «чем меньше рабочие будут иметь дело с законом в какой бы то ни было форме, тем лучше для рабочих» **). С 1870 года взгляд провинциальных союзов на этот вопрос постепенно меняется; маленькие тред-юнионы также были довольны, что им удалось добиться законной защиты их касс. Тред-юнионистские вожди требовали настойчиво от правительства внести, наконец, закон о полной легализации профессиональных союзов. И весной 1871 года министр внутренних дел Брюс внес, наконец, свой проект в парламент. На первый взгляд этот проект был полным торжеством тред-юнионов: в будущем все тред-юнионы должны были пользоваться защитой закона; всякий профессиональный союз имел право быть зарегистрированным, если его устав не противоречил уголовным законам; при этом регистрация, обеспечивая союзам законную охрану их касс, не касалась совсем их вну-

*) См. Вебб, «История тред-юнионизма», стр. 191.
**) Там же, стр. 225.

тренней организации и устраняла всякую возможность судебного преследования против них. Но тут была и обратная сторона медали. Вместо закона против союзов проект вводил новый уголовный закон против рабочих. «Применение насилия, угрозы, застращивание, противодействие, запугивание» — все эти растяжимые понятия старого закона были целиком перенесены в новый закон; плата взносов на стачки наказывалась этим законом. Опыт, вынесенный рабочими из многочисленных стачек, подсказывал им, что при таком законе нельзя будет провести ни одной стачки без нарушения этого закона. Таким образом, этот проект, несмотря на несомненную его прогрессивность, вызвал целую бурю негодования во всем тред-юнионистском мире. Митинг представителей лондонских профессиональных союзов выразил протест против карательных параграфов этого проекта. В марте месяце, когда этот проект обсуждался в парламенте, был созван в Лондоне конгресс тред-юнионов, в котором приняли участие все вожди профессионального движения. Делегаты конгресса приняли все меры, чтобы привлечь на свою сторону членов парламента, но все это было напрасно; они добились только того, что обе части этого проекта были приняты, как отдельные законы.

Большинство тред-юнионов смотрело на принятие этих двух законов, как на тяжелый удар профессиональному движению. Не так отнеслись к этому вожди движения, секретари объединенных союзов, Аллан, Эппльгарт и их товарищи. Большие капиталы их касс взаимного вспомоществования впервые получили законную охрану. Они решили, что преодолели уже все препятствия, и распустили конференцию объединенных союзов, которая вела борьбу в течение четырех лет. Вместо нее был образован парламентский комитет, выбранный лондонским конгрессом, в который входили все более видные вожди тред-юнионов в Лондоне и провинции. Уголовные наказания за всякие насильственные действия во время стачек мало беспокоили этих вождей юнионизма, так как они давно смотрели на стачки, как на грубую форму проявления профессионального движения. Стремление добиться законной защиты интересов союзов привело к своеобразной «идиосинкразии», по удачному выражению супругов Вебб. «Мы полагаем, говорил Аллан перед королевской комиссией 1867 г., что стачки являются бессмысленной тратой денег не только для рабочих, но и для предпринимателей». Действительно, в союзе машиностроительных рабочих, председателем которого был Аллан, по многократному постановлению

членов, его, был уничтожен фонд на непредвиденные расходы, служивший главным образом для поддержки стачек. Когда же в 1871 г. возникла стачка машиностроительных рабочих в Нью-кэстле, продолжавшаяся 5 месяцев, то даже организованные рабоные вновь на свет божий судебными постановлениями 1867 г., в неделю, так как пришлось раньше восстановить фонд на непредвиденные расходы, для чего потребовались постановления филиальных отделений.

Если двойной закон господина Брюса и не был благоприятен для тред-юнионов, то юнионистским вождям он был по душе, и они утешали себя тем, что со временем им удастся справиться и с исключительным законом против стачек. Однако, расчеты их не оправдались. Английская буржуазия понимала гораздо лучше, чем Оджер и его товарищи, какой страшный удар она нанесла тред-юнионам этим законом. Карательные законы того времени, когда рабочие вели борьбу за право существования профессионального движения (1857 г.), казавшиеся давно похороненными и извлеченные вновь на свет божий судебными постановлениями 1867 г., не только не были смягчены или отменены, но даже еще усилены. Буржуазия оказалась гораздо более дальновидным политиком, чем вожди рабочих; она отлично понимала, что борьба далеко еще не кончена и что рабочие тем скорее начнут ее вновь, чем сильнее будет гнет новых карательных законов; и она намеренно постаралась формулировать новые законы так, чтобы впоследствии вожди рабочих были готовы за отмену этих законов заплатить какой угодно ценой, даже отказом от права существования союзов и от классовой экономической борьбы. Следующие четыре года показали, что буржуазия не ошиблась в своих расчетах: вожди тред-юнионов стали значительно уступчивее; они изменили пролетарскому знамени классовой борьбы, отказались от требования уничтожения наемного труда и, согласившись на общие третейские суды и на подвижную скалу заработной платы, тем самым подписались под политико-экономическими доктринами класса капиталистов.

Эта политика вовсе не соответствовала настроению масс, входивших в профессиональные союзы в 1871 году; это была политика самих тред-юнионистских вождей, а никоим образом не профессиональных союзов. Вожди стали совершенно чужды массе. За два года положение круто изменилось: в 1868 и 1869 г.г. провинция была консервативна, а «новый тред-юнионизм» прогрессивен, теперь же в движение пришли массы, а вожди стали парла-

ментскими оппортунистами. Этот контраст между вождями, ударявшимися все более и более в «политику», и массой, которая инстинктивно верно понимала свои интересы, проявился также и внутри самого профессионального движения и профессиональной борьбы. Стачка машиностроительных рабочих в Ньюкэстле, послужившая началом всеобщего движения за девятичасовой рабочий день и нашедшая себе поддержку и со стороны Интернационала, вспыхнула против воли центрального исполнительного комитета машиностроительных рабочих, и вообще все это массовое движение, возникшее само собой, не встретило сочувствия со стороны тред-юнионистских вождей. В Сундерленде в начале 1871 года забастовали машиностроительные рабочие, выставив требование девятичасового рабочего дня; стачка продолжалась четыре недели и была выиграна. Их примеру последовали машиностроительные рабочие в Ньюкэстле, в числе нескольких тысяч человек; среди них было всего несколько сот организованных, но и они не получали ничего, так как не имели разрешения на стачку от своего центрального комитета. Они не имели вообще никаких запасных фондов, но зато у них был очень дельный руководитель Джон-Бернет, бывший во главе основанной незадолго перед тем Лиги борьбы за девятичасовой рабочий день. Он сумел объединить всех бастовавших рабочих, организованных и неорганизованных, и обратился за средствами ко всем тред-юнионам. Весь предпринимательский мир пришел в движение и оказал поддержки фирмам в Ньюкэстле. Предприниматели обратились к континентальным странам за рабочими взамен забастовавших; Армстронг вербовал для них штрейкбрехеров. Тогда в дело вмешался Интернационал, он воспользовался своими связями в Бельгии и Дании; Кон и Эккариус, по поручению генерального совета, предприняли поездку на континент. Несмотря на это, фабрикантам удалось доставить значительные партии рабочих в Англию. Это вызвало в Англии всеобщее негодование; в Лондоне состоялись массовые собрания; даже буржуазная пресса, как «Times», «Spectator» высказалась принципиально против ввоза иностранных рабочих, но фабриканты упорно не хотели с этим считаться. Вся печать тогда ополчилась против фабрикантов; на одном лондонском собрании было сделано предложение всем тред-юнионам присоединиться к Интернационалу, который сумеет сделать требование девятичасового рабочего дня мировым вопросом. Иностранные рабочие заявили, что их ввели в обман насчет положения дел в Ньюкэстле и что они готовы вернуться

домой, если им дадут на то средства. Средства были добыты; 11-го октября фабриканты удовлетворили все требования рабочих, и они стали на работу. Вожди больших союзов косо смотрели на все это дело; только через 7 недель после начала стачки центральное правление союза циркулярно предложило филиальным отделениям организовать сборы в пользу стачечников, и только через 14 недель организованные рабочие стали получать денежную помощь. Только деньги, собранные Лигой борьбы за девятичасовой рабочий день, дали возможность рабочим держаться в первые критические недели. Само собой разумеется, что этот успех машиностроительных рабочих повлек за собой повсеместное движение за девятичасовой рабочий день в Англии; благодаря оживлению в промышленности, это движение окончилось полным успехом, местами не вызвав даже стачки.

Таким образом, профессиональные союзы старались сами наверстать ту работу, которая уже давно была запущена, благодаря бюрократическому индиферентизму и политиканству тред-юнионистских вождей. За последние годы центральные исполнительные учреждения больших профессиональных союзов позволили себе значительные отступления от основных требований профессиональной борьбы и упорно отказывались от всякой инициативы в этой борьбе *). Заработная плата в отсталых округах была значительно ниже средней заработной платы в стране, сверхурочная и сдельная работа получала все большее распространение, и все это не вызывало никакого отпора со стороны руководителей союзов; дело дошло до того, что местные отделения часто должны были давать объяснения, если они, наконец, решались оказать сопротивление, не получив на то разрешение от руководителей. Понятно, что подобный образ действий руководящих центров совершенно не отвечал требованиям жизни, как и вся юнионистская «политика», которой Оджер и его товарищи отдавали все свое внимание. Эти господа всегда страдали теоретической необоснованностью и отсутствием обобщающих выводов, они всегда были не более, чем оппортунистами. «Новый тред-юнионизм» был солидарен с Интернационалом до тех пор, пока идея Интернационала и политическая борьба способствовали привлечению в ряды союзов новых активных слоев рабочих **). Когда же, наконец, тяжелая на подъем масса

---

*) См. Вебб, «История тред-юнионизма», стр. 266 и след.

**) В одном заседании генерального совета, отчет о котором дает «Eastern Post, от 22 июля 1871 г., была дана следующая харак-

пришла в движение и готова была пойти против буржуазии, тред-юнионистские вожди ограничились одними парламентскими делишками, при чем они, конечно, потерпели неудачу. И в следующие четыре года слабость их состояла в том, что они не имели за собой масс, или, по крайней мере, у них не хватало смелости двинуть эти массы против буржуазии. Они не сумели даже как следует использовать свою большую, хотя и косвенную, победу — падение либерального кабинета Гладстона, который упорно противился отмене карательных законов против стачек. Они сделались чем-то вроде министров без портфелей и не мало способствовали тому, что все тред-юнионистское движение сделалось через несколько лет чисто буржуазным.

Принимая все это во внимание, легко объяснить себе отпадение Оджера и его товарищей от Интернационала. Демонстративное осуждение «ужасов» Коммуны вовсе не было выражением их собственных чувств, это была только дань лицемерному парламентскому «приличию», при помощи которого они хотели вершить политические дела. Они надеялись, что порвав с оклеветанным Интернационалом, они тем восстановят свою репутацию в политических кругах, и думали даже, что это необходимо и во всяком случае полезно для того дела, которому они служили. Это была уступка политическому целомудрию английской буржуазии, которая весьма снисходительна ко всяким «ужасам», если они совершаются в ее интересах, но очень чувствительна и высоко моральна, если никакой выгоды нельзя извлечь для себя. Пусть уход Оджера и его товарищей из Интернационала был актом политической мудрости в интересах тред-юнионов, но во всяком случае это было их личным мнением; отношениям массы тред-юнионов к Интернационалу это не повредило и не могло повредить. Напротив, отношения между генеральным советом и тред-юнионами никогда не были более оживленными и тесными, чем за время от падения Коммуны до гаагского конгресса.

Мнение, будто в Англии тогда царило большое озлобление про-

теристика поведению Оджера: «он воспользовался Интернационалом, чтобы завоевать себе доверие рабочих масс, а когда он увидел, что принципы Интернационала мешают его политическому авантюризму, он его покинул». В номере от 5-го августа 1871 г «Eastern Post» говорит, что Оджер уже пять лет не принимал активного участия в Интернационале.

тив Коммуны и Интернационала, сильно преувеличено. Еще во время борьбы Коммуны с версальцами, 12-го апреля 1871 г. в Лондоне состоялся общий митинг в Гайд-парке в пользу Коммуны. На этом митинге был высказан привет и благодарность Коммуне, центральному комитету и национальной гвардии и всему рабочему классу Парижа; отдельно было выражено одобрение самым радикальным мероприятиям Коммуны. Правда, после падения Коммуны английская пресса некоторое время также принимала участие в общем клеветническом походе против Интернационала, но справедливость требует сказать, что серьезная политическая пресса, особенно в Лондоне, вскоре же дала место полемике, предоставив генеральному совету выступать с возражениями. Гнев английской прессы главным образом обрушился на манифест генерального совета по поводу Коммуны под заглавием «Гражданская война во Франции». Генеральный совет разослал эту брошюру не только всем секциям Интернационала, но и всем видным депутатам. Едва только она вышла в свет, против нее началась травля. Требовали даже судебного процесса. Тогда Карл Маркс заявил, что он автор этой брошюры. Через несколько месяцев, когда первый страх буржуазии прошел, постепенно улеглась и ее злоба против Интернационала. Когда 12-го апреля 1872 г. некий Кошран разразился в палате общин дикой и невежественной речью против тайного разрушительного учения Интернационала, он потерпел полное фиаско; большие лондонские газеты, раньше всех «Times», отказались от всякой солидарности с ним, а когда на этих же днях стали известны показания Толена по поводу Интернационала и его отношений к Коммуне, английская пресса, «Times» и «Standard», перепечатала их, а «Times» посвятил им целую статью, направленную против Кошрана. Этот круглый невежда предпринял продолжительную поездку по континенту, не жалея ни труда, ни средств, чтобы раскрыть все «позорные» дела Интернационала, но был изобличен самим министром внутренних дел Брюсом в полном невежестве по рабочему вопросу. Генеральный совет на специально устроенном митинге заклеймил его резолюцией, которая подробно указывает на все его плутни, на тот вздор, который он рассказывает про Бакунина, и на то, что он старается пристегнуть Бакунина, Гильома, Швицгебеля и товарищей их к делу Интернационала и генерального совета. В английском парламенте в первый раз обсуждался вопрос о социалистах.

В Англии в это время дело Интернационала значительно под-

вигалось вперед *). Весной и летом 1871 года у генерального совета было много работы, вследствие стачек за девятичасовой рабочий день машиностроительных рабочих в Ньюкэстле и медников в Глазго, и даже из консервативных округов, напр., из Ливерпуля, получились известия о вступлении многочисленных членов в провинциальные секции Интернационала. Со всех сторон все настойчивее высказывались пожелания, чтобы генеральный совет издавал свой орган для английских секций, чтобы быть в состоянии возражать на постоянные искажения и инсинуации против Интернационала, а также пропагандировать устав Интернационала и постановления конгрессов, особенно о национализации земли, защите труда и об уравнении женщин в правах. Так как теперь отпали те доводы, которые раньше выставлялись против выделения английских секций в самостоятельную организацию, то никаких препятствий к образованию английской федерации и основанию своего органа больше не встречалось. Не безынтересно отметить, что в это время генеральный совет завязал многообещающие связи с Индией (Калькутта), Новой Зеландией, Канадой (Торонто) и Австралией **).

Лондонская конференция.

Между тем наступило время, когда Интернационал должен был созвать своих представителей на конференцию. Еще в предыдущем году, когда генеральный совет созывал конгресс в Майнце, он разослал всем федеральным советам особые записки, в которых предлагал перенести местопребывание генерального совета в другую страну, и просил, чтобы делегаты были снабжены определенными инструкциями по этому вопросу. Федеральные советы единогласно высказались за то, чтобы генеральный совет остался в Лондоне, и, когда конгресс не мог состояться из-за вспыхнувшей франко-прусской войны, они уполномочили генеральный совет назначить срок ближайшего конгресса, смотря по обстоятельствам.

---

*) Почти каждый отчет о заседаниях генерального совета сообщает о новых успехах в Англии. В январе 1871 г. бирмингамский трэд-юнионистский совет примкнул к Интернационалу, обратившись к генеральному совету с очень сочувственным письмом; в Сент-Люке основалась новая секция.

**) «Eastern Post» от 2 сентября и 19 ноября 1871 и 4 февраля и 22 июля 1872 г.

В это время Интернационал подвергся повсеместным гонениям в Европе. Жюль Фавр требовал от всех правительств, даже от английского, выдачи бежавших коммунаров, как уголовных преступников; Дюфор внес во французскую палату проект закона, ставивший Интернационал вне общих законов; даже в Швейцарии один эмигрант должен был долго томиться в предварительном заключении до решения вопроса о выдаче его союзным советом; итальянское и испанское правительства были готовы продолжить дело версальской шайки, и испанский федеральный совет принужден был спасаться бегством в Португалию *). В это время всеобщих гонений созвать открытый конгресс было бы равносильно самоубийству, это значило бы выдать головой европейской реакции представителей Интернационала всех стран. Все эти соображения были неубедительны для юрасцев, которые с нетерпением ждали конгресса, чтобы выкинуть на нем какую-нибудь штуку вроде того, что они проделали на романском конгрессе в Ля-Шо-де-Фон. Когда же они узнали, что вместо конгресса должна состояться частная конференция в Лондоне, гнев их не знал границ. Исключая их, генеральный совет повсюду встретил одобрение своему образу действий. Во Франции посылка делегатов была немыслима, в Италии единственная секция в Неаполе была недавно разгромлена военной силой, в Германии над более известными вождями тяготели процессы по обвинению в государственной измене. Формально генеральный совет мог также сослаться на лондонскую конференцию 1865 года и на частные административные заседания, происходившие во время общих конгрессов. Но «романский федеральный комитет», как он продолжал величать себя самозванно, никак не мог согласиться с этими доводами, и памятная записка его, начиная с того места, где она говорит об игнорировании комитета со стороны генерального совета, сбрасывает с себя всякую маску и обрушивается на генеральный совет и членов его самыми грубыми ругательствами, какие можно встретить только в полицейской прессе **). Генеральный совет сообщил в самой категорической

*) «Les Prétendues Scissions», стр. 5.

**) До этого юрская записка в крайнем случае употребляла только такие выражения, как «Маркс и его агенты» (стр. 83), «вранье» Маркса (стр. 94), «рантье Маркс», «рантье Энгельс», «рантье Лафарг», «рантье Утин» (стр. 1), теперь же на трех страницах встречается в десять раз больше ругательств, чем прежде на 200. Генеральный совет она считает организацией, которая «хочет

форме, что он знает только один романский федеральный комитет в Женеве, и совершенно не признает каких-нибудь других романских комитетов в Ля-Шо-де-Фоне, Сонвилье или Сент-Имье, куда этот самозванный комитет в последнее время перенес свое местопребывание по постановлению частного делегатского собрания в Невшателе *). Этот «романский комитет» был крайне недоволен тем, что генеральный совет не удостоил его даже ответа на его извещение о перемене его местонахождения и не сообщил о созыве конференции, так что «союзникам» (альянсистам) пришлось узнать о конференции только благодаря «нескромности их противников в Женеве». «Романский федеральный совет» в Сент-Имье жаловался на пренебрежительное отношение к нему со стороны генерального совета и требовал пересмотра всего дела юрских организаций на общем конгрессе, единственно компетентном в этом деле, для чего просил произвести серьезное расследование этого дела; в противном случае, намеками давали понять эти господа, дело будет иметь очень дурные последствия для Интернационала **). Эти господа альянсисты вели в Женеве вобще очень глупую и скверную игру. Они придали большое значение признанию их женевской секции генеральным советом, хотя это признание не имело никаких последствий, так как секция сама распустила себя. Несмотря на то, что секция таким образом отошла в область истории, они продолжали вести из-за признания ее самые жестокие пререкания со своими «противниками в Женеве». Эти пререкания можно объяснить только тем, что «союзники» (альянсисты) хотели передать по наследству непризнанные права старого «союза» (Альянса) новой секции «пропаганды и революционного действия», которая не была утверждена генеральным сове-

себя поставить на место Интернационала, чтобы верховодить». «Маркс и его креатуры», «интриганы генерального совета», «la coterie marxiste», — такие клички она дает постоянно генеральному совету. Как «характерная подробность» приводится, что Маркс еврей, «еврей, так же, как и Боркгейм, Мориц, Гесс, Геппер и Лео Франкель». Все эти перлы хорошего стиля и благородства мысли находятся на протяжении трех страниц 198—200. Когда же эти ученики Бакунина в своем гневе доходят до точки кипения, они открывают, что Маркс еще гораздо хуже еврея, он... немец. Мы видим, что уже тогда бакунисты заимствовали свой язык у самой низкой, уличной полицейской прессы.

*) «Mémoire de la Fédération Jurassiene ets.», стр. 195.

**) Там же, стр. 198.

том, или же «секции социалистов-атеистов», представленной в самое последнее время на утверждение генерального совета *).

Конференция, происходившая от 17 до 23 сентября в Лондоне, состояла из 23-х делегатов: из 6-ти бельгийцев, 2 швейцарцев, 1 испанца и 13 членов генерального совета, из которых 6 имели только совещательный голос **). Более известными среди делегатов были де-Пап и Веррайкен, Утин и Перре; представителями генерального совета были Маркс для Германии, Энгельс для Италии, Эккариус для Америки, Хэльс для Англии, Роша для Голландии, Кон для Дании и Забицкий для Польши. Конференция работала с усиленной энергией, чтобы исчерпать весь огромный материал, подлежавший ее обсуждению. 25-го июля генеральный совет сделал постановление, что конференция должна рассмотреть дело юрских организаций; это постановление было причиной внезапного распущения женевской секции Алльянса. Генеральный совет

*) Юрская записка приводит разные подробности по этому делу и, между прочим, будто бы дословную передачу пререканий, имевших место в самом генеральном совете по поводу этого дела. Так как в записке имеются также некоторые довольно интимные подробности о лондонской конференции и о закрытых заседаниях гаагского конгресса, то мы имеем полное основание думать, что генеральный совет имел в своей собственной среде завзятого бакуниста и алльянсиста. Это был не кто иной, как Робен, интимный друг Гилльома, бежавший в начале франко-прусской войны из Франции в Лондон и за недостатком французского элемента принятый в генеральный совет, хотя последний отлично знал его прошлое. Робен, как это видно из «Prétendues Scissions», стр. 13, состоял в то время официальным корреспондентом комитета в Ля-Шо-де-Фон. 14-го марта 1871 г. он предложил созвать частную конференцию для решения швейцарского спора. Генеральный совет, предвидя важные события в Париже, отверг это предложение. Робен несколько раз возвращался к этому предложению, а потом предложил даже самому генеральному совету решить этот вопрос, но генеральный совет постановил передать это дело на рассмотрение конференции. Впрочем, юрасцы решительно оспаривают, что Робен был их поверенный в генеральном совете. См. «Mémoire etc.», стр. 217. Откуда же у них имеются все эти подробности?

**) В послании против конференции и генерального совета, которое юрасцы потом опубликовали, это точно указано. По словам «Prétendues Scissions», стр. 21, французские члены генерального совета, Сералье, Вальян и Бастелика, присутствовали только в качестве представителей парижской Коммуны, а английские и швейцарские члены заседали в комиссии и могли только изредка принимать участие в совещаниях. Впрочем, «Алльянс» был представлен на конференции двумя членами: Робеном и Бастелика.

решил рассмотреть это дело не только как местный вопрос, но и как принципиальный и общий; во-первых, потому что в последнее время такие сектантские организации, как Алльянс, стали возникать во многих местах; а во-вторых, потому что генеральный совет прекрасно знал, что за юрскими интригами скрывался Бакунин и что в Женеве образовался центр всех дезорганизаторских течений в среде Интернационала. До сих пор генеральный совет предоставлял полную свободу этим стремлениям, так как считал, что внутренняя связь Ассоциации достаточно крепка, чтобы противостоять этим проискам. Но теперь во время всеобщей европейской реакции, которая совершенно разрушила организацию рабочего класса во Франции, парализовала ее судебными процессами в Австрии и Германии, а в Италии уничтожила грубой силой, было бы преступлением перед Интернационалом и дальше ограничиваться пассивной тактикой. В нормальное время генеральный совет передал бы это дело конгрессу; материала, собранного им против Бакунина, было уже тогда вполне достаточно, чтобы его обезвредить; этот материал был впоследствии напечатан. Повсеместный кризис, переживаемый тогда Интернационалом, помог Бакунину и дал ему краткую отсрочку, которой оказалось вполне достаточно для того, чтобы он довел до конца свое дело разрушения. С этой-то стороны падение Коммуны оказалось роковым для Интернационала.

Чтобы быть в состоянии противостать всем дезорганизаторским тенденциям, Карл Маркс считал необходимым сделать организацию строго централистической, точно определить права и обязанности генерального совета, федеральных советов и секций и предоставить генеральному совету еще более широкие полномочия по отношению к непокорным организациям, чем это сделал базельский конгресс по предложению самого Бакунина и его товарищей. Чтобы самым решительным образом побороть воздержание от политической деятельности, Маркс, сославшись на прежние заявления и постановления Интернационала, заявил, что обязанность Ассоциации состоит именно в том, чтобы организоваться политически, как класс, и выступить против всех буржуазных партий. Вместе с тем у генерального совета было достаточно ума и такта, чтобы пойти навстречу справедливым жалобам и постараться их удовлетворить, так как это вполне соответствовало и желаниям самого генерального совета.

Генеральный совет, как известно, имел право пополнять свой

состав новыми членами по собственному выбору, а так как члены генерального совета должны были жить в Лондоне или в его окрестностях, то они большей частью были из состава лондонских секций. В последнее время, после падения Коммуны, сильно возросло число эмигрантов в Лондоне, а вместе с тем и численность иностранных секций, и все секции стремились проникнуть в генеральный совет, которому большого труда стоило отразить этот натиск. По предложению генерального совета, ему было предоставлено конференцией право ограничивать число прикомандированных членов в целях равномерного представительства в нем разных наций.

Далее, конференция точно установила наименование организаций. Название генерального совета должно было остаться за центральным советом Интернационала; центральные советы отдельных стран должны были называться федеральными советами, или комитетами. Местные отделения, секции, группы должны были в будущем называться просто секциями с указанием только их местонахождения, но им запрещалось носить такие названия, как позитивисты, мутуалисты, коллективисты, коммунисты, атеисты и т. д., или образовывать специальные организации, как пропагандистские секции и т. п.*). Это, конечно, не касалось профессиональных товариществ, принадлежавших к Интернационалу.

Взнос в генеральный совет был установлен в 1 пенни с каждого члена. Генеральный совет должен был отпечатать марки, переслать их федеральным советам для раздачи, а ежегодно 1-го марта должны были подводиться счеты.

Далее, конференция рекомендовала образовывать женские секции, не высказываясь тем самым, конечно, против смешанных секций из рабочих и работниц.

Затем конференция урегулировала вопрос о всеобщей статистике рабочего класа. Федеральные советы и секции должны были позаботиться о материале, взяв на себя заполнение и первоначальную обработку опросных листов, в случае необходимости за плату; для окончательной обработки материал должен был быть послан генеральному совету.

Очень важное решение было принято о профессиональных союзах в смысле признания их международного значения. До сих пор

*) Юрасцы отметили это запрещение, как «явное нарушение принципа автономности» секций. «Mémoire», стр. 201.

вмешательство генерального совета во время больших стачек и его посредничество между профессиональными союзами различных стран происходило по его собственной инициативе и носило случайный характер; в будущем эта сторона его деятельности должна была стать более систематизированной; с этой целью правления профессиональных союзов должны были доставить генеральному совету свои адреса. Это, впрочем, необходимо было и для успешного выполнения намеченной рабочей статистики.

Был поднят опять вопрос о сельских рабочих. В этом деле федеральные советы также должны были притти на помощь: они должны были изыскать наилучшие способы привлечь эту группу рабочих и организовать среди них пропаганду.

По вопросу о политической деятельности рабочего класса конференция вновь напомнила те места устава и Манифеста, где ясно говорится о необходимости подобной деятельности, а также совершенно определенное постановление лозаннского конгресса и заявление генерального совета по поводу мнимого заговора французских членов Интернационала накануне плебисцита, где совершенно ясно указывается, что Интернационал ставит себе задачей не только основывать свои собственные организационные центры, но и поддерживать всякое политическое движение, способствующее достижению его конечной цели. Указав на необузданную международную реакцию господствующих классов, конференция признала, что перед рабочим классом стоит задача сплотиться в отдельную политическую партию против всех старых партий господствующих классов, чтобы подготовить полное торжество социальной революции и ее конечной цели — уничтожение классов. Конференция определенно заявила, что экономическое движение и политическая деятельность рабочего класса неразрывно связаны между собой *).

В тех странах, где образование регулярных организаций Интернационала встречает препятствие, могут возникать местные

---

*) В этой резолюции юрасцы увидели «специальную программу Маркса, как она была изложена еще в пресловутом манифесте коммунистической партии, напечатанном в 1848 г. и составленном Марксом и Энгельсом». Юрская записка старается проследить, как эта программа постепенно заменила собой первоначальную программу Интернационала. В 1867 г. (!) Маркс вставкой в устав слов: «как средство» хотел поднять значение политической деятельности. На лондонской конференции политическому движению придано

группы под другими названиями, но тайные общества не должны входить в Интернационал.

Для Франции конференция рекомендовала организацию профессиональных союзов и неутомимую печатную пропаганду. Для Англии должен был быть основан отдельный федеральный комитет, если тред-юнионы дадут на то свое согласие.

Далее, конференция заявила, что немецкие рабочие во время войны были верны своему долгу. Испанская федерация через своего делегата Лоренцо представила конференции памятную записку об организации Интернационала; конференция выразила благодарность за записку членам испанской федерации. Генеральному совету было поручено заявить формально в печати, что Интернационал не имеет ничего общего с заговором Нечаева, одного из доверенных Бакунина. Нечаев устроил в России тайную бакунинскую организацию, ложно выдав ее за организацию Интернационала, совершил убийство, скомпрометировал много лиц, которые были из-за него арестованы *)! Делегата Утина просили напечатать в женевском «Egalité» сжатый отчет об этом процессе по рус-

---

такое же значение, какое имеет экономическое, а на гаагском конгрессе «марксистское учение» было внесено в параграф устава и таким образом признано обязательным. Таким образом Интернационал не мог больше служить объединением автономных секций и обратился сам в секту, требующую безусловного признания того, что составляет символ веры для «немецкой» коммунистической партии.

*) Подробности о нечаевском процессе и о всей бакунинской тайной организации можно найти в брошюре, выпущенной генеральным советом по поручению гаагского конгресса: «l'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs», Лондон—Гамбург 1873. Она переведена на немецкий язык Кокоским, Брауншвейг 1874, издан. Браке. Изложение нечаевского процесса и его истории, которая значительной своей частью является историей тайного бакунинского Алльянса, находится в брошюре на стр. 59, а в немецком переводе на стр. 53. Английская пресса осенью 1871 г. перед конференцией дала подробный отчет о нечаевском процессе и пробовала выдать нечаевскую организацию за тайную организацию Интернационала. Когда это не удалось, она перепечатала из бакунинского «катехизиса революционера» его глупую болтовню под названием «Revolutionism in excelsis». Генеральный совет протестовал против таких приемов во всех доступных ему газетах (см. «Eastern Post» от 21 октября 1871 г.). Следовало бы разослать этот протест и в секции Интернационала, чтобы выяснить им истинный смысл бакунинского Аллвянса.

ским источникам *). Конференция предоставила время генеральному совету, смотря по обстоятельствам, назначить и место ближайшего конгресса или заменяющей его конференции.

Что касается женевской секции Альянса, то конференция, принимая во внимание уже принятое его постановление, запрещающее всякие сектантские названия, что секция сама объявила себя распущенной, и, ссылаясь на постановление базельского конгресса, предоставляющее генеральному совету право принимать новые секции или отказывать им в приеме, объявила этот вопрос исчерпанным.

По поводу раскола во французской Швейцарии было постановлено считать неосновательными возражения юрасцев против компетентности конференции; было одобрено постановление генерального совета от 29 июня 1870 г., которым он решительно отказывается признать романский «федеральный комитет» в Ля-Шо-де-Фон и считает представителем романской Швейцарии только женевский центральный комитет. Вместе с тем конференция советовала рабочим юрских секций вступить опять в секции романской федерации; если же это невыполнимо, то образовать юрскую федерацию. Наконец, решено было, что в будущем генеральный совет должен открыто исключать из Ассоциации те органы, которые на своих страницах обсуждают вопросы, подлежащие обсуждению закрытых собраний федеральных или общих конгрессов, как это сделали «Le Progrès» в Ле-Локле и «La Solidarité» в Ля-Шо-де-Фон.

Этим и закончилась конференция.

Социал-демократическая партия в немецкой Швейцарии.

Вслед за немецкой социал-демократической партией такая же партия образовалась и в немецкой Швейцарии. Немецко-швей-

*) Утину это поручение довольно дорого обошлось. Когда альянсисты каким-то образом получили сведения об этом постановлении конференции, то их вожди, особенно Бакунин, поняли, какая большая опасность грозит их тайной организации вследствие разоблачений противника, хорошо владеющего русским языком. Они ночью напали на Утина на одной из улиц Цюриха, где он остановился проездом, и вероятно убили бы его коварно, как это сделал Нечаев с Ивановым, если бы, к счастью Утина, не проходили случайно немецкие студенты и не разогнали эту альянсистскую разбойничью шайку. «L'Alliance de la Démocratie Socialiste», стр. 30.

царская организация была одной из самых старых организаций Интернационала: уже в октябре 1864 г., т. е. через несколько дней после основания Интернационала в St. Martins Hall, возникла первая немецкая секция в Женеве, а ко времени женевского конгресса вокруг этой секции уже группировался целый ряд других секций и кооперативных союзов. В Женеве решено было образовать центральную организацию, которая должна была объединить все секции немецкой группы, и это решение было приведено в исполнение 1-го мая 1867 г. Через Женеву же присоединились тогда к Интернационалу целые союзы и отдельные члены в Германии и Австрии, а благоприятные постановления рабочих союзов в Нюренберге в 1868 г. и Всеобщего немецкого рабочего союза в Бармене были в значительной степени следствием неутомимой переписки, которую Беккер вел с Германией. В августе 1868 г. 50 немецких просветительных рабочих союзов постановили присоединиться к Интернационалу. На базельском конгрессе эти союзы были представлены Геггом, редактором «Felleisen'a». В 1868—69 году женевская организация достигла высшего пункта своего развития. В 1869 году ей был нанесен первый удар: нюренбергские союзы и часть лассальянского союза основали в Эйзенахе социал-демократическую партию. Хотя связь с Женевой внешним образом сохранилась и члены Интернационала остались ему верны попрежнему, однако центр тяжести молодой партии был в Германии, а не в Женеве. Менее понятно, что немецкие просветительные рабочие союзы Швейцарии последовали примеру германских союзов и вышли из женевской организации, чтобы присоединиться к германской. Эти союзы не были, впрочем, ценным элементом для организации; в письме к Юнгу от 12 марта 1870 г. Беккер говорит о недоразумениях с уплатой взносов этими союзами, а в письмах Маркса к Юнгу указывается, что эти союзы, орган которых, «Das Felleisen», высказывался в 1870 г. за присоединение Эльзас-Лотарингии, до сих пор не внесли еще ни копейки в генеральный совет. Оба эти письма напечатаны в приложении.

Гораздо чувствительнее, чем отделение этих просветительных рабочих союзов, было для Беккера образование швейцарской социал-демократической партии, органом которой была «die Tagwacht». «Vorbote», однако, ничем не проявил своего недовольства, только в прощальном номере в декабре 1871 г. он делает горький упрек, что об этом шаге не дали заранее знать женевскому центральному комитету. Новая партия вступила в непосредствен-

ные сношения с генеральным советом. Постепенно конкуренция новых органов так же вредно отозвалась на денежных делах «Vorbote», как и возникновение новых самостоятельных организаций на доходах женевского комитета. Значительный ущерб нанесла «Vorbote» и быстро развивавшаяся местная пресса эйзенахской партии, и «Vorbote», наконец, очутился перед дилеммой: увеличить размеры и участить выпуск газеты, или прекратить свое существование. С тяжелым чувством решился центральный комитет закрыть «Vorbote», самую старую и самую лучшую газету Интернационала. В прощальной статье, дающей обзор событий за шесть лет существования «Vorbote», Беккер излагает перед своими читателями и друзьями причины, принудившие его к этому шагу.

Впоследствии не раз делались попытки установить единую партийную организацию для всей Швейцарии, или, по крайней мере, объединить весь швейцарский рабочий класс одним швейцарским федеральным советом. Такая попытка была сделана между прочим на конгрессе романских секций 2 июня 1872 г. в Веве, где был предложен вполне обработанный проект швейцарской федерации. Однако, этот проект требовал признания постановлений лондонской конференции, и, таким образом, Алльянс и юрские организации уже заранее обрекались на исключение. Но из-за этого проект все-таки не провалился бы; главным образом проект потерпел крушение из-за кантональной вражды, из-за которой Цюрих и Женева не могли никак притти к соглашению, и цюрихцы, в конце концов, приняли резолюцию образовать федерацию немецких секций Швейцарии. Только после гаагского конгресса, когда слишком ясно стало, что необходимо старым организациям Интернационала крепко и дружно сплотиться, швейцарские товарищи также пришли к соглашению: на конгрессе в Ольтене были приняты постановления гаагского конгресса, и пять алльянсистов, говорившие в течение целого дня, принуждены были оставить собрание.

Юрская федерация.

Тотчас после окончания лондонской конференции, так называемый, «романский федеральный комитет» созвал конгресс юрских секций в Сонвилье. Конгресс по своему составу не внушал особенного доверия. 8 юрских секций были представлены 14 делегатами; кроме того, было два представителя от секции «пропаганды и революционно-социалистического действия», не признанной ни гене-

ральным советом, ни женевским федеральным комитетом —, Жуковский и Жюль Гэд. Как констатировал секретарь «федерального комитета» в своем отчете, секции находились в самом плачевном состоянии. Секции в Куртелери и центральная секция в Ле-Локле уже давно распались, но теперь они опять сорганизовались, чтобы послать по 2 делегата; кроме того, в Куртелери образовался профессиональный союз, не входивший в Интернационал, и также послал 2 делегатов; наконец, тут же возникли 2 кружка для изучения социальных наук, и они также послали двух делегатов; таким образом, несколько членов из Куртелери были трижды представлены шестью представителями *). Вообще же из 16 делегатов 14 были представителями распавшихся или распадающихся секций. Из 22 юрских секций на конгрессе были представлены 9; семь вовсе не ответили на сообщение комитета, а 4 были объявлены окончательно распавшимися. Такова была организация, грозно объявившая перед всем миром войну генеральному совету.

Прежде всего конгресс сыграл детскую комедию. Печальным положением своих секций он воспользовался, как предлогом, чтобы распустить «романскую федерацию», «единственным законным представителем» которой он считал себя, и вернулся к предложению, внесенному на конгрессе в Сент-Имье в октябре 1870 г.; он принял для юрских секций название юрской федерации. Другими словами, он подчинился постановлению лондонской конференции, но сделал это не просто, а с различными фокусами, чтобы сохранить достоинство своей «автономии» перед конференцией, претендовавшей на «авторитет». Затем он дал юрским секциям новый устав, который должен был обеспечить им «принцип автономии» вопреки лондонским постановлениям. Далее, рассматривался вопрос о созыве общего швейцарского конгресса, на котором вместе с юрскими организациями должны были быть представлены и швейцарская социал-демократическая и женевские организации. Такой конгресс действительно состоялся впоследствии, но он доставил юрасцам мало приятного. Наконец, конгресс объявил своим официальным органом «Le Révolution Sociale», издаваемую в Женеве коммунаром Кларисом, который предоставил ее в распоряжение федерации. Этот листок в своих нападках на генеральный совет с успехом мог конкурировать с «Figaro», «Gaulois» и другими

*) Подробности о докладе комитета и о печальном состоянии секций можно найти в «Prétendues Scissions», стр. 32,

парижскими грязными бульварными листками. По характеристике этого органа, генеральный совет был «немецким комитетом, которым руководил бисмарковский ум».

Но самым важным актом конгресса было его обращение ко всем федерациям с предложением присоединиться к протесту юрасцев против генерального совета и требовать созыва общего конгресса в самый короткий срок. Согласно уставу Интернационала, генеральный совет, по мнению юрасцев, должен был служить только центральным бюро для сношений секций между собой, но не иметь никаких самостоятельных функций. Это говорили господа, вроде Бакунина, Швицгебеля, Ф. Роберта, Гильома и Ко, которые на базельском конгрессе сами шумно требовали и провели дальнейшее расширение полномочий генерального совета, лелея тогда еще надежду захватить в свои собственные руки генеральный совет. Теперь они объясняли свой маневр «слепым доверием» к генеральному совету. Хотя этим самым они только подтвердили полную законность действий генерального совета, тем не менее их циркулярное обращение говорит дословно следующее: «Звание члена генерального совета стало в руках некоторых лиц чем-то вроде личной собственности»... «Эти люди дошли до того, что навязали Интернационалу свою специальную программу, свои собственные доктрины. Так как они вообразили себя чем-то вроде правительства, то они свои собственные идеи выдали за официальную доктрину Ассоциации, а идеи других, имеющие такое же право на существование, они объявили еретическими. Таким образом, постепенно образовалась какая-то правоверная секта, центром которой служит Лондон, а представителями являются члены генерального совета». Далее, их циркулярное воззвание переходит к лондонской конференции, которую генеральный совет созвал, «не имея на то права по уставу». «На этой конференции генеральный совет с самого начала составил себе искусственное большинство тем, что допустил, не имея на то права, к участию в совещаниях шесть делегатов с совещательным голосом». Конференция приняла постановления, «которые должны были превратить свободную федерацию автономных секций в иерархическую организацию дисциплинированных секций». В заключение они формулируют свой протест следующим образом: «Мы обвиняем генеральный совет в том, что члены его, желая доставить торжество своему собственному учению, хотят ввести в Интернационал принцип авторитета. Вполне понятно, что эта школа, идеалом которой является завое-

вание политической власти рабочим классом, стремится превратить Интернационал в иерархическую организацию, руководимую комитетом. Но устав Интернационала ясно говорит, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, и поэтому необходимо сохранить прежнюю автономию секций».

В заключение юрский конгресс поручил федеральному комитету опубликовать записку, которая должна была «пролить свет» на все события, поведшие к расколу в старой романской федерации. Центральным пунктом новой юрской организации был назначен Сонвилье.

Юрасцы разослали свое циркулярное воззвание целыми кипами, особенно в буржуазно-радикальные газеты, которые не замедлили воспользоваться им, чтобы побудить юрасцев к дальнейшим выходкам против лондонской конференции. Как некогда знаменитое воинственное воззвание Гилльома от 5 сенября 1870 г., так и этот памфлет распространялся во Франции открыто на улицах и был расклеен на столбах для объявлений, между тем как для продажи печатных произведений на улицах требовалось во Франции разрешение полиции. Альянсисты были так довольны этим радушным приемом со стороны версальского правительства, что их орган целиком перепечатал статью из органа Гамбетты «La République Française», в которой эта буржуазная газета высказывает полное одобрение их образу действий. Но внутри Интернационала их циркуляр не имел ровно никакого успеха. Бельгийский федеральный совет не согласился требовать созыва общего конгресса, тем более, что на лондонской конференции Бельгия была представлена шестью делегатами; но он составил для федерального конгресса в Брюсселе резолюцию в ответ на глупые инсинуации реакционной прессы; эта резолюция гласила, что Интернационал всегда был только организацией совершенно автономных федераций, а генеральный совет только центральным бюро для сношений и получения сведений. Впрочем, эта резолюция не была принята, как то ложно утверждает юрская записка, а была отвергнута конгрессом. Так как гора не пришла к пророку, то пророк пришел к горе: юрский федеральный комитет заявил бельгийскому федеральному комитету, что он целиком присоединяется к брюссельским постановлениям, которые состояли в том только, чтобы имеющий быть до июня бельгийский конгресс занялся разработкой нового генерального устава для внесения на ближайший общий конгресс. В Швейцарии юрский циркуляр и его защитники встретили самый

дурной прием. В Женеве Малон и Лефрансуа внесли предложение одобрить постановления шестнадцати членов конгресса в Сонвилье, выразить порицание генеральному совету и признать незаконной лондонскую конференцию; при этом Малон в своем реферате исказил резолюции, принятые в Лондоне. Общее собрание женевских секций отнеслось с презрением к Малону и его товарищам, не согласившись даже поставить на голосование их предложение. Зато Малон мог считать себя удовлетворенным тем, что «Times», лионский «Le Progrès» и «Journal de Genéve», органы крупной буржуазии, присоединились безусловно к его нападкам на генеральный совет. В Испании даже альянсисты высказались против созыва конгресса. Юрская записка имеет еще нахальство объяснить поведение испанского федерального конгресса в Сарагоссе тем, что большинство мадридского федерального совета было подкуплено Лафаргом, зятем Маркса *). В Италии совсем не имели понятия об этом спорном вопросе, и секции поняли только, что дело идет о какой-то «диктатуре», и на своем первом конгрессе в Болонье они постановили, что как на лондонский, так и на *юрский центральный комитет* следует смотреть, как на простые бюро для сношений и для статистики. Такой результат не мог порадовать юрасцев; напротив того, он привел в отчаяние тайный центр Альянса тем, что открыл его существование, и юрский комитет вынужден был опровергнуть в печати факт своего тайного существования. В Германии, Англии, Голландии и Америке вероломный и коварный поступок юрасцев вызвал строгое осуждение. Генеральный совет в ответ на «циркуляр шестнадцати» напечатал частный циркуляр: Les Prétendues Scissions dans l'Internationale от 5 марта 1872 г. Гораздо целесообразнее было бы всесторонне разобрать в печати всю тактику бакунистов, особенно же раскрыть их тайную организацию, как это сделано было после гаагского конгресса в брошюре: «L'Alliance de la Démocratie Socialiste».

Эта полная неудача не испугала юрасцев. Новый их орган «La Révolution Sociale» через несколько номеров постигла судьба его предшественников, и юрасцы «для пропаганды основных положений Интернационала» стали выпускать писанный «Bulletin de la Fédération Jurassienne», который они отдавали в печать несколькими номерами сразу. 19-го мая они вторично созвали в Ле-Локле конгресс, на котором были представлены 10 секций, при чем Ле-

*) «Mémoire etc.», стр. 236.

Локль опять был представлен дважды. О числе участников и о состоянии секций юрская записка благоразумно умалчивает: слишком уж памятен юрасцам был прием, оказанный их циркуляру, разосланному из Сонвилье. Конгресс решил продолжать свою деятельность в том же духе. Бельгийский федеральный конгресс, собравшийся 14 июля в Брюсселе, отверг предложение федерального совета о полном упразднении генерального совета; этим у юрасцев была отнята последняя надежда. Их циркулярное воззвание оказалось выстрелом в пустое пространство.

Интересно еще политическое развитие некоторых альянсистов. Через несколько недель после лондонской конференции в Лондоне появились Альбер Ришар и Гаспар Блан, оба пылкие приверженцы и настоящие столпы Альянса, бывшие сотрудники «Egalité», еще бакунинского направления. Они поставили себе задачей агитировать среди французских эмигрантов за восстановление наполеоновской империи, как единственное, по их мнению, средство свергнуть Тьера и его шайку. Генеральный совет постарался предостеречь всех, в том числе и брюссельский федеральный совет, от этих господ. 24-го января эти негодяи сбросили маску, выпустив брошюру: «Империя и новая Франция, обращение народа и молодежи к совести Франции», сочинение Альбера Ришара и Гаспара Блана. С обычной скромностью альянсистских шарлатанов они крикливо заявляют в этой брошюре: «Мы, сформировавшие великую армию французского пролетариата... мы, влиятельнейшие вожди Интернационала во Франции... мы, к счастью, не были расстреляны и теперь поднимаем знамя, за которое мы боремся, и, несмотря на клевету, на угрозы, на всякие нападки, которые ждут нас в будущем, мы бросаем в лицо изумленной Европе тот призыв, который исходит из глубины нашей души и который найдет себе отклик в сердцах всех французов, призыв: да здравствует император!» *).

При «третьей империи» альянсистам, конечно, совсем не надо было бы отстаивать «воздержание от политики»; это досталось бы им даром независимо от программы.

Альянс в Испании.

После того, как Бакунин, воспользовавшись своими прежними знакомствами в Испании и Италии, подготовил там почву для

*) «Les Prétendues Scissions», стр. 36; см. также «Eastern Post» от 11 февраля 1872 г.

своего Алльянса; после того, как он создал в Швейцарской Юре нечто вроде романского организационного центра и внес также зачатки разложения в южную Францию и Бельгию,—он окончательно отрекся от своего русского происхождения и панславистского образа мыслей, предпочитая называть себя представителем латинских рас. В качестве такового он предпринял травлю против немцев; во время франко-прусской войны он написал брошюру: «L'Empire Knoutogermanique et la Révolution Sociale», которая могла служить комментарием к воззванию Гилльома, и алльянсистские органы наперерыв друг перед другом старались подражать примеру своего великого учителя и не иначе называли членов генерального совета, как «немцами» и «бисмарковскими головами». Лондонская конференция приняла резолюцию, одобряющую образ действий немецких рабочих во время войны; эта резолюция была предложена швейцарским делегатом, поддержана бельгийским и единодушно принята конференцией. Генеральный совет разъяснил во французской печати, что эта резолюция имела в виду антишовинистское поведение брауншвейгского комитета и голосование Бебеля и Либкнехта в рейхстаге. Тем не менее пресловутая лондонская «секция 1871 г.» напечатала в «Qui vive!» протест, в котором она упрекает генеральный совет в пангерманизме. Достаточно напомнить, что в этой секции заседали французские полицейские агенты, как, напр., Ландек и Дюран, и выгнанные из Интернационала, вроде Везинье, и что она поддерживала самые близкие сношения с юрасцами и с «секцией Малона» в Женеве. Еще откровеннее Бакунин был в частных письмах, где ему не зачем было стесняться, и вообще там, где, как в Италии, он рассчитывал достигнуть своей специфически дезорганизаторской цели возбуждением расовой ненависти.

Секции в Испании и Италии были в большинстве случаев основаны личными поклонниками Бакунина, с которыми он поддерживал сношения еще со времен «Лиги мира». Основатели этих секций принадлежали исключительно к буржуазному элементу, и секции, сами того не сознавая, должны были служить буржуазным партийным целям. Первым, действовавшим в Испании в пользу Бакунина, был Фанелли, один из основателей Алльянса, член итальянского парламента. Он так же, как и Сентинон и Фарга Пелицер, участвовал в базельском конгрессе; Сентинон в официальном списке членов базельского конгресса числился «делегатом Алльянса»; он был личным другом Бакунина и также основателем испанского

Альянса, по профессии же доктор медицины. После падения Коммуны он старался удержать членов Интернационала от заявления солидарности с побежденной Коммуной, а сам в тюрьме открыто отрекся от Интернационала, подвергавшегося тогда преследованиям. Фарга Пелицер во время этих преследований бежал, должно быть, для того, чтобы протестовать против «государства». Оба они завязали сношения с Мораго, завсегдатаем мадридских кабаков и республиканским агентом, и помогли ему достать из Женевы членские билеты Альянса. Дело в том, что, как юрская записка сама себя выдает, «все испанские члены Интернационала принадлежали к Альянсу, обществу, примыкавшему к Интернационалу, *просто в качестве членов женевской секции*. В Мадриде никогда не было отдельной секции Альянса; мадридская секция была основана Фанелли во время его путешествия просто, как отделение женевской секции» *). Авторы записки наивно признаются, что они раньше совершенно не знали об этом своеобразном приеме и допустили поэтому неточность в предыдущем изложении. Альянисты только после известного искуса посвящались в тайны организации. Однако, генеральный совет в Лондоне отлично это знал и принял поэтому меры предосторожности против знаменитой женевской секции. Кроме этой организации, подчиненной Женеве, с 1870 г. в Испании образовались местные секции Альянса в Пальме **), Валенсии, Малаге, Кадиксе, а в 1871 г. в Севилье и Кордове. В Мадриде существовала еще с 1869 года секция Интернационала, основанная не альянсистами; председатель ее, увидев компанию буржуазных франкмасонов, входивших в тайную организацию Альянса, ретировался оттуда. Мадридский федеральный совет также не был расположен к пропаганде Альянса и с успехом воспротивился основанию в Мадриде собственной секции Альянса.

В большей части городов рядом с секциями Альянса были также и секции Интернационала; между ними тогда еще не было раздоров. Организация Интернационала сложилась на конгрессе в Барцелоне. Несогласия в политических воззрениях, в вопросах

---

*) «Mémoire etc.», стр. 244.

**) Из Пальмы на Балеарских островах генеральный совет еще в конце января 1871 г. получил пробный номер испанской рабочей газеты «Social-Revolution». О направлении ее отчет в «Eastern Post» от 4-го февраля говорит, что она смотрит на чисто политические перемены, как на простую перемену лиц, но не системы, и что она намерена бороться за социальный переворот.

пропаганды и организации между Интернационалом и Аллъянсом проявились значительно позже; дельцы Алльянса пока считали для себя более благоразумным оставаться внутри Интернационала и руководить Интернационалом при помощи скрытых влияний. Открыто фигурировал только Интернационал, он один со своими составными частями был представителем всего пролетарского движения. Хотя Алльянс начал свою пропаганду в Испании значительно раньше Интернационала, однако только с появлением Интернационала движение вышло из рамок узкой сектантской организации, и сведения, получавшиеся генеральным советом о быстром росте организаций, относились только к секциям Интернационала. В одном письме, полученном из Барцелоны *), указывается, что ближайшим последствием исхода выборов в кортесы может быть взрыв революции, тем более, что одновременно правительство потерпело поражение и на провинциальных и коммунальных выборах. В Барцелоне на провинциальных выборах были избраны против 5 монархистов 9 республиканцев, в том числе 2 члена Интернационала. Республиканцев это письмо метко характеризует, как людей, чувствующих отвращение ко всему, что имеет хоть малейший намек на социализм. Перец Маргаль, выдававший себя за социалиста, имел нахальство предложить налог на заработную плату поденщиков. Эти господа старались раздувать националистический дух, во сне и наяву они бредили превосходством латинской расы и другими подобными глупостями. Конечной целью всех этих стремлений являлась какая-нибудь выгодная должность. Когда члены Интернационала созвали собрания в Мадриде и Барцелоне, республиканцы блистали своим отсутствием, хотя их вожди получали специальное приглашение. После падения Коммуны Интернационал подвергся в Испании преследованиям, и федеральный совет должен был распасться **). В республиканской партии обсуждение вопроса о Коммуне привело к полному расколу. При возникновении Коммуны вожди республиканцев видели в ней только борца за муниципальные свободы и были ярыми ее защитниками; когда же они уразумели ее политический характер, мнение их круто изменилось ***). Но не вся партия была единодушна; только средний класс был на стороне версальцев; молодой элемент,

---

*) «Eastern Post» от 19 августа 1871 г.
**) «Eastern Post» от 19 августа 1871 г.
***) «Eastern Post» от 26 августа 1871 г.

а особенно рабочие стали на сторону Коммуны и все ближе становились к Интернационалу. Их органы стали выставлять требование национализации земли и другие социалистические требования; в таком духе писали «l'Association» в Леоне, «El Communero» в Мадриде, «La Justicia» в Малаге и «El Trabajo» в Ферроле. На большом республиканском собрании в Мадриде 15-го октября предложение действовать сообща с Интернационалом было принято с энтузиазмом *). Уже в июле пало министерство, по инициативе которого были начаты преследования против Интернационала, и Интернационал вновь начал свою пропаганду. Через несколько недель, после целого ряда запросов по поводу Интернационала, пало также и новое министерство, подвергшееся сильным нападкам со стороны фракции Зориллы за его противное конституции нарушение права собраний, выразившееся в закрытии секций Интернационала. От 10 до 18 сентября происходил в Валенсии конгресс испанского Интернационала, на котором решено было объединить все организации во всей стране. Почти всюду были образованы секции; секции были объединены в местные федерации. Такие федерации находились во всех больших и очень многих маленьких городах.

Большинство членов Алльянса в Испании было убеждено, что его программа совершенно тождественна с программой Интернационала, и что Алльянс является тайной **) и даже высшей организацией, ставящей себе целью подготовить почву для Интернационала, и что поэтому каждый почти обязан вступать в Алльянс. Так смотрели и делегаты секций Интернационала на конгрессе в Валенсии и поэтому они, не задумываясь, решили распространить тайную организацию Алльянса по всему полуострову и постановили также включить в Алльянс всех членов федерального совета. Тогда-то Мораго, живший со времени последних гонений на Интернационал в Португалии, поспешил явиться в Мадрид и обвинил члена федерального совета Мора в том, что он «хотел подчинить Алльянс Интернационалу, *тогда как Алльянс преследует как раз обратную цель*». В доказательство своей правоты он представил письмо Бакунина, в котором тот развивал целый маккиаве-

---

*) «Eastern Post» от 21 октября 1871 г.

**) Что Алльянс был тайной организацией, с этим соглашается и записка («Mémoire», стр. 245), но только для Испании. По уставу который она напечатала, Алльянс должен был быть «éminement secrète».

левский план, как подчинить себе Интернационал. «Алльянс только для вида должен оставаться внутри Интернационала, на самом же деле он должен держаться на известном расстоянии от него, чтобы лучше наблюдать за ним и направлять его деятельность. По этой причине, члены, входящие в состав федерального совета или комитетов, должны быть в секциях Алльянса всегда в меньшинстве». Измена, в которой Мораго обвинил Мора, заключалась в том, что он включением всех членов федерального совета обеспечил бы им большинство в алльянсистской секции и таким образом установил бы фактически преобладание Интернационала над Алльянсом. Чтобы помешать подобному преобладанию, тайные инструкции Алльянса требуют, чтобы в федеральный совет или комитеты входило не больше одного, двух алльянсистов, с помощью которых и должна действовать алльянсистская секция; последняя и должна была предварительно рассматривать те постановления, которые нужно было провести в Интернационале. Мораго основал тогда новую алльянсистскую секцию, как он это сделал в Португалии, где секции ему казались подозрительными, при чем его поддержали все посвященные в это дело.

Когда получилось циркулярное обращение из Сонвилье, Алльянс не решился присоединиться к протесту против генерального совета. Для этого масса членов еще слишком мало была посвящена в тайны Алльянса. Барцелонская секция обратилась даже с очень непочтительным письмом к Бакунину, в котором она упрекала его за соперничество с Карлом Марксом, и федеральный совет также присоединился к этому письму. Тогда Мораго пустил в ход все подпольные происки, «чтобы уничтожить в корне все самовластные стремления генерального совета», как он выразился в письме к мадридской алльянсистской секции, однако, ему только в Пальме удалось добиться одобрения юрского циркуляра.

Федеральный совет, которому Лафарг открыл глаза на тайные стремления Алльянса *), решил отделаться от Алльянса. Лондонская резолюция об отношении рабочего класса к политике дала ему возможность отделить членов Интернационала от членов Алльянса. Он задумал основать в Испании большую рабочую партию, которая, естественно, должна была порвать со всеми буржуаз-

*) Юрская записка за это награждает его почетным титулом: le misérabl Lafargue, стр. 249. Лафарг во время преследований против Интернационала был арестован и с жандармами препровожден в Мадрид.

ными партиями *). Это совсем не соответствовало желаниям Альянса, который был связан с республиканцами, и когда федеральный совет, редактировавший «Emancipacion», потребовал от представителей федерально-республиканской партии, собравшихся на конгресс, чтобы они изложили свою политическую и практическую программу, то Альянс основал свой орган «El Condenado», который написал на своем знамени три основных добродетели Альянса—атеизм, анархия и коллективизм, но строго запрещал рабочим требовать сокращения рабочего времени. Когда буржуазные республиканцы обвинили редакторов «Emancipacion» в том, что они продались Сагасте, «El Condenado» упорно молчал, и чтобы сделать для республиканской партии все, что было в его силах, Альянс заставил исключить редакторов «Emancipacion» из мадридской федерации Интернационала, где он владел большинством голосов, за их письмо к республиканскому конгрессу. Конгресс в Сарагоссе признал недействительным это исключение и избрал двух из исключенных в новый федеральный совет. Этим доверием федеральный совет был обязан прекрасным результатам, достигнутым им в деле организации: за шесть месяцев он довел число местных федераций с 13 до 70, основал около 100 новых секций и организовал 8 национальных профессиональных союзов. Всего Интернационал насчитывал тогда в Испании от 40.000 до 50.000 членов **).

На конгрессе в Сарагоссе альянисты хотели нанести решительный удар организации Интернационала и выступили с проектом изменения устава, согласно которому федеральный комитет обращался в простую марионетку; этого же добивались и юрские сектанты по отношению к генеральному совету. Вообще, по мысли этих господ, комитеты должны были быть лишены малейших признаков самостоятельности и стать простыми бюро для сношений и статистики; местные же секции федерации могли принимать

*) См. «Eastern Post» от 24 декабря, а также «Eastern Post» от 30 декабря 1871 г. Там сообщается, что «Emancipacion», официальный орган испанского федерального совета, заявил о своем согласии с постановлением лондонской конференции и перепечатал подобные же заявления других рабочих газет; вместе с тем он определенно высказался, что он будет поступать согласно с резолюциями о неразрывности политической и экономической деятельности.

**) «Eastern Post» от 31 марта 1872 г.

какие им угодно уставы, не справляясь даже с мнением федеральных советов, давая отчет только ближайшему конгрессу. Таким образом, секциям предоставлялась абсолютная автономия, т.-е. право поступать, как им заблагорассудится, не справляясь ни с какими уставами и регламентами. На практике это было бы равносильно распадению Ассоциации, полному уничтожению ее, как политической партии, и парализованию всякой ее деятельности. И это предлагалось в такое время, когда Интернационал подвергался репрессиям со стороны правительства, когда собрания его запрещались, публичные заседания закрывались, как это было и на самом конгрессе, а вооруженные карлистские агитаторы с оружием в руках только ждали момента, чтобы вовлечь Интернационал в какой-нибудь бунт в Сарагоссе и использовать его для своих целей. С введением подобного устава в Интернационале воцарился бы настоящий хаос, двери его оказались бы широко раскрытыми для всякого полицейского агента, для всякого изменника из господствующих классов. Блестящие организационные успехи федерального совета достаточно красноречиво говорили против этих дезорганизаторских стремлений, и проект был отвергнут всеми голосами при двух-трех воздержавшихся. Когда в предыдущем году юрасцы разослали повсюду свой циркуляр против генерального совета, в котором они требовали таких же новых порядков для всей организации, то из всех испанских секций только одна в Пальме высказалась за созыв экстренного конгресса; в Сарагоссе же представитель от Пальмы заявил, что его обязали голосовать за сохранение старого устава и против всяких изменений организации *).

Борьба между федеральным советом и Алльянсом шла своим порядком. Предложение о распущении Алльянса не обсуждалось в Сарагоссе, и федеральный совет разослал секциям циркуляр, в котором он вносил это предложение вновь. Циркуляр характеризует Алльянс, как обособленную организацию, которая ставит себя выше Интернационала, хочет им руководить и вносит в организацию только раздоры и раскол. Уже через день алльянсисты опять исключили подписавших циркуляр из мадридской федерации Интернационала, будто бы за то, что «Emancipacion» в одной статье оскорбила друзей Алльянса, профессоров и чиновников, принадлежавших к республиканской партии. Так как исключение являлось нарушением устава, то исключенные апеллировали к федеральному

*) «Eastern Post» от 12 мая 1872 г.

совету; последний был, благодаря интригам альянсистов, переведен в Валенсию и после того, как вновь избранные Мора и Лоренцо отказались от своей должности, стал душой и телом предан Альянсу. Федеральный совет заявил, что он не компетентен в этом вопросе, что было также против устава. Тогда исключенные основали новую федерацию, которую федеральный совет не утвердил; генеральный же совет ее утвердил. Гаагский конгресс одобрил этот акт и единогласно допустил на конгресс делегатов новой мадридской федерации. Альянс тогда употребил самые низкие приемы: он напечатал имена исключенных в газетах, называя их публично «изменниками», и вывесил список их в помещениях секций; каждого из исключенных в отдельности чернили в печати, наконец, на них напали из-за угла и побили. «Emancipacion» подвергли бойкоту, и продавцам грозили исключением, как «изменникам». Альянс прилагал все старания к тому, чтобы от Испании все делегаты на гаагский конгресс были из среды его членов; с этой целью федеральный совет разослал частный циркуляр, державшийся в строгой тайне. Тем не менее этот циркуляр попал в руки новой мадридской федерации, и она отослала его генеральному совету, который теперь выступил с указанием на тайный характер Альянса в Испании и в письме к федеральному совету охарактеризовал цели Альянса *). Федеральный совет ответил уклончиво, но должен был, однако, признать существование Альянса. Альянс тогда открыто выставил в своих органах кандидатуру своих делегатов на гаагский конгресс и всякими нечистыми приемами добился избрания своих кандидатов, которым он дал точные инструкции.

В Португалии, где Альянс долго не находил для себя почвы, Интернационал имел успехи. В Лиссабоне существовала секция, насчитывавшая около 400 членов, которая высказалась за эконо-

---

*) Юрская записка приводит (стр. 250) некоторые места из письма, которое Энгельс будто бы послал федеральному совету. В этом письме Энгельс грозит федеральному совету разоблачением в печати тайных махинаций Альянса в Испании, его пренебрежение уставом и измены делу Интернационала и требует дать объяснение со следующей же почтой. Записка, по ее словам, почерпнула эти сведения из показаний Юнга, которые тот дал впоследствии на сецессионистском английском конгрессе в Лондоне. Записка дальше сообщает, что по настоянию Юнга генеральный совет постановил не приводить в исполнение угрозы Энгельса.

мическую, социальную и политическую программу Интернационала. Три больших профессиональных союза, имевшие вместе больше 1000 членов, также присоединились к Интернационалу. Орган «O Pensamento Social» пропагандировал идеи Ассоциации *).

Алльянс в Италии.

Еще более бесцеремонны, чем в Испании, были действия Алльянса в Италии. И там Бакунин также искал и нашел связи главным образом среди более молодых радикальных буржуазных элементов. Италия вскоре стала для Алльянса обетованной страной. В одном письме к Мора Бакунин разоблачает тайну такого успеха: «В Италии имеется, чего нет в других странах: пылкая энергичная молодежь, *без всякого положения, без карьеры, без видов на будущее,* которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, не выродилась ни морально, ни интеллектуально, как молодая буржуазия других стран. Теперь она с головой ушла в революционный социализм, приняв всю нашу программу, программу Алльянса». Генеральный совет по этому поводу замечает **): «Бакунин совершенно прав. Алльянс в Италии представляет собой не союз рабочих (fascio operaio), а кучку босяков, буржуазную накипь. Всеми, так называемыми, секциями Интернационала в Италии руководят адвокаты без клиентов, врачи без пациентов и без знаний, спившиеся студенты, коммивояжеры, бывшие приказчики, а, главным образом, журналисты мелкой прессы более или менее сомнительного свойства... Тем, что эти господа захватили в свои руки все официальные должности в секциях, Алльянс вынуждал рабочих, при их желании завязать сношения между собой или с каким-нибудь иностранным комитетом Интернационала, прибегать к помощи этих алльянсистских буржуазных отбросов, которые в Интернационале нашли для себя «выход» или «карьеру».

Эта характеристика совершенно верно изображает Алльянс в Италии. История его развития очень простая. Первая секция Алльянса в Неаполе с самого начала находилась под влиянием адвоката Гамбуцци, благодаря которому президентское место досталось «примерному рабочему» Капоруссо. Последний был на базель-

---

*) «Eastern Post» от 24 марта 1872 г.

**) «L'Alliance de la Démocratie Socialiste etc.», стр. 48.

ском конгрессе; когда он вернулся, его положение вскружило ему голову, он натворил много глупостей, и, в конце концов, был изгнан из секции за растрату 300 франков. В ноябре 1871 г. образовалась секция в Милане, в нее рядом с рабочими входили студенты, журналисты, приказчики—все элементы, находившиеся под непосредственным влиянием Альянса. Один рабочий, по имени Куно, привлек в эту секцию рабочих; в благодарность за это эти господа исключили его из своих тайных собраний. Когда же он раскрыл их тайную организацию, то был арестован итальянской полицией и выслан, как «германец»; после этого Альянс мог свободно действовать и подчинил себе и миланскую секцию Интернационала. В октябре 1871 г. в Турине образовалась рабочая федерация, секретарем которой был Терцаги. Он был послушным орудием в руках своего господина и учителя Бакунина; он довел до сведения генерального совета, что «генеральный совет должен был получить через Бакунина письмо рабочей ассоциации в Равенне, в котором она себя объявляет секцией Интернационала». Когда был получен циркуляр юрасцев, он убедил туринскую секцию *) принять сторону юрасцев, получив предварительно на этот счет инструкции от Бакунина. Несмотря на это, этот рыцарь просил у генерального совета денег на свою газету «El Proletario», пробовал втихомолку вступить в сделку с генеральным советом против Бакунина и на одном публичном собрании раскрыл присутствие эмигранта Реджиса, которого прислал в Турин генеральный совет. Только с помощью секции Реджису удалось перебраться за-границу. Терцаги впоследствии грозил в случае, если его не выберут вновь, сжечь книги секции и сделаться полицейским агентом. Секция исключила его единогласно, но Альянс, который очень уважал автономию секций, выбрал его почетным членом секции во Флоренции, а потом—и делегатом от этой секции на конференцию в Римини **).

В Италии гораздо менее, чем в Испании, можно было устано-

*) Об отношении других итальянских секций к юрскому циркуляру см. выше.

**) В 1873 г. Терцаги подверг опасности конгресс алльянсистов в Женеве. Он явился туда в качестве делегата от двух «непримиримых секций»; но так как он навлек на себя подозрение, как служащий лото, то его попросили уйти. См. Compte Rendu officiel du Sixième Congrès de L'Association Internationale des Travailleurs Locle 1874, стр., 12.

вить границы между Интернационалом и Алльянсом. Секции Интернационала были большей частью местными случайными организациями, без всякой связи между собой. Часто случалось и так, что какой-нибудь областной союз рабочих организаций присоединялся на время к Интернационалу и посылал делегата на конгресс Интернационала. Прочной федерации секций, которая принадлежала бы к Интернационалу, в Италии никогда не было. Все те секции, которые во время существования Алльянса заявляли генеральному совету о возникновении и присоединении, должны, без сомнения, быть рассматриваемы, как секции Интернационала, так как секции Алльянса уже считали эту формальность для себя излишней. Так было во Флоренции и Неаполе, где секции Интернационала, закрытые правительством, вскоре же вновь образовались; также в Джирдженте, Турине, Равенне, Милане и Фераре *). Впрочем, даже генеральный совет никогда не имел ясного представления о характере итальянских секций. Как Энгельс заметил на одном заседании генерального совета, это происходило оттого, что генеральный совет почти никогда не имел непосредственных связей с итальянскими рабочими, а корреспонденция велась почти исключительно с докторами, журналистами, адвокатами и т. п. господами, в руках которых находилась рабочая пресса. Поэтому, хотя газеты и корреспонденции сходились в том, что итальянские приверженцы Интернационала горячо отстаивали теорию полного воздержания от политики и отвергали резолюцию лондонской конференции по этому вопросу, никто бы не мог поручиться, что такого же взгляда держались и итальянские рабочие, принадлежавшие к Интернационалу. Личное наблюдение на месте часто приводило как раз к обратному выводу, что рабочие далеко не были сторонниками политического воздержания, а были даже очень рады услышать, что большинство членов в Интернационале и генеральный совет не исповедывали этого учения.

Самую благодарную почву для себя Алльянс нашел в Романье, секции которой Алльянс мог ставить в пример другим. С самого начала они поставили себе правилом не считаться с уставом Интернационала, не сообщать генеральному совету о своем возникновении и не делать никаких взносов. О первом конгрессе рабочей ассоциации (Fascio Operaio) мы уже упомянули. Когда приближа-

*) «Eastern Post» от 19 августа и 21 октября 1871 г. и от 4 февраля, 17 марта и 24 марта 1872 г.

лось время гаагского конгресса, рабочая ассоциация окрестила себя «итальянской федерацией» и созвала конференцию в Римини. Из 21 секции, которые были там представлены, только одна неапольская принадлежала к Интернационалу; действительно, входившие в состав Интернационала секции не имели там своих представителей, в том числе даже миланская секция. Конференция была настолько неосторожна, что своей резолюцией разоблачила самые тайные помыслы Алльянса. Эта резолюция гласит, что лондонское постановление о политической деятельности стремится навязать всему Интернационалу учение «немецкой коммунистической партии»; что это стремление встречает сильную поддержку со стороны генерального совета; что учение «авторитарных коммунистов» противоречит революционному чувству итальянского пролетариата; что генеральный совет употребил самые недостойные средства, как клевету и обман, чтобы внушить всему Интернационалу эту доктрину; что генеральный совет в своем циркуляре от 5 марта 1872 г. («Les Prètendues Scissions») в клевете и обманах перешел всякие границы; что реакционный дух генерального совета возмутил революционное чувство бельгийцев, французов, испанцев, славян, итальянцев и части швейцарцев и вызвал предложение об упразднении генерального совета и об изменении устава; что, наконец, генеральный совет «не без причины» назначил конгресс в Гааге, находящейся далеко от всех революционных стран. В виду всего этого конференция в Римини «торжественно заявляет перед рабочими всего мира», что «итальянская рабочая федерация» отказывается от всякой солидарности с генеральным советом и приглашает все секции, которые не разделяют авторитарных принципов генерального совета, послать своих представителей в Невшатель на общий «антиавторитарный» конгресс 2-го сентября, в тот самый день, когда должен был открыться гаагский конгресс.

Само собой разумеется, никто не откликнулся на этот ничем не оправдываемый призыв. Даже испанский федеральный совет, превратившийся в простое отделение Алльянса, не решился пустить на голосование испанских секций резолюцию, принятую в Римини. Сам Бакунин понял, что конгресс зашел слишком далеко. Алльянс принял участие в гаагском конгрессе, но созвал также и антиавторитарный конгресс в Сент-Имье, который должен был состояться после гаагского конгресса.

Интернационал в Дании.

В то время, как бакунинский Алльянс делал свое дело разрушения в «латинских расах», Интернационал медленно, но верно пускал новые сильные корни в «германских расах», в Скандинавии и, раньше всего, в промышленной Дании. Последним светлым лучем в жизни «Vorbote» было сообщение в июньской книжке 1871 г. об основании группы немецких секций в отдаленном Копенгагене *); старый И. Ф. Беккер еще раз обнаружил свою политическую проницательность, усмотрев в основании этих секций связь с падением парижской Коммуны. Эта катастрофа, имевшая всемирно-историческое значение, обратила на Интернационал внимание самых отдаленных стран, и скрывающаяся в нем историческая проблема привлекла к себе более рассудительных северных рабочих. Весной 1871 г. в Дании появилось несколько брошюр без указания автора, в которых излагались основные положения Интернационала. С этого времени почти каждый отчет о заседаниях генерального совета дает все новые сведения об успехах этого движения в Дании. В июле появился первый номер газеты «Socialisten»; в августе было печатно заявлено об основании интернациональной рабочей организации в Дании; устав ее определенно указывает на характер организации, как датского отделения Интернационала, устав которого был принят организацией. В сентябре федеральный совет в Копенгагене сообщал, что новый орган «Socialisten» приобрел быстро растущее влияние и широкое распространение. Вместе с тем федерация хотела завязать более тесные сношения с генеральным советом, чтобы притти к соглашению насчет политики. Было решено поддерживать правильную переписку с Копенгагеном. В ноябре сведения из Копенгагена говорили о новых круп-

*) «Vorbote», 1871 г., стр. 96. Из одного письма Петерсена к Энгельсу, которое мы приводим в приложении, видно, что лично Петерсен завязал сношение с генеральным советом еще до Коммуны, но организация основалась после парижской катастрофы. Это удостоверил впоследствии и Кристенсен на интернациональном конгрессе в Париже в 1889 г., на котором, впрочем, присутствовал и Петерсен. См. протокол конгресса в Париже. Нюрберг 1889, стр. 61 и 72 ff. Как видно еще из одного письма, напечатанного в «Eastern Post» 26 марта 1872 г., один из основателей датского Интернационала предпринял поездку для изучения организации Интернационала в Швейцарии и Германии.

ных успехах: в одной столице Интернационал имел свыше 2000 приверженцев, кроме того, образовались секции во всех более крупных провинциальных городах. В Аарусе, имевшем тогда 15.000 жителей, было свыше 400 членов; особенно гигантские успехи делала организация в сельских округах: малоземельные крестьяне и рабочие Ютландии почти все примкнули к Ассоциации. Мечтали уже о завоевании мест в парламенте и об учреждении министерства труда. Средний класс, говорится в конце этого письма, очень напуган успехами Интернационала, но, благодаря свободной конституции, не решается прибегнуть к исключительным мероприятиям *). В первые летние месяцы должен был быть созван общий конгресс датских рабочих и мелких крестьян, чтобы выработать общую программу действий во время выборов. Наконец, рассчитывали с 1 апреля выпускать партийный орган ежедневно. В начале января 1872 г. генеральный совет получил письмо, рисовавшее в ярких красках те громадные усилия, которые датская полиция и правительство делали для того, чтобы сокрушить Ассоциацию. Полиция, запугивая домовладельцев, советовала им не отдавать квартир под помещение секций; она заставляла владельцев типографий не печатать газет Интернационала. Несмотря на все это, число членов достигло цифры свыше 5000, не считая значительного числа союзов, возникших в сельских округах. Организация проникла и в Швецию, где образовался уже федеральный совет; это так испугало шведских предпринимателей, что они добровольно увеличили заработную плату. В апреле 1872 г. Энгельс сообщил в генеральном совете, что датская секция вынуждена была вновь приостановить свой орган «Socialisten», так как типографы отказались исполнять заказы Интернационала.

В мае 1872 г. правительство нанесло первый тяжелый удар новой рабочей организации. Союз назначил собрание под открытым небом; полиция запретила это собрание. Несмотря на это запрещение, члены комитета пригласили рабочих собраться на Северном поле. В ночь перед собранием члены комитета Пио, Брикс, Гелеф были арестованы. На следующий день к назначенному часу на Северном поле собралась масса народа; небольшая группа хотела силой проникнуть в оцепленное поле, но подверглась нападению со стороны полиции и войска; дело дошло до кровопролития, однако волнение было тотчас подавлено.

---

*) «Eastern Post» от 25 ноября 1871 г. и 24 марта 1872 г.

Правительство только этого и ждало, чтобы дать острастку другим. Социалисты сначала легко отнеслись к делу; письмо к генеральному совету высказывало надежду, что арестованные, хотя и потерпят наказание, но отделаются сравнительно дешево. Однако правительство решило иначе; оно предприняло сенсационный процесс по обвинению в государственной измене, воспользовавшись всеми номерами «Socialisten» для установления образа мыслей обвиняемых. В дело вмешался фолькстинг; парламентская комиссия потребовала сведений о следствии против обвиняемых,—министр юстиции отказал. Тогда ландтаг потребовал формально от министра юстиции доставить комиссии копии протоколов, но министр юстиции, заявив о своей готовности дать объяснения по этому делу, отказался, однако, представить ландтагу следственный материал для ознакомления. Дело грозило конфликтом, однако фолькстинг успокоился. Только через десять месяцев состоялся приговор, которым Пио, Брикс, Гелеф присуждались к 6, 5 и 4 годам арестантских рот, а 15 других обвиняемых к заключению в тюрьме на короткие сроки. Суд признал доказанным, что обвиняемые хотели 5 мая применить насилие, а также, что они рано или поздно хотели вызвать переворот, чтобы установить социалистическое государство; мотивировка в «конституционной» Дании была такая же, как немного раньше в абсолютистской Австрии. Апелляционная инстанция уменьшила наказание до 5 и 3 лет.

Если правительство надеялось этими беззакониями подавить рабочее движение в Дании, то оно глубоко ошиблось. Правда, оно запретило Интернациональную Рабочую Ассоциацию и закрыло все ее отделения в провинции; однако на одном рабочем собрании в Копенгагене, на котором присутствовало несколько тысяч человек, столяр Пиль заявил, что он вместе с папиросником Гисингом, который был выбран в председатели, основывает новый социал-демократический рабочий союз с целью «добиваться законными средствами политического и социального уравнения рабочих с другими общественными классами». Это сообщение встретило очень сочувственный прием, и тут же были сделаны многочисленные заявления о присоединении к союзу. Было заявлено совершенно открыто, что этот союз является взамен закрытого союза; власти могут себе закрывать союзы, взамен их явятся новые. Через несколько месяцев Пиль созвал собрание на том же Северном поле, на которое явилось больше 5000 человек из разных слоев общества. Он предложил резолюцию, осуждавшую строгость

наказания и выражавшую уверенность, что осужденные не потеряли в глазах рабочих своей гражданской чести; затем было решено ходатайствовать перед королем о помиловании приговоренных, а к рабочим был обращен призыв присоединиться к социал-демократическому союзу. Собрание разошлось с криками «hoch!» в честь вождей, заключенных в тюрьму. Ходатайство о помиловании Пиль получил от короля обратно с надписью, что следует обратиться к министру юстиции. Пиль созвал новое массовое собрание, с несколькими стами социалистов попытался проникнуть на дворцовую площадь, чтобы лично вручить свое прошение королю. Тогда Пиль был арестован и осужден за угрозы королю на 18 месяцев тюрьмы.

После этого социалисты вступили в соглашение с радикалами. Рабочие поддержали радикальных кандидатов и помогли им одержать победу на выборах. Фолькстинг требовал от правительства социальных реформ, и правительство должно было уступить. В 1876 г. Пио был освобожден из тюрьмы и выбран главным редактором нового партийного органа «Социал-демократа». В том же году на выборах он выступил кандидатом от рабочих, получил однако 1100 голосов, а его соперник 3000. Пио и Гелеф вскоре эмигрировали в Америку; Брикс же остался в Дании и до самой смерти энергично боролся за рабочую партию.

Английский федеральный совет.

На лондонской конференции было решено образовать английский федеральный совет с той оговоркой, что тред-юнионы предварительно должны дать свое согласие на учреждение такого совета. Известно, что генеральный совет, пока Карл Маркс еще верил в возможность взрыва великой европейской революции, был против учреждения английского федерального совета, чтобы иметь в своих руках рычаг этой революции. После падения Коммуны стало очевидно, что борьба рабочего класса растянется на десятки лет и примет форму политической борьбы. Нельзя было больше медлить с образованием политических партий, чему первыми подали пример Германия и Швейцария. Основать теперь в Англии собственный федеральный совет значило только создать и в ней такую организацию, которая могла бы практически осуществить лондонское постановление о политической деятельности. Ясно, что именно в Англии такое предприятие должно было встретить особенные

затруднения, тем не менее оно не было совсем безнадежно. Политическая деятельность английского рабочего класса в последнее десятилетие имела чисто случайный характер; она была вся посвящена избирательной реформе и легализации тред-юнионов. Но это далеко еще до политической программы. И если больших трудов стоило вовлечь в это движение английских рабочих, которые дальше своих ближайших задач и целей никогда не смотрели, то можно себе представить, какие трудности должно было встретить стремление сплотить бо̀льшую часть английского рабочего класса в политическую партию с собственной политической программой. Тем не менее лондонская конференция требовала от рабочих, чтобы они организовались политически, как класс, и рассчитывали при этом в значительной степени на отлично организованных английских рабочих.

Мы уже указывали выше по другому поводу, что никогда еще отношения между генеральным советом и тред-юнионами и английскими рабочими вообще не достигали такой близости, как в 1871 и 1872 г.г.; здесь необходимо дополнить этот очерк несколькими штрихами. В одном отчете о заседании генерального совета в начале июля 1871 г. говорится: «Получилось большое число английских писем, которые указывают на все растущеее влияние Ассоциации в Англии; письма обращают внимание на возмутительное отношение к Интернационалу со стороны ежедневной прессы и на необходимость создать свой орган, чтобы развивать коммунистические идеи» *). Один из следующих отчетов сообщает: «Доложено о новой секции в Лугборо в Лейчестершире; из Эдинбурга и Бельпора в Дербишире просят инструкции по поводу образования новых секций» **). Вскоре затем находим опять в отчете: «Известия из Англии носят самый утешительный характер; большинство корреспондентов настаивают на том, что Ассоциация должна завестись собственным органом для английской секции, чтобы опровергать инсинуации и клевету, постоянно возводимые прессой». Из Ливерпуля получались сведения, что там секция делает большие успехи и приобретает много новых членов, так что можно было быть уверенным, что в этом консервативном округе секция еще долго будет существовать. В одном письме высказывается пожелание, чтобы английская секция ясно формулировала принципы

*) «Eastern Post» от 8 июля 1871 г.
**) «Eastern Post» от 19 августа 1871 г.

Интернационала, как они были установлены па различных конгрессах в Женеве, Лозанне, Брюсселе и Базеле. Автор письма того мнения, что резолюция о национализаций земли и всех средств производства может служить прекрасным основанием для агитации в Англии, если эту резолюцию связать с требованием уничтожения всякого господства одного класса над другим. Другое письмо говорит, что все стремления рабочих направлены к тому, чтобы рабочий люд не изнурялся на работе, чтобы он был обеспечен пропитанием, жилищем и одеждой, и чтобы каждый имел возможность приобретать знания и удовлетворять своим умственным и духовным потребностям; все это может осуществиться лишь тогда, когда государство возьмет в свои руки верховный надзор за производством и собственностью *). Вслед за лондонской конференцией состоялось заседание генерального совета, в отчете о котором говорится: «Очень многочисленные корреспонденции из Англии доказывают постоянный рост Ассоциации в Англии. Просьбы о принятии в члены и о разрешении новых секций поступают непрерывно». Во многих письмах повторялось сожаление по поводу того, что Интернационал не имеет своего органа в Англии, и давались обещания поддерживать подобный орган, если генеральный совет согласится его основать. Было решено, принимая во внимание успехи, достигнутые в Англии, указать секциям и членам на преимущества, которые представит собственный федеративный совет в Англии в смысле непосредственного влияния на английскую политику, так как в будущем Ассоциация должна несомненно играть большую роль, чем это было до сих пор. Вместе с тем решено было рекомендовать основание женских секций во всех странах, чтобы в большей степени, чем до сих пор, использовать облагораживающее влияние женщины в борьбе за равные права и равные обязанности **). Настроение в английских рабочих кругах было вполне благоприятное; нужно было только использовать это настроение организационно, дать ему определенную политическую цель и программу, которая, пожалуй, могла бы стать программой для выборов 1874 года. На самом деле не так уже трудно было использовать это движение, существовавшее в глубине масс, и сделать его таким же могучим, каким было движение в пользу реформы избирательного права. Можно было воспользоваться для

*) «Eastern Post» от 2 сентября 1871 г.
**) «Eastern Post» от 30 сентября 1871 г.

этого тред-юнионами и, опираясь на радикальные тенденции в рабочем классе, повести агитацию, не считаясь с Алланом и Оджером, и дать всему английскому рабочему движению определенное направление. В генеральном совете тогда еще находился Эппльгарт, своим авторитетом и опытом в профессиональном движении не уступавший Оджеру, а Хэльс также имел много сторонников среди рабочих в лондонском Ист-Энде *).

В крайнем случае можно было обойтись совсем без старых тред-юнионистских вождей. Английское движение за девятичасовой рабочий день, возникшее против воли вождей и совершившее свое победное шествие по всей Англии, показало, что в Англии можно привлечь рабочих в пользу радикальных требований и без содействия со стороны тред-юнионистских вождей. Бернет, президент Лиги борьбы за девятичасовой рабочий день, руководивший борьбой машиностроительных рабочих в Ньюкэстле, за одну ночь стал признанным вождем рабочих. Этот Бернет в начале августа явился к генеральному совету с депутацией от бастовавших машиностроительных рабочих, прося совета и поддержки Интернационала **). При этом произошло очень интересное объяснение о тред-юнионах и Интернационале. Бернет прежде всего изобразил отчаянное положение бастующих и уволенных рабочих; хотя часть привезенных из Бельгии штрейкбрехеров удалось убедить вернуться домой, но 150—200 человек и теперь еще работают; теперь же предприниматели опять послали своих агентов в Бельгию и ожидается приезд еще 3000 рабочих, если не будут изысканы средства отговорить иностранных рабочих. При таких условиях машиностроительные рабочие решили обратиться за помощью к Интернационалу в надежде, что он сумеет предотвратить приезд иностранных рабочих. Во имя братства всех рабочих и в интересах спокойствия и порядка они просят притти на помощь и сделать все возможное; при том озлоблении, которое господствует среди забастовщиков, нет почти сомнения, что с приездом иностранных рабочих дело дойдет до кровопролития. Армстронг получил также разрешение от датского правительства привезти рабочих датского правительственного арсенала. Бернет предлагал послать депутацию на континент, при чем издержки стачечники с удовольствием воз-

*) См. «Neue Zeit» XXI², стр. 50.

**) См. отчет о заседании генерального совета в «Eastern Post» от 12 августа 1871 г.

мут на себя. После долгих переговоров Карл Маркс высказался за посылку депутации. При этом он указал, что на свою собственную беду тред-юнионы и организованные рабочие держатся в стороне от Интернационала, пока какие-нибудь затруднительные обстоятельства не вынуждают их обратиться к нему за помощью. Если бы машиностроительные рабочие принадлежали к Интернационалу, то все предохранительные меры были бы предприняты еще до начала стачки. То же самое имело место и у столяров; и они также должны были раньше завязать сношения с Интернационалом. Нельзя упрекнуть Интернационал за упущение, раз он не имел влияния на ход событий. Он надеется, что в будущем тред-юнионы и в мирное время будут помнить об Интернационале; держаться в стороне от него не только несправедливо по отношению к другим рабочим, но опасно для самих себя. Уестстон, председатель союза машиностроительных рабочих, ответил на это, что вопрос о присоединении к Интернационалу уже обсуждался в их союзном комитете, что комитет вполне оценил всю выгоду от принадлежности к такой единой и крепкой ассоциации, и что он надеется, что близко то время, когда все рабочие без различия положения и занятия будут объединены в один союз. Выше уже указывалось, что Эккариус и Кон были посланы в Бельгию и Данию, чтобы действовать против агентов предпринимателей; кроме того, секции Интернационала в больших бельгийских промышленных городах были также предупреждены письмами; во всех этих городах были устроены тогда публичные собрания, которые вынесли сочувственные стачечникам резолюции *). Интернационалу, действительно, удалось помешать ввозу иностранных рабочих большими массами. Во время стачки медников в Глазго Интернационал также оказал незаменимую услугу тем, что помешал ввозу иностранных штрейкбрехеров **). После лондонской конференции в Лондоне состоялось собрание по поводу учреждения английского федерального совета; на этом собрании были отмечены услуги, которые Интернационал оказал бастовавшим машиностроительным рабочим и всему движению за девятичасовой рабочий день; было также заявлено, что Интернационал является единственной организацией, которая по достоинству оценила великое значение объединения политической и экономической борьбы в одно

*) «Eastern Post» от 19 августа, 26 августа и 2 сентября 1871 г.
**) «Eastern Post» от 25 ноября и 16 декабря 1871 г.

движение. В заключение предложение конференции было принято и было решено считать это собрание временным федеральным советом для Лондона, пока не получится согласие всех секций. Временным председателем был назначен Мольтмен Барри, а временным секретарем Хэльс *).

Английская буржуазная пресса подтрунивала над этой новой организацией, но рабочие встретили ее сочувственно. Временный федеральный совет тотчас же вступил в сношения с провинциальными секциями, где дело Интернационала успешно подвигалось вперед. Из Манчестера, Ливерпуля**), Middlesborough, Бостона, Глазго, Эдинбурга, Exeter и Coventry ***) сообщалось о значительных успехах; и в Лондоне и его окрестностях возникли новые секции, как, напр., West End Branch, а другие секции, как Excelsior Branch и Beethalgreen Branch ****) продолжали расти. В южном Валлисе, в одном городе, где никогда еще не было секции, федеральный комитет высказался в пользу резолюций конференции, особенно за соединение политической и социальной деятельности *****). О новых секциях, которые должны были образоваться, сообщалось из Hincklei (Leicestershire), Buckfastly (Devon), Castleford (Iorkshire) и Birkenhead ******). Между тем дело окончательного сформирования федерального совета закончилось; проект устава в общем был принят секциями и генеральным советом; федеральный совет сформировался и немедленно же приступил к широкой пропаганде.

В это же время возникло движение, которое должно было послужить пробным камнем для политической зрелости нового федерального совета: это было ирландское движение. Известно, какое большое политическое значение Карл Маркс придавал тому, чтобы английский рабочий класс смотрел на ирландский вопрос, как на свое собственное дело. С отделением английской организации должен был опять подняться ирландский вопрос. Вновь основанная Beethalgreen Branch особенно энергично занялась пропагандой среди ирландцев, а сами ирландцы еще с большей энергией принялись за образование новых секций. В начале февраля осно-

*) «Reynold News Paper» от 29 октября 1871 г.

**) «Eastern Post» от 28 октября и 9 декабря 1871 г.

***) «Eastern Post» от 28 октября 1871 г.

****) «Eastern Post» от 15 июля 1871 и 27 января 1872 г.

*****) «Eastern Post» от 4 февраля 1872 г.

******) «Eastern Post» от 30 декабря 1871 г.

валась Soho Irish Section of the International, которая выставила три руководящих принципа: признание общего устава Интернационала, обязательное стремление к освобождению Ирландии от чужеземного и классового господства и обязательная для всех ирландских рабочих пропаганда принципов Интернационала *).

Кроме этой секции, в несколько недель возникли ирландские секции в Bradford, Chelsea, Cooteshill, Middlesboro и Soho **). Присоединилось много ирландских профессиональных союзов; были попытки основать секции в Bristol, Steban, Thornly, Bolton, Millington и Belfast'е. Господствующие классы терроризировали новое движение. Полиция, предприниматели и пресса начали беспримерную травлю Интернационала ***). Генеральный совет выпустил воззвание, которое клеймило английскую полицию за ее преследования в чисто прусском духе молодых секций в Дублине и Корке. Несмотря на все преследования, движение делало быстрые успехи, и ирландские рабочие достигли и экономических улучшений, а во многих местах они добились девятичасового рабочего дня****). Вновь возникающая английская рабочая партия должна была без сомнения считать одной из своих задач разъяснение английскому пролетариату всего революционного значения ирландского вопроса и привлечение его на сторону ирландцев. Никакого значения не имело то обстоятельство, что ирландская организация не составляла части английской федерации и была непосредственно подчинена генеральному совету.

В самой Англии успехи нового федерального совета были очень значительны. В Woolwich'е и в Sunderland'е *****), где движение за девятичасовой рабочий день уже подготовило почву, возникло много новых секций; то же самое было в Ньюкэстле, Ноттингаме, Лидсе, Гулле, Портсмуте, Галифаксе, Шеффильде и Плимуте ******). Манчестер и Стратфорд послали делегатов в федеральный совет *******). В провинции к Интернационалу присоединились все новые тред-юнионы. Таким образом почва для образования и роста новой самостоятельной партии была в Англии не

*) «Eastern Post» от 11 февраля 1872 г.

**) «Eastern Post» от 7 апреля 1872 г.

***) «Eastern Post» от 14 апреля 1872 г.

****) «Eastern Post» от 12 мая 1872 г.

*****) «Eastern Post» от 18 февраля 1872 г.

******) «Eastern Post» от 6 января и 15 июня 1872 г.

*******) «Eastern Post» от 21 января и 15 июня 1872 г.

менее благоприятна, чем в других странах, и если тем не менее результат заставлял себя еще долго ждать, то причину этого следует искать не в отношениях и условиях, среди которых приходилось работать, а в политической неспособности и нетактичности руководителей федерального совета. От двигательной силы программы, от ее принципиальной и органической цельности зависел успех дальнейшего развития вновь образующейся партии. Хэльс, Рооч, Фостер и товарищи их должны были доказать на деле, что они не только дельные агитаторы и организаторы, но и дальновидные политики и партийные вожди с богатой инициативой. Раньше всего был образован комитет для выработки проекта программы, и секциям было предложено высказаться по этому вопросу.

Вскоре же обнаружилось, что весьма трудно не то что привлечь и объединить массы на принципе единства политической мысли и действия, но и сплотить небольшой круг избранных лиц, часть которых до сих пор находилась в генеральном совете и теперь играла руководящую роль в новом английском федеральном совете. Хотя на общих конгрессах англичане выступали всегда с определенными и более или менее теоретически ясными взглядами, но теперь, когда дело шло о выработке политической программы, вышло совсем иначе. Правда, почти тот же круг лиц, который теперь работал над составлением программы для политической партии, уже раз обнаружил свою теоретическую несостоятельность, а именно при основании «Land and Labour League»; но теперь это представляло особенную опасность как с тактической, так и с теоретической стороны. При основании новой политической рабочей партии раньше всего необходимо отграничить себя от буржуазно-радикальных партий. Федеральный совет не успел еще как следует сформироваться, как к нему уже явилась депутация от «Land and Labour League» в лице Спенсера и Сандерса, которая от имени союза сэра Роберта Пиля просила федеральный совет о поддержке республиканской демонстрации. По предложению Хэльса было сделано постановление в этом смысле *). Дальше мы увидим, отмежевалась ли английская федерация на конгрессе в Ноттингаме от «Лиги земли и труда» и как она это сделала. Далее, нужно было стать в совершенно определенные отношения к тред-юнионам и, если возможно, вытеснить либеральных филан-

*) «Eastern Post» от 9 декабря 1871 г.

тропов, попавших в число юнионистских вождей, особенно в Labour Representation Committee (комитет представительства труда). Привлечь честных литературных защитников тред-юнионизма, вроде Beesly и Frederic Harrison, в пользу самостоятельного политического выступления рабочего класса было не трудно, так как они сами всячески отстаивали эту мысль; шайку же либеральных авантюристов не трудно было вытеснить, так как либеральная партия со времени проведения закона Bruce'а далеко не пользовалась симпатиями рабочих на выборах. Энгельс говорит в своем письме к Либкнехту от 27 мая 1872 г., что Хэльс пользуется доверием рабочих East End'а, «самого лучшего элемента здесь», тогда как Эккариус связался с самыми сомнительными и подозрительными элементами, которые заодно с «великой либеральной партией» *). Впоследствии на лондонском конгрессе отколовшихся организаций Эккариус также стоял за соединение с передовыми буржуазными деятелями, чтобы провести рабочих в законодательный корпус, и требовал этого для Швейцарии, Англии и Америки. Таким образом, опасности, угрожавшие вновь образующейся партии, были у всех на виду, и только от предусмотрительности и политической способности вождей зависело их избежать. Это, впрочем, были те же опасности, которые встречает во всякой стране молодая рабочая партия.

С начала марта федеральный совет имел свой собственный орган, еженедельник «International Herald», который выходил под редакцией члена федерального совета Riley'я. Лондонские и провинциальные секции печатали в нем отчеты о своих заседаниях; там в это время шла кипучая агитация. Хэльс печатал там серию программных статей, выставлявших ряд требований, которым не хватало органического единства. Федеральный совет также печатал свои отчеты в «International Herald», помещая их также и в «Eastern Post». Еще незадолго до конгресса в Ноттингаме он сообщил о присоединении союза сапожников и каменщиков в Манчестере в числе 150 и 400 человек **). В то же время Хэльс напечатал горячо написанную статью об успехах организации, в которой он дал также интересную характеристику приемов «этих демократов на словах и иезуитов в душе, которые хотят сеять раздор в рядах членов Ассоциации». Далее, в это же время присое-

---

*) См. «Neue Zeit» XXI², стр. 50.
**) «International Herald» от 15 и 22 июня 1872 г.

динился и республиканский клуб в Галифаксе, а в Южном Ланкашире федеральный совет объединил все тред-юнионы в один Trades Council *). Первый конгресс английской федерации был назначен на 21-е июля в Ноттингаме. Всем секциям, тред-юнионам и союзам было предложено приготовить отчеты и статистические данные, выработать свои резолюции и предложения и послать своих делегатов на конгресс. Каждая секция могла послать по одному делегату на каждые 50 членов. В порядке дня были намечены следующие пункты: организация; проведение требований Интернационала, особенно женевской резолюции о восьмичасовом дне; политическая деятельность; политика английского федерального совета в ирландском вопросе; воспитание; рабочий вопрос и в особенности стачки и локауты.

На Ноттингамский конгресс явились 5 представителей от федерального совета: Хэльс, Рооч, Кларк, Мэйо, Беннет и 14 представителей от секций, в том числе 2 от Лондона (Lessner), 1 от Loughboro, 1 от Nottingam'a, 1 от Woolwich, 4 от манчестерских каменщиков, 4 тред-юниониста из Ноттингама, 1 от Ливерпуля, 1 от Hinkley и 1 от демократической Ассоциации в Виктории (Австралия). Секретарем был избран Джонс из Манчестера. Он дал краткий отчет о секции в Манчестере, которая имела теперь 150 действительных членов и 600 сочувствующих. Одно время готовы были присоединиться от 2000 до 3000 членов. Делегат от Ноттингама сообщил, что его секция, хотя и не так многочисленна, но очень горячо пропагандирует принципы Интернационала. Затем Рооч прочел отчет федерального совета о движении в Англии и Шотландии за четыре месяца существования совета **). Со времени образования федерального совета в Англии были основаны следующие секции: в Buckfastleigh, Birkenhead, Grimsby, Hinckley, Hull, Leeds, Liverpool, Loughborough, Manchester, Middelesborough, Nottingham, Sunderland Woolwich; в Лондоне секции в West End, Bethnal Green, St. Lukas, Stratford, South Lambeth и одна примыкающая секция в West End; в Шотландии секции в Dundee и Glasgow, в Aberdeen теперь образуется секция, которая объединяет всех лучших свободомыслящих и республиканцев. Некоторые секции, в том числе одна из самых больших, должны были быть

*) «International Herald» от 13 июля 1872 г.

**) О Ноттингамском конгрессе см. «International Herald» от 27 июля. Подробный отчет дает и «Eastern Post» от 27 июля 1872 г.

исключены за неуплату взносов. Кроме того, федеральный совет имел корреспондентов в Blackpool, Plymouth, Leicester, Helston, Kettering, Winchester, Portsmouth, Sheffield, Boston, Birmingham, Wellington, Preston, Plymton, Newark, Welchpool, Cardiff и многих других местах, не считая случайных корреспондентов. Как на самое последнее завоевание, Рооч указал на ноттингамскую Labour Protection League (лигу защиты труда) с 260 платящими членами и республиканский клуб в Галифаксе. Наконец, около полдюжины секций находится в периоде образования, и федеральный совет ведет еще переписку с многочисленными профессиональными и республиканскими клубами об их присоединении к Интернационалу. Далее, примкнули многие секции и тред-юнионы, так, напр., в Манчестере 500—600 человек, число это вскоре удвоится. После отчета Рооча, принятого при единодушном одобрении действий федерального совета, конгресс перешел к обсуждению устава, который представлял собой краткое извлечение из генерального устава Интернационала. При этом имел место прискорбный инцидент, который не остался без последствий. Официальный орган федерального совета, «International Herald», странным образом умалчивает в своем отчете об этом инциденте, но «Eastern Post» дает о нем подробные сведения. В числе других поправок к уставу Хэльс внес также предложение уполномочить английский федеральный совет вступить в непосредственные сношения с другими федеральными советами, чтобы обмениваться между собой сведениями, что должно было содействовать дальнейшему росту взаимной солидарности. Он мотивировал это предложение еще тем, что, благодаря этому, в случае стачек, можно будет успешнее бороться с капиталистами, противодействуя ввозу других рабочих, так как получение сведений будет ускорено. Кларк из Dundee поддержал это предложение. До сих пор корреспонденция в подобных случаях шла через генеральный совет, но ведь может случиться, что генеральный совет окажется в Америке (!). Хотя Дюпон от Манчестера выступил против этого предложения, оно тем не менее было принято. Следующее, уже прямо враждебное генеральному совету, предложение было сделано Кларком (Лондон); он предполагал ограничить право генерального совета временно исключать секции в случае нарушения устава и принципов Интернационала. Так как конгресс не имел права менять генеральный устав, то эта резолюция могла быть рассматриваема только как предложение для ближайшего общего конгресса в Гааге. Кларк предложил секциям подготовить

для ближайшего конгресса проект изменения общего устава. Хэльс также поддержал эту мысль и предложил выработать в этом смысле резолюцию для внесения ее на гаагский конгресс. После кратких дебатов Хэльс взял свое предложение назад. Далее, было внесено предложение перенести федеральный совет на следующий год в Манчестер; последний является центром провинциальных трэд-юнионов; там можно было бы легко привлечь 5000—6000 человек. Все большие движения последних лет исходили из провинции. Напротив, Кларк напомнил о 1500 тред-юнионистах, которые примкнули в Лондоне к Интернационалу поодиночке, так как их устав не разрешает им массового присоединения. Оратор из Ноттингама указал, что все великие политические движения начались на севере, как это было в последнее время и с движением за девятичасовой рабочий день; чартистское движение также возникло в Ланкашире. Наконец, было решено следующий конгресс собрать в Манчестере, а федеральный совет оставить в Лондоне. В новый федеральный совет были избраны: Лесснер, Хэльс, Рооч, Мейо, Рили и Кларк.

После этого перешли к обсуждению вопроса о политической деятельности. Во главу требований было поставлено требование образования «третьей партии», рабочей партии в духе постановлений Интернационала. Народу уже надоел притворный либерализм. Хэльс произнес зажигательную речь о политических партиях в нижней палате и о настоятельной необходимости для рабочих не ходить на помочах и не быть под опекой мелочных филантропов, а самим вести свои дела. Ни в одной стране нет более благоприятных условий для основания действительно рабочей партии, чем в Англии. Он внес резолюцию, которая признает политическую деятельность необходимой для социального освобождения и обязывает присутствующих работать над образованием собственной рабочей партии, которая должна покоиться на принципах Интернационала. Резолюция была принята. В другой резолюции присутствующие обязались на ближайших выборах поддерживать только кандидатуры настоящих рабочих. Вместе с тем была выбрана комиссия, состоявшая из Кларка, Хэльса и Тайлера (Ноттингам), для выработки проекта программы. Далее, конгресс обязался требовать для Ирландии полного уравнения в правах с Англией, федерального правительства и местных представительных учреждений.

В вопросе о воспитании конгресс высказался за общее, равное, обязательное обучение на счет государства, включая сюда высшее

и профессиональное образование. На следующий день конгресс протестовал в принятой резолюци против слухов, возникших в буржуазной прессе о расколе, происшедшем в Интернационале, и объяснил это зложелательством и страхом перед успехами рабочей организации. Вместе с тем конгресс высказался в пользу постановлений лондонской конференции 1871 г.

После этого на очереди был проект программы. Конгресс выставил следующие требования: право выбора для всех взрослых и пропорциональное представительство, право всякого быть выбранным на все общественные должности в государстве, передачу земли и всех средств производства в национальную собственность, уничтожение всех наследственных титулов и привилегий, упразднение мировых судей, равенство вероисповеданий и уничтожение государственной церкви, особенно же уничтожение всех государственных расходов на религиозные цели, учреждение монопольного государственного банка; в проект программы были включены и резолюции об Ирландии и всеобщем обучении. Вместе с тем было решено назначить комиссию для окончательной обработки программы; комиссия должна была находиться в Манчестере. Хэльс сам чувствовал, что проект в своем теперешнем виде является недостаточно обработанным и что ему недостает органического единства; это было политическое рагу, приготовленное ноттингамским конгрессом. Даже программа «Лиги земли и труда», бывшей не больше, как пропагандистской организацией, была куда содержательнее и цельнее. Отголоском влияния Лиги явились дебаты на конгрессе, как в свое время в Брюсселе и Базеле, по вопросу о том, как осуществить национализацию земли. В то время, как Дюпон рекомендовал национализацию и в техническом смысле, т.-е. эксплоатацию земли в крупных формах с применением машин и научной почвенной культуры, многие ораторы высказывались за местную и личную эксплоатацию в смысле буржуазных аграрных реформаторов, и в этом смысле была принята поправка. Это была теоретическая победа, одержанная «Лигой земли и труда» в английском Интернационале. Впрочем, «Лига земли и труда» присоединилась к английскому федеральному совету. Была отвергнута также поправка Дюпона, которая требовала вместо национализации всех средств производства национализации всех отраслей промышленности. В этом случае право было большинство съезда, а не Дюпон; это служит доказательством того, что по существу оно мыслило коммунистически, но в земельном вопросе оно судило с предвзятым мнением.

В заключение, конгресс принял резолюции по адресу тред-юнионов. Эти резолюции рекомендовали профессиональным союзам присоединиться к Интернационалу, вести борьбу против сверхурочной работы и обязывали членов конгресса осуществлять по возможности на практике постановления женевского конгресса, в особенности о восьмичасовом рабочем дне. Другая резолюция выражает удивление конгресса по поводу того, что некоторые тред-юнионы отказываются от участия в политике, и рекомендует немедленное вступление в новую рабочую партию. Тогда исчезнут нищета, порок и преступления, укоренившиеся в нынешнем обществе и служащие постоянным доказательством негодности теперешней хозяйственной системы с ее классовыми противоречиями; человечество, создававшее промышленность, искусства и науки, найдет также закон социального порядка и осуществит такой общественный строй, при котором интересы личности не будут сталкиваться с общественным благом.

Проект программы, конечно, не был образцовым, но это не должно было серьезно помешать успехам партии. Настоящие политики могли бы повести вперед молодую партию и без теоретически единой и продуманной программы. Но дело в том, что политического-то опыта и способностей не оказалось как раз у самых красноречивых ораторов. Это обнаружилось в том грубом промахе, который сделали некоторые ораторы, особенно Хэльс, подняв вдвойне щекотливый в эту минуту вопрос о полномочиях генерального совета. Конечно, молодая партия не могла придумать ничего глупее, как открыто поссориться с единственной инстанцией, считавшейся еще авторитетом в английском рабочем движении, с генеральным советом Интернационала. На самом деле это было самое верное средство лишить нарождающуюся рабочую партию доверия английских рабочих масс. Вдвойне грубой ошибкой было в эту минуту вызывать организационные разногласия. Можно было бы еще найти оправдание тому, что новый федеральный совет, как это делали и другие, хотел обеспечить себе самостоятельность и автономию по отношению к генеральному совету именно теперь, когда молодой английский федеральный совет брал на себя большую ответственность. Однако англичане должны были бы считаться с тем, что генеральный совет в это время вел борьбу на жизнь и на смерть за самое существование Интернационала. Между тем это было равносильно нападению с тыла, когда в такое время решались завязать непосредственные сношения с другими феде-

ральными советами, минуя генеральный совет *), или когда делали предложение, правда взятое назад, настаивать на гаагском конгрессе на ограничении прав генерального совета, на исключение секций. Правда, что вина за все эти махинации падает главным образом на самодовольного, честолюбивого Хэльса, который, будучи сам генеральным секретарем, открыто интриговал против генерального совета; за это он был в августе удален; но все эти истории были плохим предзнаменованием для всего будущего английской рабочей партии.

Конгресс в Гааге.

Гаагский конгресс собрался при не совсем благоприятных предзнаменованиях. Юрасцы тотчас же, конечно, ухватились за резолюцию, принятую в Римини. Прежде всего они заявили протест против Гааги, как места для конгресса, и дали своим делегатам императивный мандат, заключавший в себе требование упразднения генерального совета. Далее, их делегаты должны были голосовать заодно с испанскими, итальянскими и всеми теми делегатами, которые протестовали против авторитарного принципа, т.-е. заодно с делегатами Алльянса. Далее, их делегаты должны были немедленно покинуть конгресс в том случае, если бы был удален делегат алльянсистской федерации, или если бы конгресс отверг принципы алльянсистской организации. Алльянс также готовился к решительным действиям. Друзья были отчасти ненадежны; Карл Маркс понимал, что здесь решается вопрос о жизни или смерти Интернационала, и поэтому, прежде чем уйти, он только о том и думал, как бы предохранить Интернационал от дезорганизующих элементов **). Более зловещим было то обстоятельство, что в последние годы возникли значительные разногласия среди членов самого генерального совета, и эти разногласия, как позже обнаружилось, подорвали веру Карла Маркса в возможность дальнейшей

*) Впрочем, английский федеральный совет еще раньше позволил себе это, вступив в сношение с испанским федеральным советом, ставшим, как известно, с конца мая алльянсистским. См. «International Herald» от 6 июля и 13 июля 1872 г. Этим объясняются и симпатии, проявившиеся в генеральном совете (Юнг), спустя несколько недель, к испанскому делу.

**) См. письмо к Кугельману в «Neue Zeit» XX², стр. 799.

плодотворной работы совместно с некоторыми старейшими членами генерального совета *).

Открытие конгресса последовало 2 сентября. На конгрессе было 65 делегатов, в том числе и сам Карл Маркс; это был первый международный конгресс, на который он явился. Он имел один мандат от генерального совета и другой от Лейпцига и Майнца. Энгельс, также принимавший участие в конгрессе, имел мандат от Бреславля. И Маркс и Энгельс имели сверх того мандаты от Нью-Иорка; точно так же и Гепнер. Представителями немецкой организации явились Бернгард Беккер (Брауншвейг), Куно (Штутгарт), Дицген (Саксония), Кугельман (Ганновер), Мильке (берлинские переплетчики), Риттингаузен (Мюнхен), Шумахер (Золинген) и Шей. Французы были представлены 13 делегатами, в числе которых были Франкель, Жоаннар, Лемусси, Лонге, Ранвье, Серралье и Вальян. Серралье имел сверх того мандат от генерального совета, а Вальян от Нью-Иорка и La Chaux de Fonds. Бельгийцы имели на конгрессе восемь представителей, в том числе Брисме, Кенена, Флюса и Абееля; швейцарских представителей было шесть, в том числе И. Ф. Беккер, Гилльом и Швитцгебель; голландцы имели 4 делегатов; англичане восемь, при чем Хэльс и Моттершэд являлись представителями лондонских секций, Эккариус имел мандат от одного лондонского союза, а Лесснер от немецкого рабочего образовательного ферейна в Лондоне; далее, генеральный совет имел своих представителей в лице Серралье, Курне, Дюпона, Рооча, Секстона и Врублевского. Ирландцы были представлены Мак-Дон-

---

*) В одном письме к Либкнехту от 27 мая 1872 года («Neue Zeit» XXI², стр. 51) Энгельс, переселившийся в 1871 году из Манчестера в Лондон, пишет следующее: «Бельгийцы дебатировали, но окончательно еще не решили вопроса о пересмотре устава. Тинс внес проект, которым *упраздняется генеральный совет*. Лично я был бы очень рад, если бы *я и Маркс больше не вошли туда*; при данном положении дел у нас нет свободного времени для работы, и этому должен быть положен конец». Карл Маркс уже несколько лет чувствовал себя больным, и ему необходимо было употребить остаток своих дней на окончание главного своего труда, «Капитала». Повидимому, именно Энгельс, главным образом, и содействовал тому, что Маркс отстранился от участия в генеральном совете и снова отдался научной деятельности; точно также именно влиянию Энгельса следует несомненно приписать тот факт, что теперь стали энергичнее выступать против Бакунина и его поведения. И эта энергичная борьба привела к новым разногласиям в самом генеральном совете.

нелем. Рооч имел сверх того мандат от английского федерального совета. Далее, испанцы имели 4 мандата от федерального совета Альянса (Алерини, Фарга Пеллицер, Мораго и Марцеллан); Лафарг явился представителем международной федерации в Мадриде и Лиссабоне. Американцы имели 4 представителей (в том числе Дерера и Зорге); кроме того, датчане были представлены Пилем (они же передали мандат члену генерального совета Курне). Врублевский имел также мандат от Польши. Наконец, Австрия, Венгрия и Австралия имели каждая по одному представителю. Как вполне верно отмечали потом, это был наиболее «интернациональный» из всех когда-либо собиравшихся конгрессов. В то время как прежде одна или две нации, жившие вблизи места конгресса, наводняли последний своими представителями и таким образом придавали конгрессу национальный, почти местный характер, на данном конгресе число мандатов находилось в соответствии с развитием рабочего движения в различных странах.

Прежде всего целых три дня при закрытых дверях происходила проверка мандатов. Для определения действительности мандатов была назначена комиссия из семи человек. Эта комиссия предложила признать действительными 57 бесспорных мандатов, а по поводу остальных открыты дебаты. Конгресс постановил поименно вызывать все мандаты и высказываться по поводу каждого делегата. Борьба закипела. Бакунисты, мандаты которых вызывали наиболее горячие споры, в свою очередь мстили тем, что под ничтожнейшими предлогами придирались к мандатам других делегатов. Гилльом клеветал на Вальяна, называя его роялистом и буржуа; испанские алльянсисты напали на американские мандаты, а также на мандат Лафарга. Дебаты по этому вопросу разоблачили печальное положение дел в Испании; Лафарг беспощадно разоблачал предательства Алльянса, вызвав этим взрыв ярости со стороны бакунистов. Энгельс также бичевал ведущее к дезорганизации поведение этого безответственного тайного общества. Мандат Лафарга был признан затем действительным, при чем лишь несколько человек воздержались от голосования. Зловещий характер приняли дебаты по поводу действительности мандата Барри, жившего в Лондоне и явившегося на конгресс представителем чикагской секции. Моттершэд оспаривал действительность этого мандата в виду того, что в Лондоне Барри не являлся признанным рабочим вождем и что он был исключен федеральным советом из английской организации. Маркс на это возразил,

что если кто-нибудь в Англии не является признанным рабочим вождем, то это только делает тому честь, потому что каждый «признанный вождь рабочих» получает жалованье от Гладстона, Морлея, Дилька и товарищей. Мандат Барри был утвержден. Это заявление Карла Маркса было очень недружелюбно встречено англичанами и не мало содействовало обострению отношений между Марксом и английским федеральным советом. Испанские мандаты также были признаны действительными, с той лишь оговоркой, что этим самым еще нисколько не предрешается вопрос о принадлежности испанских организаций к Алльянсу. Чрезвычайно страстные и долгие дебаты возникли по поводу одного американского мандата; речь шла о признании нью-иоркской «секции 12»; эта секция была закрыта тамошним федеральным советом и принимала участие в конгрессе, который не признал генерального совета, и к тому же никогда не делала взносов в лондонскую кассу. Эта секция признавала культ свободной любви, занималась спиритизмом и тому подобными вещами, являясь представителем среднего класса, враждебным рабочему классу и преследовавшим честолюбивые политические цели кучки лиц. Это был единственный мандат, который конгресс признал недействительным. Затем перешли к чтению писем, имевших отношение к бакунинскому Алльянсу. Окончательное решение по вопросу об Алльянсе было пока отложено. Конгресс назначил комиссию из 5 человек, не стоявших близко ни к генеральному совету, ни к бакунистам, и эта комиссия должна была выработать доклад по настоящему делу. До этого времени заседаниями временно руководил Абеель, теперь же было выбрано бюро. Председательствовал Ранвье, вице-президентами были Зорге и Герард (из Амстердама). Секретарями были назначены Лемусси, Мак-Доннель, Марцеллан и Куно.

Публичные заседания начались в четверг. Конгресс открылся речью Ранвье. Его речь была гимном революции и Коммуне. Затем Секстон прочитал воззвание генерального совета. Лонге перевел его на французский, а Маркс на немецкий язык. Воззвание генерального совета перечисляло важнейшие события последних трех лет, прошедших со времени базельского конгресса, гонения, воздвигнутые континентальными правительствами, и клеветы буржуазной прессы. Особенно резко осуждалось в этом воззвании бонапартовское правительство, которое за несколько дней перед плебисцитом без всякой причины и повода велело арестовать членов Интернационала по всей Франции; столь же энергично осуждалась

бессмысленная жестокость Фалькенштейна и бесстыдство немецкой юстиции в процессе брауншвейгского комитета, а также в процессе по обвинению Бебеля и Либкнехта в государственной измене. Грубая подлость Жюля Фавра, дон-кихотство австрийского правительства, дурачества папы и Бисмарк-Бейстовский заговор против Интернационала нашли себе в этом воззвании столь же яркое освещение, как и преследования ирландских членов Интернационала «либеральным» кабинетом Гладстона и дьявольски хитрая клевета буржуазной прессы, та знаменитая телеграмма, облетевшая весь мир и сваливавшая вину за пожар в Чикаго на Интернационал. В заключение отмечались успехи Интернационала, его возникновение в Голландии, Дании, Португалии, Шотландии, Ирландии и его распространение в Соединенных Штатах, Австралии, Новой Зеландии и Буэнос-Айресе *). Воззвание генерального совета было встречено сочувственно и принято конгрессом. Принята была также резолюция Брисме (Брюссель), выражавшая восторг и симпатии конгресса всем тем, которые пострадали за свое участие в великой классовой борьбе настоящего времени. В пятницу утром начались дебаты по вопросу о генеральном совете — такой порядок дня был принят по настоянию немецких делегатов, требовавших, чтобы этот пункт был рассмотрен конгрессом раньше всех других вопросов. Делегат из Люттиха отстаивал точку зрения бельгийской федерации, а именно, что права генерального совета должны быть ограничены. Лафарг отстаивал необходимость центральной власти, исходя из требований классовой борьбы; если бы генерального совета вовсе не было, заявил он, то его необходимо было бы создать. В сдержанной, но полной страсти речи Гилльом формулировал все жалобы юрасцев и требовал создания чисто административного генерального совета без «неограниченной» власти. Зорге возразил ему на это, что такая большая армия, как Интернационал, должна иметь генеральный штаб, если только она хочет выйти из боя победительницей. В заключение, большинством 40 голосов против 4 при 11 воздержавшихся был принят первый параграф измененного устава, обязывавший генеральный совет проводить в жизнь постановления конгрессов и требование, чтобы все ферейны, секции и федерации строго соблюдали устав и регламенты Ассоциации. В защиту 6-го параграфа вновь предложенного устава выступил сам Карл Маркс.

*) «International Herald» от 19 октября 1872 года.

Этот параграф должен был дать генеральному совету право распускать всякий ферейн, всякую секцию или федерацию до ближайшего конгресса. Перед распущением секций необходимо соглашение с федеральным советом. При распущении целой федерации генеральный совет должен немедленно известить о том все другие федерации, при чем по требованию большинства федераций он должен созвать чрезвычайный конгресс, на котором каждая федерация должна быть представлена одним делегатом и который в месячный срок должен принять окончательное решение. Маркс доказывал, что лучше совершенно упразднить генеральный совет, чем свести его деятельность к роли простого почтового ящика. Не следует ограничивать это право распущения организаций; нужно готовиться к непредвиденным случайностям. Ведь у генерального совета нет ни оружия, ни солдат, ни полиции; вся его власть заключается только в моральном авторитете. Эта резолюция была принята большинством 36 голосов против 6 при 15 воздержавшихся. Впрочем, члены Алльянса не спешили уходить с конгресса, как того требовал их императивный мандат.

После того как принятием этой резолюции была спасена организация, и, что особенно важно, у Алльянса была отнята возможность взорвать или узупировать Интернационал, Фридрих Энгельс поразил конгресс предложением *перенести генеральный совет в Нью-Йорк*. Энгельс напомнил конгрессу, что уже за два-три года перед франко-прусской войной Маркс предлагал перенести резиденцию генерального совета в Брюссель. Но бельгийский федеральный совет постоянно отклонял это предложение. Теперь же интересы Ассоциации требуют удаления генерального совета из Лондона, по крайней мере на один год, и если обсудить положение дел, то наиболее подходящим местом для генерального совета окажется Нью-Иорк. Это предложение было подписано Марксом, Энгельсом, Мак-Доннелем, Секстоном, Лонге, Лесснером, Лемусси, Серальс и Барри. В первую минуту все растерялись. Некоторое время никто не брал слова. Затем встал Вальян и стал резко нападать на это предложение. Серальс доказывал, что здесь приходится решать три вопроса, которые должны обсуждаться в отдельности: во-первых, вопрос о перенесении вообще, во-вторых, — куда и, в-третьих, — вопрос о составе нового генерального совета. Вопрос о перенесении вообще был решен 26 голосами за против 23 нет при 9 воздержавшихся от голосования; за Нью-Иорк высказалось 30, за Лондон 14 голосов, 1 за Брюссель и 1 за Барцелону; 13 делегатов воздержа-

лись от голосования. После этого были выбраны двенадцать членов нового генерального совета, при чем им дано было право кооптировать себе еще семь членов. Следующий конгресс назначен был в Швейцарии. Уже к вечеру этого дня конгресс перешел к дебатам по вопросу о политических действиях. Дебаты по этому вопросу закончились в субботу. Вальян внес резкую резолюцию, которая в дальнейших своих частях являлась повторением и санкцией постановления лондонской конференции. Гилльом возразил на это, что и он и его друзья являются политиками, но что они не желают участвовать в интригах между правительствами и парламентами. Они-де отрицательные политики, стремящиеся к уничтожению всякой формы государства. Лонге на это возразил ему, что если бы парижские рабочие 4 сентября были организованы в политическую партию, то они бы знали, что им нужно было делать. После продолжительных и страстных дебатов была принята резолюция Вальяна большинством 29 голосов против 5 при 8 воздержавшихся от голосования *). За эту резолюцию голосовали немецкие, французские, английские и ирландские делегаты.

Затем был прочитан доклад пятичленной комиссии о бакунинском Алльянсе. Заключение комиссии, в состав которой входили Куно, Люкен (француз), Спенгляр (бельгиец), Вишар (француз) и Вальтер (француз), твердо устанавливало тот факт, что устав Алльянса противоречит уставу Интернационала, и поэтому комиссия предложила исключить Бакунина, как основателя, Гилльома и Швитцгебеля, как членов Алльянса, а Бакунина сверх того за его поступки считать выгнанным. Далее, исключению подлежали Малон, Буеке (полицейский секретарь во Франции) и Луи Маршан, так как все они были уличены в том, что они стремились к дезор-

---

*) Резолюция Вальяна дословно гласила так: В своей борьбе за освобождение рабочие могут выступать, как класс, лишь объединившись в политическую партию, которая вполне отмежевалась от всех старыхъ партий имущих классов и враждебно противостоит этим партиям. Такое объединение рабочего класса в одну политическую партию необходимо для того, чтобы добиться триумфа социальной революции и ее последнего слова, уничтожения всех классов. Концентрация сил, которые рабочий класс уже проявил в своей экономической борьбе, должна в то же время служить ему рычагом в его борьбе против политического значения землевладельцев и капиталистов. В борьбе рабочего класса за свое освобождение экономическое движение и политические действия являются нераздельно слитными.

ганизации Интернационала; напротив, что касается Алерини, Марцеллана, Мораго, Фарга Пеллицера и Жуковского, то обвинение с них должно быть снято в виду их формального заявления, что они больше не состоят членами Альянса. Наконец, комиссия должна быть уполномочена обнародовать свои заключения. В зале воцарилось необычайное возбуждение. Члены Альянса вовсе не были подготовлены к возможности их исключения. Большинство их было настолько смущено этим, что они не могли произнести ни слова. Только Мораго стал говорить, но он скоро растерялся и стал сбиваться в словах. Некоторые стали заявлять протест, но конгресс призвал всех к голосованию. Прежде всего была решена участь Бакунина. За его исключение высказалось 27 голосов против 6, а 7 делегатов воздержались от голосования. Затем конгресс перешел к голосованию по поводу Гилльома. Тот встал и покинул собрание. Гилльом также был исключен 25-ю голосами против 9 при 8 воздержавшихся. Только Швитцгебель получил меньшинство всего в два голоса. После этого почти единогласно было решено никого больше не исключать и обнародовать документы по поводу Альянса. Далее, конгресс постановил распустить женевскую секцию «пропаганды и революционных действий». Наконец, единогласно была принята в Интернационал новая федерация в Мадриде, члены которой незадолго перед тем были исключены альянсистским федеральным советом в Испании, вопиюще нарушившим все статуты и отвергшим их, когда они образовали новую федерацию.

Была повторена и санкционирована резолюция лондонской конференции, рекомендовавшая основывать международные профессиональные союзы. Затем конгресс сделал еще одно заявление о том, что он не может разойтись, не заклеймив позором обращение английского правительства с ирландскими политическими заключенными и не назвав образ действий английского кабинета подлым.

Меньшинство, состоявшее из испанских, многих бельгийских, одного голландского и юрских делегатов, заявило протест против дальнейшего расширения полномочий генерального совета. После принятия ирландской резолюции конгресс закрылся речью Карла Маркса, который разъяснил постановление конгресса. Маркс закончил свою речь следующими словами: «Революция должна быть солидарной, и великое доказательство тому мы находим в парижской Коммуне, которая пала потому, что во всех столицах, Бер-

лине, Мадриде и т. д. одновременно не возникло мощное революционное движение, которое находилось бы в тесной связи с этим грандиозным восстанием парижского пролетариата. Что касается меня, то я буду продолжать работать над моей задачей, над созданием этой столь грозной в будущем солидарности рабочих. Нет, я из Интернационала не уйду, и остаток моей жизни, как и вся моя предыдущая работа, будут посвящены торжеству социальных идей, которые, как я в том убежден, когда-нибудь приведут к господству пролетариата».

Перенесение генерального совета в Нью-Иорк.

Большое возбуждение на конгрессе вызвало перенесение генерального совета в Нью-Иорк. Как явствует из одного письма Маркса, написанного еще из Гааги, это перенесение было у него давно решенным делом. Совершенно определенно высказано это намерение и в письме Энгельса к Либкнехту. Характер последнего конгресса мог только укрепить Маркса в этой мысли. Планы альянсистов, желавших сорвать конгресс, потерпели крушение; конгресс обеспечил необходимыми гарантиями дальнейшую плодотворную работу генерального совета, если только вообще существование совета было возможно. Далее, Карл Маркс полагал, что своим отказом от участия в совете он окажет известную услугу делу Интернационала, так как, уходя с передовых позиций, он тем самым обезоруживал всех тех, которые, направляя свои клеветнические удары против его мнимого властолюбия и высокомерия, тем самым желали подорвать значение генерального совета, как института. Но решающим моментом для Маркса могло быть и возникшее у него во всяком случае еще до конгресса убеждение в том, что, как показал опыт последнего времени, состав генерального совета уже больше не является гарантией правильного понимания критического положения Интернационала и гарантией того, что в борьбе с дезорганизаторскими стремлениями будет проявлена необходимая энергия и лойяльность. Парализующее влияние Альянса проникло в последние годы в самое сердце Интернационала, в лондонский генеральный совет; явилась необходимость в учреждении постоянного подкомитета, который должен был не только подготовлять решения по поводу беспрестанных дрязг Альянса,

но и сглаживать разногласия, возникавшие среди членов самого генерального совета *).

Типичным для данного положения являлось отношение к испанскому Альянсу, ставшее общеизвестным фактом, благодаря позднейшим заявлениям на лондонском конгрессе 1873 года и благодаря обнародованной памятной записке юрских организаций **). Когда в то время Энгельс в радостном сознании, что он наконец заполучил верное, публично проверенное доказательство измены испанской тайной организации, пожелал прижать к стене альянсистский федеральный совет в Испании, то этому воспротивился Юнг, как член подкомиссии, и добился того, что дело было отложено и потом совершенно отвергнуто в общем собрании генерального совета. Эти факты дают нам ключ к решению постоянно возникавшего вопроса о том, почему генеральный совет энергично не выступал раньше против яда разложения, который вносился Альянсом. Решительный удар был нанесен Альянсу и Бакунину лишь после гаагского конгресса, постановившего обнародовать относящиеся к Альянсу документы. Непонятно, почему эти документы не были обнародованы еще раньше, когда среди членов генерального совета еще не существовало разногласий по этому вопросу. Такого единодушия, очевидно, не было, и Карл Маркс вынужден был взывать к авторитету конгресса для того, чтобы добиться от него разрешения на нанесение решительного удара бакунинской тайной организации. Удаление генерального совета тяжело отразилось на английской федерации. Старейшие члены

---

*) «Mémoire etc.», стр. 250, 251. Об этом комитете говорится и в вышеупомянутом письме Энгельса к Либкнехту. См. «Neue Zeit» XXI² стр. 50. Энгельс пишет там следующее: «Со времени назначения Хэльса генеральным секретарем возникла смертельная вражда между Эккариусом и Моттершэдом с одной стороны и Хэльсом с другой. Англичане раскололись на три партии, из которых одна была против Хэльса, другая за него, а третья оставалась более или менее нейтральной... Чтобы положить конец этой грязи, которая поглощала почти все время генерального совета, мы вынуждены были назначить своего рода comitè du salut public (комитет общественного спасения), который и должен был разбираться во всех чисто личных ссорах». На конгрессе «нового Интернационала», т.-е. исключенных федераций, в Женеве (1873 г.) Эккариус в своем заключительном слове заявил, что уже за много месяцев до гаагского конгресса генеральный совет раскололся на два враждебных лагеря.

**) «Mémoire etc.», стр. 250, 251. «Neue Zeit» XXI², стр. 45.

генерального совета Эккариус и Юнг никогда не могли простить Марксу этот шаг, который лишил их всякого авторитета власти, и позже они делали несколько тщетных, конечно, попыток вновь организовать Интернационал на других основаниях для того, чтобы снова играть в нем роль генерального совета. Но в конце концов именно эти старые английские члены генерального совета, нелойяльно и открыто братавшиеся на гаагском конгрессе с Алльянсом, сами были виноваты в перенесении генерального совета в Нью-Йорк; точно так же и британская федерация, во время наибольшей опасности кокетничавшая с заклятыми врагами Интернационала, получила лишь свое историческое возмездие: отныне она была предоставлена собственным силам.

Было бы ошибочно считать наступивший вскоре после гаагского конгресса упадок деятельности британской федерации результатом переселения генерального совета, ошибочно также делать Маркса и Энгельса, решивших перенести резиденцию генерального совета из Лондона в Нью-Иорк, хотя бы в малейшей мере ответственными за неудачи молодой английской партийной организации. Один лишь такт самого английского федерального совета мог решить, удастся ли ему предотвратить неблагоприятное влияние перемещения центра Ассоциации на его собственную организацию: для этого ему нужно было только успокоить примыкавшие к нему секции насчет устрашавших их последствий такого перемещения и предоставить секции их собственным силам *). Вместо этого Хэльс и его товарищи делали как раз обратное тому, что они должны были в данный момент сделать: они старались враждебно настроить секции по отношению к генеральному совету, и в этом им помогало уязвленное самолюбие Эккариуса и Моттершэда, которые при основании британского федерального совета отступили на задний план в виду того, что они вовсе не являлись представите-

*) Составленное в этом духе воззвание, с некоторыми, правда, колкостями по адресу генерального совета, помещено в «International Herald» от 14 сентября и подписано буквами W. H. R. Там мы читаем следующее: «Нашей Ассоциации нечего опасаться ухода прежнего генерального совета. Мы должны развиваться без посторонней помощи, хотя бы иные и полагали, что нас поддерживал генеральный совет. Немножко вентиляции, немножко свежего воздуха будет для нас полезно. Нам здесь терять нечего, а выиграть мы можем много. Пусть все товарищи верят, что наш путь теперь яснее, чем когда-либо раньше, и что наши виды на будущее улучшились».

лями каких-нибудь английских рабочих союзов *), и которые меж тем уже на гаагском конгрессе блистали в роли делегатов от лондонских секций. К тому же Эккариус уже больше года окончательно разошелся с Марксом. Его скверная привычка снабжать буржуазную прессу известиями, касавшимися внутренней жизни Ассоциации, оказала ему плохую услугу **). Что касается критического положения, в котором очутился весь Интернационал после гаагского конгресса благодаря переселению генерального совета, то как раз в Лондоне возможность выйти из этой мертвой точки зависела исключительно от самих вождей английского движения.

После ноттингамского конгресса английское движение перестало развиваться. Организация была целиком построена по образцу Интернационала: следуя примеру генерального совета, который практиковал это в более значительном масштабе, и британский федеральный совет стал теперь принимать в свою среду представителей иностранных секций и примыкавших к ним союзов, которые, конечно, должны были жить в Лондоне, но секции были представлены в федеральном совете таким образом, что каждые 100 членов могли послать одного представителя в федеральный совет. Таким путем в генеральный совет попали Уилер, Беннет и Фостер, а позже Блэй, Мартин Бун, Бутелль, Митчель, Уэльш и различные другие представители секций ***); туда же вошли наконец Викери (Birkenhead) и Юнг (Middlesborough). Представителем британского федерального совета на гаагском конгрессе был выбран Рооч ****). После гаагского конгресса образовались новые секции в Манчестере, Бирмингаме, Галифаксе, Гулле и Биркенхэде, а в Манчестере был основан агитационный комитет *****). Помещавшиеся в «International Herald'е» отчеты о собраниях секций почти в каждом номере сообщают об образовании новых секций как близ Лондона, так и в провинции. Провинциальные корреспонденты также отмечают с удовольствием возникновение новых секций. В этих секциях очень усердно читались поясни-

*) См. «Neue Zeit» XXI², стр. 50.

**) «Neue Zeit» там же. См. также письмо Маркса от 14 сентября 1868 г. в приложении.

***) «International Herald» от 17 августа, 24 августа, 14 сентября, 28 сентября, 5 октября, 19 октября и 26 октября 1872 г.

****) «International Herald» от 7 сентября 1872 г.

*****) «International Herald» от 14 сентября 1872 г.

тельные доклады на тему о стремлениях Интернационала, о международной конкуренции, о капитале и труде, кооперации, светском воспитании. Часто на этих собраниях говорили о гаагском конгрессе и связанных с ним вопросах; так, в недавно основанной секции в Гокстоне обсуждался вопрос о централизации и федерализации, при чем Беннет и Фостер энергично выступили в защиту федеральной самостоятельности. То обстоятельство, что юные члены английской федерации подробно обсуждали происходившее на гаагском конгрессе, являлось не только неизбежным, но прямо необходимым, но все это надо было делать лойяльно, в интересах самого английского движения. Кроме того, совместная работа с новым генеральным советом невольно приводила к обсуждению того, что происходило на гаагском конгрессе. Враги старого генерального совета совершенно не считались с положением дел. Уже через несколько недель после гаагского конгресса отдельные главари английской федерации, главным образом Хэльс, стали открыто выражать свое неудовольствие по поводу состава и постановлений конгресса. С чувством внутреннего удовлетворения Хэльс возвещал великую новость, что делегат на гаагском конгрессе, переплетчик Мильке из Берлина, не примыкал ни к какой организации, входившей в состав Интернационала *). Поэтому законность этого мандата должна подлежать сомнению; позже Хэльс со всей своей неустрашимостью утверждал, что этот мандат был выставлен от организации, фактически вовсе не существовавшей, и что вообще вопросы на гаагском конгрессе решались искусственно созданным большинством голосов. На одном из позднейших заседаний **) Хэльс с самодовольной улыбкой заявил, что два гаагских делегата, избранных членами генерального совета в Нью-Йорке, отказались от этой чести на том будто бы основании, что весь конгресс являлся комедией, которая была устроена небольшой, тесно сплоченной кучкой лиц. Когда на следующем заседании Вейлер стал порицать Хэльса за разглашение этих сведений, то Хэльс на это возразил, что правду нужно говорить всегда, независимо от того, приятна она, или нет ***); на это Лесснер очень удачно возразил ему, что эти сведения не могут быть признаны правдивыми на основании только сплетен в письмах и газетах, но что их досто-

---

*) «International Herald» от 2 ноября 1872 г.
**) «International Herald» от 16 ноября 1872 г.
***) «International Herald» от 23 ноября 1872 г.

верность должна быть доказана фактически *). Хэльс заговорил еще несколько яснее после того, как генеральный совет известил английский федеральный совет о состоявшемся в Сент-Имьере конгрессе анти-авторитаристов и указал также на то, что к изменникам он применит всю строгость статутов. После этого Викери, представитель Биркенхэда, внес резолюцию, которая выражала сочувствие генеральному совету, и высказался за согласованность действий; резолюция эта мотивировалась тем, что федеральный совет, смешав свой орган с органами тех федераций, которые не признавали авторитета генерального совета, тем самым заигрывал с отступниками; поэтому федеральный совет должен теперь раскрыть свои карты **). Тут-то Хэльс сбросил с себя маску и внес противоположную резолюцию, устанавливавшую автономию секций вопреки постановлению конгресса, при чем в мотивировке своей резолюции он приводил все старые доводы алльянсистской прессы. Делегаты конгресса, заявил он, не имели права уничтожить автономию секций без их на то согласия. Все эти секции основаны-де еще при действии старых статутов, которые гарантировали автономию секций, а конгресс самовольно изменил весь устав Ассоциации. Точно так же, по его словам, обстоит дело и с политикой, которая признана обязательной и находится под контролем и руководством генерального совета, удаленного на 3000 миль. При таких обстоятельствах секции должны хорошенько подумать, прежде чем принять какое-нибудь решение. Здесь Хэльс говорил уже о «воображаемом большинстве» на гаагском конгрессе. Юнг пытался несколько ослабить впечатление, произведенное речью Хэльса, и внес резолюцию, которая предлагает секретарю подтвердить факт получения письма генерального совета и составить ответное послание. Резолюция Юнга была принята. В Вест-Энде была принята резолюция в пользу генерального

*) «International Herald» от 7 декабря 1872 г.

**) «International Herald» от 30 ноября 1872 г. Этот упрек был вполне основателен: «International Herald» однажды даже поместил воззвание итальянских алльянсистов перед их конгрессом в Римини (см. номер от 3 августа 1872 г.), «воззвание, в котором упрощение организации» выставлялось вполне понятным требованием всех тех, которые, «не будучи ослеплены честолюбием, глубоко преданы нашему святому делу». Впрочем, и во многих других номерах «International Herald'a» можно отметить вторжение алльянсистской прессы.

совета *). Вообще в секциях господствовало настроение, благоприятное генеральному совету; в ирландской секции при чтении отчета о конгрессе дело дошло до резких слов по адресу Хэльса за его поведение в английском федеральном совете. Хэльсу удалось там вскоре после гаагского конгресса провести резолюцию, которою федеральный совет отвергает заявление Маркса о том, что большинство вождей английского рабочего движения состоит на жалованьи. Хэльс имел еще нахальство присовокупить к этой резолюции, что сам Маркс не верил в возможность этого, но что этим вымыслом он воспользовался для своих личных целей; когда это добавление к резолюции было отвергнуто, Хэльс предложил федеральному совету сделать постановление в том смысле, что Маркс недостоин больше принадлежать к Ассоциации. Макдоннель дал надлежащий ответ этому негодяю в своем докладе о гаагском конгрессе, читанном в ирландской секции. Он назвал отщепенцев федерального совета ничтожными предателями, которым вообще не стоит возражать, а постановление федерального совета доказательством его бессилия. Вместе с Марксом он уверен в том, что многие вожди английских рабочих, сами себя так назвавшие, состоят на жалованьи у членов парламента. В самом деле, чем в конце концов оказались все эти болтуны Лиги реформ? Собрание единогласно приняло резолюцию, что оно с большим сожалением заслушало постановление большинства английского федерального совета, который поддался влиянию бывшего недавно членом генерального совета Хэльса, и что представители ирландских секций выражают доктору Карлу Марксу свое глубочайшее уважение и предлагают английским братьям различных секций отвергнуть оскорбительный вотум своего федерального совета. Наконец, и Маркс и Энгельс решили выступить печатно и с этой целью они поместили в «International Herald»**) статью, направленную против «автономного» лжеца и клеветника Хэльса, при чем в этой статье они указывали ему на все его тайные сношения с алльянсистами, особенно же с юрасцами, в газете которых «Bulletin Jurassien» недавно было обнародовано письмо Хэльса — за подписью, конечно, английского федерального совета, ничего не знавшего об этом письме. Хэльс, с которого таким образом была сорвана маска,

*) «International Herald» от 30 ноября 1872 г.
**) «International Herald» от 21 декабря 1872 г.

решил, что наступило время действовать. В качестве генерального секретаря федерального совета он обратился к секциям с циркуляром, которым призывал к протесту против гаагских постановлений. Причиной уже давно длящегося раскола в английском федеральном совете этот циркуляр признает «различие взглядов на принципиальные основы организации английской федерации». «Большинства» *) желает-де сохранения федеральных статутов, принятых на конгрессе в Ноттингаме, а равно генеральных статутов в том виде, какой они имели до гаагского конгресса. Последний ни по своему составу, ни по характеру своих резолюций не является-де представителем большинства Ассоциации. Циркуляр демагогически утверждал, что резолюция об обязательных политических действиях должна была оттолкнуть все профессиональные союзы Англии. И это говорили те самые члены федерального совета, которые в Ноттингаме объединились в политическую партию! Особенно резко протестовал циркуляр против перенесения резиденции генерального совета и против предоставления ему новых полномочий. Наконец, в нем предлагалось созвать в Лондоне новый конгресс, который и должен был решить вопрос о принятии гаагских резолюций и выборе нового федерального совета. Ответ задетых членов федерального совета не заставил себя долго ждать. Десять членов федерального совета, являвшихся представителями «меньшинства», тотчас же обратились к секциям с ответным циркуляром, в котором они клеймили позором полное противоречий поведение Хэльса и его товарищей, которые сами участвовали на гаагском конгрессе, голосовали и подписывались под вынесенными там резолюциями лишь для того, чтобы теперь возмущаться постановлениями конгресса. Да и по статутам Ассоциации, существовавшим до гаагского конгресса, авторы послания не имели никакого права отменять постановления общего конгресса. За резолюцию о политической борьбе из 45 делегатов голосовали 35, в том числе и английские делегаты, которые, впрочем, уже за год до того на конференции в Лондоне и на конгрессе в Ноттингаме, вотиро-

---

*) Сецессионисты сами называли себя большинством. Замечательно однако, что они откололись, обладая большинством в федеральном совете и что они, как большинство, обставляли весь раскол глубочайшей тайной. Как явствует из открытого письма («Vickery Eastern Post» от 23-го февраля 1873 года), эти господа тайно созвали собрание, о котором члены «большинства» узнали лишь в день собрания и на котором решено было созвать конгресс.

вали за ту же резолюцию. «Меньшинство» вполне основательно указывало на то, что Хэльс и К° осуждают переселение генерального совета в Нью-Йорк исключительно по мотивам личного характера; что касается английского конгресса, который захотел бы изменять постановления гаагского конгресса, то они заранее объявляют его незаконным. Для устранения же разногласий, существующих в федеральном совете, они находят достаточным назначить комиссию. Под первым циркуляром подписалось 22 человека, в том числе Хэльс, Беннет, Мэйо, Рооч, Юнг, Моттершэд — все члены прежнего генерального совета, далее Кларк, Фостер и др.; под ответным циркуляром стояли имена: Лесснер, Гарри (South Lambeth), Гилльс (Westend), Райли (Ноттингам), Муррей (Normandy), Мильнер (Национальная лига реформ), Митчель (Hincley), Вейлер (как и Лесснер, от рабочего образовательного ферейна), Викери (Birkenhead) и Дюпон. Лесснер, Муррей, Мильнер и Дюпон входили в генеральный совет. Из многих секций, из секций в Ноттингаме, из Лидса, из Birkenhead'а, Лейчестера, Вест-Энда, South Lambeth стали получаться резолюции с протестом против задуманного конгресса. Foreign Section в Манчестере издала собственный грозный циркуляр против изменнического «большинства». Секция в Middlesborough объявила недействительным мандат своего делегата в федеральном совете, Юнга *); мнимое «меньшинство» взяло ведение дел в свои руки и потребовало от Хэльса возвращения принадлежащего федерации имущества; оно забрало также в свои руки и «International Herald». В одном открытом письме Лесснер между прочим указал еще Хэльсу на то, что для всей почти сецессионистской прессы он писал письма с подписью: генеральный секретарь британского федерального совета. На этот циркуляр манчестерской Foreign Section и «некоторых лиц, называющих себя английским федеральным советом», отступники ответили обширным памфлетом, в котором повторяются жалобы на гаагский конгресс и на заявление Маркса о подкупе вождей английских рабочих, восхваляется отколовшаяся федерация, а Маркс и Энгельс третируются, как middleclassmen. В памфлете говорилось о том, что английская федерация всецело обязана своим возникновением агитации Хэльса и Юнга, что Дюпон, выступавший в Ноттингаме делегатом от Манчестера, на самом деле был делегатом от подкомитета генерального совета, поручившего ему агитировать среди

*) «International Herald» от 11 января 1873 года.

делегатов за перенесение федерального совета в Манчестер и за другие темные дела в этом же роде. Памфлет был подписан между прочим Юнгом, Мэйо и Хэльсом.

Перенесение генерального совета в Нью-Иорк имело своим результатом еще и уход бланкистов из Интернационала. Их представители ушли с гаагского конгресса сейчас после того, как было принято постановление об этом, и в одной брошюре, выпущенной ими вскоре для объяснения такого шага с их стороны, они признали главной причиной своего ухода «бегство генерального совета в Нью-Иорк» *).

Раскол.

Сейчас же после гаагского конгресса состоялся «анти-авторитарный» конгресс в Сент-Имьере. Сюда собрались представители итальянских, испанских и юрских федераций; кроме того, здесь были представлены некоторые французские и американские секции. Конгресс отверг все постановления, принятые в Гааге, и из отколовшихся федераций основал «новый интернационал». Это был совершенно излишний шаг, так как Алльянс продолжал существовать, а Бакунин и его товарищи уже не могли больше вредить Интернационалу. Собравшийся в Кордове испанский конгресс точно так же отверг постановления гаагского конгресса, санкционировав присоединение к «антиавторитарному» новому интернационалу. Отпала также и бельгийская федерация; брюссельский конгресс, признав гаагские постановления не имеющими законной силы, отказался признать генеральный совет. Наконец, и часть британской федерации, столковавшаяся с алльянсистами **), созвала на 26 января 1873 года конгресс в Лондоне; на этом конгрессе также слышались очень резкие нападки на характер и резолюции гаагского конгресса, и здесь вылилась вся та затаенная злоба, которая скопилась у этих вождей английского движения и которая была вызвана перенесением генерального совета в Нью-Иорк.

---

*) «Internationale et Révolution», стр. 8: «Sommée de faire son devoir, l'Internationale refusait. Elle échappait à la révolution; elle la fuyait là delà de l'Atlantique». («Призванный к исполнению своего долга, Интернационал оказался несостоятельным. Он бежал от революции, он бежал за Атлантический океан».)

**) По сообщению «Eastern Post» от 23 февраля таких делегатов было только 12.

На этом конгрессе ораторы, особенно же Хэльс, возводили на гаагский конгресс и прежний генеральный совет те же обвинения, какие повторялись в циркуляре. Юнг счел здесь нужным рассказать о своих отношениях к Марксу, с которым он до недавнего еще времени был очень близок. Прежде Маркс имел обыкновение при решении важных вопросов советоваться со своими друзьями, и поэтому всегда и во всем получались дружные решения. С того времени, как Энгельс приехал в Лондон (в сентябре 1870 г. *Авт.)*, такие совещания с друзьями прекратились, и с тех пор очень часто случалось, что в общих заседаниях генерального совета возникали недоразумения, при чем Маркс мало-по-малу терял своих друзей. Благодаря тому, что в генеральный совет вошел бланкистский элемент, политика совета приняла неопределенный характер. В подкомитете дела решались всегда чрезвычайно поспешно и поверхностно. Так, напр., он, Юнг, только с трудом добился того, что Хэльс был только временно отрешен от должности, тогда как за некоторые поступки его в английском федеральном совете его хотели немедленно исключить. На всех прежних конгрессах Эккариус и он, Юнг, являлись-де толкователями социально-политического учения Маркса; но в его новой политике они не хотели принимать никакого участия, и они предпочли совершенно уйти, чем голосовать против своего старого друга. От вторичного избрания в генеральный совет он отказался и внес предложение о перенесении генерального совета в другое место, но, конечно, не в Америку, а на континент; то же самое он, Юнг, высказал в одном письме, которое при случае должен был прочесть на конгрессе его друг, товарищ Жоаннар. В федеральный совет, по его словам, он вступил для того, чтобы не допустить раскола и помешать англичанам открыто броситься в объятья бакунистов. По вопросу о политической борьбе еще можно было бы как-нибудь притти к соглашению, но не по вопросу о политической диктатуре генерального совета, как того хотел Маркс. Наконец был выбран исполнительный комитет из 9 человек, и в этот комитет, между прочим, вошли Хэльс, Юнг, Фостер, Мэйо, Моттершэд и Вестон; Эккариус резонировал на тему о политической борьбе. При основании Интернационала членам каждой нации предоставлялась известная свобода в сфере политических действий; теперь же, благодаря резолюции о политической борьбе, сюда внесен элемент принуждения. В тех странах, где рабочий класс вообще имеет шансы на представительство в парламентах, он может добиться такого представитель-

ства лишь путем союзов с буржуазными партиями. Генеральный совет в Нью-Иорке по отношению к Соединенным Штатам стоит-де на точке зрения Бакунина и тем не менее хочет руководить политической борьбой в Европе. В конце концов было принято несколько резолюций, отвергающих постановления гаагского конгреса и предлагающих британской федерации заключить союз со всеми остальными федерациями Интернационала для созыва нового конгресса.

Ответ нового генерального совета на эти мятежные действия не заставил себя долго ждать. Юрская федерация была распущена, бельгийская же и испанская федерации, а также отколовшаяся часть английской федерации были исключены из Интернационала. Далее генеральный совет заявил, что итальянская рабочая федерация никогда не примыкала к Интернационалу. Таким образом генеральный совет отпарировал последние удары со стороны дезорганизаторов, и Карл Маркс готовился нанести окончательное поражение Бакунину и Алльянсу.

Впрочем, скоро оказалось, что и конгресс в Кордове допустил столь излюбленные алльянсистами неожиданные действия. Вскоре после конгресса газета «Emancipacion» могла констатировать тот факт, что с каждым днем усиливается недовольство испанским федеральным советом за его уход из Интернационала. Ко времени созыва конгресса новая федерация заявила, что федеральный совет своим образом действий сам поставил себя вне Интернационала; она же предложила всем секциям и местным федерациям не посылать своих делегатов на этот конгресс, а избрать новый временный федеральный совет. К этому предложению примкнули местные федерации в Севилье, Толедо, Сарагоссе, Виктории, Алькальда де Генарес, новая федерация в Кадиксе и значительные секции в Валенции, Денип, Pont de Vilunaara и других местах. Кроме того, федерация в Грации, промышленном рабочем предместье Барцеллоны, приняла резолюцию гаагского конгресса и резко осудила поведение испанских делегатов, а федерация в Гранаде постановила послать делегата в Кордову, но при этом она выбрала делегатом решительного противника сецессионистов *). После конгресса ни для кого не было уже тайной, что то был конгресс меньшинства организаций. Из 101 местной федерации, насчитывавших в общей сложности 398 секций, на конгрессе были представители лишь 41

*) «International Herald» от 11 января 1872 г.

местной федерации с 57 секциями, так что в Кордове была представлена лишь почти шестая часть существовавших в Испании организаций. Эти данные заимствованы нами у органа сецессионистов, «Federacion» *). Португальская федерация, насчитывавшая в то время 15000 членов и обнимавшая в одном только Лиссабоне 48 профессиональных ферейнов, объединенных в большие союзы, тотчас же после кордовского конгресса обратилась к входившей в Интернационал Новой Федерации в Мадриде с заявлением, что Португалия, как один человек, станет на сторону Ассоциации против раскольников. И в Португалии Алльянс делал попытки проникнуть в организацию Интернационала, и даже сам Бакунин писал кому-то письма и старался кого-то убедить в необходимости содействовать этому тайному обществу; но португальская федерация единогласно постановила выразить Бакунину формальное порицание за действия Алльянса. Это письмо к Новой Федерации в Мадриде, подписанное секретарем Франка, по желанию деелгатов секций было помещено в мадридской «Emancipacion» в номере от 1 февраля **).

Голландская федерация, делегаты которой на гаагском конгрессе голосовали заодно с меньшинством, также решила сохранить верность генеральному совету и признавать лишь тот конгресс, который по постановлению в Гааге должен был состояться в Швейцарии в сентябре 1873 года. Гаагские резолюции нашли себе полное признание также во Франции, Германии, Австрии, Венгрии, Дании, Польше и Северной Америке ***). Таким образом, большинство федераций осталось верно старому Интернационалу.

Уже через короткое время раскол стал принимать характер анархии. После того, как секции были сделаны «автономными», осталось лишь вернуть «автономию» отдельным личностям, и этот последний шаг был также сделан. Началось с того, что отколовшаяся часть стала, в свою очередь, раскалываться, и ушедшие секции быстро стали распадаться на более или менее изолированные группы, между которыми была лишь та связь, что они ссорились друг с другом и затрудняли совместную деятельность ***).

---

*) «International Herald» от 8 февраля 1872 года.

**) «International Herald» от 15 февраля 1873 года.

***) Смотр. воззвание британского федерального совета в «Neue Zeit» XXI², стр. 31.

****) «International Herald» от 24 мая 1873 года.

Тайная организация Бакунина.

Теперь во главе Альянса открыто стал юрский комитет, который до сих пор руководил им тайно. Альянсу уже не было нужды сохранять тайну, так как вскоре после гаагского конгресса были обнародованы генеральным советом те сокрушительные документы по поводу Альянса и тайной деятельности Бакунина во всех странах, которые нанесли смертельный удар Альянсу и Бакунину, как общественному деятелю. Как быстро погибал Альянс, видно из того, что произошло на первом швейцарском рабочем конгрессе в Ольтене, где 5 юрасцев занимали внимание конгресса общими рассуждениями об автономии секций. Когда дело дошло до голосования, то 75 делегатов голосовали против 5 юрасцев, после чего последние должны были волей неволей покинуть зал собрания.

Тайная организация Бакунина явилась перенесением в рабочую организацию статутов ордена иезуитов с его различными степенями власти. За явным Альянсом в Женеве с самого начала скрывался тайный Альянс, а именно: международные братья, национальные братья и наполовину явный, наполовину тайный международный Альянс. Международные братья, число которых не должно было превышать ста, образуют священную коллегию. Они подчинены центральному комитету и национальным комитетам, исполняющим функции исполнительных бюро и наблюдательных комитетов. Сами эти комитеты ответственны перед «конституантой», состоящей, по крайней мере, из двух третей международных братьев. У международных братьев не должно быть никаких политических тайн друг перед другом. Национальные братья организуются по тому же плану, что и международные братья, но они ни в коем случае не должны даже догадываться о существовании международной организации. Международный Альянс имеет законодательный орган в лице постоянного центрального комитета. Женевская центральная секция является «постоянной делегацией названного центрального комитета», «исполнительным советом Альянса». Она состоит из центрального бюро и наблюдательного комитета. Члены этой секции «передают свои полномочия гражданину Бакунину». Таким образом, постоянный центральный комитет, в руках которого сосредоточена учредительная и законодательная власть над всем Альянсом, является не чем иным, как гражданином Бакуниным.

Классически эта тайная организация была развита в России, где она выступала под именем Интернационала. Организация эта была раскрыта, благодаря процессу Нечаева. Нечаев был уполномоченным представителем русской ветви Алльянса и был записан под № 2771; доказательством этого служила печать: Alliance révolutionaire européenne, Comité général. Дата 12 мая 1869 года. Подпись Михаил Бакунин. К этому времени Бакунин и Нечаев начали свою деятельность с того, что стали посылать письма и карточки революционного содержания многим лицам, особенно либералам, которых они хотели погубить, и тем самым являлись причиною ареста этих лиц и ссылки их в Сибирь. Затем Нечаев втерся в среду молодых русских студентов в Москве, выдавая себя за «уполномоченного представителя всеобщего революционного комитета». Для того, чтобы, пользуясь именем этого таинственного комитета, добиться безусловного повиновения всем своим приказаниям, он действовал на молодых людей застращиванием и в конце концов склонил их даже к участию в одном убийстве, которое он совершил сам. Это убийство и явилось предметом судебного разбирательства.

Впрочем, эти два международных брата, Бакунин и Нечаев, разошлись из-за наследства Герцена: Нечаев открыто требовал в 1870 году на страницах своего органа своей доли денег и доказывал, что Бакунин является панславистским агентом. Карл Маркс доказывает это также многочисленными цитатами из сочинений Бакунина. Таков был человек, дезорганизовавший Интернационал. Если бы генеральный совет обнародовал эти документы годом раньше, то, пожалуй, было бы возможно заблаговременно устранить опасность и представить Бакунина в истинном свете перед благоразумной частью его сторонников.

Конец Интернационала в Англии.

Во всех других странах организация, созданная Интернационалом, продолжала в той или иной форме существовать и развиваться: в Англии же Интернационал исчез почти бесследно. В отличие от континента, в Англии Интернационал не являлся исходным пунктом рабочего движения, а лишь случайным эпизодом в жизни тред-юнионов. До тех пор, пока тред-юнионизм считал для себя выгодным участие в политической деятельности, он охотно примыкал к Интернационалу и пользовался его содействием

в борьбе с привозом иностранных рабочих. Но когда потребовалось основать политическую рабочую партию, то трэд-юнионизм снова пошел своей дорогой и заключил мир с капиталом.

Отколовшаяся часть английской федерации испытала на себе всю тяжесть отлучения генерального совета еще в большей мере, чем другие федерации, которых постигла та же участь; это отлучение совершенно парализовало всю пропаганду и деятельность лондонских отщепенцев. Старый генеральный совет являлся еще в глазах английских рабочих силой. Он представлял собой Интернационал и мог оказать решающее влияние на исход борьбы за повышение заработной платы; он поддерживал движение в пользу избирательной реформы, а Карл Маркс пользовался недосягаемо высоким авторитетом в английском рабочем мире. Британский федеральный совет также являлся силой; ведь он все же был представителем Интернационала. Но отколовшаяся, официально исключенная из великого Интернационала кучка отщепенцев — это уже не был ни генеральный совет, ни Интернационал; это были просто джентельмены Хэльс, Рооч, Моттершэд и др. и ничего больше. Таким образом в широких кругах английских рабочих отщепенцы наталкивались всюду на неопреодолимую стену недоверия. В них видели лишь оторванную колонну Интернационала, похожую на те, которые всплывали на поверхность лондонской жизни лишь для того, чтобы скоро снова исчезнуть бесследно. В английских рабочих массах отщепенцы лично не пользовались никаким авторитетом, и поэтому, когда они лишились поддержки Интернационала, то они потеряли всякое значение в глазах английских рабочих.

Вполне естественно, что и законный федеральный совет, носивший это название по праву, должен был пострадать от происшедшего раскола. Правда, лучшие и наиболее сильные секции сохранили ему верность, и, кроме двух членов старого федерального совета, в его состав входили 33 делегата от секций *). Но оставшиеся члены совета должны были скоро почувствовать, что известные круги трэд-юнионистского мира не делали почти никакого различия между обеими фракциями и относились к ним с одинаковым недоверием. Тот самый лондонский «Trades Council», который когда-то встречал генеральный совет Интернационала с распростертыми объятиями, теперь отказался допустить в свою среду

---

*) См. «Eastern Post» от 23 февраля 1873 года.

делегата английского федерального совета на том будто бы основании, что эта организация не является настоящим объединенным союзом *). В первый момент федеральный совет был несколько обескуражен этим отказом, но затем совет решил не огорчаться этой неудачей и бодро продолжать работу, хотя бы пришлось вести борьбу и без поддержки этих господ. И действительно, федеральный совет начал развивать оживленную, но осмотрительную деятельность. До 6-го февраля все секции и ферейны, желавшие быть причисленными к федерации, должны были сообщать федеральному совету список своих членов. Затем были созданы организации для проведения в жизнь постановлений гаагского конгресса: всем секциям было предложено создать комиссии для привлечения трэд-юнионов и для ведения политической борьбы. То же самое делал и федеральный совет, так что провинциальные и столичные комитеты шли в своей деятельности рука об руку. В то же время при возникновении стачек федеральный совет исполнял функции прежнего генерального совета. Во время огромной стачки у бр. Сименс в Вульвиче **) ему удалось помешать импорту немецких рабочих, а при стачке женевских ювелиров, добивавшихся введения девятичасового рабочего дня ***), он собирал деньги среди членов профессиональных союзов в Лондоне и провинции. Лондонский Trades Council отказался, конечно, от всякой поддержки бастовавших женевских ювелиров, выразив лишь готовность сообщить федеральному совету статистические и другие тому подобные сведения ****). Федеральный совет не дал ввести себя в заблуждение; он составил и разослал во все профессиональные союзы Великобритании воззвание, а к более значительным союзам отправил даже особые депутации с целью сговориться относительно лучшего спо-

*) «International Herald» от 12 апреля 1873 г.

**) «International Herald» от 22 февраля и 1 марта 1873 г.

***) «International Herald» от 1 марта 1873 г.

****) «International Herald» от 19 апреля 1873 года. Главной помехой при попытках сближения с тред-юнионами явились их секретари. Когда летом 1873 года грозила вспыхнуть всеобщая стачка строительных рабочих в Лондоне, то в федеральном совете был поднят вопрос о том, следует ли, несмотря на мало утешительное поведение лондонского Trades Councils, предложить последнему поддержку федерального совета. При этом вполне верно указывалось на то, что секретари профессиональных союзов постоянно становились между рабочими и Интернационалом. Но потом этот вопрос потерял свое практическое значение, благодаря соглашению рабочих и строительных хозяев. («Eastern Post» от 20 и 27 июля 1873 г.).

соба организации международных профессиональных союзов *); с этой целью весь федеральный совет был преобразован в комитет трэд-юнионов **). Это воззвание, являющееся еще и теперь образцом ясной профессиональной политики, было распространено во всех профессиональных союзах за несколько дней до манчестерского конгресса.

Приготовления к этому конгрессу отличались особой тщательностью. Число секций, примыкавших к федерации, несколько возросло; так, напр., прибавилась секция в Греноке, представителем которой являлся Мальтман Барри; и вообще федерация всюду делала успехи. Но все-таки, желая оградить себя от ненадежных членов, конгресс постановил исключить представителей тех секций, которые не примкнули к федерации за 14 дней до конгресса ***). Секция в Stratford'е из-за ее двусмысленного поведения была распущена ****).

Вся федерация зажила полной духовной жизнью. В федеральном совете горячие дебаты были вызваны предложением некоторых делегатов, желавших провести резолюцию о праве рабочих на участие в национальном богатстве, тогда как комитет конгресса внес резолюцию относительно национализации земли, земных недр и средств производства. Само собой разумеется, что огромным большинством голосов было принято предложение комитета. В этом же смысле была принята резолюция и в South Lambeth после реферата Буна об аграрной реформе. Одна лишь Лига реформ (Reforme League) примкнула к резолюции меньшинства федерального совета и постановила предложить эту резолюцию конгрессу *****).

Конгресс в Манчестере, второй конгресс английской федерации, начался 2-го июня при участии 26 делегатов. Представителями федерального совета явились Барри, Дейс, Викери и Лесснер; из секций были представлены Биркенхэд, немецкий рабочий образовательный ферейн (Вейлер), Гренок, Галифакс, Гулль, французская секция в Лондоне, Логборо, Манчестер (2 секции), National Reforme League (де Морган), Ноттингам (2 секции), South Lambeth и West End. Председателем конгресса был Викери. Конгресс открылся вступительной речью об Интернационале, произнесенной

*) «International Herald» от 22 февраля и 5 апреля 1873 года.
**) «International Herald» от 26 апреля и 3 мая 1873 г.
***) «International Herald» от 19 апреля 1873 года.
****) «International Herald» от 31 мая 1873 года.
*****) «International Herald» от 3 мая, 12 апреля и 24 мая 1873 г.

Барри от имени федерального совета. После этого делегат из Ноттингама предложил сделать красное знамя знаменем британской федерации, этой новой английской рабочей партии; предложение это было принято единогласно. Далее конгресс одобрил постановления гаагского конгресса о международных профессиональных союзах и поручил федеральному совету озаботиться проведением их в жизнь. Что касается политической борьбы, то конгресс еще раз указал на необходимость создания новой политической рабочей партии, независимой от всех других партий и враждебной всем им. Вопрос о земле и ее недрах вызвал здесь, как и в Ноттингаме, дебаты. Сначала была внесена резкая резолюция касательно экспроприации, при чем делегат Лиги реформ, де Морган, предложил изменить резолюцию в том смысле, что принципиально приходится высказаться за экспроприацию, но что в виду существующих условий лишение прав собственности должно быть вознаграждаемо рентой. После продолжительных дебатов добавление Моргана было отклонено 8-ю голосами против 7 и была принята принципиальная резолюция. Конгресс высказался также за обращение в собственность государства промышленных средств производства и даже принял резолюцию, направленную против законов о наследовании. Но на этом конгрессе прорывались не только бакунинские, но и прудонистские взгляды; так, в одном предложении по вопросу о кооперативном кредите идея кооперации сливалась с правом на участие в национальном богатстве. Далее, была принята резолюция о восьмичасовом рабочем дне и совместном школьном воспитании. Наконец, конгресс поздравил испанский народ с избранием членов Ассоциации в кортесы и заявил протест против английского правительства, не признавшего испанской республики, и против продолжающегося тюремного заключения фениев. Странным должно показаться то обстоятельство, что конгресс совершенно не подумал о выяснении своего отношения к ближайшим весенним общим выборам. Только когда стали приближаться парламентские выборы, федеральный совет назначил особый комитет для формулирования тех вопросов, которые должны были быть предложены кандидатам *). Этот вопрос был впервые возбужден в августе и тогда же было предложено избрать комитет с целью добиться от кандидатов обещания, что они будут руководиться принципами Интернационала. Таким образом, с самого начала отказались от выста-

*) «Eastern Post» от 26 октября 1873 года.

вления собственных рабочих кандидатов, правда в виду больших расходов, которые к тому же в Англии больше, чем во всех других государствах. Комитет для выработки этих вопросов был назначен в октябре, и Барри также сделал однажды попытку узнать отношение одного кандидата к этим вопросам, но эта попытка не могла придать ему бодрости *). Зато выборы дали партии возможность развить широкую агитацию за Интернационал.

Газета «The Hour», издававшаяся в Манчестере, напечатала блестящую статью Мальтмана Барри, восхваляющую заслуги Интернационала в деле борьбы с иностранными штрейкбрехерами и предлагающую образовывать интернациональные тред-юнионы на основе национальной федерации **).

Не выступала самостоятельно и отколовшаяся фракция федерального совета, от имени которой честолюбивый Хэльс хотел выставить свою кандидатуру в Hackney ***). Эта фракция вскоре после раскола преобразовалась в «исполнительный комитет» и старалась играть роль генерального совета по отношению к другим отколовшимся федерациям. Хэльс стал генеральным секретарем для Англии, Юнг для континента ****). Этот «исполнительный комитет» главным образом занимался тем, что неустанно повторял обвинения против гаагского конгресса, его состава и постановлений, и распространял про него всякие сплетни; на английскую же политику они вообще смотрели, как на что-то побочное. Сверх того Юнг проявил ту оригинальную особенность, что он старался в других слоях снова обрести почву, которую фракция невозвратно утеряла в рабочих кругах. На одном из первых заседаний исполнительного комитета он освежил положение дел и первым требованием данного момента он выставил основание новых секций, а вторым — совместную работу со всяким честным рабочим и демократическим

---

*) «Eastern Post» от 17 августа, 26 октября и 8 ноября 1873 г. Там рассказывается о том, как Барри по поручению комитета письменно предложил кандидату от Marylebone (Лондон) в его избирательном бюро 4 вопроса, при чем просил кандидата ответить на эти вопросы. Кандидат, мистер Джемс, обещал ответить, но в своей бесконечно длинной речи он ни одним словом не коснулся предложенных ему вопросов. Барри потребовал тогда объяснение, мистер Джемс предложил ответить ему письменно. Конечно, Барри отказался и стал агитировать против этой кандидатуры.

**) «The Hour» от 22 декабря 1873 г.

***) См. «Neue Zeit» XXI², стр. 50.

****) «Eastern Post» от 15 февраля 1873 г.

движением, действующим в духе программы Интернационала. Поэтому он высказывается за то, что следует признать честным и направление других организаций, не работающих даже под флагом Land and Labour League, и с этими-то организациями он готов добиваться всех реформ, которые могут быть проведены. Он-де является решительным противником всякой политики изолированных действий. Совет (здесь подразумевается исполнительный комитет.—*Автор.*) непосредственно-де связан с бельгийской, швейцарской, испанской, португальской, итальянской и американской федерациями, он еженедельно получает от них более двенадцати газет и в настоящее время он располагает большей чем когда-либо возможностью провести в жизнь идеи Интернационала *)! Отсюда видно, что отколовшаяся фракция продолжала жить почти исключительно традициями старого генерального совета. О самостоятельном участии в выборах она также не думала.

Мы можем только строить догадки о мотивах, заставивших молодую партию отказаться от выставления собственных рабочих кандидатур. Финансовые соображения, а быть может также и недостаток в энергичных кандидатах, могли привести к попыткам брать с кандидатов обещания в том, что они будут поступать согласно принципам Интернационала. Понятно, что таким путем давали мандаты, не имея никакой другой гарантии в их правильном выполнении, кроме пустых обещаний. Эту практику вряд ли можно было также согласовать с постановлением гаагского конгресса о политической борьбе.

Безразлично, вызывался ли этот отказ от самостоятельного выступления на выборах наличными условиями или нет: во всяком случае британская федерация, благодаря этому, перестала быть самостоятельной политической партией, превратившись снова в простое пропагандистское общество, каким раньше был Интернационал.

Следует упомянуть еще о том, что 1873 год совпал с моментом высшего расцвета тред-юнионистского движения в Англии. Профессиональные союзы, чувствуя избыток сил, с успехом взялись тогда за великое дело вовлечения в свое движение и сельскохозяйственных рабочих, за организацию профессиональных союзов в самых отсталых углах сельских графств. Очевидно, что такое время расцвета тред-юнионистского движения было неблагоприятно для первого выступления политической рабочей партии, тем более,

---

*) «Eastern Post» от 29 марта 1873 года.

что в выборах 1874 года сами тред-юнионы выставили собственных рабочих кандидатов.

Заканчивая это подробное изображение блестящего подъема и внезапного падения рабочего партийного движения в Англии, мы должны констатировать следующее: старая легенда, будто Интернационал в Англии обязан своим падением уходу Оджера и его товарищей, исторически несостоятельна. Скорее следует отметить, что после базельского конгресса, на котором Эппльгарт в ярких красках изображал успехи Интернационала в Англии, вместе с основанием и расширением деятельности Land and Labour League началась усиленная агитация за присоединение к Интернационалу провинциальных тред-юнионов, при чем эта агитация велась еще и после гаагского конгресса и нисколько не была ослаблена уходом Оджера и его товарищей. Напротив, усиленная социал-демократическая агитация среди английских рабочих велась еще целых два года после ухода Оджера и на несколько месяцев пережила даже раскол в партии. Конечно, раз не удалось доказать жизнеспособность партии на примере самостоятельно проведенных выборов, то молодое движение должно было, благодаря этому расколу, в конце концов изойти кровью. Это было тем испытанием, которому должно было подвергнуться молодое рабочее движение и в других странах, даже там, где, как в Германии и Франции, оно уже пережило период раскола. Ослабленная расколом и сдавленная конкуренцией тред-юнионов, молодая английская рабочая партия не нашла в себе сил для самостоятельного выступления, и таким образом был упущен второй исторический момент, благоприятствовавший образованию английской рабочей партии. Первым таким моментом было чартистское движение.

В настоящее время можно лишь сожалеть о том, что как раз в этот критический момент британский Интернационал, благодаря расколу, был обречен на бездеятельность и неудачи. В 1872—74 годах учреждение, которое пользовалось бы доверием в рабочих массах, еще, пожалуй, и было бы в состоянии изменить тот роковой для партии характер, который потом приняло тред-юнионистское движение. Британский федеральный совет, который был бы составлен из старых, испытанных членов генерального совета и пользовался бы авторитетом последнего, еще, пожалуй, и мог бы, опираясь на свои связи с примыкавшими к Интернационалу тред-юнионами, вызвать могучее самостоятельное движение рабочих для участия в выборах 1874 года и тем самым бросить

на чашку весов политическую силу рабочего класса, как самостоятельно действующий фактор. Попытка Лиги представительства труда (Labour Representatitn League) провести в парламент при дополнительных выборах в Гринвиче кандидата от рабочих увенчалась успехом, а при общих выборах 1874 года было выставлено не меньше 13 рабочих кандидатур, при чем оба главных секретаря союза горнорабочих, Александр Макдональд и Томас Бёрт, были первыми «депутатами от рабочих», вступившими в палату общин *). Но после выборов тред-юнионистские вожди усмотрели еще большую победу в том, что выборы привели к свержению либералов, правительство которых уже много лет водило их за нос, и, наоборот, торийский кабинет с целью помешать образованию самостоятельной политической рабочей партии поспешил пойти навстречу требованиям рабочего класса, поскольку это допускалось специфическими интересами консервативной партии, но ни на иоту больше того. Новое министерство рассмотрело требования тред-юнионов и изъявило согласие, если не на полную отмену карательных постановлений, направленных против стачечников, то во всяком случае на такое смягчение этих постановлений, которое должно было удовлетворить тред-юнионистских вождей. Правительство при этом решило взять за свою уступчивость такую цену, чтобы сделка оказалась выгодной для правительства и оправдывала последнее в глазах буржуазии. Сделка состоялась: легализация тред-юнионов была дополнена законным признанием их методов борьбы. Для профессиональных союзов эта победа снова оказалась тяжким поражением, от которого они никогда не могли оправиться. И эта победа была поражением не только потому, что при соглашении со своими противниками они вполне признали их аргументацию и тем самым отрезали себе всякую возможность иметь ясный взгляд на особенный характер классовой борьбы,—нет, они согласились также на повсеместное устройство смешанных третейских судов и комитетов, которые, хотя и вполне признавали право рабочих на участие в определении высоты заработной платы, но зато на все времена удерживали рабочих в капиталистическом наемном рабстве. Вместе с подвижной скалой заработной платы тред-юнионы восприняли политическую экономию буржуазии и отказались от борьбы за уничтожение системы наемного труда,

*) Webb. «Geschichte des Trade Unionismus», стр. 239 ff.

отказались от классовой борьбы. Так закончилось развитие тред-юнионов, и с 1875 года тред-юнионы мало-по-малу застыли в этом положении.

Новый Интернационал.

Год, следовавший за гаагским конгрессом, сломил упорство отколовшихся федераций. На их сепаратном конгрессе в Женеве, происходившем в начале сентября, царило всеобщее отчаяние. Испанская федерация находилась под угнетающим влиянием неудавшейся революции. В феврале в Испании была провозглашена республика. Альянсисты воспользовались этим не для того, чтобы проявить свое воздержание от политики и дожидаться великого момента «уничтожения государства», а для того, чтобы проводить самую пошлую буржуазную политику, поддерживать республиканских авантюристов и при этом заседать во всех правительственных комитетах отдельных городов в роли бессильного, затертого буржуазией меньшинства. В благодарность за это республиканцы попирали их ногами, и когда республика с треском рухнула под тяжестью общей бездарности, то в эту же пропасть полетела и вся организация Альянса, который навлек на себя вместе с Интернационалом всю общественную ненависть за неудавшуюся революцию *). «Республика возвысила отдельных лиц, а бедные рабочие третируются, как и раньше». Этими словами Фарга Пеллицер охарактеризовал значение испанской революции для рабочих. Из Юры, из Италии, из Англии приходили вести об общем застое. В одной лишь Бельгии достигнуты были некоторые успехи. Наконец, были приняты статуты, из которых один гласил, что постановления конгресса должны быть обязательны только для тех федераций, которые голосовали за эти постановелния. Это уже было провозглашением принципа дезорганизации. Следующий «антиавторитарный» конгресс 1874 года в Брюсселе был также последним конгрессом Альянса. Юра, Испания и Италия стали на долгие годы излюбленной страной анархизма.

Через одну неделю в той же Женеве происходил годичный конгресс старого Интернационала. Весь этот конгресс был проникнут смелым, бодрящим духом. Годовой отчет генерального совета говорил тем же старым гордым языком. Успехи Интернационала отме-

---

*) См. Энгельс «Бакунисты за работой».

чались повсюду: в Германии, Австрии, Швейцарии, Голландии и Франции. Это были прогрессивные страны, которые верны старому Интернационалу, страны, в которых рабочее движение из года в год усиливалось и становилось политической силой. В то время, как отколовшиеся организации в романских странах шли под знаменем воздержания от политики и тем самым обрекли себя на бессилие, социал-демократия Германии, Австрии, Швейцарии, Дании и Голландии все больше организовалась в политическую партию, не забывая в то же время и о профессиональном движении. В этих странах резолюции лондонской конференции и гаагского конгресса о политической борьбе проводились в жизнь путем постоянного взаимодействия с профессиональными организациями: «в той войне, которую ведет рабочий класс, политическая организация нераздельно связана с экономической», как гласила резолюция Вальяна, принятая на гаагском конгрессе. Но из-за этого социал-демократия, являющаяся преемницей старого Интернационала и получившая от него в наследство резолюции конгрессов, еще не стала политической партией в буржуазном смысле слова; социал-демократия была и осталась политической организацией рабочего класса, партией, враждебной всем другим буржуазным партиям, как того и требовали резолюции Интернационала.

Эта организация рабочего класса в политическую партию, неразрывно связанную с профессиональной организацией, была классически проведена и образцово и мощно развита именно в Германии. Немецкая социал-демократия стала главным наследником Интернационала подобно тому, как идеология немецкого рабочего класса стала наследницей немецкой классической философии. Когда Интернационал был в расцвете сил, и Германия еще еле поспевала за международным хором, то Карл Маркс на торжестве основания немецкого рабочего образовательного ферейна в Лондоне, являвшегося преемником старого Союза Коммунистов, сказал, что «немецкий пролетариат еще скорее других способен победоносно провести радикальное лечение» *). Германский пролетариат вполне оправдал надежды Маркса. Германская социал-демократия восприняла дух старого Интернационала; она стала прямым продолжением Интернационала. Вокруг нее образовался новый Интернационал, который продолжал осуществлять постановления женевского, базельского и гаагского конгрессов. В настоящее время уже

*) См. «Vorbote», 1867 г., стр. 44.

нет больше этой первой организации рабочего класса Интернационала, который уже по форме своей являлся представителем единого рабочего класса. Форма эта разбилась, потому что содержание, т.-е. классовое сознание, классовая борьба и организация, уже давно стало достоянием пролетариата всех стран. Историческая заслуга в этом по праву принадлежит старому Интернационалу.

Развитие движения во *Франции* представляет наибольший после Германии интерес. Во Франции падение Коммуны повлекло за собой полнейший застой в рабочем движении. Сама Коммуна и те судебные преследования, которыми буржуазия мстила побежденному пролетариату, направили рабочее движение на путь политической борьбы, и здесь-то прудонизм оказывался столь же жалким, как и во времена Коммуны. Французский пролетариат все яснее чувствовал необходимость политической организации, политической партии. Прудонизм парил безраздельно еще в 1876 году в Париже и 1878 году в Лионе; но конгрессы в Марселе (1879 г.), Гавре (1880 г.) и Реймсе приняли программу, составленную Марксом, Лафаргом, Жюлем Гедом и другими и служившую избирательной программой в первый раз при выборах 1880 года *). На-ряду с Parti Ouvrier (рабочей партией) существовала группа бланкистов, называвшая себя революционным центральным комитетом, имевшая свою главную квартиру в Париже и работавшая в средней Франции, в департаменте Cher и Лионе. Главой этой группы со времени заключения Бланки в тюрьму—Бланки после Коммуны был присужден к многолетнему тюремному заключению—был Вальян, изучивший марксизм и немецкий социализм и работавший всецело в духе этого учения, так что эта группа отличалась от Parti Ouvrier только своим названием. Кроме того, независимо от обеих этих групп, французские профессиональные союзы на профессиональном конгрессе 1886 года в Лионе образовали национальный союз рабочих синдикатов, с самого начала высказавшийся за социализм, за обобществление средств производства. Эти три организации первые подали в 1889 году мысль созвать международный конгресс в Париже.

Для *Бельгии* распадение старого Интернационала также означало поворотный пункт в истории рабочего движения. Гаагский

*) Подробнее об этом см. «Programme du Parti Ouvrier. Par Jules Guesde et Paul Lafargue», Paris. 1883. Далее см. «Neue Zeit» XVIII, стр. 337 ff: «Socialismus in Frankreich von Paul Lafargue».

конгресс застал бельгийскую федерацию в состоянии внутреннего разложения, а крушение Интернационала еще ускорило этот процесс распадения. До сих пор требовалась вся дипломатическая ловкость де-Папа для того, чтобы не дать разгореться вражде между рабочими, настроенными в общем коллективистически, и буржуазными прудонистическими элементами, главным образом редакцией «Liberté». Де-Пап, сторонник коллективиста Колена, был противником Прудона, но на практике он постоянно придерживался «интегрального» социализма *), и его взгляды стали основой бельгийской программы действий. После крушения Интернационала в Бельгии образовалась рабочая камера, представлявшая собой союз брюссельских профессиональных союзов. Инициатива образования политической партии исходила от фламандцев, при чем вновь образованная партия прошла различные стадии развития. В 1876 году Ван Беверен и Анселе завязали сношения с брюссельской рабочей камерой и федерацией в Антверпене и созвали общий бельгийский рабочий конгресс для того, чтобы на этом конгрессе столковаться относительно тех оснований, на каких следует построить союз бельгийских рабочих. Конгресс в принципе высказался за такой союз и выбрал комиссию, которая должна была составить проект программы по образцу программы немецкой партии. Но выполнение этого проекта разбилось о сопротивление многих валлонских организаций, которые были противниками политической борьбы, а также о сопротивление гентских союзов выставленному валлонцами требованию абсолютной автономии групп. Таким образом дело закончилось лишь образованием фламандской и брабантской социалистических партий, которые в 1879 году объединились в одну бельгийскую социалистическую партию и вместе основали газету «Vooruit» («Вперед») в 1880 г. во время агитации за всеобщее избирательное право. Важно было привлечь на свою сторону и остатки прудонистов, мютюалистов, и это также удалось: 5-го апреля 1885 года собрался конгресс всех социалистических рабочих союзов, который по предложению де-Папа принял название Parti Ouvrier. «Parti Ouvrier, писал тогда де-Пап, означает классовую партию, и когда рабочий класс организуется, как

*) Идея «интегрального» социализма означает, что социализм представляет собой нечто нераздельно единое, а различные теории социализма являются лишь модификациями чистого «интегрального» социализма. В этом же смысле французы говорили на международном конгрессе об «интегральной» программе воспитания.

партия, то ему незачем подчеркивать, что его партия есть партия социалистическая и республиканская». В состав партии входят шесть федераций, обнимающих кооперативные товарищества, общества взаимного вспомоществования, синдикальные камеры и политические кружки.

Таким образом в Бельгии Parti Ouvrier является единственной социалистической организацией; в нее входят все рабочие товарищества и профессиональные организации *).

В *Голландии* движение развивалось почти без всяких внутренних трений. Голландский конгресс огромным большинством голосов принял постановление гаагского конгресса. Небольшая группа, братавшаяся с сецессионистами и представленная на брюссельском конгрессе бывшим председателем первых заседаний в Гааге, Ван-дер Абелем, в скором времени совершенно прекратила свое существование. Раздоры в голландской партии начались лишь с момента появления Домела Ньювангуис, следовательно, лишь в начале девяностых годов.

В *Дании* социалистическая рабочая партия, развивавшаяся в тесной связи с Интернационалом, состояла главным образом из профессиональных союзов; партия имела экономическую и политическую программу.

Уяснение политической стороны движения повлекло за собой в 1878 году основание социал-демократического союза, который через 2 года заключил оборонительный и наступательный союз с профессиональными организациями. Опыт, который датские рабочие извлекли из своих сношений с мелкобуржуазными либералами, убедил их в необходимости образования чисто рабочей партии.

В Стокгольме, столице *Швеции*, также образовалась в 1875 г. социал-демократическая партия.

Швейцария, как известно, первая последовала примеру Германии и основала у себя социал-демократическую партию. Тем не менее традиции Интернационала, сделавшие Швейцарию классической страной профессиональных товариществ, еще долгое время определяли деятельность организации. Несмотря на демократическую конституцию, социал-демократическая партия могла развиваться лишь крайне медленно, потому что рабочие, научившиеся ремеслу и имеющие постоянную оседлость, в значительной мере

---

*) Срав. «Le Socialisme en Belgique par Destrée et E. Vandervelde», Paris, Giar et Brière, 1898.

находились еще под влиянием радикально-буржуазных партий, а фабричный пролетариат медленно диференцировался от имущих классов лишь в некоторых более крупных городских центрах. Таким образом в Швейцарии прежде всего развилась экономическая организация, которая создала себе крупную силу в лице союза профессиональных организаций. Деятельность швейцарской партии мало-по-малу замирала, и только в 1887 году была основана национальная социалистическая партия. Кроме того, в Швейцарии еще до основания Интернационала существовал Grütliverein, демократический ферейн с социальными, но не социалистическими стремлениями. Юрасцы уже давно бросились в объятия анархизма и не принимали больше никакого участия в жизни швейцарской партии.

Они постоянно считали себя центром «великих традиций» Алльянса и направляли свое внимание главным образом на романские народы. Во Франции они всячески старались помешать образованию Parti Ouvrier, но им пришлось убедиться в своем бессилии сделать это и в том, что никто уже больше серьезно не считается с ними.

Что касается *Испании,* то прошло много времени, прежде чем зажили раны, полученные в эпоху Алльянса. Консервативное правительство, подавившее революцию, закрыло организацию Интернационала в Испании, и сторонники Интернационала должны были организоваться в «общества сопротивления». Тем не менее, благодаря этим организациям, испанский пролетариат научился понимать противоположность классовых интересов, а втихомолку небольшая группа поджидала удобного момента для того, чтобы основать социалистическую рабочую партию и тем самым воплотить в жизнь резолюцию гаагского конгресса. Несколько таких попыток, сделанных в 1878 и 1882 годах, не привели ни к чему; лишь в 1888 году, после того, как основанная Пабло Иглезиасом газета «El Socialista» в течение нескольких лет пропагандировала эти идеи, удалось создать на конгрессе в Барцелоне социалистическую рабочую партию, программа которой была заимствована у французской Parti Ouvrier и немецкой социал-демократии.

К партии не примыкают «общества сопротивления», т.-е. профессиональные союзы, в большинстве случаев отказывающиеся заниматься политикой.

На деятельности этих союзов отчасти сказываются специфически бакунинские влияния, так как вообще Испания и до сих пор

является классической страной анархизма, отчасти же такое уклонение от политики следует приписать свойственному романским народам отвращению к парламентаризму и тем обманам, какие там применяются при выборах. Тем не менее партия оказывает этим организациям поддержку при всех экономических столкновениях рабочих с предпринимателями. Окончательное объединение обеих этих рабочих организаций является лишь вопросом времени, и в тот день, когда это объединение произойдет, социализм станет крупной силой и в Испании.

Италии также понадобилось много времени на то, чтобы освободиться от влияния бакунинского анархизма. Как раз самые честные и преданные борцы за бакунинские идеи на собственном опыте убедились в несостоятельности анархизма и в необходимости политической борьбы. Правительство своими преследованиями сделало все возможное для того, чтобы вдолбить рабочим и их вождям из среды интеллигенции идею неизбежности политической борьбы; это же правительство заставляло революционных социалистов соединиться с буржуазными левыми радикалами с целью успешной пропаганды идеи всеобщего избирательного права.

На одном таком конгрессе (1881 г.), где председателем был Гарибальди, были представлены республиканцы и социалисты. Через год в палату попал первый социалистический депутат, Андреа Коста, член Интернационала. Тогда уже стали образовываться областные организации, которые, несмотря на огромные трудности, созвали конгресс итальянских рабочих с целью создать организацию для подготовки политических и административных выборов. С этого момента итальянская рабочая партия и анархисты расходятся в разные стороны. На международном конгрессе в Париже Андреа Коста, представитель центрального комитета итальянской рабочей партии, мог говорить от имени 10.000 политически организованных рабочих. Анархист Мерлино, также бывший на конгрессе, играл там незначительную роль. Впрочем, Мерлино скоро также стал социалистом.

В *Австрии* рабочее движение развивалось в том же направлении, что и в Германии: политическая партия образует ядро движения, а мощное профессиональное движение, хотя и самостоятельно по отношению к политическому движению, но в силу неизбежного в абсолютистском государстве бесправия защиту своих интересов находит в политической партии.

В *России* после бесконечных ошибок и раздоров, которые,

конечно, были сильнее в русских заграничных кругах, чем в кладбищенской тиши русского мертвого дома, образовалась социал-демократическая партия с марксистской программой, как определенная форма организации.

Ни социалисты-революционеры, которые беспомощно шатаются между либеральным оптимизмом и террористической тактикой, ни особые национальные организации, из которых самой сильной является еврейский Рабочий Союз, не имеют будущего.

На ряду с этими национальными партиями Старого Света, возникли такие же партии и в Северной Америке, Бразилии, Австралии, Японии, а также организации отдельных народностей, венгерцев, поляков, чехов и т. д., и наконец в движение были вовлечены и молодые нации балканских государств. Все они входят в состав Нового Интернационала, вышедшего из недр старого Интернационала и организовавшегося на парижском конгрессе, и своей национальной пестротой, а равно всей своей историей являют разительный пример разорванности и разобщенности буржуазии, которая то совершенно вычеркивает из географической карты целые народы, как, напр., поляков, то импровизирует национальные государства, как, напр., на Балканах.

Буржуазии противостоит Новый Интернационал. На первом конгрессе Нового Интернационала в 1889 году в Париже Либкнехт иллюстрировал историческую связь Международной Рабочей Ассоциации с Новым Интернационалом следующим классически красивым сравнением: «Подобно тому, как в битвах и осадных сражениях в древности передовые борцы метали свои копья в неприятельские ряды, через стены вражеских крепостей для того, чтобы заставить массы броситься на врага, так и Международная Ассоциация бросила копье международной освободительной борьбы в середину армий, в самые твердыни капитализма,—и пролетариат устремился за этим копьем, готовый рассеять армии врагов и взять приступом их крепости. Международная Рабочая Ассоциация, указав рабочим всех стран общую цель, научив их понимать необходимость общих действий и общей борьбы, тем самым выполнила свою миссию. Интернационал не умер—он перешел в мощное рабочее движение отдельных стран и в нем продолжает жить. Он продолжает также жить и в нас. Этот конгресс является делом Международной Рабочей Ассоциации». Новый Интернационал также является делом Международной Рабочей Ассоциации.

Со времени старого Интернационала изменилось самое понятие

международности. В то время сущность и сила международной борьбы заключалась в возможно более строгой централизации сил международного пролетариата, и такая строгая централизация нужна была для того, чтобы в каждом отдельном пункте, где вспыхивала экономическая борьба классов, быть в состоянии немедленно выставить объединенную, организованную силу рабочего класса. Когда образовались современные буржуазные национальные государства, то борьба рабочего класса всюду стала национальной борьбой, неизбежно облекаясь в форму избирательной, парламентской борьбы. Этому закону должно было волей-неволей подчиниться и рабочее движение в Бельгии, Италии и Испании. Поэтому Новый Интернационал является скорее свободным соединением внутренне окрепших национальных партий, тогда как тайная сила старого Интернационала заключалась именно в строго проведенной централизации. Для Нового Интернационала центром тяжести является политическая борьба, старый же Интернационал проявил свои силы преимущественно в экономической борьбе классов.

Но и эта высшая форма политической партии является лишь исторической фазой, школой организации вообще. Пролетариат знает, что его последнее сражение произойдет не на парламентской почве, что и буржуазное национальное государство не является высшей формой господства буржуазии. Решающим моментом в этой битве будет только организация пролетариата, как класса, и только эта организация может принести победу. Но пролетариат, как класс, интернационален не только в смысле старого Интернационала, в смысле элементарного экономического антагонизма, и не преследует также односторонне политических целей в духе Нового Интернационала, т.-е. в смысле главным образом политической борьбы, переносящей центр тяжести в национальные организации—нет, он интернационален в третьем высшем смысле, в смысле соединения политической и экономической деятельности в одну международную борьбу, как того требовала резолюция Вальяна, принятая на гаагском конгрессе. В этом периоде буржуазия, как класс, готовится к последнему ходу. В настоящее время нет больше ни одного вопроса буржуазной политики, который не носил бы интернационального характера. Борьба за покровительственные пошлины и свободную торговлю уже давно утеряла свои тенденции национального обособления; в настоящее время это уже не борьба между сельским хозяйством и индустрией, между городом и деревней, а борьба, в которой крупное землевладение и

крупная буржуазия протягивают друг другу руки для того, чтобы с помощью организованной силы государства угнетать производительные классы: эта борьба стала частью общей пролетарской классовой борьбы. Во всех странах она расколола старые буржуазные партии и стала точкой кристаллизации новых партий, новой группировки партий. Во всех странах эта борьба объединилась с ненасытным империализмом для того, чтобы доставить ему богатую добычу, получающуюся от барышничества хлебом и монополиями. Таким образом и борьба за покровительственные пошлины и свободу торговли в настоящее время вращается вокруг международной оси.

При таких условиях должна была измениться и сущность самого парламентаризма. Народные представительства уже давно перестали быть оплотом буржуазии против короны, против государственной власти. Правительства избавились при помощи автоматической системы косвенных государственных доходов от парламентского контроля над бюджетом, и буржуазия также уже не заинтересована в том, чтобы дорожить своей прежней парламентской доктриной. Таким образом и это буржуазное учреждение стало орудием классового государства, а это последнее интернационально.

Как элементарно с этих пор проявляется классовое чувство буржуазии, прекрасно показывает пример русско-японской войны. Когда-то буржуазия мыслила, как гражданин всего мира, затем, как националист, и, наконец, как шовинист. Теперь она чувствует только, как класс, и это ее чувство сильнее всех других мотивов. Россия, которую развивающаяся буржуазия так глубоко и злобно ненавидела, как центр Священного Союза, теперь снова пользуется уважением буржуазии, как последний оплот классового господства. Русские пролетарии, поднимающиеся против царизма, кажутся немецкому бюргеру еще опаснее казаков. Таким образом уже с быстротой ветра мы вступаем в третий последний период. Это—период международных трестов и картелей, для борьбы с которыми организуются международные профессиональные союзы. Это—период империализма, мировой политики буржуазии, и этой мировой политике бронированного кулака пролетариат противопоставит свою мировую политику мира и культуры. Эта последняя фаза господства буржуазии закончится осуществлением обещаний, которые скромно формулированы еще в Манифесте Интернационала, как обязанность будущего: «чтобы рабочий класс овладел международной политикой, чтобы он зорко следил за

дипломатическими шагами своих правительств и в случае надобности выставил против них все имеющиеся в его распоряжении силы». Это будет победа культуры над варварством, мира над милитаризмом и маринизмом, коммуны труда и свободы над классовым государством эксплоатации и угнетения, победа наемных рабов над тунеядствующими рабовладельцами. Интернационал является не только воспоминанием прошлого, не только приобретением настоящего, но и задачей будущего; в нем осуществляется конечная цель рабочего движения: уничтожение антагонизма между нациями путем уничтожения классовых противоречий.

Не в первый раз мировая история видит такое зрелище. Если вся история является лишь волнообразным ходом классовой борьбы, то характер и напряжение последней бывают различны. Буржуазная революция является лишь историческим эпизодом, который можно сравнить с крушением старого Рима и основанного на рабстве римского общества, павшего под натиском интернациональной коммунистической организации. Вездесущая революция рабов, организовавшаяся в недрах римской империи в форме христианских общин и подготовлявшая возникновение нового общества под неземным знаменем Civitas Dei (Царство Божие), являлась Интернационалом в империи цезарей. Эта революция победила и воплотилась в форму средневекого государства, и ее триумфом было идеальное освобождение индивидуума, очеловечение личности. Из нее развилось буржуазное общество, которое и материально завершило эмансипацию личности путем создания движимой частной собственности, но только сделало оно это насчет обесчеловечения миллионов пролетарских существований, путем нового закабаления целого класса людей.

Если античный рабовладелец был заинтересован в жизни раба, то современный рабовладелец нисколько не думает о своем рабочем. Но *класс* буржуазии заинтересован в существовании *класса* рабочих. И если древние рабовладельцы заботились о физическом благополучии своих рабов, то буржуазия, как *класс*, ограничивает чрезмерную эксплоатацию отдельных предпринимателей постольку, поскольку такая чрезмерная эксплоатация угрожает существованию рабочего класса. Отсюда мы видим, что старые отношения рабства повторяются и на высших ступенях развития в виде отношений класса к классу.

Римское общество погибло оттого, что иссяк рынок, поставлявший ему рабов. Современное общество погибнет оттого, что

господствующие классы истощатся физически и численно. Грубая жестокость, с которой буржуазия в настоящее время ведет свою классовую борьбу, кровавые дни Коммуны и июньская резня могут итти в сравнение лишь с подавлением восстаний древних рабов и организованным сопротивлением христианского Интернационала. Тогда восставшие рабы десятками тысяч пригвождались к крестам, теперь восставших пролетариев десятками тысяч расстреливали.

Но как тогда, так и теперь репрессии не дадут желанных результатов. Современный пролетариат в конце концов победит. Своей победой он обязан будет организации, а первой и высшей формой организации является Международная Рабочая Ассоциация, союз пролетариев всех стран.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Письма Карла Маркса, И. Ф. Беккера и Петерсена к Юнгу, проект постановления генерального совета об Алльянсе (писан рукой Карла Маркса), членские билеты Интернационала, Лиги земли и труда и Лиги реформы.

INTERNATIONAL

Working Men's Association

INTERNLE ARBEITER ASSOCN. ASSOCIATION INTERNLE DES OUVRIERS. ASSOCNE INTERNLE OPERAI.

CARD OF MEMBERSHIP.

This is to Certify that Cit. H. Jung was admitted a Member of the above Association in September 1864 and paid as his Annual Subscription for the year 1869 0. 2. 0

R. Shaw Corresponding Secretary for America.

Bernard	Cor. Sec. for Belgium.	Jules Johannard	Italy.
Eugene Dupont	France.	Anthony Zabicki	Poland.
Karl Marx	Germany.	H. Jung	Switzerland.
Wm. Stepney	Treasurer.	J. George Eccarius	Sec. to Gen. Council.

The emancipation of the working classes must be accomplished by the working classes themselves. the struggle for their emancipation means a struggle for equal rights & duties and the abolition of all class rule. The economical subjection of the man of labour to the monopolizer of the means of labour lies at the bottom of servitude in all its forms of social misery, mental degradation, and political dependence. The economical emancipation of the working classes is therefore the great end to which every political movement ought to be subordinate as a means. All efforts aiming at that great end have hitherto failed from the want of solidarity between the manifold divisions of labour in each country and from the absence of a fraternal bond of union between the working classes of different countries: The emancipation of labour is neither a local nor a national but a social problem, embracing all countries in which modern society exists & depending for its solution on the concurrence practical and theoretical of the most advanced countries.

L'émancipation des travailleurs doit être l'œuvre des travailleurs eux-memes; les efforts des travailleurs pour conquérir leur emancipation ne tendent qu'a etablir pour tous des droits et des devoirs égaux et à anéantir la domination de toute classe. L'assujettissement economique du travailleur aux détenteurs des moyens de travail, c'est-a-dire des sources de la vie, est la cause première de sa servitude politique, morale, matérielle. L'émancipation économique des travailleurs est conséquemment le grand but auquel tout mouvement politique doit être subordonné comme moyen. Tout les efforts faits jusqu'ici ont échoué faute de solidarité entre les ouvriers des diverses professions dans chaque pays, et d'une union fraternelle entre les travailleurs des diverses contrées. L'émancipation du travail n'étant un problème ni local ni national, mais social, embrasse tous les pays dans lesquels la vie moderne existe et nécessite pour sa solution leur concours theorique et pratique

Die Emancipation der Arbeiterklasse muss durch die Arbeiterklasse selbst erobert werden, der Kampf fuer die Emancipation der Arbeiterklasse ist kein Kampf fuer neue Klassenvorrechte, sondern fuer die vernichtung aller Klassenherrschaft, Die oekonomische unterwerfung des Arbeiters unter den Aneigner der Arbeitsmittel, d. h. der Quellen des Lebens liegt der Knechtschaft in aller ihren Formen zu Grunde, dem socialen Elend, der geistigen verkuemmerung und der politischen Abhengigkeit: Die oekonomische Emancipation der Arbeiterklasse ist daher das grosse Ziel, dem jede politische Bewegung als Mittel dienen muss: Alle nach diesem Ziel strebenden versuche sind bisher gescheitert aus Mangel an Einigung under den verschiedenen Arbeitszweigen jeden Landes und unter der Arbeiterklassen der verschiedenen Laender: Die Emancipation der Arbeiter ist weder eine lokale, noch eine nationale sondern eine gesellschaftliche Aufgabe; Sie umfasst alle Laender, worin die moderne Gesellschaft besteht, Sie kann nur geloest werden durch das planmaessige Zusammenwirken dieser Laender.

ПЕРЕВОД.

Освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Борьба за освобождение рабочего класса есть борьба не за новые классовые преимущества, а за уничтожение всякого классового господства. Экономическое подчинение рабочего собственнику средств труда, т.-е. источников жизни, лежит в основе всех форм рабства, социальной нищеты, духовного одичания и политической зависимости. Экономическое освобождение рабочего класса является поэтому великой целью, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство. Все попытки, направленные к достижению этой цели, до сих пор не удавались из-за отсутствия солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой отдельной стране и между рабочими классами различных стран. Освобождение рабочих является не местной, не национальной, а социальной задачей. Она охватывает все страны, в коих существует современное общество, и может быть разрешена лишь путем планомерной совместной работы этих стран.

Четыре письма И. Беккера, относящиеся ко времени Женевского Конгресса в 1866 г.

Association Internationale
des Travailleurs.

Section Genevoise.

Женева, 29-ое марта 1866 г.

Дорогой друг Юнг!

Из письма от 25-го февраля ко мне и из отправленного Вами на-днях письма нашему другу Дюпле, мы убедились, что у Вас там, как и здесь, главная работа взвалена на нескольких лиц и что Вас чрезмерно обременяют. Во все времена было и всегда, вероятно, так будет, что отдельные личности должны быть принесены в жертву для успешного развития всего дела. Вы верно как-то заметили, что, если бы даже мы и захотели, то не можем иначе поступить. Мы порываемся проявить все силы нашего внутреннего «я» и только в службе общественному делу мы находим нравственное удовлетворение. Нам не нужно призывать друг друга к постоянству и энергии, потому что мы не можем быть иными.

Теперь к делу! 2-го числа этого месяца я писал своему другу Лесснеру и вложил туда более длинное письмо к супругам Маркс, которых я просил прочесть это письмо Вам. Я указал там на настоятельнейшую необходимость для генерального совета в виду приближения конгресса выпустить немедленно по этому поводу циркуляр, опубликовать программу конгресса и возможно скорее разослать их различным центральным комитетам для того, чтобы эти последние могли во-время опубликовать их в своих специальных органах.

Вы совсем не упоминаете о моем письме, и я опасаюсь, что оно из-за неточности адреса не получено нашим другом Лесснером. Необходимость такого циркуляра становится с каждым днем все

более настоятельной. Мы ежедневно получаем из близких и дальних мест запросы по поводу конгресса, на которые мы не в состоянии ответить; это ставит нас в немалое затруднение. До сих пор при полном отсутствии жизни со стороны генерального совета, мы на запросы наших членов и иностранных секций могли отделываться разными ничего не стоящими ответами; — теперь же такие уклончивые ответы совершенно непригодны и по конгрессным вопросам не достигают цели. Если генеральный совет хочет дальше существовать, то он должен напрячься и проявить большую деятельность. Все наше с таким трудом воздвигнутое здание начнет колебаться, если генеральный совет официально и впредь останется немым и глухим. *Поэтому заклинаю Вас и других товарищей сейчас же сделать все необходимое, касающееся конгресса, для того, чтобы это прекрасное дело могло и дальше развиваться и чтобы мы могли выйти из этого отчаянного положения.*

Что касается составления циркуляра и программы конгресса, то мы позволим себе вообще высказать наше мнение о сущности конгресса, о его цели, средствах, о форме и содержании и дать Вам совет обратить внимание на следующие пункты:

1) В какой день должен конгресс открыться? В четверг 31-го мая?

2) Как долго должен он продолжаться? 5, 6 или 7 дней?

3) Какой должен быть порядок дня? Или же конгресс в первом своем заседании должен сам его определить?

4) В какие часы дня заседания должны начинаться и кончаться? Надо ли вести заседания с перерывом? Так, начать с 9-ти часов утра до обеда, потом продолжать с 2, 3-х часов и кончать вечером часов в 6, 7? Или, может быть, конгресс должен сам это решить? Не следует ли и вечера употребить для заседаний?

5) Кто при заседаниях пользуется правом голоса? Мы здесь того мнения, что правом голоса должны пользоваться только делегаты секций нашей Ассоциации, также назначенные и имеющие быть назначенными генеральным советом почетные корреспонденты; другие же члены нашей Ассоциации должны пользоваться правом только присутствовать на заседаниях; дальше мы того мнения, что конгрессом должен быть назначен один день для публичного обсуждения всего рабочего вопроса в его целом; в этом заседании могли бы принимать участие все делегаты любого рабочего союза, как и всякий рабочий вообще. Этот конгрессный день должен быть посвящен агитации в целях развития во всем рабо-

чем классе верных взглядов на наше дело и большего привлечения его на нашу сторону, но при этом решения, которые могут быть там приняты, не должны связывать и ограничивать самостоятельный ход развития нашей Ассоциации. Может быть, удобно назначить этот день на воскресенье (3 июня).

6) Мы того мнения, что, кроме вопросов, намеченных для конгресса Лондонской конференцией, должно также заняться выработкой уставов как для генерального совета, так и для центральных комитетов различных национальных отделений и секций.

7) В порядок дня и в программу должен быть, по нашему мнению, включен вопрос о том, как установить деловые сношения на принципе полной взаимности между различными учреждениями, например, между потребительными, производительными и кредитными рабочими обществами и этим сделать ненужным посредничество, требующее затраты лишнего труда.

8) Должны ли быть расходы делегатов оплачены целиком или только частью? Будут ли им предложены только квартиры или также и стол? Куда должны быть направлены взносы англичан, французов и бельгийцев? Мы, с своей стороны, охотно сделаем здесь все возможное. Или же предоставить все это дружескому гостеприимству здешних членов по отношению к делегатам? Может быть, лучше ничего об этом не говорить, а только в общем сказать, что о приеме гостей товарищи позаботятся?

9) Мы полагаем, что конгресс должен закончиться дружеским банкетом, устройство которого должны взять на себя женевские секции.

10) Должны ли мы украсить залу красным знаменем, как символом мира и солидарности всех народов, или также различными национальными знаменами? Обо всех этих пунктах и о том, что генеральный совет еще найдет нужным, мы должны иметь сведения и инструкции путем специальных писем и циркуляров, но это должно произойти скоро для того, чтобы успеть напечатать это еще в ближайшем нумере «Vorbote». Нам незачем указывать на то, что вступление и заключительная часть программы должны быть составлены кратко и связно, горячо и сильно.

Наш Маркс болен и это очень жаль, так как ему-то больше всего и подобает эта работа, на которую обращены взоры всего мира. Вы, вероятно, направите к нам сюда группу рабочих из Маннгейма? Просим Вас во всяком случае прислать их адрес, а также адрес союза Д. А. В. в Нью-Иорке, которому Вы будете

любезны послать «Vorbote». Вы не должны отсутствовать на нашем конгрессе по многим причинам, Вы должны все, все употребить, чтобы сделать Ваше присутствие там возможным. Подумайте, ведь это первый международный рабочий конгресс с тех пор, как история существует; Вы в генеральном совете единственный швейцарец и состоите корреспондентом для Швейцарии; Ваше знание языков, Ваш ораторский талант, Ваши неутомимые труды делают Вас совершенно незаменимым человеком для нашего дела. Мы все здесь сильно желаем иметь Вас своим гостем, и каждый из нас будет оспаривать честь иметь Вас у себя, ввести в свой дом.

Если Вы не приедете, мы будем об этом вечно жалеть, а Вы будете всегда раскаиваться в этом. Итак, позаботьтесь о том, чтобы циркуляр как можно скорее появился.

Мой самый дружеский привет Вашей супруге. Обнимаю Вас сердечно.

Ваш И. Беккер.

Internationale
Arbeiter-Genossenschaft.

Abtheilung Genf.

Женева, 21-го июля 1866 г.

Дорогой друг Юнг!

Прилагаемым письмом друга Дюпле и моим я хочу не только повторить, но с особой силой подчеркнуть уже сказанное. Уж 10 дней, как я ношусь с мыслью о том, чтобы отложить день открытия конгресса, так как с различных сторон высказывается такое пожелание. Я не касался этого только потому, что раньше хотел дождаться ответа на наши последние письма и надеялся даже, что генеральный совет, при таких неблагоприятных обстоятельствах у Вас и у нас, сам решит отложить конгресс или, по крайней мере, посоветует это сделать. В письме, полученном сегодня, можно между строк читать, что Вам не только не будет неприятно, если конгресс будет отложен, но что это Вам скорее желательно. Я очень жалел, что уж раньше не писал Вам этого и не сделал от имени нашей секции такого предложения. Если это непременно нужно, то мы можем, конечно, открыть конгресс 4-го июня, но, по моему твердому, на фактах основанному убеждению, конгресс не будет иметь такого успеха, как в том случае, если мы

день открытия назначим на 25 сентября. Это самое подходящее время для всех немецких и швейцарских секций. Они еще молоды, и каждый день, как показывает сегодняшнее известие, образуются все новые секции. Все они существуют слишком недавно и не обладают достаточными материальными средствами для того, чтобы посылать своих делегатов и делать какие-нибудь взносы на расходы по конгрессу. И все же они хотели бы послать своих представителей. Кроме того, долгое молчание генерального совета, т.-е. то, что он уже давно не выпустил соответствующего циркуляра, еще увеличило затруднения. Почти нигде не верят серьезно, что конгресс соберется в конце мая, и поэтому никто к нему серьезно не готовится. На бесчисленные вопросы, в какой именно день произойдет открытие конгресса, мы не могли дать никакого определенного ответа. И вот наконец приходит решение, назначающее такой короткий срок, что, несмотря на все наши старания, в результате съезд все же не в состоянии будет поднять нашу Ассоциацию на такую высоту, сделать ее такой силой, которая могла бы успешно бороться за освобождение рабочего класса от двойного ига и избавить человечество от всего тяготеющего над ним зла. В сентябре же мы будем иметь такой съезд, и мы выполним такую грандиозную работу, какой мировая история еще не видала. У нас есть еще одна причина, заставляющая нас желать, чтобы конгресс открылся позже. Самое задушевное мое, как и друга Дюпле, желание заключается в том, чтобы Вы и наш друг Маркс непременно приложили весь Ваш ум и всю Вашу силу для этой великой и трудной работы.

Нашему едва выздоровевшему Марксу вряд ли возможно будет еще в начале июня предпринять такую поездку и подвергнуться всем волнениям, связанным с многодневными заседаниями; если же конгресс будет отложен, то и у Вас будет достаточно времени устранить те препятствия, которые оказываются на Вашем пути. *Но оба вы должны на съезде быть, иначе это невозможно.*

Пишу второпях. Кланяюсь Марксу, его семье, Лесснеру и Вашей супруге.

Ваш И. Беккер.

Мы не можем взять на себя обещать делегатам готовое содержание, не имея для этого средств, так как счета гостиниц одними обещаниями мы оплатить не сможем. Vous savez: point d' argent, point suisses?

Женева, 27 апреля 1866 г.

Дорогой друг Юнг!

Деятельность, которую Вы, судя по Вашему почтенному письму, проявляете для нашего дела и которая, как видно, остается не безуспешной, меня бесконечно обрадовала, укрепила и ободрила. Я вижу, что Вы всем существом своим проникнуты и всеми фибрами своей души преданы нашему делу, что Вы волей неволей должны неустанно работать, совершенно не считаясь с собой. Про себя могу сказать то же самое, и хотя эта борьба полна трудностей, жертв и неприятностей, я только в ней нахожу нравственное удовлетворение и счастие. Хорошо, что и в английский рабочий народ начинает, наконец, проникать революционный дух, что он просыпается от спячки и решается наконец выйти из рамок законности, на почве которой буржуазия надеялась увековечить свое господство. Эта заслуга принадлежит Интернациональной рабочей Ассоциации. Итак, бодро вперед по этому пути!

С письмом Комитета французской секции согласна также и наша секция. Генеральному совету, не подававшему за пределами Англии в течение почти двух лет никаких признаков жизни, представляется прекрасный случай обратиться наконец к рабочим всей Европы (если бы было не поздно, то и всего мира) с призывом вступить в нашу Ассоциацию и послать на наш конгресс своих представителей. Это необходимо сделать. Мы это по своему разумению уже решили и дали печатать воззвания к немецким и швейцарским рабочим. Несколько из них мы пошлем Вам. Ваш манифест я должен получить не позже 12-го августа для того, чтобы я мог его еще до конгресса напечатать в «Vorbote».

Мы очень рассчитываем на то, что Вы и наш друг Маркс приедете сюда. Мне очень жаль, что ни наш друг, ни его уважаемая супруга не ответили на письмо от 1-го марта и что ни он, ни Энгельс, находящийся в Манчестере, ничего не написали для «Vorbote», как я почему-то надеялся. Манифест коммунистической партии 1848 г., снабженный введением, я буду позже постепенно помещать в нашем органе.

Мы в то же время принимаем все меры, чтобы конгресс открылся и проведен был блестяще.

Шлет Вам и Вашей супруге сердечный привет

Преданный Вам *И. Беккер.*

Интернациональная рабочая
Ассоциация.

Женевская секция.

Женева, 15 ноября 1866 г.

Дорогой друг!

Я очень жалею, что мое длиннейшее письмо, которое вместе с пачкой «Vorbote» и книгами должен был Вам передать Ваш друг, благодаря конфискации на французской границе, не попало в Ваши руки. Нельзя ли потребовать эти вещи у французских чиновников обратно, как мне это уже однажды удалось? Дело стоит того, чтобы попытаться это сделать.

Из Ваших последних писем к Дюпле я сделал нужные выписки и в имеющем на-днях появиться 11 номере «Vorbote» я упомяну о стачке, а также позабочусь о том, чтобы наши взносы были в ближайший месяц отправлены в кассу Генерального совета. Здесь, между прочим, удивляются, что, несмотря на то, что в Англии в нашу Ассоциацию вступило много союзов с большим числом членов, женевская секция, и так уже много потратившая на конгресс, постоянно привлекается к участию в расходах по печатанию официального отчета. Это доказывает, что Ваша организация является непрочной, необъединенной и что для того, чтобы притти к чему-нибудь лучшему, более основательному, Вы должны взять пример с нашей организации.

Здесь дела нашей Ассоциации быстро подвигаются вперед, и местный центральный немецкий комитет получает также из Германии хорошие известия. Конгресс оказал самое благоприятное влияние на наше дело, и мы можем в будущем рассчитывать на увеличение числа наших членов.

Очень тороплюсь, потому что наш друг Дюпле торопит отправкой.

Сердечный привет Вам и Вашей уважаемой семье.

Преданный Вам

И. Беккер.

Письмо Маркса по делу Эккариуса.

Лондон, 14 сентября 1868 г.

Дорогой Юнг!

«Times» приводит сегодня доклад Эккариуса от 9-го и 10-го. В споре о машинном производстве он передал в извращенном виде речь Лесснера, которая была гораздо лучше изложена в «*Daily News*». Лесснер цитировал, как вы могли это видеть из того же «*Daily News*», мою книгу. Эккариус пропустил эту цитату. Но мало того. В «*Daily News*» резолюции о машинном производстве признавалась *предложением General Council*. В «Times'e» же Эккариус выдает ее за свое личное предложение. Этим Вы можете его прижать к стене. Его эгоизм нуждается в должном отпоре (puff to set him right again).

Ваш *К. М.*

К отсрочке конгресса 1870 г.

36 Hardres Street, 12 August 1870 г.

Ramsgate.

Дорогой Юнг!

Прилагаю для представления Генеральному Совету следующие документы:

1) Постановление немецкого центрального комитета в Женеве (Романский центральный комитет препроводит Вам подобный же протокол).

2) Копию полученного мною постановления из Брауншвейга; оригинала не посылаю, потому что там приведены различные мотивы, на которые я должен ответить.

Я очень болен, но, может быть, морской воздух мне поможет.

Привет.

Ваш *К. Маркс.*

Копия.

Генеральному Совету *Интернациональной рабочей Ассоциации в Лондоне.*

Принимая во внимание, что по случаю настоящей войны едва ли возможно устройство конгресса Интернациональной рабочей Ассоциации в каком-нибудь европейском государстве и что рабочие Франции и Германии, если бы конгресс даже и состоялся, не смогли бы по независящим от них причинам принимать в нем участие, нижеподписавшийся комитет предлагает, чтобы уважаемый Генеральный Совет воздержался в этом году от созыва конгресса. Комитет полагает, что это предложение совпадает с мнением французских секций Интернационала.

Мы надеемся, что Генеральный Совет примет это предложение; что же касается местонахождения Генерального Совета, то он попрежнему, без сомнения, должен остаться в Лондоне.

Подобное же предложение мы намерены были внести на Майнцский Конгресс.

Комитет социал-демократической рабочей партии в Германии

Председатель *C. Kühn.*

Секретарь *Bonporst.*

Кассир *Bracke.*

Письмо Петерсена о Дании.

Копенгаген, 22-ое апреля 70 г.

Гражданин Юнг!

Вчера вечером было здесь первое собрание из 9-ти социалистов; в первый раз с тех пор, как существует королевство Дания, имело здесь место подобное собрание. Целью собрания было основать секцию Интернационала. Прежде всего будет составлен проект и намечен путь к основанию социал-демократического ферейна, а потом уже произойдет присоединение его к Интернациональной Ассоциации. Я думаю, что при здешних условиях это наиболее

целесообразно. Основным принципом этого ферейна должна стать эмансипация рабочего класса, как это значится на членских карточках Интернационала.

Не стану распространяться о том, что именно здесь всякое начало особенно трудно, но укажу на то значение, какое будет иметь присоединение Скандинавии к великому братскому союзу, когда и она наконец на ближайшем конгрессе будет иметь своего представителя, хотя бы от одной только секции. Дело значительно подвинулось бы вперед, если бы в Лондоне в составе Интернационала был скандинавец, который способствовал бы установлению прочной связи путем взаимной переписки (если не ошибаюсь, некий гражданин Кон уже подписывался в разных печатных заявлениях, как представитель Дании). Эти строки, как частное письмо, я адресую Вам, а не секретарю генерального совета, гражданину Эккариусу, потому что просьба, с которой я хочу в конце письма обратиться, может быть именно скорее удовлетворена Вами. Если бы я это письмо послал секретарю генерального совета, то оно, вероятно, получилось бы на много дней позже. В ближайший вторник будет у нас второе собрание. Единственные, так сказать, печатные вещи и единственный имеющийся у меня в руках материал для пропаганды идей Интернационала, это 8—10 членских карточек, привезенных мною из Парижа. Я, конечно, по мере сил и возможности старался словесно разъяснить, как распространяется Интернациональная Ассоциация, какое влияние она имеет и чем она является для рабочего класса. Я давал объяснения очень охотно, но все же печатное слово пользуется большим доверием и весом, особенно здесь в деревне, где население было далеко от рабочего движения других стран и до сих пор было совершенно незнакомо с ним. Я прошу Вас поэтому прислать сюда столько литературы, сколько возможно. К счастью, между нами есть лица, знающие как французский, так и английский языки и, во всяком случае, хорошо владеющие немецким. Поэтому в интересах нашего общего дела пришлите бандеролью различные брошюры, также старые номера различных газет из тех мест, где имеется Интернационал, пришлите также протоколы конгрессов, резолюции, уставы, прокламации и т. д. — во всяком случае брошюры Эккариуса, если какая-нибудь из них имеется у Вас на руках. Вышлите по адресу Herm. Mundberg, lille Kjöbmagergade 65 l-ste Sal in Copengagen. Я остаюсь во всяком случае до вторника здесь и, по всем вероятиям, обратно в Париж поеду на Лондон, если только

здесь, как я надеюсь, имеется прямое пароходное сообщение. По поводу всяких расходов на отправку посылки мы сможем легко столковаться. Во всяком случае, я убежден, что в интересах Интернациональной Ассоциации это будет сделано так скоро, как только возможно. Если бы генеральный совет вместе с этим прислал от себя воззвание, то это принесло бы большую пользу делу и расшевелило бы скандинавских флегматиков. Интернационал это единственный путь, посредством которого будет перенесено в Скандинавию социальное движение. Здесь в деревне толкуют о всевозможных рабочих союзах: потребительных, взаимопомощи, просветительных, певческих и других подобных отупляющих учреждениях; во главе этого движения, как некогда Шульце в Германии, стоит здесь некий Римштедт, который, подобно Зевесу, мечет молнии на тех, которые кажутся ему опасными и не хотят преклоняться перед его господством. Как раз теперь, к счастию, начинает шататься его трон, значит, мы начинаем наше дело в благоприятное время. Будем надеяться и верить в удачу.

Кланяюсь и жму руку.

Л. Петерсен.

Два письма Беккера о шовинизме 1870 г.

**Интернациональная рабочая
Ассоциация.
Группа немецких секций.**

Центральный комитет. *Женева, 12-е сентября 1870 г.*

Дорогой друг Юнг!

Парижские друзья бомбардируют меня предложениями. К сожалению, их манифест не соответствует теперешнему настроению немецких рабочих. Все, напротив того, принимает националистическую окраску и за французской республикой, к сожалению, как бы оставлено призвание раздуть эту и без того чрезмерно кровавую войну в междоусобную расовую войну.

Спешу. Поклон всем друзьям.

С братским приветом твой

И. Беккер.

Женева, 25 сентября 1870 г.

Интернациональная рабочая
Ассоциация.
Группа немецких секций.

Центральный комитет.

Дорогой друг Юнг!

Ваш самый последний манифест против стремления пруссаков присоединить Эльзас-Лотарингию я получил на один день позже, так что я не мог напечатат его в сентябрьском нумере «Vorbote». Мы это все же скоро напечатаем отдельным изданием. К сожалению, это не будет иметь никакого влияния на ход событий и не будет верно понято и достаточно оценено ни французскими, ни немецкими рабочими. Апатия французского населения гораздо сильнее, чем Вы это себе представляете, судя по газетным известиям. Грустнее всего то, что большая часть французских рабочих тоже не свободна от шовинизма. Мы будем довольны, если наш союз распадется на непродолжительное только время. Даже в Швейцарии начинают смотреть на интернациональный рабочий союз, как на козла отпущения во всех бедах и несчастиях.

Не болен ли друг Боркгейм? Я писал ему 7-го августа и до сих пор ответа не получил. Узнай, пожалуйста, об этом.

Коуель Степней уже несколько дней здесь и работает в Лиге мира.

Кланяйся от меня всем нашим, в особенности Марксу, Эккариусу, Лесснеру, а также и твоей славной жене.

С братским приветом

Твой И. Беккер.

Два письма Беккера о Женевском Аллянсе.

Интернациональная рабочая
Ассоциация.
Группа немецких секций.

Центральный комитет. Женева, 12-го марта 1870 г.

Дорогой друг Юнг!

Я бы давно тебе ответил, если бы меня не задержало изготовление прилагаемых здесь документов русской секции, основанной по моей инициативе.

Раньше всего я должен пожалеть, что ты и, как кажется, другие друзья очень ошибочного мнения насчет моего положения и того влияния, каким я пользуюсь. Ты мог бы избавить себя от напрасной траты умных слов для выяснения той точки зрения, которая мне и так давно понятна. Если бы я не был по горло занят делами Союза, я бы, конечно, Вам чаще писал и знакомил Вас со всем, что здесь происходит. Если о многом я лишен возможности писать за недостатком времени, то нужно еще принять во внимание то, что о многом не только неудобно высказываться в нашей печати, но что не всегда можно доверять и почте, в особенности если известные дела еще не закончены. Человек, желающий серьезно заняться чем-нибудь дельным, встречает здесь большие трудности, чем где бы то ни было. Нам здесь приходится бороться с укоренившимся антагонизмом, не на много уступающим тому, который существует между ирландским и английским пролетариатом. С одной стороны, стоят «фабричные» рабочие (ювелиры, часовщики и т. п.), большей частью женевские уроженцы и, следовательно, романского происхождения, а с другой стороны, рабочие других ремесл, называемых здесь «gros metiers». Это почти исключительно «чужие», т.-е. немцы и немецкие швейцарцы. Политическая агитация сверх того затрудняется еще тем, что «чужие», составляющие здесь большинство, не пользуются избирательными правами; чтобы не вызвать раздоров, приходится действовать с большой осторожностью. Когда ко всему этому приходится иметь дело еще с нервно расстроенными людьми, вроде Робена, и такими отчаянными головорезами, как Бакунин, то вся дружная работа разлетается в прах. Я должен здесь в одно время служить рулем, компасом и мачтой и под своею ответственностью проплыть к общему благополучию между Сциллой и Харибдой. Кроме того, моя деятельность направлена главным образом на пропаганду за пределами Швейцарии. Бакунин был здесь кстати до тех пор, пока он был нужен, чтобы сорвать конгресс мира и пока, благодаря его знакомствам, можно было основывать секции в Испании и Италии. l'Alliance des Socialistes должен был мне служить средством для определенной цели. До достижения намеченной цели я не должен был никому об этом говорить, рискуя даже при этом, что Вы и другие будете временно неправильно обо мне судить. Между прочим, Бакунин стал в это время лучше, более сносным, чем был, и, вероятно, не без моего влияния. По поводу нападок на Генеральновый Совет в «Egalité» я вторично устроил нашему Робену голово-

мойку и уже давно устно, а потом и письменно заявил редакционному комитету, что никакой ответственности за напечатанное в «Egalité» я на себя не беру. Еще до Нового года я написал целый ряд статей о Швейцере и заставил «Progrès» и «Egalité» для искупления их греха поместить эти статьи на своих столбцах. После всего сказанного Вы поймете как мою деятельность и положение, какое я занимаю, так и влияние, каким я пользуюсь, и Вы будете впредь более осторожно судить обо мне и не найдете особенно нужным поучать и наставлять меня. Моя деятельность, между прочим, ни в каком случае не ограничивается одним сотрудничеством в «Vorbote» и других органах, но я еще выискиваю возможность значительно расширять ее путем живого обмена мыслей в письмах, что я называю «тихой» пропагандой. Благодаря именно этому, удалось с помощью действительных членов нашей секции, состоящих большей частью также членами всеобщего немецкого рабочего союза, постепенно подорвать положение Швейцера, *и плоды этого подкапывания сказались на рабочем съезде в Нюрнберге и еще больше на конгрессе в Эйзенахе, и это было на руку германской социал-демократической рабочей партии.* В Австрии удалось, благодаря главным образом нашему постоянному давлению и влиянию, вовсе не допустить Швейцера выступать там. Теперь я стараюсь в Мюнхене и в Аугсбурге привлечь отделившееся от Швейцера левое крыло на сторону Брауншвейгского комитета, т.-е. направить его прямо в организацию Интернационала. В настоящее время все наше внимание и вся наша деятельность обращены на восток; средством для наших завоеваний там служит нам русская, главным образом, славянская секция. Насколько это важно, очевидно всякому. Кроме общего значения, которое имеет интернациональная, социалистическая и антипанславистская пропаганда, особое значение имеет то обстоятельство, что в случае всеобщего возмущения на западе удастся наконец сломить русское могущество. Австрийские товарищи также давно просили нас притти им на помощь и вырвать чешских и славянских рабочих из-под влияния дворянства и духовенства, — этого продукта нездорового национального культа. Мы недавно послали в Прагу дельного человека в качестве агента с соответствующими инструкциями и вскоре выпустим умеренного характера прокламацию на различных славянских языках. Как идет наша работа в Венгрии, Вы можете знать из «Vorbote».

Ты ошибаешься, думая, что я согласен с односторонним (не

говоря уже о некоторых его бестактностях) направлением Либкнехта. В Эйзенахе и Базеле я дал этому другу почувствовать совершенно противоположное. Он и Бакунин вообще испортили мне настроение на базельском конгрессе. Нашими переговорами с комитетом в Брауншвейге мы надеемся загладить различные партийные шероховатости. С Вашими доводами и решениями по поводу «Progrès» и «Egalité» наш центральный Комитет, как и всякий здравомыслящий товарищ здесь, вполне согласен, и я безусловно охотно подпишусь под ними. Жаль, что Ваше заявление получилось тогда, когда повод, вызвавший его, и виновники уже устранены. Насколько мне известно, Гинс в Брюсселе порядком таки задал своему другу Робену за его знаменитые статьи.

Больше всего выступают против нас г-да цюрихские республиканцы, прячущиеся за, так называемой, кассой страхования. Они, испугавшись призрака диктатуры Генерального Совета, диктатуры Маркса, становятся нам поперек дороги не только здесь и в Вене, но, как видно, также в Брауншвейге и Лейпциге. Мне приходится постоянно самым неприятным образом воевать с ними. Но, без сомнения, когда исчезнет последний франк знаменитой кассы, которая так по сердцу наивным и лукавым душам, наступит конец всей их мудрости и всему их величию.

То, что Гегг писал другу Єтепнею, что немецкий просветительный рабочий союз сделал мне взнос для Генерального Совета, совершенно неверно. Этот союз только в последний месяц уплатил 50 фр. местной центральной кассе, при чем он заметил, что этот взнос пойдет в счет долга Генеральному Совету. Мы подозреваем, и, конечно, не без основания, что и здесь кроется какая-нибудь цюрихская интрига. В Австрии только издаваемый Неймайром и не субсидируемый Цюрихом орган «Gleichheit», в котором я иногда пишу, высказывается открыто и решительно за нас. В заключение, я прошу тебя постараться как можно скорее покончить с русскими делами для того, чтобы эти смелые люди со свежими силами могли беспрепятственно провести начатое дело. Я попрошу назначить экстренное заседание Генерального Совета, если этим можно ускорить дело.

Вместе с письмом от русской секции передай, пожалуйста, сейчас прилагаемые строки другу Марксу. Тебе и всему Генеральному Совету мой братский привет!

И. Беккер.

Интернациональная рабочая Ассоциация.
Группа немецких секций.

Центральный комитет.

Женева, 1-го декабря 1871 г.

Дорогой друг Юнг!

Ответом на твое последнее письмо явился приезд наших делегатов на конференцию, а о том, что здесь за это время происходило, вам, вероятно, сообщил Утин или Перре. Одна часть французских эмигрантов вместе с остатками «Alliance socialiste» устраивают нам скандал за скандалом. Они не признают компетентности конференции, оспаривают лойяльность ее решений; генеральный совет обвиняется ими в пангерманизме, Маркс в единомыслии с Бисмарком, а женевские рабочие заподозрены в буржуазном образе мыслей. Личность Гросселина была задета во время его отсутствия самым возмутительным образом. Лефрансиус и Астон теперь самые «почетные» вожаки этой шайки. На-ряду с серьезными неприятностями они совершают до смешного глупые выходки: так называемый конгресс в Сонвиллье решил распустить романскую федерацию. Это переполнило уж чашу терпения, и завтра вечером на собрании всех здешних секций окончательно с ними рассчитаются. На этом собрании будет внесено предложение, которое, без сомнения, будет принято всеми, потребовать от всех секций исключения из своей среды тех членов, которые являются в то же время членами «Section des socialistes revolutionaires» и т. д. Кроме того, собрание признает компетентность конференции, законность ее и необходимость выполнять ее постановления. Дальше будет выпущен соответственный манифест к рабочим юрских организаций с предложением присоединиться к романской федерации. Чтобы облегчить это присоединение и чтобы легче было основывать там новые секции, мы пошлем несколько наших агентов в юрскую область. Как мы недавно узнали, так называемая юрская федерация пришла в полный упадок и состоит только из трех секций с небольшим числом членов. Если бы этот обособившийся союз не пополнялся по временам эмигрантами, то он уж вовсе не существовал бы. Малон приобрел себе популярность в Юре тем, что он якобы «спас» значительные суммы.

Мне лично вся эта история доставила не особенно много хлопот; все это явления проходящие, но моментами они причиняли нам много неприятностей и досады. Без борьбы нет жизни и только без жизни не бывает борьбы!

Друзья Перре и Утин дополнят на-днях это коротенькое сообщение.

Отправь, пожалуйста, вложенное письмецо по его назначению. Братский привет Марксу, Энгельсу, Эккариусу, Лесснеру и другим.

Всей душой твой

И. Беккер.

По сведениям из Вены, наши товарищи хлопочут о том, чтобы рабочему движению в Австрии придать интернациональный характер. Я дам им непосредственные связи с Генеральным Советом.

Два письма Маркса об Аллыянсэ.

28-го декабря 1868 г.

Дорогой Юнг!

Едва только Вы уехали, как я получил письмо от Бакунина, в котором он уверяет меня в своей особенной дружбе.

Из его письма я вижу, что он еще раз пространно писал де-Папу, чтобы привлечь его на сторону *Alliance Internationale.* Необходимо поэтому, во избежание дальнейших бед и запоздалых жалоб на отсутствие своевременных постановлений, послать как можно скорее де-Папу копию нашего решения об Аллыянсе. Вы должны ему, конечно, сказать, что мы не желаем опубликовать это решение, чтобы при таком положении дел в Швейцарии не вызвать и тени раскола, и мы ограничимся только тем, что конфиденциально сообщим об этом всем центральным советам различных стран.

Не забудьте во-время пригласить для субботнего заседания Эппльгарта. Было бы хорошо пригласить также Оджера.

Ваш

К. Маркс.

6-го августа 1870 г.

Дорогой Юнг!

Прилагаю «очень четкую» копию обеих резолюций Генерального Совета по поводу Alliance Internationale de la Democratie Socialiste.

Вы должны писать Перре, чтобы он напечатал эти резолюции. Это лучший и вернейший способ ответить «Solidarité».

Вам нет необходимости сказать, что напечатание их последовало по желанию Генерального Совета. Вы имеете *право* на это, потому что в прежних резолюциях Генерального Совета определенно оговорено опубликовать их.

Преданный Вам

К. Маркс.

Письмо Маркса о «Felleisen'е».

17-го января 1871 г.

Дорогой Юнг!

Генеральный Совет принял вчера резолюцию, в силу которой Вы уполномочены написать издателям «Felleisen'а», органа немецких рабочих просветительных союзов в Швейцарии, следующее:

1) Каковы отношения этих союзов и их органа «Felleisen» к Интернациональной рабочей Ассоциации?

2) Они не сделали до сих пор ни одного взноса в кассу Генерального Совета.

3) Их орган «Felleisen» защищает присоединение Эльзас-Лотарингии в явном противоречии с циркуляром Генерального Совета, которого он ни разу не привел на своих столбцах.

4) Если они дальше пойдут по пути неисполнения своих обязанностей (пункт 2-й) и противодействия политике Генерального Совета (пункт 3-й), которая вполне отвечает уставам Интернационала, то Генеральный Совет, пользуясь правом, предоставленным ему на базельском конгрессе, исключит их временно, т.-е. до созыва ближайшего общего конгресса из Интернационала.

С братским приветом

Карл Маркс.

Ответ Беккера по поводу «Felleisen'a».

Женева, 8-го февраля 1871 г.

Интернациональная рабочая
Ассоциация.
Группа немецких секций.

Центральный комитет.

Дорогой друг Юнг!

. . . .

Что касается твоего официального поручения по поводу центрального комитета немецкого просветительного союза, то я могу тебе дать следующия сведения о нашем отношении к этому союзу. Союз только один раз уплатил 60 фр. годового взноса центральному комитету немецкой секции, выразив при этом желание направить годовой взнос прямо в Генеральный Совет без посредничества. Все же другие взносы, которые он сделал, были уплачены за «Vorbote» и другую пропагандистскую литературу.

После эйзенахского конгресса этот союз выступил из нашей секции и вступил в социал-демократическую рабочую партию в Германии, уплатив ее комитету, как мы это частным образом узнали, к концу 1870 года 160 фр., из них 100 были назначены для кассы генерального совета. Мы, значит, не находимся больше ни в каких официальных сношениях с этим союзом, и генеральному совету придется в случае какой-нибудь надобности обращаться к комитету социал-демократической рабочей партии в Лейпциге. «Felleisen» выходит теперь только ежемесячно, и редакция его перешла в руки центрального комитета. Не лучше ли было бы совсем игнорировать их поведение. Я боюсь раздора, который может быть внесен на ближайший конгресс, а там он менее, чем где бы то ни было, желателен. Большинство союза будет ликовать по поводу исключения и только одно меньшинство, оставшееся нам верным, будет недовольно.

Мы теперь здесь в положении французских военнопленных, в осажденном лагере. Пишу второпях.

Братский привет тебе и всем друзьям

И. Беккер.

Перре, Утин и Дюпле кланяются.

Londres, le 9 Mars 1869.

Le Conseil Général de l'Association Internationale des Travailleurs au Bureau Central de l'Alliance Internationale de la Démocratie Socialiste.

Citoyens,

D'après l'article I de nos statuts, l'Association Internationale des Travailleurs admet: „toutes les sociétés ouvrières aspirant au même but, savoir: la Protection, le Progrès; et l'émancipation complète de la classe ouvrière."

Comme les sections de la classe ouvrière dans chaque pays et les classes ouvrières dans les divers pays se trouvent placées dans des circonstances très diverses et sont actuellement arrivées à des divers degrés de développement, il s'en suit nécessairement que leurs opinions théoriques, qui reflètent le mouvement réel, sont aussi divergentes.

Cependant, la communauté d'action établie par l'Association Internationale des Travailleurs, l'échange des idées facilité par les organes publics des différentes sections nationales, et les discussions directes aux Congrès Généraux ne manqueront pas d'engendrer graduellement un programme théorique commun.

Ainsi il tombe en dehors des fonctions du Conseil Général de faire l'examen critique du programme de l'Alliance. Nous n'avons pas à rechercher si, oui ou non, c'est une expression adéquate du mouvement prolétaire. Pour nous il s'agit seulement de savoir s'il ne contient rien ~~pas~~ de contraire à la tendance ~~général~~ générale de notre Association c.-à-d. l'émancipation complète de la classe ouvrière?

Il y a une phrase dans votre programme qui de ce point de vue fait défaut. Elle se trouve art. 2: „Elle (l'Alliance) veut avant tout l'égalisation politique, économique et sociale des classes."

L'égalisation des classes, interprétée littéralement, aboutit à l'harmonie du capital.

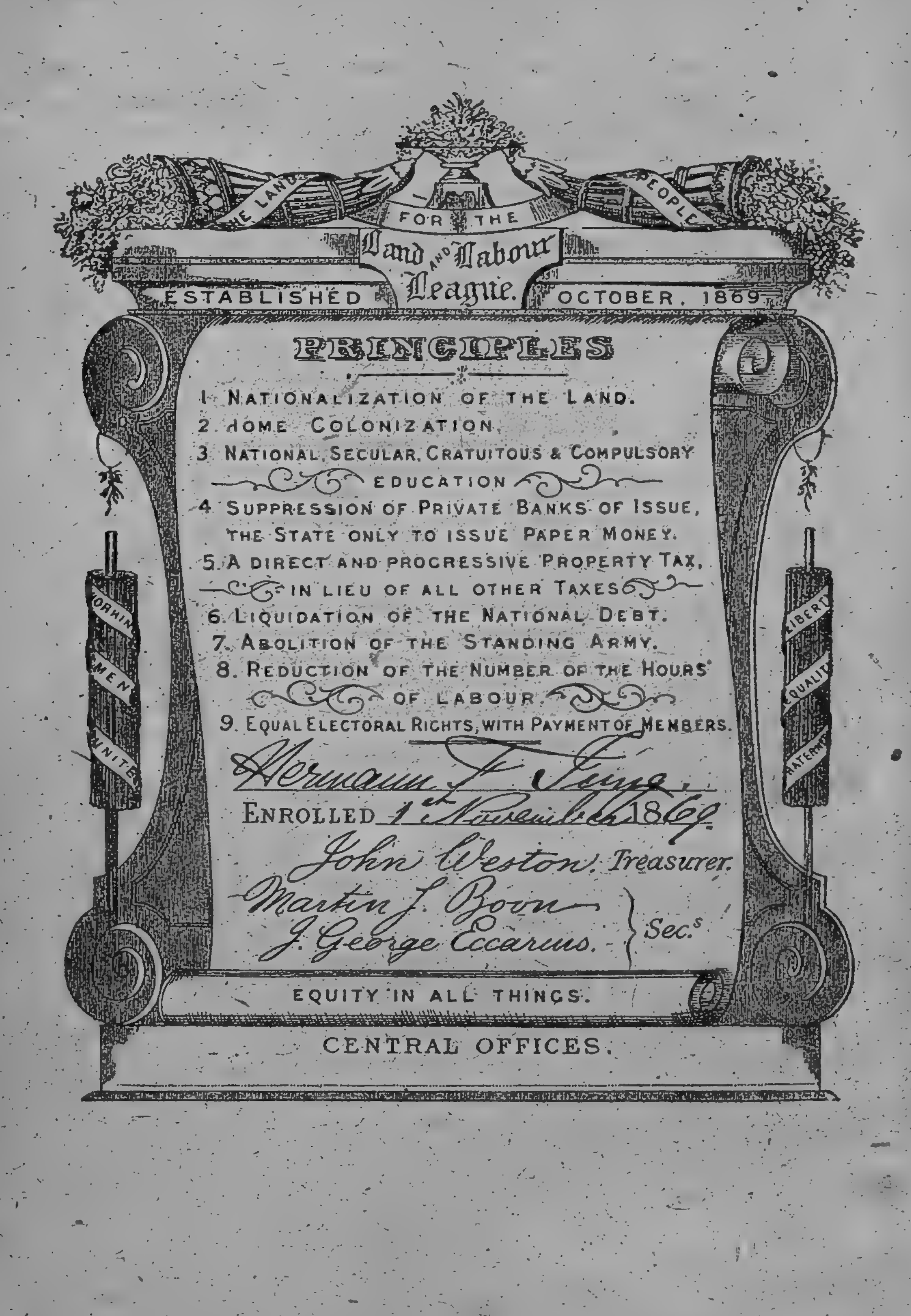
3/ et du travail, si importunément prêchée par les socialistes bourgeois. Ce n'est pas l'égalisation des classes, contresens impossible à réaliser, mais au contraire l'abolition des classes, ce véritable secret du mouvement prolétaire, qui forme le grand but de l'Association Internationale des Travailleurs.

Cependant, considérant le contexte dans lequel cette phrase, égalisation des classes, se trouve, il semble y être glissée comme simple erreur de plume, et le Conseil Général ne doute pas que vous voudrez bien éliminer de votre programme une phrase prêtant à des malentendus si dangereux.

À la réserve de cas où la tendance générale de l'Association Internationale des Travailleurs serait froissée, il correspond à ses principes de laisser chaque section formuler librement son programme théorique. Il n'existe donc pas d'obstacle pour la conversion des sections de l'Alliance en sections de l'Association Internationale des Travailleurs.

Si la dissolution de l'Alliance et l'entrée de ses sections dans l'Assoc. Internation. des Travailleurs étaient définitivement décidées, il deviendrait nécessaire, d'après nos règlements, d'informer le Conseil Général sur la résidence et la force numérique de chaque nouvelle section.

Par ordre du Conseil Général de
l'Association Internationale des
Travailleurs

THE LAND FOR THE PEOPLE

Land and Labour League.

ESTABLISHED OCTOBER, 1869.

PRINCIPLES

1. Nationalization of the Land.
2. Home Colonization.
3. National, Secular, Gratuitous & Compulsory Education.
4. Suppression of Private Banks of Issue, the State only to issue Paper Money.
5. A direct and progressive Property Tax, in lieu of all other Taxes.
6. Liquidation of the National Debt.
7. Abolition of the Standing Army.
8. Reduction of the Number of the Hours of Labour.
9. Equal Electoral Rights, with Payment of Members.

Hermann F. Jung.

Enrolled 1st November 1869

John Weston. Treasurer.

Martin J. Boon
J. George Eccarius. } Secs.

EQUITY IN ALL THINGS.

CENTRAL OFFICES.

THE

REFORM LEAGUE.

"Every Man who is not presumably incapacitated by some consideration of personal unfitness or of political danger is morally entitled to come within the pale of the Constitution."—Rt. Hon. W. E. Gladstone

No. 58.

THIS IS TO CERTIFY

That H. Jung

Is enrolled a MEMBER of the REFORM LEAGUE.

Edmond Beales. Esq. President.

.... Treasurer.

Geo Howell Secretary.

